

СОЧИНЕНИЯ ИММОКЕМТІЯ АРХІЕПІСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

ТОМЪ VIII.

СЛОВА ПО СЛУЧАЮ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ВѢДСТВІЙ.—БЕСѢДЫ О ПРИРОДѢ.—
АКАФІСТИ.

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1874.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется.
Октября 20 дня 1873 года.

Цензоръ Архимандритъ Геласій.

ОГЛАВЛЕНИЕ VIII ТОМА.

СЛОВА ПО СЛУЧАЮ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БЪДСТВІЙ.

	стр.
Слово по прочтеніи Высочайшаго манифеста 14 марта 1848 г.	3
Рѣчъ по прочтеніи Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Турциею	8
Слово при появлениі предъ Одессою флотовъ непріятельскихъ	12
Слово во время облѣжанія Одессы флотомъ непріятельскимъ.	16
Слово во время бомбард. Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французскими	20
Слово послѣ бомбардированія г. Одессы соединеннымъ флотомъ непріятельскимъ.	23
Слово послѣ бомбардированія гавани Одесской пароходомъ непріятельскимъ	26
Слово по случаю удаленія отъ Одессы англо-французскаго флота, предъ благодарственнымъ молебствіемъ	30
Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ, по случаю взятія въ пленъ и сожженія ставшаго на мель парохода-фрегата „Тигръ.“	36
Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ, по случаю пожалованія всемилостивѣйшей грамоты г. Одесскѣ за сохраненіе спокойствія порядка и благочинія во время бомбардированія ея флотомъ непріятельскимъ	39
Рѣчъ при освященіи прибрежныхъ баттарей	42
Слово при совершенніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ крымскій иноплеменниковъ.	44
Слово по случаю нашествія на полуостровъ крымскій иноплеменниковъ.	49
Слово по прочтеніи Высочайшаго манифеста о государственномъ вооруженіи	54
Слово при полученіи вѣсти, во время браны, о кончинѣ государя императора Николая Павловича	61
Слово по полученіи вѣсти, во время браны, о кончинѣ государя императора Николая Павловича.	65
Рѣчъ при возложеніи новой золотой ризы на св. икону богоматери Касперовской	69
Рѣчъ въ память бомбардированія Одессы.	73
Рѣчъ при освященіи новыхъ баттарей Одесскихъ.	76

Слово по случаю унынія и смущенія народныхъ мыслей	80
Слово послѣ молебствія.	89
Слово послѣ покаяннаго молебствія	93
Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ	97
Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ	99
Слово во время облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ	104
Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ	107
Слово по случаю удаленія отъ Одессы флотомъ непріятельскихъ	110
Слово предъ совершеніемъ покаяннаго молебствія	113
Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ	116
Слово на заключеніе мира съ западными державами и съ Турциею.	119
Рѣч по прочтѣніи Высочайшей благодарственной грамоты	127
Слово о томъ, отъ чего зависить успѣхъ въ бранї и побѣда, или пораженіе	130
Слово послѣ побѣды.	132
Слово послѣ побѣды.	133
Слово въ первое служеніе послѣ сраженія	134
Слово по удаленіи непріятелей изъ Крыма	136
Слово по случаю землетрясенія	138
Слово предъ молебствіемъ, по случаю чрезвычайной засухи и пожаровъ земныхъ, мрака и дыма въ воздухѣ	144
Слово предъ покаяннымъ молебствіемъ	150

БЕСѢДЫ О ПРИРОДѢ.

Слово вступительное	157
Слово о веснѣ первое	160
Слово о веснѣ второе	167
Слово о веснѣ третье	174
Слово о лѣтѣ первое	180
Слово о лѣтѣ второе	182
Слово о зимѣ	187

АКАФИСТЫ:

Пресвятѣй и Животворящей Троицѣ.	199
Божественнымъ страстемъ Христовыемъ	222
Живоносному гробу и воскресенію Господню	242
Покрову пресвятыхъ Богородицы	260
Святому Архангелу Михаилу.	278
Къ причащенію Святыхъ Таинъ.	295

СЛОВА

ПО СЛУЧАЮ

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БѢДСТВІЙ.

СЛОВО

ПРОЧТЕНИЕ ВЫСОЧАЙШЕГО ДИПЛОМА,

ВОСПОСЛЕДОВАВШАГО ВЪ 14 ДЕНЬ МАРТА 1848 ГОДА.

Вы слышали гласъ возлюбленнаго Монарха нашего. Не безъ причины раздается онъ по всѣмъ краямъ отечества. Среди всеобщаго мира и тишины, духъ злобы внезапно воздвигъ бурю, которая свирѣпостю своею превосходитъ все, отъ чего страдали когда либо царства и народы. На всемъ пространствѣ Запада уже нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, который бы не испыталъ надъ собою ужаснаго превращенія порядка общественнаго.—Вездѣ слезы, кровь и пламень! Одна, Богомъ воз величенная и Богомъ хранимая Россія, яко гора Сіонъ, стоитъ непоколебима среди всемірныхъ треволненій.

Но возможно ли, чтобы враги и завистники Россіи не устремляли на нее алчныхъ взоровъ своихъ? Чтобы злоба и лукавство ихъ не употребили всѣхъ силъ и средствъ для ослабленія того исполина, который за тридесять лѣтъ предъ симъ одинъ сокрушилъ соединенные противъ него силы двадцати языковъ, и теперь одинъ же остается на великой стражѣ всемірного порядка и правды?

Возлюбленный Монархъ нашъ провидитъ все сие; и яко царь великодушный, не скрываетъ печальныхъ событий и будущихъ опасностей, а провозглашаетъ о нихъ въ слухъ всѣхъ; яко царь мудрый, заранѣе уготавляетъ средства къ огражденію отечества отъ бурь и язвъ иноземныхъ; яко царь чадолюбивый, не медля раздѣляетъ чувства души своей съ сынами, ему любезными;

яко царь благочестивѣйшій, и самъ возлагаетъ и всѣхъ распологаетъ возложить упованіе свое на Того, въ десницѣ Коего судьбы царствъ и народовъ.

Что убо речемъ въ отвѣтъ на любвеобильное ко всѣмъ намъ слово царево?

Первѣе всего возблагодаримъ Монарха нашего за то, что онъ, среди обошедшихъ царства и народы злоключеній, возлагаетъ упованіе свое не на могущество земное, какъ имъ ни ущедрена свыше Россія, а на Бога всемогущаго и всеблагаго. Великъ Богъ Русскій! Тверда и непоколебима вѣра православная! Какихъ бѣдъ и ударовъ не перенесло возлюбленное отечество наше? И изъ всѣхъ ихъ вышло свѣтлѣе и могущественнѣе прежняго,— вышло таковымъ потому, что никогда не теряло упованія на милость Божію, выну спасающую правыя сердцемъ. Не оставить Господь насть и впредь всемогущимъ покровомъ своимъ, доколѣ мы пребудемъ вѣрны заповѣдямъ Его и уставамъ св. Церкви.

Возблагодаримъ Монарха нашего за то истинно — отеческое довѣріе, которое онъ постоянно являетъ къ сынамъ любезной и вѣрной ему Россіи. Чисты и правы сердца русскія! Неизмѣнна вѣрность ихъ помазанникамъ Божіимъ! Нераздѣльны въ душѣ ихъ высота Престола и благо отечества! Святой союзъ сей скрѣпленъ навсегда не вчера и третьяго дня, а цѣлыми вѣками, неизмѣримымъ рядомъ совокупныхъ подвиговъ и славы. Чего искать сынамъ Россіи? Единаго царствія Божія и блаженства вѣчнаго;—ибо все прочее земное давно приложилось ей само собою.

Возблагодаримъ Монарха нашего за тотъ духъ мужественного миролюбія, коимъ дышеть каждое слово его, къ намъ обращенное. Шадя кровь русскую, не мнить онъ вступать вооруженною рукою въ распри и междоусобія Запада: пусть пьютъ до конца чашу, растворенную гордостію и безуміемъ, да научатся печальными опытомъ не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать. Но, яко глава могущественного народа, Монархъ нашъ не могъ не возвысить въ слухъ всего свѣта державного гласа своего о неприкословенности всего, подвластнаго скіптуру всероссійскому. Чего страшиться Россіи? — Поля Тарутинъ и Бородина, стѣны Москвы и Смоленска, брега Днѣпра и Березины внятно гласятъ и друзьямъ и врагамъ нашимъ, что въ Россію можно прийти въ тысячахъ и тьмахъ, но выходятъ изъ нея, и то путемъ постыднаго бѣгства, токмо сотнями и десятками.

Исполняясь симъ чувствомъ благодарности къ Монарху нашему, не умдлимъ, братіе, отзваться на гласъ его и самыиъ дѣломъ. Какъ и въ чемъ отзваться?

Во-первыхъ, усугубленiemъ молитвъ нашихъ о немъ, да по-дастъ ему Господъ премудрость и силу, премудрость—въ прораз-умѣніи злочитыхъ козней вражіихъ, силу—къ отраженію всѣхъ стрѣль ихъ противъ насъ, видимыхъ и невидимыхъ. Если когда, то во времена, подобныя настоящимъ, какъ можно чаще должна быть повторяема молитва Церкви: *спаси Господи люди твоя, и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрно.лу Императору нашему на сопротивныя даруй!* Учите пѣть сию молитву самыхъ малыхъ дѣтей нашихъ, да научатся отъ колыбели благоговѣть предъ Царемъ небеснымъ и любить царя земнаго.

Докажемъ, во-вторыхъ, благодарность Монарху нашему пре-искреннѣйшимъ выполненiemъ всѣхъ мудрыхъ и благотворныхъ велѣній Его. Долгъ сыновняго послушанія власти предерѣжащей всегда есть долгъ самый священный; но, когда буйство и свое-воліе потрясаютъ цѣлый царства, въ любви и сыновнемъ послу-шаніи Монарху заключено спасеніе всѣхъ и каждого.

Докажемъ, наконецъ, благодарность нашу Монарху загражде-ниемъ слуха и сердца нашего отъ всѣхъ обаяній лжеименной мудрости иноземной. Новые враги наши если могутъ быть чѣмъ вредны для насъ, то не числомъ ихъ и оружіемъ, а тлетвор-нымъ духомъ своимъ. Это люди, зараженные язвою крамолы, съ коими самое отдаленное сношеніе не безъ опасности. Подо-баясь духамъ искуителямъ, они обыкновенно представляются не врагами, а друзьями всѣхъ и каждого. Слова ихъ, какъ выражается св. Давидъ, *умякнуша паче елея, и та суть стрѣлы;* изъ усть течетъ медъ и млечо, а подъ языкомъ ихъ—язва, въ сердцѣ ихъ—пагуба. Посему прилежно заграждайте, братіе мои, слухъ отъ всего, что отзывается духомъ мудрованій иноземныхъ. Что принесли они родителямъ своимъ, Гал-ламъ несчастнымъ? Шестьдесятъ лѣтъ народныхъ треволненій, неизсякаемыхъ слезъ и крови въ прошедшемъ, и, конечно, не менѣе принесутъ въ будущемъ. Чѣмъ сопровождаются сиу лже-мудрованія у тѣхъ легкомысленныхъ народовъ, кои попустили соблазнить себя пагубному примѣру Галловъ? Внезапнымъ изчез-новенiemъ безопасности общественной и частной, взаимнымъ недовѣріемъ и распрыами, ниспрроверженіемъ того, что созида-лось вѣкамъ и отъ чего зависѣло благоденствіе всѣхъ. Этому ли завидовать? Имѣло нѣкогда и наше отечество времена беззнача-

лія и междоусобій, и едва не погибло отъ нихъ на вѣки. Въ два года безнечаліе произвело болѣе зла, нежели самая свирѣпость Монголовъ въ два вѣка. Ожесточеннымъ завистникамъ Россіи, очевидно, всего нужнѣе возбудить какъ либо въ сынахъ ея чувство недовольства своимъ; но кто можетъ быть такъ безуменъ, чтобы промѣнять свое на чуждое? Посему-то, если прежде чувство христіанской скромности не позволяло намъ выставлять нашихъ преимуществъ; то, при настоящихъ обстоятельствахъ, долгъ любви къ отечеству требуетъ чаще вспоминать о нихъ и провозгласить въ слухъ всѣхъ.

У какого народа свѣтъ вѣры православной сіяеть такъ не-заходимо и въ такой чистотѣ и силѣ, что надобно токмо не сме-жать очей, чтобы постоянно видѣть предъ собою путь къ цар-ствію небесному? Въ какой другой странѣ престолъ царскій такъ величественъ и, при всемъ величіи его, такъ близокъ и до-ступенъ народу, такъ благотворенъ для всѣхъ и каждого, такъ украшенъ правдою и милосердіемъ? Гдѣ оказывается столькоуваженія къ нравамъ и преданіямъ предковъ, столько вниманія къ нуждамъ и потребностямъ общественнымъ, столько призрѣнія къ бѣдности и сиротству?—Гдѣ, наконецъ, какъ не въ бого-хранимомъ отечествѣ нашемъ каждый, и великій и малый, мо-жетъ въ мирѣ возлежать подъ смоковницею своею, не опаса-ясь ни за жизнь, ни за честь, ни за собственность свою? Не напрасно самые завистники Россіи говорятъ, что въ ней для бла-га общественного совершаются годами то, что у другихъ народовъ происходит только вѣками. Не напрасно цѣлые сонмы сыновъ иноzemныхъ ищутъ, какъ великой милости, войти въ составъ нашихъ градовъ и весей. И теперь, если бы открыть путь имъ, то многіе, безъ сомнѣнія, готовы были бы приметѣть на кры-лахъ, дабы токмо спастись отъ окружающаго ихъ мятежа и всегубительства.

По чувству народнаго достоинства, не можемъ не присовоку-пить къ сему и то, что величие и сила Россіи, когда ни явля-лись за предѣлами Россіи, всегда являлись не къ угнете-нію, а ко благу народовъ. Не Россія ли усмирила могу-щество Оттомановъ, приводившихъ не одинъ вѣкъ въ тре-петь всю Европу? Не Россія ли расторгла узы неволи, кои на-лагалъ на нее грозный мечъ Карла и Наполеона?—Не Россія ли, еще въ недавнія времена, побѣдоносно содѣйствовала къ возста-нию изъ гроба единовѣрной Греціи? Не Россія ли неусыпно сто-яла доселѣ на стражѣ всемірного порядка и спокойствія, жерт-

вую для сего многими собственными выгодами? Не Россія ли, если дастъ Господь, послужить и въ будущемъ къ обузданію адскаго духа безначалія, отъ коего мятутся теперь царства и народы?

И кому, послѣ благословеній и милости къ намъ Царя небеснаго, должно приписать величіе и силу самой Россіи, какъ не мудрости и неусыпному попеченію о благѣ ея благочестивѣйшихъ Монарховъ нашихъ? Всегда и твердо вѣровало православное отечество наше, что они восходятъ на престолъ не по волѣ человѣческой, а по особенному о нихъ Промыслу Божію, и вотъ, вслѣдствіе сея вѣры и въ подтвержденіе ея предъ всѣмъ свѣтомъ, Промыслъ Божій никогда не преставалъ воздвигать въ ней такихъ вѣнценосцевъ, коихъ одно имя есть уже порука за все великое и благое. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, въ цѣлой исторіи всемірной, лице, превышающее Петра Великаго? Какая изъ женъ царственныхъ станетъ наравнѣ съ Екатериною Второю? Какой Монархъ былъ вмѣстѣ и величественнѣе и смиренномудрѣе Александра?

Послѣ сего, что остается каждому сыну Россіи, какъ токмо благодарить Бога за то, что онъ—русскій? Благодарить и пользоваться въ тишинѣ преимуществами своего состоянія, пользоваться и содѣйствовать всѣми возлюбленному Монарху къ огражденію отечества отъ бурь иноземныхъ.

Нѣтъ, сыны Запада, не устрашить вамъ насть силою своею, не прельстить темнымъ учениемъ своимъ. Есть у насъ, кого слушать, кого любить и за кого, если нужно, умереть намъ. Вѣрьте слѣпо въ бѣдный разумъ и близорукую мудрость человѣческую; а мы никогда не престанемъ вѣровать разумно во всеуправляющій Промыслъ Божій. Не знаемъ, кто съ вами, а съ нами—Богъ великий и премудрый. Разумѣйте убо языцы и не возмущайтесь тщетно противу насъ, яко съ нами Богъ! — Аминь.

РѢЧЬ

||| ПРОЧЕШИ ВЫСОЧАЙШАГО МАНIFESTA О ВОЙНѣ СЪ ТУРЦІЮ.

такъ, облака, цѣльые полгода носившіяся по небосклону, и то приближавшіяся къ намъ, то удалявшіяся, то, по видимому, вовсе изчезавшія, скопились наконецъ въ тучу, уже никѣмъ не отвратимую, которая должна разрѣшиться не другимъ чѣмъ, какъ дождемъ кровавымъ, съ молниєю и громомъ разрушительнымъ. Держава, отъ коеи вовсе нельзя было ожидать нападеній, по самой ея слабости, тѣмъ паче по нашимъ услугамъ ей,—которая, образуя изъ себя дикий и безобразный наростъ въ благоустроеннымъ составѣ тѣла государствъ Европейскихъ, и потому самому давно и неизбѣжно обречена уничтоженію,—держава, которая, нося внутрь себя зародышъ смерти, не умѣла удержаться въ силѣ, когда была могущественна, и теперь вздумала воспріять древнюю самостоятельность и могущество, когда нѣтъ для неї другаго спасенія, кромѣ великодушія сосѣдей,—держава, столько разъ заключавшая съ нами миръ, и всегда вѣчный, но ни разу не сохранившая условій мира даже до кончины тѣхъ, кои подписывали оныя,—эта держава, вопреки всѣхъ ожиданій, снова и нагло вызвала насъ на брань, и какъ бы недовѣряя еще безумному вызову, поспѣшила сдѣлать вдругъ нѣсколько отчаянныхъ нападеній!

Вѣрющимъ въ слѣпую судьбу рока свойственна подобная опрометчивость: но, когда вспомнимъ, что мы еще такъ недавно два раза спасли сю державу отъ явной погибели, то не знаемъ: чему ливиться болѣе—черной ли неблагодарности, или безумно-му дерзновенію?

Что мы сдѣлали Турци?—Требовали только самаго справедливаго и необходимаго. Требовали, чтобы храмамъ православнымъ и ихъ служителямъ была дарована хотя та свобода и не прикосновенность, которою издавна пользуются въ предѣлахъ нашихъ всѣ мечети; требовали, чтобы святыя мѣста іерусалимскія, куда ежегодно текутъ тысячи набожнаго народа русскаго, не переходили изъ рукъ въ руки, какъ нѣкія мѣста купли и продажи, и не восхищаемы были, по произволу страстей и прихотей, изъ подъ надзора ихъ естественныхъ хранителей; требовали, чтобы вѣра православная не составляла упрека для исповѣдующихъ ону въ глазахъ самаго послѣдняго мусульманина; требовали, чтобы въ случаѣ нужды, мы могли представительствовать о страданіяхъ братій нашихъ по вѣрѣ, съ правомъ указывать на ихъ раны и оковы. Сего самаго требовали польза и покой державы Оттоманской, въ коей на три или четыре мусульмана считается по десяти православныхъ.

И кто же бы на нашемъ мѣстѣ не потребовалъ этого?

И кто же бы на мѣстѣ Турци отказалъ намъ въ этомъ?

Но намъ отказано, гордо отказано!.... Подъ какимъ предлогомъ?—Яко бы мы покушаемся на независимость Властителя мусульманъ.... Мы, кои такъ усердно предъ лицемъ всего свѣта спасали эту независимость, мы, для коихъ она такъ же нужна, какъ и для самыхъ мусульманъ, мы, кои столько разъ и столько приносили жертвъ, спасая независимость разныхъ народовъ!

Въ справедливомъ негодованіи на незаслуженное недовѣріе, мы имѣли все право и всю возможность наступить на друга, оказавшагося врагомъ, со всею силою, тогда-какъ онъ былъ во все беззащитенъ; могли рѣшить дѣло прежде, нежели онъ собрался бы съ мыслями, что и о чёмъ говорить. Но мы, глубоко оскорбленные, не поступили такимъ образомъ. Для вразумленія показали отчасти, что мы въ состояніи сдѣлать, но ни шагу не сдѣлали далѣе, ожидая раскаянія, дая время образумиться.

Мало ли длилось это время, коего каждый день для насъ былъ невознаградимъ, а для недруга нашего крайне выгоденъ? Ибо представляль ему все удобство собрать свои силы, укрѣпить свои границы, возстановить противъ насъ вездѣ и все, намъ почему либо не благопріятствующее. Мы все видѣли это, и продолжали свое долготерпѣніе.

Когда явились незванные посредники, видимо наклонные не въ нашу пользу, у насъ ставало силы и права сказать имъ: не

мѣшайте правому дѣлу, или выходите сами на дѣло неправое, но мы—не сказали этого. Тотчасъ согласились даже на то, что было придумано не нами, а ими, придумано не для нась, а для спасенія нашего недруга, для удовлетворенія его самолюбія и гордости. Что же? Принятое нами нагло отвергнуто ими!.....

И послѣ сего неразумнаго упорства противъ всеобщаго приговора, мы все еще не думали возжигать пламень войны, готовы были итти снова длиннымъ и извилистымъ путемъ мирныхъ сношеній и разсужденій, какъ путь сей ни былъ безполезенъ для нась и выгоденъ для нашего недруга.

И вотъ этотъ путь къ миру нагло пресѣченъ кичливостю врага и открылось огнедышущее жерло браны!—Все это сдѣлала Порта Оттоманская.

Да почіють въ мирѣ души тѣхъ изъ братій нашихъ, кои сдѣмались жертвою нашего великодушія и безумной дерзости врага кичливаго!

Отнынѣ дѣло наше, или вѣрнѣе сказать, дѣло всего христіанства, въ рукахъ уже не человѣческихъ, а Божіихъ. Россія пріемлетъ бранный вызовъ, сдѣланный не словомъ, а огнемъ и мечемъ. Будущее въ рукахъ Божіихъ! Но и мы знаемъ, что миллионы единовѣрныхъ братій нашихъ ждутъ, какъ празднества, нашего пришествія къ нимъ, что самые враги наши ожидаютъ сего, какъ исполненія давнопровѣщеннаго предопредѣленія судьбъ высшихъ, что самые недоброжелатели наши не усомнятся перемѣнить свое мнѣніе о требованіяхъ и успѣхахъ нашихъ, когда увидятъ, что правое дѣло, дѣло не личныхъ видовъ и разсчетовъ, а безкорыстной ревности по жалкѣ судьбъ на Востокѣ христіанства и человѣчества, восторжествовало въ лицѣ нашемъ.

Итакъ, гряди съ Богомъ браны и побѣдъ православное воинство россійское. Докажи врагамъ наши мъ, что ты тоже самое, которое было при Кагулѣ, Измаилѣ и Кулевчѣ, или паче покажи имъ, что являешься теперь за Дунаемъ уже съ береговъ не Днѣпра и Днѣстра, а съ береговъ Вислы и Псела, приведши въ разумъ тѣ народы, съ коими долго еще не сравняться полуздиковъ поклонникамъ алкорана.

Намъ, мирнымъ жителямъ градовъ и весей, намъ, братіе, при наступающихъ грозныхъ обстоятельствахъ, остается соудѣствовать православнымъ воинамъ нашимъ, въ первый разъ, одною молитвою.

Но не будемъ думать, что это оружіе бессильно. Нѣтъ, ког-

да молитва растворена живою вѣрою, тогда она сильнѣе всякаго оружія вещественнаго. Припомните, что, говорить св. Павель о всѣхъ герояхъ завѣта ветхаго. *Вѣрою*, говоритъ онъ, *побѣдшиа царствія*. Хотя у нихъ не было нынѣшихъ средствъ, кои съ продолженіемъ вѣковъ придуманы на истребленіе человѣчества, но было не одно изъ подобныхъ средствъ; и однако же онъ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ нихъ, о самомъ мужествѣ сражавшихся, а указываетъ только на вѣру: *вѣрою побѣдшиа царствія*. Почему не указываетъ на другія средства? Потому, безъ сомнѣнія, что всѣ они безъ вѣры остаются не действительными, между тѣмъ какъ сама вѣра одна могла замѣнить и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ всѣ!..

Воодушевившись таковою вѣрою, помолимся, братіе, ко Господу разумовъ, чтобы Онъ ниспослалъ духа премудрости благочестивѣшему Самодержцу нашему; да съ высоты престола своего, не смотря на разстояніе мѣстъ, возможетъ проразумѣть всѣ козни врага, всѣ извѣтія дракона, уже давно со всѣхъ сторонъ изъявленнаго, но все еще ядовитаго!

Помолимся Господу силь, да изліетъ на православное воинство наше духъ крѣпости, во еже не смущатися ему ни отъ числа и отчаянной дерзости враговъ, ни отъ премѣны и суровости стихій, ни отъ разныхъ нуждъ и лишеній, ни отъ слабостей собственной природы человѣческой!

Помолимся ко Господу милосердія, да подастъ единовѣрнымъ собратіямъ нашимъ, живущимъ въ предѣлахъ вражіихъ, духа вѣры, терпѣнія и благоразумія для перенесенія новой тягостной годины испытанія, ихъ обышедшаго, и да скорѣе изведетъ ихъ изъ пещи скорбей и рабства, въ коей они, какъ Израильяне въ Египтѣ, томятся уже болѣе четырехъ сотъ лѣтъ!

Помолимся наконецъ ко Господу и Владыкѣ царствъ и народовъ, да брань наступающа будетъ бранью со врагомъ послѣднею, за коею имѣеть наступить миръ не по имени токмо, а на самомъ дѣлѣ вѣчный, коего уже некому бы было нарушить.

На тя, Господи, уповаемъ, да не постыдимся во вѣки!
Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОДГРУЗКЕ ПРЕДЪ ОДЕССКОМЪ ФЛОТОМЪ КОМПАНИИ*)

 тъ такой великий и святый день, какъ нынѣшній, и вездѣ, тѣмъ паче во храмѣ, не хотѣлось бы думать о чёмъ либо другомъ, какъ о возлюбленномъ Спасителѣ и Господѣ нашемъ, Который, нашего ради спасенія, грядетъ на страсть вольную.... Но, видно, такъ угодно было Его же святой волѣ, чтобы мы, и въ этотъ день и въ семъ священномъ мѣстѣ, подумали нынѣ и побесѣдовали не столько о томъ, что было нѣкогда съ Нимъ, сколько о томъ, что происходитъ теперь съ нами.

Что-же съ нами? Не что либо совершенно новое и неожиданное, и однажды всего менѣе желанное и пріятное: враги наши, столько времени угрожавши намъ своимъ нашествіемъ, наконецъ предъ нами, на водахъ нашихъ!...

Въ такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, кои не постигали града нашего со времени его основанія, легко прийти въ смущеніе и не малодушному... И вотъ, какъ бы прямо къ обадренію и утѣшенію нашему, мы въ нынѣшній же вечеръ услышимъ изъ устъ самаго Спасителя нашего слѣдующія утѣшительныя слова: *да не слущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Дерзайте, яко Азъ побѣдихъ ліфъ* (Іоан. 14, 1. 16, 33)! Возлюбленнымъ ученикамъ Христовымъ, во время страданій Его, предстояли опасности и искушения гораздо большія,

*) Произнесенное 8 апрѣля 1854 года въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, въ Великій Четвертокъ.

чѣмъ предстоитъ теперь намъ; и однакоже божественный Наставникъ не позволяетъ имъ предаваться страху и унынію: да не слущаєтсѧ сердце ваше; и въ тоже время указуетъ имъ на самое вѣрное и дѣйствительное средство къ благодушію: *вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте!* То есть, какъ бы такъ говорилъ Господь: имѣйте токмо вѣру живую и упованіе твердое на Меня и Отца моего; и никакое зло не прикоснется къ вамъ, и буря пройдетъ мимо васъ безвредно. Поелику же сей всемогущій Спаситель есть единъ *вчера и днесъ и тойже во вѣки* (Евр. 13, 8), поелику Онъ всегда и вездѣ можетъ, какъ свидѣтельствуєтъ св. Павель, спасти всѣхъ *приходящихъ чрезъ Него къ Богу, живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ* (Евр. 7, 25): то мы, въ духѣ вѣры и упованія, не усумнимся обратить нынѣ утѣшительныя слова Его ко всему граду нашему и сказать: не смущайся и ты, возлюбленный градъ, отъ лица враговъ твоихъ, кои страшны болѣе именемъ своимъ и нашимъ воображеніемъ о нихъ, нежели дѣйствительною возможностію вредить намъ! Не смущайся, а вѣруй твердо въ Бога и во Спасителя твоего, вѣруй и покажи вѣру твою отъ чувствъ и дѣлъ твоихъ! Тогда страхъ и смущеніе сами собою удалятся отъ тебя; ибо сила Всевышняго открывается въ тебѣ, и помощь Господня узрится на тебѣ. Отецъ всемогущій не оставитъ и нынѣ возлюбленного Сына, какъ не оставилъ Его на Голгоѳѣ: а любвеобильный Сынъ не оставитъ насть, кои вѣрюемъ во имя Его и готовы теперь терпѣть отъ враговъ не ради нашихъ выгодъ или пріобрѣтеній, а единственно во славу животворящаго креста Его.

Въ самомъ дѣлѣ, за что воздвигаютъ на насть брань эти гордыя пришлецы? Мы не трогали и не думали трогать ни ихъ чести, ни ихъ собственности; мы желали токмо защитить честь вѣры христіанской, обезопасить жизнь и собственность собратій нашихъ по вѣрѣ отъ безумія и гордости мусульманской. Это ли наша неправда? За сіе ли возставать на насть съ такою злобою? Ахъ, еслибы у враговъ нашихъ не угасла живая вѣра въ Спасителя и не оскудѣла христіанская любовь къ ближнимъ; то, вмѣсто нападенія на насть, они сами, подобно намъ, должны бы давно стать противъ притѣснителей христіанства на Востокѣ и положить конецъ ихъ кровожадной сеирѣпости. Сего самого и ожидали отъ нихъ всѣ истинные послѣдователи вѣры христіанской; сего именно надѣялись всѣ искренніе друзья человѣчества; для сего-то и съ нашей стороны истощено столько терпѣнія, принесено столько жертвъ: не наша вина, если мы остались на-

конецъ одни подъ знаменемъ креста, у подножія гроба Господня!..

Посему-то, смотрите, и къ утѣшенію своему примѣтьте, какъ Господь видимо начинаетъ принимать дѣло наше подъ свое особенное, всемогущее покровительство! Ибо когда открываются предстоящія намъ теперь искушенія? открываются вмѣстѣ съ началомъ страданій Христовыхъ: такимъ образомъ мы будемъ проходить ихъ, такъ сказать, подъ сѣнью креста Христова. Не утѣшеніе ли это для всякаго, кто вѣруетъ въ Господа Іисуса и любить крестъ Его?—Самый день нынѣшній, въ который явились противу насъ враги, служить уже для насъ знаменіемъ во благо. Ибо, какъ именуется онъ издревле отъ всѣхъ православныхъ чадъ Церкви?—днемъ чистымъ. И вотъ въ сей-то самый день, какъ въ знакъ и выраженіе чистоты и правости нашего дѣла, а слѣдовательно и въ побужденіе насъ къ вѣрѣ и благодушію, попущено свыше открыться нападенію на насъ!...

Но, братіе мои, да не послужить сіе для насъ въ пищу гордости духовной и суетной праведности фарисейской, толико противной Тому, Кто сказалъ о Себѣ, что Онъ *къ рѣтенію и спиренію сердцемъ* (Мат. II, 29).—Если обѣ Апостолахъ Христовыхъ речено: *чисти есте, но не вси* (Іоан. I3, 10); если и Первоверховный изъ Апостоловъ имѣлъ нужду въ омовеніи ногъ, дабы содѣлаться совершенно чистымъ: то тѣмъ паче намъ не возможно сказать, что мы чисты есмы вси, и чтобы кто либо изъ насъ не имѣлъ уже никакой нужды въ очищеніи себя отъ страстей и грѣховъ. *Аще речель,* пишетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *яко грѣха не имамы, себе прельщаляемъ и истины нѣсть въ насъ* (Іоан. I, 8). Но грѣхи и страсти самое неблагоупрѣшное напутіе для тѣхъ, коимъ угрожаетъ нападеніе отъ враговъ; ибо ими привлекается гнѣвъ Божій. Посему не будьте праздными зрителями того священнаго обряда, который сейчасъ будетъ совершаться предъ вами: когда мы будемъ, по чину св. Церкви, омывать нозѣ сослужителямъ нашимъ, вы омывайте въ это время души и сердца ваши.

Для сего помысли, возлюбленный, о грѣхахъ твоихъ и о томъ, какъ прогнѣвана ими благость Божія, какъ осквернено ими собственное твоє существо, какъ гнѣвъ Божій будетъ за сіе поражать тебя на судѣ всемирномъ, а можетъ быть, еще и въ сей жизни,—помысли, говорю, о всемъ этомъ; и если Господь подастъ тебѣ при семъ слезы умиленія сердечнаго, то омывайся сими драгоценными слезами, какъ можно болѣе. Въ сей купѣ-

ли погружалась нѣкогда блудница, омывавшая ноги Спасителя своего слезами, — и вышла изъ нея чистою и спасенною. Тоже будетъ и съ тобою! У кого не достанетъ слезъ, а есть блага вѣка сего—стяжанія и богатства, тотъ спѣши омыть жизнь и душу свою водами милосердія. Потокъ милостыни цѣлебенъ и силенъ къ омовенію самыхъ черныхъ пятенъ совѣсти, какъ показываютъ многіе примѣры въ словѣ Божіемъ. Прекрасно такъ-же действуетъ къ очищенію грѣховъ нашихъ отложеніе ненависти и прощеніе обидъ близкимъ нашимъ; ибо самъ Спаситель сказалъ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпустить вамъ согрѣшенія ваши* (Мат. 6, 14).

Есть и другія средства къ очищенію себя отъ грѣховъ и къ принятію благодати Божіей, только бы мы захотѣли искренно разстаться съ тѣми нечистыми и богопротивными кумирами, коимъ доселѣ покланялись безумно.

И на что лучше употребить слѣдующіе святые дни, какъ не на сie великое дѣло спасенія душъ нашихъ? Особенно когда съ этимъ дѣломъ соединилась теперь и внѣшняя наша безопасность отъ враговъ? Ибо все въ десницѣ Божіей, и все безпрекословно покорствуетъ Его пресвятой волѣ. Восходитъ, — и самое море возмутится противу враговъ нашихъ и размешаетъ, яко храстіе, пловучія твердыни ихъ. Восходитъ,—и громы онѣмѣютъ въ рукахъ ихъ и праздно разсыпятся надъ нами по воздуху. Восходитъ,—и наши берега явятся неприступными, и единъ изъ защитниковъ нашихъ поженеть тысячи, а десять—тысячи.

Страшны по сему собственно не враги, а грѣхи наши, лишающіе насть благодати Господней.

Дабы сего не послѣдовало съ нами, то, вмѣсто страховъ и смущенія, начнемъ по примѣру древнихъ Ниневитянъ, дѣло искренняго покаянія. На нихъ былъ уже изреченъ судъ Божій; однако-же посты и молитва, смиреніе и сокрушеніе сердца обратили отъ нихъ гнѣвъ небесный. Тѣмъ паче мы можемъ улучить милость и заступленіе свыше, кои ратуемъ и подвизаемся не за себя, а за крестъ и гробъ Христовъ;—и улучимъ, коль скоро явимъ въ себѣ истинныхъ ратниковъ Христовыхъ, облеченныхыхъ не въ одно оружіе земное, а и въ оружія Божія (Ефес. 6, 13), то есть, въ вѣру живую, упованіе твердое, любовь нелицемѣрную къ правдѣ, и смиреніе христіанское.—Аминь.

СЛОВО

ВІ ОРЗІЯ ОБРАЖЕНІЯ ОДЕССИ ФОТОГРАФІЯ ПЕРІАТЕЛЬСКИЙ*)

 такъ, великое дѣло Богочеловѣка кончено!.. При всей чистотѣ и благости своего ученія, при всемъ величіи и благотворности чудесъ своихъ, Онъ не узанъ народомъ іудейскимъ, преданъ невѣрнымъ ученикомъ, отвергнутъ синедріономъ, осмѣянъ Иродомъ, не спасенъ Пилатомъ, посрамленъ и умученъ воинами, вознесенъ посреди злодѣевъ на крестъ; и се, яко жертва во спасеніе всего міра, предаетъ наконецъ духъ свой Богу Отцу! *Совершишася!*...

Что съ нашимъ дѣломъ, которое, хотя само по себѣ безконачно мало въ сравненіи съ чрезвычайнымъ событиемъ Голгоѳскимъ, но тѣмъ не менѣе грозитъ намъ крестомъ и плащаницею?.. Мы знаемъ несомнѣнно, и о настѣ сотворенъ уже врагами нашими совѣтъ, да илутъ насъ и погубятъ, если не жизнь, то достояніе и честь нашу. Найдены уже противу настѣ и лжесвидѣтели, готовые утверждать, что нами нарушено всеобщее право народовъ, что мы хотѣли раззорить и потопить ихъ мнимо мирную ладію. Если бы враги наши хотѣли искренно узнать истину, то не было бы ничего легче намъ показать, а имъ увидѣть ее; но они, подобно Пилату, только вопрошаютъ объ истинѣ, а въ самомъ дѣлѣ желають не истины, а предлога къ нападенію на настѣ. И вотъ почему предложены ими такія условія намъ, на кои, подобно Спасителю на судѣ Пилата, не сстается отвѣтчать намъ ничѣмъ другимъ, какъ только — молчаніемъ:

*) Произнесенное 9 апрѣля 1854 г. въ Одесскомъ Кафедральномъ Соборѣ, въ Великій Пятокъ.

отвѣта не даде ему (1 Іоан. 19, 9). Пилатъ не оскорбился молчаніемъ Богочеловѣка, какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ, отъ сего *искаше пустити Его* (2 Іоан. 19, 11): но наше молчаніе не можетъ произвести подобнаго дѣйствія; и намъ, послѣ него, предстоитъ, безъ сомнѣнія, отъ враговъ нашихъ не спокойствіе и опасность, а жестокая буря—съ молнией и громами.

Если посему въ какомъ положеніи, то въ настоящемъ, — когда и мы всѣ находимся, можно сказать, предъ Крестомъ и Голгою, — для насъ необходимъ вождь и утѣшитель. И се, онъ является намъ въ лицѣ самаго Господа и Спасителя нашего! Ибо, думаете ли, что случайно и *безъ* особенного Божія промышленія произошло то, что о насъ судятъ теперь и насъ осуждаютъ враги наши именно въ то время, когда былъ судимъ и осужденъ Господь нашъ? — *Нѣтъ!* — Это слѣдствіе тайного всеблагаго предраспоряженія *свыше*, которое враги наши, сами не зная того, хотятъ привести въ исполненіе, подобно тому, какъ невѣрные іудеи, дѣйствуя по единой своей злобѣ, тѣмъ не менѣе привели въ исполненіе всѣ предсказанія пророковъ о судьбѣ своего Мессія и собственной.

Итакъ, кто изъ насъ ищетъ себѣ теперь вразумленія и утѣшенія (а кому оно не нужно?), тотъ впери взоръ и мысль свою въ это *священное изображеніе распятаго Спасителя*, которое св. Церковь представляетъ нынѣ предъ нами... Се, нашъ вождь и наставникъ! Се, нашъ утѣшитель!

Что могло сравниться съ злобою враговъ Іисусовыхъ? Что могло сравниться и съ Его страданіемъ и муками? — Но, что успѣли враги? Что произвели страданія? Произвели спасеніе• всему миру и вознесли Божественнаго Страдальца на престолъ славы и всемогущества. Иначе не могло и быть, потому что Его дѣло было дѣломъ истины и правды; потому что Онъ творилъ волю Отца своего, приносилъ Себя въ жертву за спасеніе всего мира; потому что враги Его шли и дѣйствовали противъ опредѣленій небесныхъ. Такъ будетъ и со всякимъ, кто, подобно Спасителю своему, стоить за истину противъ неправды, кто приносить себя въ жертву не ради земныхъ выгодъ, а за спасеніе своихъ собратій. Какъ бы ни были сильны и коварны враги, они не могутъ сдѣлать бѣлого чернымъ, праваго неправымъ, не могутъ взять верхъ надъ невинностю. Почему? Потому, что жребій сыновъ человѣческихъ не оставленъ на произволъ случая и судьбы, а содержится въ деснице премудраго и всеблагаго Мироправителя; потому что есть Богъ, судяй всей земли, есть все-

могущій Защитникъ истины и правды, Который готовъ сотрясти небомъ и землею, но не дастъ въ поруганіе вѣрующіхъ во имя Его и творящихъ святую волю Его.

И здѣсь-то, братіе мои, обильный источникъ ободренія и утѣшенія для насть въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ; ибо дѣло, за которое подняли на насъ оружіе враги наши, есть дѣло съ нашей стороны совершенно правое и святое, — дѣло, можно сказать, не наше, а Божіе и Христово. Ибо, за что ратуютъ на насть? Не за что другое, какъ за то, что мы хотимъ свободы вѣры и совѣсти для собратій нашихъ по вѣрѣ, живущихъ подъ игомъ магометанскімъ, за то, что мы желаемъ спасти Крестъ Христовъ и Евангеліе отъ совершенного униженія предъ алкораномъ: вотъ наши желанія и требованія! Другихъ мы не имѣли и не имѣемъ: это можемъ сказать мы въ слухъ всего свѣта, предъ симъ крестомъ и гробомъ Спасителя нашего.

А враги наши что могутъ сказать предъ сею плащаницею въ оправданіе своего нечестиваго союза противу насъ съ поклонниками Магомета? — Что для спокойствія и благоденствія нашей части свѣта необходимо существованіе среди ея во всей силѣ прелести магометовой?.. Что взаимное отношеніе странъ и народовъ христіанскихъ поколеблется и превратится, если во градѣ Константина Великаго не будетъ ежедневно провозглашаемо на всѣхъ стогнахъ: нѣть Бога, кромѣ Бога Магометова?... Что идолъ сей, — разумѣемъ магометанство съ его алкораномъ, — такъ нуженъ для равновѣсія (никогда небывалаго) державъ Европейскихъ, что, не смотря на всю его отвратительность, ему, какъ древле Молоху, должно приносить ежечасно въ жертву вѣру, свободу, честь, достояніе и самую жизнь цѣлыхъ миллионовъ единовѣрныхъ братій нашихъ?.. Подобное сему дѣйствительно не стыдятся утверждать враги наши: но, что значитъ это? Увы, сладчайшій Іисусе! много слышалъ Ты хуленій со креста Твоего; надлежало наконецъ услышать Тебѣ и эту ужасную хулу, услышать уже не со креста, а со престола славы Твоей на небеси, услышать не отъ враговъ, а отъ собственныхъ послѣдователей Твоихъ!... Итакъ, Ты не совершилъ дѣла спасенія нашего, якоже подобало! Для благоденствія обществъ человѣческихъ мало Твоего Креста и Евангелія: для сего, въ помошь Тебѣ потребенъ еще Магометъ съ его алкораномъ!...

Какъ ни горько, братіе мои, помышлять о такой измѣнѣ западныхъ христіанъ Богу отцевъ своихъ, и какъ ни жалко въ семъ отношеніи ихъ духовное состояніе, какъ ни отвратителъ ихъ про-

тивуестственный союзъ со врагами креста Христова; но съ другой стороны, сіе-то самое и должно служить къ ободренію наше му: ибо враги наши, въ ослѣпленіи ума и совѣсти своея, возстали такимъ образомъ уже не противъ насть, а, можно сказать, противъ самаго Спасителя своего, безчестя Его всесвятое имя и унижая божественную вѣру въ Него предъ лжеученіемъ магометовыимъ. Не знаемъ, куда доведеть враговъ нашихъ этотъ новый несчастный путь ихъ. Дай Богъ, чтобы—тѣмъ или другимъ образомъ—онъ привелъ ихъ къ познанію истины и своего заблужденія, къ живой вѣрѣ въ Господа и Спасителя нашего, и къ убѣждѣнію въ томъ, что истинное *благочестіе* христіанское *на все полезно есть*, имѣя *обѣтованіе* *живота*, не *грядущаго* токмо, вѣчнаго, но и настоящаго, временнаго (1 Тим. 4, 8), и что его однѣго,—безъ прелести магометовой—достаточно къ утвержденію благородствія всѣхъ царствъ и всѣхъ народовъ. Но, чтобы враги наши ни дѣлали, какими бы путями ни ходили, мы, послѣдуя примѣту Благочестивѣшаго Монарха нашего и святому обычаю предковъ нашихъ, будемъ продолжать идти путемъ Христовыимъ, хотя онъ покрытъ нынѣ предъ нами терніемъ; ибо это единственный путь, вводяй въ животъ вѣчный.

Для сего, падши на землю предъ симъ изображеніемъ Господа нашего, руемъ къ Нему вси изъ глубины души: никто, дражайшій Спасителю нашъ, никто и ничто не разлучить насть отъ животворящаго креста и живоноснаго гроба Твоего! Гвоздіе, коліе и вѣнецъ Твой терновый драгоценнѣе для насть всѣхъ сокровищъ міра. Враги наши уповаютъ на свою силу и искуство; а мы упываемъ на Тебя единаго и Тебѣ вѣряемъ животъ нашъ, и другъ друга, и весь градъ и всю страну нашу!.. Яко же хотѣши, о Всеблагій и Премудрый, устрой о насъ веци;—токмо да будетъ все во славу пресвятаго имени Твоего и въ посрамленіе злочестивой прелести Магомета и клевретовъ его!—Аминь.

СЛОВО

ВО ВРЕМЯ БОЛЕДА. ОДЕССЫ СОСДИЙ. ФОТОГРАФИЯ АНДРЕЯ ФРЕНЧУЗКИНА*)

такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятъся надъ собственными главами и вашими!... Привѣтствуемъ, вѣсь, возлюбленные, съ симъ святымъ жребиемъ Иосифа, Никодима и женъ Муроносицъ, кои такъ же, среди немалыхъ страховъ и опасеній отъ іудеевъ, погребали учителя и Господа своего. Вы не оставили Его теперь: Онъ, преблагай, не забудеть и не оставить вѣсь въ тотъ великий и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческие будутъ летать по воздуху, а самыя небеса мило идутъ съ шумомъ, самыя стихіи, сжигаемы, раззоряются, а земля и, якже на ней, дѣла сгорятъ (2 Петр. 3, 10).

Тяжкая година надъ нами, братіе!—О градѣ нашемъ со всею точностію можно сказать теперь словами св. Давида, *яко врази наши обышедши обыдоша насъ, яко пчелы сотъ, и разгорѣвшись, яко огнь въ терніи* (Псал. 17, 12). То самое море, которое до-селеѣ обыкло приносить намъ прохладу и всѣ выгоды жизни, обратилось теперь въ бездну огнедышущую, изъ кой несутся на насъ молніи и громы.

Но будемъ ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ: у живоноснаго гроба Спасителя для христіанина не страшенъ самый

*) Произнесенное 10 апрѣля 1854 года, въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, въ Великую Субботу.

адъ, а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. *Аще пойду*, говорить св. Давидъ, *посредѣ тьмы и сѣни смертныя, не убоюся зла*. Почему? *Яко ты, Господи, со мною еси* (Псал. 22, 4). Важно по сему не то, что происходит теперь, а то, съ кѣмъ теперь Господь: съ нами, или со врагами нашими. Но, можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брань противу насть за враговъ креста Христова? Можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои, будучи сами христианами, не усрамились сихъ великихъ и священныхъ дней и дерзнули возмутить столь нечестивымъ образомъ смертный покой Спасителя своего во гробѣ?—Нѣтъ, если есть кто со врагами нашими, то развѣ Веліарь и Магометъ, за темную державу коего они возстали на насть; а Господь всеблагий съ нами, кои, аще нечисты и грѣшны есмы, но подвизаемся во славу пресвятаго имени Его, сражаемся не за наши какія либо выгоды, а за вѣру православную, за гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по вѣрѣ.

И смотрите, какъ Господь видимо показалъ, что Онъ съ нами—противъ враговъ нашихъ!—Они могли напасть на насть, когда угодно, но напали не въ другое какое либо время, а въ самый день погребенія Господня, какъ бы во свидѣтельство того, что мы ратуемъ именно за крестъ и гробъ Господень. Враги наши, можетъ быть, думали преогорчить этимъ для насть свое нападение, а въ самомъ дѣлѣ они уладили симъ всю его горечь: ибо если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ, у Его животворящаго креста, при его живоносномъ гробѣ. *Аще бо, говоритъ Апостолъ, съ Нимъ устрохомъ то съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ вошаримся* * (2 Тим. 2, п. 12). Въ такомъ случаѣ хотя бы кто изъ насть лишился нынѣ самой жизни; то, при живой вѣрѣ въ силу креста Христова, онъ ничего не потеряетъ; ибо и ему будетъ сказано: *днесъ со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43).

А враги наши самымъ нападеніемъ на насть въ сей день потеряли уже невозвратно многое. Всюду, гдѣ услышатъ о ихъ нечестіи (а гдѣ не услышатъ?), изумятся и скажутъ: несчастные, развѣ не могли они, изъуваженія къ общему для христианъ знаменію спасенія, отложить на время свою злобу и алчность?—А что возлаголеть и разсудить о нихъ Господь? О, *Онъ поругаетъ не бываетъ* (Гал. 6, 7)! Не желаемъ зла и врагамъ нашимъ; ибо слышали вчера, какъ Господь молился за самыхъ распинателей своихъ: но, памятуя судьбу Божію въ подобныхъ случаяхъ, не можемъ не сказать, что тѣ, кои дерзнули возму-

тить такъ нагло покой Господа своего во гробѣ, едва ли сами сойдутъ съ миромъ въ свои собственные гробы...

Если же Господь съ нами, то чего намъ страшиться? Онъ, всемогущій, защищить насъ отъ всякаго зла. И смотрите, день уже преклоняется къ вечеру; у врага начинаютъ уже оскудѣвать оружія; но много ли успѣль онъ сдѣлать зла намъ? О имени Господнемъ дерзаемъ увѣрить васъ, что не болѣе сдѣлаетъ намъ зла и до вечера. Ибо Кто съ нами, Тотъ сильнѣе того, кто съ нимъ: лунѣ не затмить солнца, Веліару и Магомету не побѣдить Христа!..

Итакъ, облобызавъ снова язвы Спасителя, идите съ миромъ, братіе мои, въ дома свои, и ждите спасенія отъ Господа, всегда и вездѣ спасающаго правые сердцемъ. За великою Субботою всегда слѣдуетъ свѣтлый день Воскресенія: не замедлить и за настоящую, сугубо-великою для насъ, субботою послѣдовать сугубо-великое Воскресеніе: — то есть, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Господа, и наше избавленіе отъ обышедшихъ насъ золъ, а въ послѣдствіи и воскресеніе всего православнаго Востока — изъ гроба четырехвѣковаго рабства мусульманскаго.

А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, да не речеть врагъ града нашего: *укрѣпихся на него* (Псал. 12, 5)! Пусть возлюбленный Женихъ душъ, имѣющій въ полуночи изыти изъ гроба, яко отъ чертога, найдетъ всѣхъ насъ бдящими и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми къ прославленію Его воскресшаго, и съ собою вся совоскресившаго. Аминь.

СЛОВО

ПОСЛѢ БОМБАРИРОВАНІЯ г. ОДЕССЫ СОЕДИНЕНИИМЪ

ФОТОГР. Н. ПРИАТЕЛЬСКИЙ*)

Христосъ воскресе!

Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, со-
востаю днесъ, воскресшу Тебѣ: сраспи-
нахся Тебѣ вчера!

акъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко значеніе сей священной пѣсни церковной, въ настоящій день цѣлый городъ нашъ можетъ приложить ее къ себѣ, и ставъ предъ изображеніемъ воскресшаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ сказать: *вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесъ, воскресшу Тебѣ!*

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ жителей града нашего, тѣмъ или другимъ образомъ, не подвергался вчера великой опасности отъ враговъ нашихъ? И за кого быма бы претерпѣна вчера самая смерть (какъ и претерпѣна нѣкоторыми), если не за крестъ и гробъ Христовъ? Ибо, какая другая цѣль самой войны настоящей, какъ не защита вѣры православной и единовѣрныхъ собратій нашихъ отъ насилий и угнетеній мусульманскихъ? Посему-то, при всемъ духовномъ недостоинствѣ нашемъ, мы въ утѣшеніе свое можемъ сказать нынѣ, что вчера мы всѣ спогребались самому Христу, Царю и Богу нашему. Нѣкоторые спогреблись вполнѣ—

*) Произнесенное 11-го Апрѣля 1854 года, въ день Пасхи на литургии, въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

самымъ дѣломъ, ибо пріяли, — я сказалъ, — смерть отъ огней вражескихъ; а мы хотя и не подверглись, по милости Божией, сему кровавому жребию, но, по самому положенію нашему, должныствовали быть готовыми на тоже самое. Поелику Господь, какъ вы слышали отъ св. Златоуста, не только дѣянія пріемлетъ, но и предложеніе хвалитъ, и самое благое намѣреніе лобызаетъ: то быть не можетъ, чтобы Онъ, вселагій, зря на сердце наше и готовность спострадать Ему, не вмѣнилъ того намъ въ самое дѣло и не восхотѣлъ раздѣлить съ нами и радости воскресенія своего. Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесъ, воскresиши Тебѣ!

„Но, какъ намъ радоваться, — помыслить кто либо,—когда лютый врагъ нашъ, по всей вѣроятности, готовить противу насъ новую огненную бурю?“

А какъ радовались, возлюбленный, отроки вавилонскіе въ пещи халдейской, какъ ты слышалъ вчера у гроба Спасителя, — и не только радовались, но и воспѣвали во славу Господню? Подобнымъ образомъ будемъ радоваться и мы, коихъ положеніе еще далеко не такъ ужасно, какъ было оныхъ дивныхъ отроковъ среди пламени пещнаго.

Какъ, — укажемъ на другой примѣръ, — какъ радовались Апостолы Христовы, о коихъ въ дѣяніяхъ Апостольскихъ читаемъ, что они, послѣ біенія и ранъ отъ іудеевъ, *идяху, радующеся, отъ лица собора іудейскаго, яко за имя Господа Иисуса сподобиша безчестіе пріяти* (Дѣян. 5, 4). Такъ будемъ радоваться и мы, кои вчера сподобились величайшей чести — спострадать Ему въ самый день погребенія Его.

Если какая радость есть самая чистая и достойная праздника воскресшаго Господа, то эта; ибо она будетъ происходить не отъ другихъ какихъ либо причинъ и побужденій, напр. не отъ увеселеній праздничныхъ, не отъ угожденія плоти и крови, — а именно изъ любви къ нашему Спасителю и Господу. Такою радостию мы еще никогда не радовались, такъ какъ не было къ тому и такого необыкновенного случая: возрадуемся же нынѣ и восклинемъ подобно Израильянамъ, по прошествіи ими Чернаго моря: *поимъ Господеви, славно бо прославися* (Исх. 15, 1)! — *Прославися славно,* не только въ преславномъ возстаніи своемъ изъ гроба, но и въ спасеніи отъ смерти и гроба насъ, кои подверглись вчера такому множеству смертоносныхъ стрѣль вражескихъ; *прославися славно,* не только въ посрамленіи іудеевъ, вознесшихъ Начальника жизни на крестъ и хотѣвшихъ

удержать Его во гробѣ, но и въ постыженіи враговъ нашихъ, кои такъ-же готовили намъ не жизнь и радость, а смерть, разрушение и пѣнь позорный.

Что касается до враговъ нашихъ, то, вѣроятно, они не преминутъ нынѣ явиться противъ насть снова — въ томъ или другомъ видѣ: ибо надобно же имъ докончить дѣло своего нечестія и не показать, что отъ вчерашнихъ ранъ своихъ они уже не въ состояніи выдти противу насть на брань: но будьте увѣрены, что, наученные опытомъ, враги явятся безъ прежней наглости и самонадѣянія. А намъ послѣ того, какъ мы видѣли вчера и безуспѣшие врага и особенную милость Божію надъ нами, намъ уже непростительно было бы оказаться малодушными. Если Господь защитилъ насть своею невидимою силою такъ побѣдоносно вчера, когда мы предстояли Его гробу: то тѣмъ паче не предастъ насть въ жертву врагамъ нынѣ — въ день преславнаго восстанія Его изъ гроба. Ни-что убо, скажемъ и мы словами св. Златоуста, ничто да не препятствуетъ нашей радости о воскресшемъ Спасителѣ нашемъ, поимъ Господеви, славно бо прославися!

А если кто изъ насть уже никакъ не можетъ оставить страха, то мы, пожалуй, и ему укажемъ — чего можно и должно страшиться всѣмъ намъ: того, возлюбленныи, чтобы не отступила какимъ либо образомъ отъ насть благодать Божія. Ибо тогда не поможетъ намъ уже никакая сила, никакое оружіе, и никакое исскуство защитниковъ нашихъ. А благодать Божія, какъ, думаю, не безъизвѣстно вамъ, отступаетъ отъ человѣка, и отъ цѣлыхъ градовъ и весей тогда, если они, вознерадѣвъ о законѣ Божиемъ и душѣ своей, предаются нераскаянно дѣламъ тьмы—гордости, невоздержанію, плотоугодію, злобѣ и ненависти. Будемъ посему хранить себя всѣми силами отъ таковыхъ дѣлъ тьмы и всегда, тѣмъ паче въ продолженіи настоящаго облежанія насть врагами. Поспѣшимъ, напротивъ, украсить себя, и ради великаго празднества, и ради окружающей насть опасности, дѣлами свѣта, любовию, кротостію, чистотою и милосердіемъ. Тогда воскресшій Господь будетъ съ нами и подастъ намъ, какъ подалъ Апостолъ, свой миръ и свою радость, коихъ не можетъ возмутить и похитить никакой врагъ — ни видимый, ни невидимый.— Аминь.

СЛОВО

ПОСЛЪ БОМБАРДИРОВАНІЯ ГАВАНИ ОДЕССКОЙ

ПАРОХОДСКАЯ ИЗПРИАТСТВЕННАЯ*)

Христосъ воскресе!

такъ, врагъ нашъ не усумнился возмутить перунами своими радость нашу о воскресеніи Господнемъ; подобно какъ вчера не устыдился нарушить святое съѣтаніе наше при гробѣ Господнемъ!.. Будь это день рожденія Магомета, или день постыднаго бѣгства его изъ Мекки, враги наши, вѣроятно, изъ одного примиція, не захотѣли бы нарушить спокойствія мусульманъ, и дали бы имъ въ мирѣ окончить свое празднество; а день погребенія Спасителя міра, день Его преславнаго возстанія изъ гроба для нихъ ничего не значитъ!.. Въ сію-то самые дни они наипаче злобствуютъ и бѣснуются, какъ о держимые духомъ тьмы и злобы!.. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ внушить имъ такое ожесточеніе, не только противу нась, но и противъ святыхъ праздниковъ христіанскихъ, какъ не онъ древній противникъ Бога и человѣка, который дерзнуль нѣкогда возмутить покой и тишину самаго неба?

Да примѣтять сіе тѣ изъ насъ, кои привыкли безразсудно брать въ образецъ нравовъ и обхожденія эти самые народы, теперь противу насть такъ враждующіе: вотъ ихъ мудрость и образованность! вотъ ихъ мягкость и утонченіе нравовъ! Сражать-

^{*)} Произнесенное въ первый день Пасхи на вечерни въ Одесскомъ Кафедральномъ Соборѣ.

ся и полагать душу за нечестивыхъ поклонниковъ Магомета; ковать изъ угожденія имъ ѿѣпи для своихъ собратій - христіанъ, ни во что ставить таинства св. вѣры и праздники Господни, нападать нагло на мирные города и веси!.. Оставляйте послѣ сего легкомысленно родную страну свою, чтобы спѣшить къ нимъ на уроки; наполняйте память и обогащайте свой умъ душетлѣнными произведеніями ихъ разстроеннаго воображенія; препоручайте дѣтей вашихъ ихъ руководству: они научатъ ихъ, какъ любить Бога и ближняго, какъ почитать отца и матерь, какъ быть вѣрнымъ Царю и Отечеству!....

Но, чѣмъ сдѣлалъ и въ чемъ успѣлъ нынѣ врагъ нашъ? О, онъ успѣлъ чрезвычайно много!... Вреда намъ онъ не сдѣлалъ почти никакого: но если кто еще сомнѣвался доселѣ въ томъ, что для него нѣть ничего священнаго, то теперь уже — не можетъ!... Ибо, какъ поступиль въ настоящій день онъ, такъ могли поступить только одни враги креста Христова!... Посему то и стяжалъ онъ для себя нынѣ новый трофей; до сего времени врагъ нашъ былъ отвратителенъ собственно для нась; а теперь омерзѣль нечестіемъ своимъ самыемъ, среди нась обитающимъ соотличамъ своимъ, кои, видя нашу справедливость и его неправды и гордыню, спѣшать одинъ за другимъ, оставивъ униженное и опозоренное знамя своей родины, уклониться навсегда подъ благотворную сѣнь орла всероссійскаго.

Но меня особенно поражаетъ нынѣ одно обстоятельство. Когда приближилась буря къ намъ и непріятель появился на водахъ нашихъ и началъ оказывать обычную ему дерзость и алчность; то нѣкоторые изъ нась невольно приходили въ страхъ и предавались унынію; а я утверждалъ противное, говорилъ, что врагъ нашъ страшенъ болѣе въ нашемъ воображеніи, нежели на самомъ дѣлѣ, что онъ со всѣми силами и средствами своими не можетъ сдѣлать намъ вреда значительного, что одинъ, два, три опыта, — и тѣ сами, кои теперь такъ страшатся, увидяты истину и начнутъ презирать опасность, что можетъ, наконецъ, наступить время, когда малая дѣти будутъ глумиться надъ шумомъ оружія непріятельскаго. И кто бы могъ ожидать? — не только первыя, самыя послѣднія слова мои оправдались уже во всей силѣ, оправдались еще вчера, когда нельзѧ было предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло. Не отъ одного очевиднаго свидѣтеля слышу я, какъ вчерашній день нѣкоторые изъ самыхъ юныхъ отроковъ, видя безуспѣшность падающихъ среди града нашего перуновъ вражіихъ, гонялись за ними, какъ за предметами игры,

чтобы пріобрѣсти въ добычу себѣ, какъ нѣкоторые, даже полуузвленные, не хотѣли выпустить добытаго изъ рукъ своихъ.

Стоило же приходить для сего изъ отдаленнѣйшаго края нашей части свѣта цѣлымъ флотамъ двухъ великихъ державъ! — Стоило нарушать для сего святость дней, первыхъ въ году для всего міра христіанскаго! Стоило разбросать напрасно столько молній и громовъ!

Но, братіе мои, мы впали бы въ грубую ошибку и непростительную гордость, если бы возмнили, что все это безуспѣшие врага было слѣдствіемъ нашихъ силъ и нашего искусства. Нѣтъ, и не съ такими силами и средствами какъ наши, въ подобныхъ случаяхъ трепетали предъ нимъ другіе грады и страны. Съ нами напротивъ произошло вчера нѣчто необыкновенное; надъ нами и градомъ нашимъ проявилось особенное знаменіе милости Божіей, проявилось въ томъ, что сверхъ всякаго ожиданія, разженныя стрѣлы врага не оказывали сроднаго имъ дѣйствія; и если не возвращались вспять на него самаго, какъ древле при осадѣ вел. Новграда, то не вредили намъ и падали праздно на землю.

Если же Господь показалъ себя такимъ образомъ особеннымъ заступникомъ нашимъ, то и намъ, братіе мои, предлежитъ явить себя преимущественно любыми Божіими. И мы явимъ себя такими, если, оставивъ суетныя забавы и увеселенія, коими обыкъ сопровождаться и, сказать точнѣе, помрачаться нынѣшній великій праздникъ, проведемъ его въ молитвахъ и хожденіи во храмъ Божій, въ мирномъ и благочестивомъ собесѣданіи о путяхъ Промыслы Божія, такъ разительно явленныхъ и надъ нами, и въ дѣлахъ любви и благотворенія къ бѣднымъ и нуждающимся обратіямъ нашимъ. Хотѣли ли наконецъ сдѣлать что либо особенно благоугодное для воскресшаго Господа — въ знакъ благодарности за спасеніе Имъ града нашего? — И для сего есть у всѣхъ насъ весьма благонадежное средство. Господь нашъ ни отъ чего такъ не отвращается, какъ отъ злобы и ненависти, и ничего такъ не любитъ и не благословляетъ, какъ мира и любви. Врагъ нашъ, движимый духомъ злобы, возмутилъ нечестиво нашу радость о воскресеніи Господнемъ, и въ семъ случаѣ показалъ въ себѣ крайній недостатокъ любви и чувства христіанскаго; а мы, какъ истинные послѣдователи Распятаго, вмѣсто чувствъ вражды и ненависти, простимъ врагамъ нашимъ — во славу и честь Воскресшаго. Такимъ образомъ мы исполнимъ во всей силѣ матернїй совѣтъ и приглашеніе св. Церкви, которая

отъ полноты радости и восторга вопіеть нынѣ: *простимъ вся воскресеніемъ!* Когда говорится—вся; то симъ устраниется всякое исключеніе: да не будетъ его и для враговъ нашихъ! Ибо и о многихъ изъ нихъ можно сказать со всею справедливостю, что они *не вѣдатъ, что творятъ* (Лук. 23, 34). Если бы они знали чистоту и высоту намѣреній нашего возлюбленного Монарха; если бы вѣдали точно о всѣхъ бѣдствіяхъ и угнетеніяхъ, ксіи претерпѣваютъ отъ поклонниковъ алкорана наши и ихъ собратія по вѣрѣ: то не соединили бы такъ неразумно знаменія всечестнаго креста Христова съ зловѣрныемъ знаменемъ магометовыемъ. Вожди и народоправители ихъ, конечно, должны знать настоящее положеніе вешией на востокѣ и хотятъ сокрыть истину въ неправдѣ: имъ, очевидно, нужна не цѣлость державы мусульманской, а ослабленіе и уничиженіе Богомъ возвеличенной и прославленной Россіи. Но что дѣлать съ самолюбіемъ и нечистотою сердца человѣческаго? Развѣ мы сами—въ нашей частной жизни и взаимномъ обхожденіи—не подвергаемся подобному ослѣплеенію страстей? Если кто первый виновникъ нынѣшняго, едва не всемірнаго, смущенія и бѣдствій, то это отецъ лжи, оный *человѣкоубийца искони* (Іоан. 8, 44), который, будучи пораженъ смертельно на Голгоѳѣ въ главу крестомъ Христовыемъ, въ отмщеніе за то и нѣкое утѣшеніе себѣ, старается возмущать враждою благодатное царство Христово на земли, возставляя одинъ противъ другаго самые народы христіанскіе, и не дая совершать имъ единодушно ихъ великаго и святаго предназначенія.

Не дадимъ убо мѣста сему врагу всемірнаго спасенія — по крайней мѣрѣ въ собственныхъ сердцахъ нашихъ; и въ доказательство сего, послѣдуя примѣру воскресшаго Господа, который со креста молился о распинателяхъ своихъ, вознесемъ искреннюю молитву къ Нему о самыхъ врагахъ нашихъ, дабы Онъ благодатию своею низпослалъ имъ духа разума, чтобы они узрѣли истину и убѣдились въ правотѣ нашего дѣла и намѣреній,— духа правды, чтобы они не мѣняли безрасудно невинныхъ и страждущихъ собратій своихъ по вѣрѣ на прегородыхъ и безчеловѣчныхъ поклонниковъ Магомета, и духа человѣколюбія, чтобы они не возмущали оружіемъ своимъ покоя —по крайней мѣрѣ—мирныхъ и беззащитныхъ градовъ и весей. — Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ УДАЛЕНИЯ ОТЪ ОДЕССЫ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАГО ФЛОТА,

ІРУДЪ БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ПОДѢБУТВІЮДІ*).

Христосъ воскресе!

аконецъ и воды наши стали свободны отъ врага; по крайней мѣрѣ мы уже не видимъ его на нихъ. Куда устремился онъ, не знаемъ: но, судя по обхожденію его съ нами, нѣтъ сомнѣнія, что онъ удалился отъ насъ не на радость про чимъ брегамъ нашимъ. Правда, онъ провозглашалъ себя врагомъ великодушнымъ, не думающимъ о принесеніи вреда и потерь напрасныхъ, желающимъ подать примѣръ браны умѣренной, разумной и, такъ сказать, христіанской; но вы видѣли, въ чемъ состоить этотъ разумъ и умѣренность, это мнимое человѣколюбие и христіанство!...

Время теперь разсмотрѣть и сообразить, чего стоило намъ это первое огненное свиданіе съ человѣколюбивымъ врагомъ нашимъ, что мы потеряли при семъ и что пріобрѣли, гдѣ перевѣсь—у него или у насть?..

Разсмотрѣвъ безпредвзятно и со всѣхъ сторонъ произшедшее съ нами, я не усумнился бы, братіе, назвать нападеніе на насъ враговъ нашихъ событиемъ, хотя печальнымъ и тяжкимъ,

*¹) Произнесенное 14 апрѣля 1854 года, въ Среду св. Пасхи въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

но вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятнымъ и достославнымъ для насть — во многихъ отношеніяхъ. Разумѣется, все это такъ вышло вопреки ихъ намѣренія, по устроенію всеблагой десницы Божіей, которая изъ самаго зла умѣетъ извлекать доброе, — но вышло именно такъ. Ибо мы при семъ слушаѣ почти ничего, какъ увидимъ, не потеряли, а пріобрѣли весьма многое и важное.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы потеряли? Нѣсколько ветхихъ зданій въ предмѣстіи города, нѣсколько неважныхъ судовъ въ пристани, которая наиболѣе страдала отъ огня; — въ самомъ городѣ — тамъ пробита стѣна, здѣсь проломлена кровля, индѣ испорчено въ саду дерево: вотъ всѣ наши вещественные утраты! Сложите ихъ всѣ вмѣстѣ, оцѣните и увидите, что все количество нашей потери далеко не сравняется съ тѣмъ, чего стоило врагу нашему одно это жалѣзо и одни эти огни, кои онъ, вопреки привыкѣ своей, такою *неразсчетливой* рукою и столь долго разсыпалъ напрасно надъ главами нашими.

Къ сожалѣнію, мы лишились при семъ нѣсколькихъ храбрыхъ защитниковъ нашихъ; и забвена буди десница наша (Псал. 136, 5), если мы не будемъ всегда воспоминать ихъ молитвенно у жертвенника Христова: но, воздавъ подобающе уваженіе павшимъ ради насть жертвамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ утѣшеніе наше не можемъ не сказать, что число ихъ весьма не велико, такъ что иногда одна буря на морѣ нашемъ сопровождается не меньшую потерю.

А между тѣмъ, какъ много мы пріобрѣли!

Пріобрѣли, во-первыхъ, увѣренность въ невозможности для врага много вредить намъ и въ неудобоприступности для него града нашего. Ибо многіе изъ насъ представляли себѣ нападеніе столь многочисленнаго флота и дѣйствіе адскихъ огней его на городѣ нашъ такъ важнымъ и пагубнымъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ наступить едва не послѣдній день Одессы. Сколько бы кто тогда ни разувѣрялъ въ семъ и ни приводилъ на то разныя доказательства, нельзя было почти никого изъ таковыхъ убѣдить въ противномъ. Теперь, и безъ доказательствъ, всякъ перемѣнилъ прежнія мысли и отложилъ опасенія; потому что противное тому, какъ думалъ, увидалъ на самомъ опыте. Такая перемѣна въ мысляхъ и мнѣніи значить весьма много: отнынѣ никто не будетъ помышлять скоропоспѣшно объ удаленіи куда бы то ни было, когда тотъ же или другой какой либо врагъ явится на водахъ нашихъ. Видели уже мы,

скажетъ, эти флоты и эти огненные бури: погремить подобно тучѣ въ облакахъ, и пройдетъ.

Во-вторыхъ, безуспѣшное нападеніе на насъ непріятеля доставило намъ великую честь предъ лицемъ всей Россіи. Врага ожидали едва не по всѣмъ краямъ Отечества; не одинъ приморскій городъ находился въ положеніи, подобномъ нашему. Кому достанется честь принять на свою грудь первые удары врага и отразить его побѣдоносно? Кто первый подастъ примѣръ мужества и самоотверженія? Всѣ думали и вопрошали о семъ; но никто не могъ отвѣтить на сie. Теперь явно, что эта честь предоставлена была свыше намъ; что этотъ примѣръ суждено было взять всѣмъ съ нашего города... Благодареніе Богу, что, при всей скучности средствъ нашихъ къ защите, мы успѣли, какъ должно, выполнить свое предназначеніе, не посрамивъ имени Русскаго! Какъ опасность и бѣдствіе постигли первыхъ насъ, то за первыми нами послѣдуетъ честь и слава. Въ какомъ, самомъ отдаленномъ краѣ Отечества не услышать теперь о томъ, что случилось со градомъ нашимъ? Гдѣ не будутъ радоваться о насъ? Гдѣ не будутъ хвалить насъ и говорить: „честь и слава Одессѣ! Она поступила, какъ слѣдовало поступить русскому городу, подала для всѣхъ прекрасный примѣръ любви къ Отечеству,—показала, какъ можно и съ малыми средствами стоять и устоять противъ всѣхъ силъ вражіихъ“.

Все это важно само по себѣ, но для насъ тѣмъ важнѣе и отраднѣе, что — не будемъ скрывать прошедшой истины — мы были доселѣ не въ весьма благопріятномъ мнѣніи у нашихъ соотечественниковъ. Всюду знали, что градъ нашъ процвѣтаетъ торговлею, что мы пользуемся многими особенностями выгодами жизни, что благоденствіе наше даже благотворно для всего края нашего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на насъ смотрѣли какъ бы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, думали, что, при безпрестанномъ сношеніи съ чужеземцами, намъ трудно было сохранить въ цѣлости всю силу духа и всю теплоту чувства русскаго, что посему, въ случаѣ опасности, отъ насъ нельзя ожидать той твердости духа и того самоотверженія, коими прославили себя многіе изъ древнихъ градовъ русскихъ. Такъ думали о насъ; и что могли мы сдѣлать, дабы выйти изъ такого неблагопріятнаго понятія о насъ? Для сего требовалось не слова, а дѣла, требовался какой либо важный опытъ, гдѣ мы могли бы показать себя со стороны, для насъ благопріятной. Теперь, благодаря нападенію враговъ, это примрачное мнѣніе о насъ должно изчезнуть само собою.

Чѣмъ менѣе ожидали отъ насть, тѣмъ болѣе вездѣ будуть обрадованы нами и благорасположатся въ пользу нашу. Отнынѣ городъ нашъ зайдетъ мѣсто въ числѣ достоуважаемыхъ градовъ земли отечественной. Какъ Киевъ, Новгородъ, Владиміръ, Смоленскъ—имѣютъ каждый какой-либо приснопамятный годъ своея славы: такъ Одесса будетъ имѣть навсегда свой славный годъ 1854-й!

Наконецъ, братія моя, возвысимся духомъ, очистимъ, какъ заповѣдуетъ св. Церковь, чувствія наши, да узримъ и разумѣмъ послѣднее благо, которое, вопреки намѣренію своего, доставили намъ враги наши своимъ нападеніемъ на насть,—благо уже не чувственное и временное, а духовное, вѣчное.

Размышиляли лѣ вы когда либо, братіе, о томъ крещеніш Духомъ Св. и огнемъ, которое обѣщалъ іудеямъ отъ лица Сына Божія Іоаннъ Креститель? — Той вы, говорилъ онъ, *креститъ Духомъ Св. и огнемъ* (Мат. 3, 11); примѣтьте сіе послѣднее выраженіе: *огнемъ*. Оно означало тѣ гоненія и бѣдствія, кои вѣрующіе въ слѣдствіе самаго обращенія своего изъ невѣрія, претерпѣвали тогда за имя Господа Іусуса отъ іудеевъ и язычниковъ.

Симъ-то великимъ и святымъ крещеніемъ не Духомъ точію, но и огнемъ, крестились всѣ Апостолы Христовы, положивъ за возлюбленного Учителя своего самую душу свою; чрезъ сіе огненное крещеніе прешло безчисленное множество христіанъ первыхъ вѣковъ, когда быть христіаниномъ значило почти тоже, что быть мученикомъ. Сему же крещенію огнемъ подвергаются во всѣ времена и на всѣхъ концахъ земли тѣ, кои особенно возлюбили Господа, и коихъ Господь избралъ въ особенные орудія своихъ благодатныхъ дѣйствій. Наше возлюбленное Отечество, какъ-бы не въ примѣръ,—а дай Богъ, чтобы и въ примѣръ,—другимъ народамъ, сподоблялось не разъ сего крещенія огнемъ и кровью, особенно во время вѣковыхъ страданій отъ ига Монголовъ, когда мучимые варварами предки наши, вмѣсто всѣхъ утѣшеній себѣ, говорили одно: *христіанинъ есть*. Отъ сего-то, а не отъ другой какой причины, составилось и произошло великое и многоцѣнное наименованіе: *святая Русь*. Даже многіе изъ градовъ отечественныхъ могутъ показать на себѣ слѣды сего крещенія кровью и огнемъ; почему и именуются—достойно и праведно—*градами Богоспасаемыми*.

Но граду нашему, при всѣхъ прочихъ преимуществахъ его, доселѣ не доставало сего особенного завѣта съ небомъ, сего зна-

менія благодати, сего залога милости Божієй. И можно ли было восхитить его самоуправно? Это дѣло зависитъ не отъ произвола человѣческаго; совершается на земли, но приходитъ свыше: *Той вы крестить Духомъ Св. и огнемъ.*

И вотъ пришло наконецъ свыше предоставленное время и нашему граду пріять благодать сего крещенія, то есть, претерпѣть искушеніе и пострадать за имя Спасителя своего и вѣру въ животворящій Крестъ Его, столь нечестиво уничтожаемый отъ самыхъ народовъ христіанскихъ предъ луною магометовою. И смотрите, какъ полно и торжественно совершилось надъ нимъ это священно-таинственное крещеніе! Въ первенствующей Церкви приготовлялись вообще къ благодати крещенія всю св. Четыредесятницу, и уже, по окончаніи ея, въ Великую Субботу, у гроба Христова сподоблялись сего таинства. Святой примѣръ сей выполнился надъ нами во всей точности: и намъ весь Великий постъ прошедши данъ былъ на приготовленіе себя къ пріятію особенной благодати; и тѣ, кои умѣютъ слагать въ умѣ и сердцѣ своеемъ пути Промыслы Божія, безъ сомнѣнія, не преnебрегли симъ временемъ къ особенному очищенію души и совѣсти своея. И вотъ, съ наступленiemъ Великой Субботы, у гроба Спасителя, нисходитъ,—такъ Господу, а не врагу нашему, устроившу,—и на насть крещеніе Духомъ и огнемъ!.. Разумѣвшій все сие (и мы уповаемъ, что были таковы) не имѣль много времени смущаться отъ шума стрѣлъ вражіихъ; стоя у гроба Господня, онъ спогребался Христу въ духѣ—за себя и другихъ; не унывалъ посemu, а укрѣплялся вѣрою и радовался за градъ нашъ, который въ это грозное время священно—таинственнѣ обручался и сочетавался навсегда своему Царю, Спасителю и Богу.

Уразумѣй же, градъ Одесса, тайну сего великаго события надъ собою: уразумѣй и возрадуйся духомъ о даннѣй тебѣ благодати! *Свѣтися, свѣтися вѣрою; слава до Господня и на тебѣ возсія!* Не стыдися, а величайся язвами, тебѣ нанесенными; ибо это язвы святыя, о коихъ ты можешь со смиреніемъ сказать словами Апостола: *азъ язвы Господа моего на тѣлѣ моемъ ношу.* Но, въ знакъ новаго крещенія, начни отселѣ и новую святую жизнь, достойную града Богоспасаемаго. Возлюби любовию искреннею и крѣпкою Бога отцевъ своихъ, Бога Спасителя твоего, и не лѣній служенія Ему ни на какія прелести Бааловы. Вмѣстѣ съ симъ да утвердится въ тебѣ и любовь къ братцамъ твоемъ, ищащая всегда и во всемъ *не своихъ си, но аще суть ближняго.*

Тогда ты можешь быть навсегда спокойной за твою участъ.
Тогда падеть отъ страны твоей тысяща и тыла одесную тебе,
къ тебѣ же не приближится зло (Псал. 90, 7); ибо, въ случаѣ
недостатка обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ къ защитѣ,
Онъ, всемогущій, заповѣсть Ангеломъ своимъ сохранити тя во
всѣхъ путехъ твоихъ.—Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ БЛАГОДАРСТВІЮЩІМЪ ПОДѢБУСТІЮЩІМЪ,

ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТИЯ ВЪ ПЛѢНЬ И СОЖЖЕНИЯ СТАВШАГО НА МЕЛЬ АНГЛІЙСКАГО ПАРОХОДА-ФРЕГАТА „ТИГРЪ“^(*))

Христосъ воскресе!

Ие видимо ли самъ Господь побораетъ по нась?.. Кто могъ ожидать такъ скоро и такого тяжкаго удара врагу нашему? Мы даже не знали, гдѣ онъ; а онъ, несчастный, лежалъ уже связанный у береговъ и, можно сказать, у ногъ нашихъ. Чѣмъ связанный? не узами жѣлѣзными, а самымъ тонкимъ и безсильнымъ веществомъ — туманомъ и мракомъ. Когда онъ, плавая у береговъ нашихъ, готовилъ, можетъ быть, на насъ новую огненную бурю, море наше вдругъ покрылось такою тьмою, что среди дня на немъ нельзя было видѣть ничего въ нѣсколькихъ шагахъ; а если что по временамъ и открывалось въ туманѣ, то казалось не тѣмъ, что есть, и не на томъ мѣстѣ. Такимъ образомъ у врага нашего, при всей опытности его въ мореходствѣ и родной привычкѣ къ туманамъ, совершенно не достало способности видѣть: онъ потерялъ путь, попалъ на мель, не могъ даже дать знать объ опасности клевретамъ своимъ, лишился посему всякой надежды на освобожденіе, и потому, чтобы спастись отъ молнии и ударовъ нашихъ, просилъ у насъ, какъ милости, плѣна себѣ.

^(*) Произнесенное 2 мая 1854 года въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Ужъ изъ сего самаго вы можете видѣть, кто связалъ и предалъ намъ врага нашего. Мы не властны надъ моремъ; мы не могли располагать этимъ ужаснымъ для врага нашего мракомъ: его могъ послать единъ Тотъ, Который, по выражению Іова, повиваетъ море мглою, какъ пеленами (Іов. 30, 9), и возводить облаки отъ послѣднихъ земли. Онъ, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, послалъ эту, столь необыкновенную въ сіе время года, тьму и потрачилъ очи ихъ (Псал. 54, 28). Онъ, въ наказаніе за нечестіе врага, содѣкалъ, да будетъ путь его тьма и ползокъ (Псал. 34, 6). Такъ Господь издревле обыкъ поступать съ противниками святой Еговоли. Ибо чѣмъ быль поражень между прочимъ онъ прегордый Фараонъ, когда не хотѣлъ, по глаголу Моисея, отпустить Израильянъ изъ Египта? Мракомъ: и простре, говорится въ писаніи, *Моисей руку свою на небо, и бысть тьма и мракъ по всей земли Египетской, и не видѣ никтоже брата своего три дни* (Исх. 10, 22—23). Чѣмъ связанъ и онъ древній врагъ Божій, дерзнувшій возмутить самое небо противъ Вседержителя? Ничѣмъ другимъ, какъ тьмою: *пленицати мрака связавъ, свидѣтельствуетъ о духахъ злобы ап. Петръ, предаде на судъ лучшыхъ блести* (2 Петр. 1, 4). Такъ поступилъ Господь и теперь: Онъ не послалъ на враговъ нашихъ ни молній, ни громовъ, не восколебаль ни земли, ни неба, а только простеръ надъ ними мракъ: — и все мужество, все искуство, вся гордость и упорство врага изчезли и обратились въ ничто предъ симъ однимъ средствомъ!...

Что убо привлекло на врага нашего такой гнѣвъ Божій? Очевидно, не наши добродѣтели и не наши слабыя молитвы, а ходатайство о насть великихъ заступниковъ страны нашей, священномучениковъ Херсонскихъ, за тѣмъ—его собственная гордыня, безчеловѣчіе, а особенно нечестіе и оскорбленіе имъ святыни. Ибо этотъ,—погибшій теперь,—корабль особенно свирѣпствовалъ противу насть въ день великія Субботы; онъ не далъ многимъ изъ насть быть тогда у гроба Спасителя своего; онъ предвозмутилъ для всѣхъ насть радость о воскресеніи Господнемъ. Такимъ образомъ, поелику врагъ нашъ не захотѣлъ преклониться съ благоговѣніемъ предъ знаменіемъ всемірного спасенія, которое у него и у насть единое и тождѣ, и вмѣсто вниманія къ священнымъ днямъ, какъ бы въ соответствіе названію своему, показалъ въ себѣ свирѣпость и безчузвствіе тигра; то и Господь, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, поругался ему съ небеси. Связавъ мракомъ, Онъ поставилъ этого тигра въ состояніе овчати, уготованного на заколеніе, отданнаго на позоръ и въ притчу глумленія для самыхъ дѣтей.

Всего разительнѣе при семъ то, что какъ врагомъ обезчещенъ великий день воскресенія Господня; то и жестокое крушеніе его произошло не въ другомъ какомъ мѣстѣ, а у того брега, на коемъ стоитъ уединенно храмъ Воскресенія Христова. Такъ дѣйствуетъ Господь, когда хощетъ показать надъ кѣмъ высокую руку свою!

Пріидите убо, братія, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему, но возрадуемся, какъ поучаетъ св. Давидъ, не съ легкомысліемъ, а со страхомъ и трепетомъ, видя какъ Господь поругаєтъ че бываетъ (Гал. 6, 7), какъ нечестіе и злоба человѣческія, когда превосходятъ мѣру долготерпѣнія, пріемлють отъ правосудія Божія казнь и отмщеніе еще въ сей жизни, еще на сей землѣ.

Примѣръ нечестія и казни за то свыше да научить насть всегда и вездѣ почитать святая честнѣ (Вел. Канон. і недѣл. Вел. поста), не позволять себѣ глумиться и презирать праздники Божіи. Мы ратуемъ и подвизаемся не за что другое, а за вѣру и крестъ Христовъ. Но давно сказано, что вѣра безъ благихъ дѣлъ мертвъ есть (Іак. 2, 17). Посему намъ, яко ратникамъ Христовымъ, подобаетъ быть чистыми отъ всякихъ скверныхъ плоти и духа, подобаетъ украшать себя всякаго рода дѣлами благими, а паче смиреніемъ и любовію. Покажемъ самымъ врагамъ нашимъ, находящимся теперь у насть въ плѣну, что мы, послѣдняя Евангелію, не воздаемъ зломъ за зло и твердо помнимъ заповѣдь: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его; аще ли экаждетъ, напой* (Рим. 12, 20). Оружіе наше побѣдило тѣла ихъ, а любовь Христова, нами являемая, можетъ покорить намъ самыя сердца ихъ,—что выше и любезнѣе всякой побѣды. Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ БЛАГОДАРСТВІЮЩИМЪ МНОЖЕСТВІЮ,

ПО СЛУЧАЮ ПОЖАЛОВАНІЯ ВСЕМИЛОСТИВЪШЕЙ ГРАМОТЫ Г.ОДЕССЪ
ЗА СОХРАНЕНІЕ СПОКОЙСТВІЯ, ПОРЯДКА И БЛАГОЧИНІЯ ВО ВРЕМЯ
БОМБАРИРОВАНІЯ ЕЯ ФЛОТОМЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКИМЪ*).

Христосъ воскресе!

По множеству болѣзней моихъ въ
сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвесе-
лиша душу мою! Псал. 93, 19.

Какъ говорилъ нѣкогда о себѣ св. Давидъ, воспоминая въ
молитвѣ своей предъ Богомъ и тяжесть перенесенныхъ
имъ искушений и обиліе послѣдовавшихъ за тѣмъ утѣше-
ній божественныхыхъ.

Это-же самое можешь сказать о себѣ и ты, Богоспасаемый
градъ Одесса, послѣ того, что недавно случилось съ тобою, и что
послѣдовало за тѣмъ: по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ
моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою!

Мало ли было болѣзней въ сердцѣ нашемъ?— Болѣзновали мы
душею, когда тревожимые слухами, ожидали появленія враговъ,
терпя въ тоже время разныя стѣсненія и нужды; не умалилась,
а увеличилась наша скорбь, когда они дѣйствительно появились
на водахъ нашихъ, и съ свойственною имъ дерзостію и алчностію

*) Произнесенное 9 мая 1854 года въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

начали передъ очами нашими увлекать въ плѣнъ бывшихъ на водахъ собратій нашихъ. Еще болѣе возмутилось скорбю сердце наше, когда мы услышали о наглыхъ требованіяхъ, кои они, подъ вымышеннымъ предлогомъ нашей вины, осмѣлились предложить намъ въ искупленіе нашей безопасности, и кои видимо клонились, если не къ гибели, то къ посрамленію нашему. Наконецъ, когда среди самого священнаго и мирнаго въ году дня открыть былъ противу насть ѿблый адъ, и смерть начала видимо летать надъ главами нашими, то и самые невозмутимые духомъ не могли безъ глубокой горести взирать на градъ нашъ, подвергшійся въ такой день такой печальной участі. *По множеству болѣзней лоихъ въ сердцѣ моемъ!*

И вотъ, всѣ эти болѣзни и вся эта скорбь прошли; вся эта возшумѣвшая противу насть буря кончилась, и какъ кончилась? Какъ только можно было пожелать намъ самимъ—совершенною безуспѣшностію и посрамленіемъ врага нашего, спокойствіемъ и радостію для насть, славою и торжествомъ для всего отечества. Какъ же послѣ сего, возведши очи и сердце къ небу, не сказать со св. Давидомъ: *По множеству болѣзней лоихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою!*

Не утѣшеніе ли уже было видѣть, какъ всѣ усилия врага противу насть остались тщетны, и онъ болѣе ранъ получиль отъ насть, почти беззащитныхъ, нежели мы отъ него — преоруженнаго всѣми средствами къ истребленію?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ самый удачный отпоръ, самый чувствительный вредъ, нанесены врагу нашему не десницею опытныхъ вождей и воиновъ, кои, стоя на берегѣ, вполнѣ готовы были доказать ему его ничтожность, — а рукою единаго юноши, который доселѣ не видалъ никогда ни лица, ни огня непріятельскаго?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ одно изъ значительнѣйшихъ судовъ вражескихъ, которое особенно бѣсновалось противу насть своими огнями въ день браны, явилось потомъ внезапно связаннымъ тѣмою у берега нашего и просило, какъ милости, взять его въ плѣнъ?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ храбрые защитники наши, въ глазахъ нашихъ, украшались знаками отличія отъ щедротъ Монаршихъ, и наше спасеніе, посредствомъ сихъ знаковъ, на всегда соединялось на груди ихъ—съ ихъ славою?

Не утѣшеніе ли было слышать, какъ возлюбленный Монархъ нашъ радовался о насть и благодариль Бога, какъ все отечество,

всѣ края Россіи, рукоплескали нашему подвигу и утѣшались знаменіемъ милости Божіей надъ нами?

И вотъ, какъ-бы еще мало было для насть всѣхъ сихъ утѣшеній, великий Монархъ нашъ обращается нынѣ ко всему граду нашему и всѣмъ жителямъ его съ особеннымъ—царскимъ словомъ похвалы и одобренія!... По обычаю предковъ, вы услышите слово сие посреди града, гдѣ будутъ приноситься молитвы за царя и за всѣхъ, иже во власти суть; а мы, раздѣляя вполнѣ радость вашу, еще съ сего св. мѣста воспривѣтствуемъ вать съ симъ новымъ утѣшеніемъ отъ Господа, подвигшаго сердце и руку цареву къ начертанію сей драгоцѣнной для насть хартіи.

Такимъ образомъ мы, при помощи Божіей, не только сдѣлали свое дѣло, прошли и выдержали ужасный опытъ, какъ подобало сыnamъ Россіи, но и будемъ имѣть августѣйшее свидѣтельство на все это отъ самаго главы и отца отечества!... Въ какомъ краю Россіи, въ какой части свѣта, самой отдаленной, не будетъ читано это слово царево и не доставить намъ похвалъ и одобренія? Дойдетъ оно и до отдаленного потомства, и будетъ возбуждать жителей града нашего въ подобныхъ случаяхъ къ подобному же мужеству и самоотверженію.

Храни же, градъ Одесса, сей залогъ вниманія и признательности къ тебѣ Монарха твоего, какъ свидѣтельство твоей славы! Храни вѣрно и крѣпко; ибо онъ купленъ не златомъ и серебромъ, а огнемъ и кровью! Ты стала на высокую степень между градами отечественными: стой и утверждайся на сей высотѣ достойнымъ тебя образомъ, не жалѣя ничего на пользу отечества, и устрания отъ себя все, что можетъ быть противно истинно сыновней любви къ нему!—Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ОБРАЩЕНИИ ПРИБРѢЖНЫХЪ БАТТАРЕЙ,

УСТРОЕННЫХЪ ВЪ ЗАЩИТУ Г. ОДЕССЫ ОТЪ НАПАДЕНИЯ ФЛОТОВЪ
НЕПРѢЯТЕЛЬСКИХЪ*)

акъ безопасно стоимъ мы теперь здѣсь и какъ спокойно возносимъ молитвы наши ко Господу! Но каково было стоять и дѣйствовать здѣсь тогда, какъ всѣ огни непрѣятельские устремлены были на одно это мѣсто? И однакоже нога русская твердо стояла здѣсь и тогда; рука русская, не дрожа, дѣйствовала здѣсь и въ это время, когда страшно было посмотреть сюда и со стороны... И устояли бы здѣсь русская душа и русское сердце и до конца дня, какъ стояли до полудня, еслибы не пришлось стоять наконецъ не только противъ огней непрѣятельскихъ, но и среди собственного пламени... Не даромъ непрѣятель думалъ, что поражавшіе его отсюда были здѣсь прикованы: они точно были прикованы, только не желѣзомъ, а любовью къ отечеству. О, врагъ нашъ твердо будетъ помнить это мѣсто, гдѣ одинъ перунъ нашъ выдерживалъ подъ конецъ споръ со всѣми его молніями и громами!... Не забудетъ этого мѣста и вся Россія, которая съ удивленіемъ и радостію услышала, какъ горсть храбрыхъ стояла здѣсь одна за цѣлый городъ, едва не противъ цѣлаго флота непрѣятельскаго. Что касается до насъ, кои были очевидными свидѣтелями сего, можно сказать, чуда, то мы доселѣ не можемъ иначе понять и изъяснить его себѣ, какъ предположивъ, что здѣсь вмѣстѣ съ видимыми защитни-

*) Произнесенная 31 мая 1854 года на Щеголевской баттареѣ.

ками нашими была и действовала нѣкая невидимая сила, посланная свыше.

Соединимся же теперь всѣ, и защищавшіе и защищенные, во-едино, и вознесемъ съ сего самого мѣста благодареніе Богу силъ, который благоволилъ явить здѣсь высокую мышцу свою за насть противъ враговъ нашихъ, для посрамленія ихъ нечестія и гордыни.

А благодаря за прошедшее, помолимся и о будущемъ. Врагъ нашъ такъ мало имѣетъ успѣха на водахъ нашихъ, что самое безуспѣшіе это можетъ снова подвигнуть его на насъ, — не говоримъ уже о свойственной ему алчности къ корысти. Противъ сего-то и уготованы снова эти громоносныя твердыни. Мы вѣримъ ихъ твердости, не сомнѣваемся въ мужествѣ и неустрашимости защитниковъ нашихъ: что сдѣлано ими, достаточно ручается за то, что они сдѣлаютъ впредь: но, братіе, *аще не Господь сохранитъ градъ, всеу будетъ бдай и стрегай* (Пс. 126, 1). Онъ, всемогущій и всеуправляющій, Онъ самъ, по своей премудрой волѣ, даетъ и отъемлетъ духа; облекаетъ силою свыше самые слабыя руки и колѣна; и когда благоугодно Ему, обращаетъ въ ничто разумъ мудрыхъ и крѣость сильныхъ!..

Къ Тебѣ, убо, Господи, возносимъ мысли и сердца наши: призри съ высоты святыхъ Твоихъ на градъ нашъ окомъ благовolenія Твоего, и огради его кромѣ сихъ, подверженныхъ разрушению твердынь, святыми Ангелами Твоими, противъ коихъ не постоять никакие враги, не только видимые, но и невидимые!

Мати Божія! Мы уже вѣряли судьбу града нашего твоему всесильному заступленію и покрову; и упованіе наше не посрамилось! Се, паки обращаемся къ Тебѣ съ вѣрою и любовью — за помощію противъ враговъ нашихъ! Озаривъ всю страну нашу чудесами отъ чудотворнаго лика твоего, сотвори и со градомъ нашимъ знаменіе во благо, да не коснется его ни огнь, ни мечъ вражескій. Для сего-то именно, — въ духѣ вѣры и упованія — и по удаленіи нашемъ отсюда, мы оставляемъ здѣсь изображенія сего чудотворнаго лика Твоего, дабы христолюбивые защитники наши имѣли въ Тебѣ самой своего взбраннаго воеводу (Акаѳ. Богом.). Аминь.

СЛОВО

ПРИ СОБЫТИИ ПОКАЗАНИЯ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА,

ПО СЛУЧАЮ НАШЕСТВИЯ НА ПОЛУОСТРОВЪ КРЫМСКІЙ ИНОПЛЕМЕННИКОВЪ*)

Миръ вамъ (Лук. 24, 36)!

ими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ своихъ, когда, явясь имъ по воскресеніи своемъ, нашелъ ихъ въ страхѣ и смущеніи отъ ужасныхъ событий Голгоѳскихъ. Си же самыя слова любви и успокоенія мы дерзаемъ обратить нынѣ къ вамъ, жители Богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну нашу иноплеменниковъ: *миръ вамъ!* Миръ не отъ нашего безсилія и немощи, а отъ Бога Отца—всемогущаго! отъ Бога Сына—всесодержащаго! отъ Бога Духа Святаго—всекживотворящаго.

И почто, скажемъ словами же Спасителя нашего, почто такъ *смущени есте*, и столько боязливыхъ *помышлений* входитъ въ *сердца ваши* (Лук. 24, 37), что многіе изъ васъ готовы, оставивъ все, искасть спасенія внѣ града и страны здѣшней? Ужели по той причинѣ, что злобный врагъ нашъ вторглся въ предѣлы ваши? Но развѣ вы не были давно предварены о томъ —имъ же самимъ? И что въ семъ случаѣ слишкомъ необыкновеннаго? Впервые-ли, во время браны, вторгаться врагамъ въ зем-

*) Произнесенное 14 сентября 1854 года, въ Симферопольскомъ Александро-невскому соборѣ.

лю Русскую? Вторгнуться въ нее, по ея неизмѣримому пространству, всегда возможно; трудно только, какъ показываетъ опытъ, выйти изъ нея, не доставши съ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ... — Не смущаютъ ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшие успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ-за моря? — Не такие успѣхи оказывались, и не разъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ; но чѣмъ всегда оканчивались они? совершеннымъ пораженіемъ враговъ и посрамленіемъ ихъ предъ цѣлью свѣтомъ. — Кто не помнитъ 1812-й годъ? Тогда колебался не одинъ какой либо край, какъ теперь колеблется вашъ, а сотрясалась отъ конца до конца вся Россія; самое сердце ея — Москва, было въ рукахъ врага; многимъ казалось потому, что уже все потеряно: а между тѣмъ вскорѣ оказалось, что держава Русская цѣла и несокрушима; — сокрушились только, не смотря на ихъ силу, искусство и успѣхи, получивша враговъ, и исчезли какъ призракъ. Подобное тому, дасть Господь, послѣдуетъ и теперь! Ибо примѣтили вы, въ какой день враги появились на землѣ нашей? Въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣкогда въ Москву, какъ бы въ предвѣстіе, что въ Крыму ихъ ожидаетъ также горькая участъ, коей подверглись они, по занятію первопрестольной столицы нашей.

Не чаявъ уже почти въ это время врага, мы, подобно дѣвамъ въ притчѣ евангельской, невольно предались было нѣкому дреманію; — и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно брега наши и стѣснить насъ, да будетъ надежда наша не на свои силы, а на Его всемогущую помощь. Но, если это вторженіе причинило беспокойство и смущеніе намъ; то — будьте увѣрены — оно послужить не на радость и врагу нашему: — отраженный отъ бреговъ нашихъ, или пораженный тотчасъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалился бы отсюда, но удалился бы еще съ великими силами, и потому долго бы могъ изливать яростъ свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ, вышедъ изъ моря на сушу, весь уже нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ нашихъ: — и, пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлять насъ своимъ многолюдствомъ; — и у Россіи ли не достанетъ ратниковъ? Она можетъ покрыть ими весь полуостровъ вашъ, не обнажая другихъ предѣловъ своихъ. Храбрые все наши, какъ то я видѣлъ на всемъ протяженіи пути своего къ вамъ, спѣшатъ уже сюда со всѣхъ сторонъ, по-

добно громоноснымъ облакамъ, дабы составить вскорѣ страшную тучу надъ головою врага. Пройдетъ нѣсколько времени—и весь свѣтъ увидитъ, что ожидаетъ того, кто съ мечемъ въ рукахъ осмѣлитсѧ проникнуть нагло внутрь Россіи...

Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ самыхъ сообитателей вашихъ въ сей странѣ (вы знаете, кого разумѣю я), имѣли несчастіе увлечься безумно на сторону нашихъ враговъ: но во-первыхъ, этого нельзя было не ожидать, при ихъ давно извѣстномъ неразуміи и при тѣхъ обольщеніяхъ, коими умѣли окружить ихъ враги наши; а во-вторыхъ—что въ этомъ такъ важнаго и страшнаго, чтобы искать уже безопасности себѣ не въ другомъ чёмъ, а въ бѣгствѣ? Это возстаніе злонравныхъ, конечно, и невѣрныхъ отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабыхъ и неискусныхъ дѣтей, коимъ, по неразумію ихъ, противна самая отеческая опека надъ ними, но кои, при одномъ грозномъ поднятіи начальнической руки, тѣмъ паче при наложеніи ея на главу, тотчасъ готовы пасть на колѣни и просить милости. Съ этими такъ называемыми туземцами, нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло тоже самое, что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревѣ, кои отстаютъ отъ стебля и падаютъ на землю; тоже произошло, что бываетъ съ прахомъ на пути, который во время вихря тотчасъ поднимается, летить вверхъ и помрачаетъ собою—на нѣсколько минутъ—воздухъ. И это ли можетъ отнимать присутствіе духа у истинныхъ сыновъ отечества? Пройдетъ буря съ вихремъ и дерево—безъ слабыхъ листьевъ и вѣтвей—будетъ свѣжѣе и крѣпче;—и путь, освобожденный отъ праха, сдѣлается чище и лучше.

Никогда не хорошо и не благоразумно — предаваться воображенію опасностей, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Еслибы, устремившись къ вамъ, я хотя въ половину приложилъ вѣру тому, что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные, и не легковѣрные, люди говорили мнѣ объ ожидающихъ меня на пути опасностяхъ; то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться, и отказаться отъ намѣренія посѣтить и утѣшить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣствовало; и я теперь опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны нашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая либо опасность, то она содня на день уменьшается, и скоро должна пройти совершенно.

Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами, какъ посѣтитель, — искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятель-

ства ваши глазомъ обыкновеннымъ: время теперь возвысить голосъ и сказать вамъ нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго. Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего христіанства? — Не отсюда ли возсіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю Русскую? — Не за сю ли страну положили душу свою наши приснопоминаемые священномуученики херсонскіе? И вы попустили себѣ, возлюбленные, хотя на минуту, подумать, что все сіе можетъ остатся втуне, и Крестъ Христовъ уступить здѣсь мѣсто лунѣ магометовой?!.. Такъ ли,—простите моему дерзновенію и любви къ вамъ,—такъ ли должно мыслить и чувствовать сынамъ Россіи, чадамъ Церкви православной? — Развѣ напрасно и вотще молится она ежедневно на колѣнахъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами? — Если мы нечисты и по грѣхамъ нашимъ недостойны того, чтобы Господь услышалъ молитву нашу; то на неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской не можетъ не быть душъ чистыхъ и святыхъ, коихъ молитва за отечество сильна предъ Господомъ, и кои теперь не даютъ вѣждемъ своимъ дреманія, воздвигая преподобныя руки свои день и ночь за Церковь православную, за Царя Благочестивѣшаго, и за его христолюбивое воинство. А ваши священномуученики, положивши души свои за страну здѣшнюю, думаете ли, что они праздно стоять предъ Престоломъ Божіимъ, и не повергаютъ себя и мученическихъ вѣнцовъ своихъ предъ Сѣдящимъ на немъ, ходатайствуя за спасеніе васъ отъ настоящихъ золъ и искушеній? — А великий князь Владіміръ, пріявший здѣсь крещеніе и въ немъ залогъ славы небесной, кою нынѣ наслаждается, можетъ ли забыть, чѣмъ онъ обязанъ странѣ вашей, и не поспѣшить ей на помощь противу обѣюродѣвшихъ безвѣріемъ пришельцевъ запада? Нѣтъ, если мы любимъ искренно свое отечество, то небожители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не представительствовать за него у Господа.

А за успѣхъ враговъ нашихъ кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ? Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, тѣ несчастные предки, кои, обуянные безбожіемъ и страстями, ниспровергали алтари и престолы, покланялись богинямъ разума и, проповѣдуя всеобщее братство, плавали сами въ крови своихъ близкихъ и знаемыхъ? Не ханы ли Крымскіе, кои, завладѣвъ сею страною, нѣкогда цвѣтущею, довели ее до всеконечнаго опустошенія, кои всю жизнь проводили въ набѣгахъ и плотоугодії, питаясь и питая полчища свои слезами и кровью странъ

сопредѣльныхъ? Не прежніе ли служители здѣсь вѣры магометанской, кои, послѣдуя душевредному алкорану, и сами всю жизнь шли и другихъ слѣпо вели за собою въ пропасть адскую? Видите, что я хотя и по любви къ вамъ, но ожесточаю слово!.. Для чего? Дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство вѣры и упованія, приличное чадамъ Церкви православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь несродныхъ сынамъ земли Русской;

Вмѣсто безотрадного и бесплодного смущенія, займемся тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ намъ на защиту спѣшатъ храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, невозможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Не замедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питье. У васъ будутъ уязвленные на брані: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого не пожалѣйте ничего: ибо стыдъ и горе намъ, если пролившій за насъ кровь свою, принужденъ будетъ сказать, что онъ не призрѣнъ, какъ должно,—*своими!*.. А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію: ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякий. Колъ скоро мы, чрезъ покаяніе, истинно примиримся съ совѣтію своею и Богомъ; то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословить скорѣе Господь всѣхъ насъ!—Аминь.

СЛОВО

И СЛУЧАЮ МІШЕСТВІЯ ПІД ПОДУСТРОЙКУ КРИМСЬКІЙ ПІДПІДЛЕЖНІХ*).

Миръ вамъ (Іоан 20, 19)!

Ие опечалилъ ли я васъ вчера чѣмъ либо, возлюбленные?— По той же любви къ вамъ о Христѣ и по той же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что либо и слишкомъ горькое... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово св. писанія, что *достовѣрнѣе язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага* (Прит. Сол. 27, 6.).

Въ самомъ дѣлѣ, лучшее ли для васъ, если по разнымъ мѣстамъ отечества будутъ говорить, что вы, сверхъ ожиданія, сказались ниже вашихъ обстоятельствъ, что въ васъ не обнаружилось того великаго духа, той твердости и мужества, коими воодушевлена теперь вся Россія? Ибо не надобно забывать, что на васъ смотрятъ отсюду, о васъ говорятъ,— и долго еще будутъ говорить—вездѣ, что всѣ истинные сыны отечества, самъ Благочестивѣйшій Монархъ нашъ, ожидаютъ теперь отъ васъ—не малодушія, даже не обыкновеннаго одного мужества и присутствія духа, а какого либо особеннаго подвига любви къ отечеству и самоотверженія, сообразно чрезвычайности вашихъ нынѣшнихъ обстоя-

*) Произнесенное въ Симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, 15-го сентября 1854 года.

тельствъ. Какъ, по тому, поступите вы въ это время великаго испытанія, какой подадите примѣръ, такая вамъ воздана будетъ отъ всѣхъ и честь! Чѣмъ болѣе и чѣмъ чище принесено будетъ на алтарь отечества жертвъ, тѣмъ вы станете выше въ глазахъ всѣхъ: а если—что да отвратить Господь! — вы окажетесь такъ малодушны и недальновидны, что предпочтете свои частныя выгоды пользамъ общимъ; то неминуемо подвергнетесь за то всемірному нареканію, и позоръ вашъ — будьте увѣрены въ томъ! — ляжетъ всею тяжестю своею не только на васъ, но и на отдѣленныхъ потомкахъ вашихъ...

Посему-то я и говорю съ вами такимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ языкомъ; для сего-то самаго я и прибылъ къ вамъ, не смотря на всѣ трудности пути: мнѣ дороги спокойствіе и честь ваши, и еще дороже честь, нежели спокойствіе... Будьте же, говорю, внимательны, возлюбленные, и взираите не на одно настоящее, а и на будущее, не на одинъ городъ и полуостровъ вашъ, а на всю Россію, которая теперь не сводитъ съ васъ глазъ, мыслить, разсуждаетъ, и молится о васъ, и, безъ сомнѣнія, готова, если бы возможно, летѣть къ вамъ на крылахъ, чтобы раздѣлить съ вами всѣ труды и опасности.

Кратко: предъ вами теперь слава или стыдъ вѣчный, — благословеніе или укоризна неизгладимая!

Поспѣшите же, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, показавъ, что вы не напрасно живете у самой колыбели нашего христіанства, не бесплодно обитаете на землѣ Мучениковъ и Святыхъ, что васъ всѣхъ движетъ и одушевляетъ тотъ же самый духъ вѣры и упованія на Бога, который превѣль безбѣдно отечество наше среди всѣхъ, самыхъ великихъ и вѣковыхъ бѣдъ и искушеній, возвель его на крайнюю высоту всемірного могущества и славы, и содѣлалъ новымъ, недосягааемымъ никакимъ врагамъ, Ааратомъ для ковчега православія.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, явивъ въ мысляхъ и дѣйствіяхъ своихъ любовь къ отечеству такимъ образомъ и съ тою силою, какъ любили являть ее въ подобныхъ случаяхъ древніе сыны его, блаженные предки наши, кои не думали спасать себя, когда отечество находилось въ опасности, а забывая всѣ собственныя выгоды, готовы были принести въ жертву для него не только все достояніе, но и самую жизнь свою.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, употребивъ всѣ силы и средства, все искусство и умѣ-

ніе ваше на содѣйствіе и помошь христолюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всѣхъ концевъ Россіи на защиту страны вашей, въ порывѣ святой ревности, ожидаетъ, какъ празднества, того дня и часа, когда можно будетъ, не щадя своей крови и живота,— за Царя и отечество, ринуться побѣдоносно на толпы богопротивныхъ иноплеменниковъ.

Кто можетъ отрицать лютость настоящей войны, — тяжесть нынѣшняго вашего положенія?— Всѣ видять и цѣнятъ это: каждый знаетъ, что намъ должно стоять здѣсь не противъ однихъ изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета, а едва не противъ всего лже-христіанскаго запада; каждый увѣренъ и ожидаетъ, что во вредъ намъ будутъ употреблены съ ихъ стороны всѣ средства разрушенія, изобрѣтеніемъ коихъ такъ жалко прославилъ себя этотъ-же несчастный западъ;— что доколѣ правое дѣло наше, при помощи Божіей, не восторжествуетъ, отъ насы потребуется еще не мало великихъ и тяжкихъ жертвъ: но въ тоже время, сколько имѣемъ мы, въ подкрѣпленіе и утѣшеніе себя, побужденій самыхъ сильныхъ, надеждъ самыхъ чистыхъ и христіанскихъ! Вспомните, почему и для чего рѣшились мы на брань настоящую! По самолюбію ли и гордости, ради земныхъ ли какихъ видовъ и пріобрѣтеній, какъ это со всею вѣрностю можно сказать о врагахъ нашихъ? Нѣтъ, мы стали за цѣлость вѣры православной и святость Креста Христова, за освобожденіе отъ невыносимаго ига мусульманскаго единовѣрныхъ и единоплеменныхъ собратій нашихъ, за достоинство и величие Россіи, за собственное, можно сказать, духовное бытіе наше. Что же, скажите, было иначе дѣлать намъ? Развѣ, въ угодность темнаго запада, отказаться отъ свѣтоноснаго Востока? Развѣ преклонить вѣнчанную Крестомъ главу подъ кровавый серпъ луны магометовой, исчезающей по закону самой природы?— Вообразите, что это великое дѣло отдано было въ собственныя наши руки: ужели бы нашелся хотя одинъ изъ насы, кто бы, взвѣшивъ всѣ обстоятельства, въ какихъ находились мы предъ настоящею бранью, не сказалъ отъ всей души: нѣтъ, Россія, по великодушію, можетъ перенести многое и давно переносить, но она никогда не откажется отъ великаго и святаго призванія своего—быть защитницею вѣры православной; никогда не предастъ ковчега заѣтта, ей свыше вѣренного, въ нечистыя руки филистимлянъ.

Тяжко и трудно положеніе наше, но необходимо и неизбѣжно; ибо уклоняясь отъ него, мы измѣнили бы не человѣкамъ, а самому Богу!— Скорбны, до времени, и горьки обстоятельства

наши, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественны и душеотрадны; ибо дѣло наше есть не столько наше, сколько дѣло Божіе, защищая которое, мы небоязненно можемъ предстать на судъ всему по-томству, на судъ самыхъ Ангеловъ небесныхъ. Не мало еще жертвъ потребуется отъ насъ, много еще прольется слезъ и крови; но плоды сего слезнаго и кроваваго съянія будутъ неисчислимы—не только для всего православнаго христіанства, не только для величія и могущества Россіи, но и для вашего собственаго благоденствія!...

Спросите, что же можетъ выйти благотворнаго изъ сей лю-той брані?—Это, во всей полнотѣ, довѣдомо теперь единому Богу; но и мы, съ упованіемъ на того же Господа, можемъ ука-зать вамъ—на немалое.

Конецъ брани сей долженъ показать, что православная Церквь вселенская основана и стоитъ не на зыблющихся и премѣняющихся подпорахъ человѣческихъ, а на единомъ, несокрушимомъ краеугольномъ камени, иже есть Христосъ Господь; врата адовы не одолѣютъ ей; и искренно послѣдующіе матернему во-дительству ея, не постыдятся во вѣku, не токмо на небѣ, но и на землѣ.

Конецъ брани настоящей долженъ показать, что возлюбленное отечество наше не напрасно, презирая всѣ усъянныя цвѣтами распутія мірской мудрости, слѣдуетъ неуклонно по пути Божію, какимъ бы онъ ни былъ иногда покрытъ терниемъ; ибо за сіе именно предоставлено свыше, чтобы скіпетръ всемірнаго мо-гущества и вліянія оставался не въ другихъ какихъ либо рукахъ, а въ десницѣ Богомъ вѣнчанаго Самодержца Всероссійскаго.

Съ концемъ брани настоящей для самаго полуострова ваше-го долженъ наступить новый образъ бытія, лучшаго и совершен-нѣйшаго. Къ вамъ особенно обратятся взоры и сердце Монар-ха; за вами послѣдуетъ искренноеуваженіе всей Россіи; на васъ проліются новыя благословенія отъ самого Царя и Владыки не-беснаго, который не можетъ забыть *труды любви*, подъятаго вами во имя Его, и воздастъ вамъ за него сторицею. Можетъ быть, я предаюсь слишкомъ надеждѣ? но мнѣ кажется, что я какъ бы вижу уже, какъ Таврида сотрясаетъ наконецъ съ себя вретище и пракъ жалкаго полубытія общественнаго,—несчастный остатокъ прежняго дикаго владычества хановъ татарскихъ—какъ всѣ части здѣшняго полуострова тѣснѣ и пріискреннѣе входятъ въ живой и мощный составъ Россіи, заемля отъ него новую жизнь и крѣпость; какъ Херсонесу Таврическому возвращается вполнѣ его древній харак-

теръ христіанскій, и вѣковыя святыни его подъемлются изъ развалинъ;—какъ сама природа здѣшняя, нашедъ наконецъ кому открыть, раскрываетъ еще болѣе тайныя сокровища свои на пользу человѣка.... Тогда, мы сами, кои теперь такъ сѣтуемъ и смущаемся, мы сами, возсѣдая въ мирѣ кійждо подъ смоковницю своею, съ радостію и веселіемъ будемъ повторять и прилагать къ себѣ слова св. Давида: *сѣющиe слезами, радостію пожнутъ; ходящiи хождаху и плакахуся, метающe сѣмена свои, грядуще же прiидутъ съ радостію, вземлюще рукояти своя* (Псал. 125, 5. б.).

Отъ слова и бесѣды обратимся всѣ паки къ молитвѣ: ибо хорошо и полезно, въ духѣ вѣры и любви, бесѣдоватъ человѣку съ человѣкомъ, но еще лучше бесѣдоватъ каждому—въ сердечной молитвѣ—съ Богомъ; потому что никакое слово и никакая бесѣда не могутъ замѣнить единаго глубокаго молитвенного воздыханія къ Господу — души чистой или истинно кающейся.— Аминь.

СЛОВО

Ю ПРОЧЕНИИ ВЫСОЧАЙШЕГО МАНIFESTA О ГОСУДАРСТВЕННОМъ ВООРУЖЕНИИ*)

 такъ, злобный духъ брани еще не насытился кровю человѣческою и требуетъ новыхъ жертвъ!... Итакъ, зависть и давняя вражда къ намъ темнаго запада, и видимо наказуемая свыше, все еще не хотятъ смириться подъ крѣпкую руку Божію и снова подъемлютъ главу уже не противъ могущества токмо и величія, а противъ самыхъ несомнѣнныхъ и священныхъ правъ нашего любезнаго отечества!...

Россіи ли уступить малодушно побѣду надъ собою и правымъ дѣломъ своимъ этой беззаконной зависти и враждѣ, и, подобно невѣрному нѣкогда ученику, отречься—изъ страха рабыни—отъ своего великаго и святаго предназначенія?

Нѣтъ, не для того превознесена она самыемъ Промысломъ Богомъ надъ царствами и народами, чтобы, съ высоты Богомъ даннаго величія, преклонить вѣнчанную крестомъ главу свою предъ богопротивнымъ и истрѣбившимъ отъ самаго времени знаменемъ Магомета, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, и кѣмъ бы безумно ни поддерживалось! Нѣтъ, не для того великому Монарху всероссійскому дано свыше пройти, столь же трудный какъ и достославный, опытъ тридесятилѣтняго царствованія надъ шестидесятию миллионами вѣрноподданныхъ, чтобы потомъ, оставивъ прямой и величественный путь правды и великодушія, начать

*) Произнесенное въ Одескомъ каѳедральномъ соборѣ, 13 февраля 1855 года, въ недѣлю православія.

идти по стропотнымъ слѣдамъ самоназванныхъ властителей и не-самовластныхъ въ собственномъ царствѣ повелительницъ!...

*Не Богу ли повинется душа моя, восклицалъ нѣкогда св. Царь израилевъ, когда съ одной стороны злобные враги обыдоша его, яко пчелы сотъ (Псал. 17, 13), а съ другой — малодушные друзья и совѣтники предлагали ему разныя невеликодушныя средства къ избавленію себя отъ опасностей,—не Богу ли повинется душа моя! Отъ Того бо спасеніе мое: той Богъ, Спасъ мой, и не подвижуся во вѣкъ (Псал. 61, 1). Такъ можетъ сказать нынѣ въ слухъ всего свѣта Монархъ всероссійскій съ вѣрнымъ народомъ своимъ. *Не Богу ли, единому Богу будеть послушна душа наша?* Отъ Того бо единаго величіе и могущество, сила и крѣпость, защита и спасеніе наше. Кто бы по сему и чѣмъ бы ни угрожалъ намъ; какія бы силы и средства ни употреблялись противу нась: мы готовы на все, но не измѣнимъ Богу, Спасителю нашему, не предпочтемъ нашихъ выгодъ Его славѣ, не предадимъ въ руки враговъ святаго дѣла, намъ вѣренаго. *И не подвижуся во вѣкъ!**

Да, братія мои, Россіи и Монарху ся можетъ повелѣвать единъ Богъ!...

По сему для нась важно не то, кто противу нась теперь и сколько ихъ, а то единое, угодно ли дѣло наше Богу? Благопріятна ли Ему самая ревность наша? Не отметна ли предъ Нимъ по чему либо самая правда наша?—Кто скажеть намъ это? Скажутъ и возвѣстять самыя события.—Что же говорятъ события?

Онѣ внятно говорятъ, что брань настоящая видимо содѣлалась такою бранью, въ продолженіи коеи десница Всевышняго, не смотря на весь мракъ событий и мглу страстей человѣческихъ, уже проявила себя, и надъ нами и надъ врагами нашими столько, что, при всемъ недостоинствѣ нашемъ, мы можемъ быть увѣрены, что жертва наша во славу св. вѣры и человѣчества принята со благоволенiemъ. Почему можемъ быть увѣрены? Потому, что Господь, вравумивъ нась, сколько было нужно,—его же бо любитъ, наказуетъ (Евр. 12, 6), какъ свидѣтельствуетъ св. Павель,—въ тоже время видимо побораетъ по нась и грозно посрамляетъ ослѣпленныхъ гордостю противниковъ нашихъ.

Не смущайтесь, когда мы съ благоговѣніемъ исповѣдуемъ, что Всевышній нашелъ нужнымъ преподать вразумленіе и намъ самимъ, кои вышли на брань, какъ на служеніе имени Его: ибо при всей чистотѣ намѣреній и прямотѣ дѣйствій нашихъ, дерзнемъ ли представлять себя совершенно чистыми и непогрѣшими даже предъ очами Божіими? Осмѣлился ли,—если мы во-истину

слуги Божии, — думать и утверждать, что поелику мы стали за вѣру и правду, то намъ потому не нужно уже было никакого указанія и урока свыше? Яко человѣки, мы, по самой ревности нашей о вѣрѣ и правдѣ, могли забыть свою нечистоту и возмечтать о себѣ паче, нежели подобаетъ, и изъ смиренныхъ служителей славы Божией обратиться въ гордыихъ распорядителей великаго и святаго дѣла, нами предназначатаго. И вотъ, вседержавный Промыслъ Божиі, для удаленія отъ наасъ сей опасности, по отеческой любви своей къ намъ, преподаетъ намъ урокъ смиренія и преданности. Въ чемъ преподаетъ?

Въ томъ, во первыхъ, что когда мы, ставъ за вѣру и правду, ищемъ, всеусердно ищемъ, не браны и побоідъ, а единаго, благотворного для самыхъ враговъ нашихъ, мира; въ то самое время вопреки всѣмъ съ нашей стороны снисхожденіямъ и жертвамъ, срѣтаемъ не миръ искомый, а вражду противъ наасъ самую корварную, брань самую ожесточенную.

Въ томъ, далѣе, что когда мы руководимся въ сношеніяхъ съ недругами нашими, и во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ, побужденіями самыми чистыми и безкорыстными; намъ, сверхъ всякаго ожиданія, усвояются помыслы завоевательные и разрушительные; наасъ,—кто бы подумалъ? — представляютъ врагами того самаго всеобщаго порядка между народами, который мы,—почти единые мы,—поддерживали съ такимъ самоотверженіемъ цѣлые полвѣка;—и едвѣ не весь велемудрый западъ, яко дитя неразборчивое, вѣрить этой нелѣпой клеветѣ!...

Въ томъ наконецъ преподанъ намъ урокъ свыше, что когда недруги наши—и дальние, тѣмъ паче ближайшій, вовсе не готовы были къ начатію браны съ нами, а въ рукахъ нашихъ находилось множество средствъ къ быстрому достиженію нашихъ намѣреній (какъ въ томъ громко признаются теперь сами враги наши); мы, вмѣсто быстраго и рѣшительнаго употребленія нашихъ средствъ и силъ,—никому же воспіяшающу,—по единому великодушію нашему, медлимъ извлечь изъ ноженъ мечъ, и вознести его побѣдоносно на главу слабаго противника, пока онъ не собралъ всѣхъ своихъ силъ, и не окружилъ себя многочисленными союзниками, чрезъ что естественно долженъ былъ затрудниться для наасъ всякий успѣхъ въ дѣлѣ столь трудномъ и великому.

Но, если надѣя нами проявилъ себя перстъ Божій вразумляющій, то надѣя врагами нашими во всей силѣ открылась грозная

десница Божія, уже не вразумляющая токмо, а карающая и низлагающая гордость и нечестіе человѣческое.

Для убѣжденія въ семъ, примите трудъ разсмотрѣть вмѣстѣ съ нами хотя три слѣдующія обстоятельства.

Воспользовавшись, сколь неожиданнымъ, столь же благопріятнымъ для враговъ, нашимъ великодушнымъ замедленiemъ дѣла брани, они совокупляютъ наконецъ всѣ силы и средства свои въ единомъ мѣстѣ, дабы произвести вторженіе въ предѣлы наши. Время года для нихъ въ семъ случаѣ есть первый и главный—союзникъ или врагъ. Они вполнѣ чувствуютъ это и дорожатъ каждымъ днемъ; между тѣмъ, сверхъ всякаго ожиданія, проводятъ недѣли и мѣсяцы, не трогаясь съ мѣста, и упуская такимъ образомъ драгоцѣнное для успѣха въ ихъ предпріятіи время. Что держитъ ихъ и не позволяетъ отправиться въ путь?—Появление внезапной, жестокой болѣзни, которая свирѣпствуетъ съ такою силою, что еще до меча нашего погубляетъ многихъ изъ нихъ и ослабляетъ едва не всѣхъ, отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ большую часть времени, самаго нужного для нихъ и ничѣмъ не вознаградимаго. И почудитесь судьbamъ Божіимъ! эта же язва, поражающая нашихъ враговъ и запинающая стопы ихъ, не касается никакъ насть, хотя мы весьма близки къ ихъ стану военному, и съ суши и съ моря.

Скажите сами, не перстъ ли это Всемогущаго, карающій и низлагающій гордость и нечестіе? Кто могъ послать на враговъ нашихъ въ такое время эту лютую язву? Кто могъ сказать ей, какъ нѣкогда Ангелу, истребителю первенцевъ египетскихъ: иди, поражай однихъ и не коснися другихъ?—Единъ Богъ!...

Но, вотъ, освободившись отъ смертоноснаго недуга, противники наши преплываютъ наконецъ море и приближаются къ берегамъ нашего полуострова. Здѣсь, какъ бы въ вознагражденіе за прошедшія ихъ бѣдствія и лишенія, а судя по послѣдствіямъ, можно сказать, какъ бы въ поощреніе на пути къ новымъ потерянъ и наказанію свыше, сначала все видимо имъ благопріятствуетъ: берега наши являются предъ ними совершенно беззащитными; воинственные дружины наши, по неравенству силь, хотя не безъ упорного боя, уступаютъ имъ свое мѣсто; единственная твердыня наша—главная щель ихъ нашествія,—едва не на половину пространства своего еще почти беззащитна и открыта къ нападенію; весьма не великое и безъ того число защитниковъ ея должно было еще болѣе умалиться чрезъ отдѣленіе отъ себя значительнѣйшей части ихъ на сторону, дабы не потерять соображеніе.

нія со всею осталыною Россіею. Мы въ крайности предъ лицемъ врага многочисленнаго, надменнаго и торжествующаго заранѣе!... Что лучше для него и опаснѣе для настъ? Не здѣсь ли верхъ его торжества и нашего низложенія? Такъ казалось всѣмъ — долу, а тамъ — горѣ опредѣлялось иное, противное... Вмѣсто прямаго и быстраго нападенія на настъ, за успѣхъ коего было столько по-рукъ, враги вдругъ предпринимаютъ обходъ нашей твердыни, какъ бы подобясь Навину предъ Іерихономъ, только, увы, не съ знаменемъ Іеговы, а съ позорнымъ знаменемъ Магомета!... Среди самаго этого, безплоднаго и вреднаго для нихъ, обхожденія устремились они на право,—и твердыня наша, съ сей стороны почти беззащитная, могла бы подвергнуться величайшей опасности; устремились на лѣво,—и слабая предъ ними числомъ рать наша, по всей вѣроятности, должна бы уступить имъ побѣду надъ собою. Но врагамъ нашимъ до того и другаго какъ бы нѣтъ никакого дѣла; они спѣшатъ, какъ можно скорѣе, пройти всѣхъ, ожидавшихъ ихъ, успѣховъ, можно сказать, мимо своего счастія, и по читаютъ за торжество, что овладѣваютъ, безъ всякаго съ нашей стороны сопротивленія, небольшимъ прибрежіемъ, которому суждено содѣваться, какъ показало время, мѣстомъ ихъ не торжества, а нѣкоего какъ бы заточенія и казни свыше.

Кто могъ такъ неожиданно превратить жребій браніи въ нашу пользу и во вредъ врагамъ нашимъ? Тутъ не было въ это время видимаго столпа облачнаго и огненнаго, отдѣлившаго нѣкогда вѣрный Богу народъ израильскій отъ египтянъ; но былъ, вѣруемъ, что былъ нѣкій Ангелъ, намъ споравшій, а ближе всего, были и дѣйствовали наши священномуученики херсонскіе, кои, имъ единственнымъ довѣдомою завѣсою, закрыли предъ очами враговъ, незабвенное для нихъ и на небѣ, поприще своихъ подвиговъ на землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣлали незримою для нихъ слабую сторону нашей твердыни и малочисленность нашей, стоявшей вѣя, рати. Такимъ образомъ самые опасные намъ, самые дорогіе и благопріятные врагамъ нашимъ дни прешли — для настъ безбѣдно, для нихъ — безплодно и невозвратимо; и лицо браніи на полуостровѣ Херсонскомъ, столь неблагопріятствовавшее дотолѣ намъ, обратилось всецѣло противу враговъ нашихъ. На новомъ мѣстѣ своемъ, забывъ свою прежнюю кичливость, они вскорѣ начали прилежно помышлять уже не столько о нападеніи на настъ, сколько о защищении самихъ себя.

Но, упустивъ такъ необдуманно изъ рукъ своихъ такой благопріятный случай къ торжеству надъ нами, враги наши, на новомъ

мѣстѣ своемъ, будуть по крайней мѣрѣ безопасны отъ нашихъ внезапныхъ нападеній: ибо предъ ними теперь, въ защиту ихъ, рвы и окопы; за ними — море, которое всецѣло въ ихъ власти, и, обезопасивая собою станъ ихъ, служить къ доставленію имъ всего нужнаго...

Да, нась нѣтъ на этомъ морѣ, но присущъ тотъ, Кто единъ владычествуетъ *державою морскою*, и еще доселѣ никому не уступалъ власти своей надъ бурями и безднами морскими. По Его величию, является внезапно вѣтръ и возстаетъ буря съ такою свирѣпостію, какой не видали никогда столѣтніе старцы, которая приводитъ въ трепетъ самыхъ опытныхъ и всесвѣтныхъ мореплавателей; и въ нѣсколько часовъ погибаетъ у враговъ нашихъ большая часть того, что собрано было ими во вредъ намъ съ великими усилиями, едва не со всѣхъ краевъ свѣта, и что казалось неодолимымъ ни для какихъ силъ и мужества человѣческаго.

Вы знаете, что послѣдовало за тѣмъ со всѣми врагами нашими,—какъ сотни и тысячи изъ нихъ начали падать уже не отъ меча и огня нашего, а отъ изнуренія душевнаго и тѣлеснаго, отъ глада и хлада; какъ *цѣлыя* толпы изъ нихъ же, оставивъ въ отчаяніи собственныя знамена, ищутъ спасенія себѣ среди стана нашего;—какъ приходящіе къ нимъ на помощь соплеменники не столько увеличиваются ихъ силы, сколько умножаютъ собою общее бѣдствіе и смертность; — какъ, въ слѣдствіе того, безразсудные властелины и распорядители, пославшіе легкомысленно воинства свои въ предѣлы наши, приходятъ въ стыдъ и смущеніе, не зная, что отвѣтить за погибель ихъ своему народу и своей совѣсти;—какъ наконецъ совѣстнѣйши и безпричастнѣйши изъ самыхъ враговъ нашихъ, забывъ свою народную гордость и всѣ корыстные разсчеты, и внемля единой истинѣ, въ слухъ всего свѣта признаются, что надъ ними пролился гнѣвъ небесный за нечестивое содружество съ поклонниками Магомета и за угнетеніе въ пользу послѣднихъ, и безъ того злополучнаго, христіанства на востокѣ.

И послѣ таковыхъ знаменій свыше,—въ посрамленіе враговъ нашихъ и въ ободреніе нась къ подвигамъ,—оставить намъ великое и святое дѣло свое, не кончивъ его, яко же подобаетъ? И видя надъ собою такой покровъ небесный, Россія оскудаѣтъ въ самоотверженіи и пожалѣтъ жертвъ на алтарь Господень, когда враги наши не престаютъ въ такомъ множествѣ препосыпать сыновъ своихъ въ жертву Баалу и Молоху?...

Нѣтъ, не для того превознесена она самимъ Провидѣніемъ Божімъ надъ царствами и народами, чтобы съ высоты Богомъ даннаго величія и могущества преклонить главу свою предъ темнымъ знаменемъ Магомета! Нѣтъ, не для того великому Монарху ея предоставлено свыше пройти тридесятимѣтній опытъ труднаго и славнаго царствованія, чтобы потомъ, оставивъ истинно царскій путь правды и великодушія, начать идти по слѣдамъ самоизванныхъ властителей и маловластныхъ въ собственномъ царствѣ повелительницъ!..

Это самое,—благодареніе Богу, — выражается, какъ вы слышали, въ провозглашенномъ сейчасъ предъ вами, великому словѣ царевомъ къ Россіи. Яко царь—христіанинъ, Монархъ нашъ искренно желаетъ мира, столь нужнаго для христіанства; и, не ища никакихъ земныхъ выгодъ для себя и своего царства, готовъ, изъ любви къ человѣчеству, уступить, въ чемъ можно, даже самолюбію и страстиамъ человѣческимъ: но яко вѣрный слуга Божій, яко природный защитникъ Церкви православной и всѣхъ чадъ ея, онъ не измѣнитъ великому дѣлу вѣры и правды, не предастъ судьбы православія на востокѣ не только въ руки изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета, но и на произволъ ихъ полухристіанскихъ союзниковъ.

И надообно же было сему, новому и исполненному вѣры и превданности, слову цареву явиться и услышаться въ обѣятомъ племенемъ войны за православіе краю нашемъ не въ другое какое либо время, а именно нынѣ — въ день Православія и торжества св. Церкви надъ ея врагами!... Не знаменіе ли и это—для насъ—въ благо!

Служители алтаря! — когда будете возглашать сейчасъ великія и святые истины, составляющія сущность и отличіе православной вѣры нашей, провозгласите ихъ, если можно, въ десять разъ громче обыкновенного! Да огласятъ онѣ собою не только храмы, самыя стогны наши! Да пронесется звукъ ихъ по всему востоку и западу, — въ утѣшеніе гонимымъ на востокѣ обратіямъ нашимъ по вѣрѣ, и къ вразумленію западныхъ недруговъ нашихъ, столь позорно измѣняющихъ великому дѣлу всего христіанства!

Да услышитъ и познаеть весь свѣтъ, что на землѣ нѣть силы, могущей устрашить православную Россію, доколѣ она вѣрна Богу отцевъ своихъ! — Аминь!

СЛОВО

ПРИ ОДУЧЕНИИ РОСТЫ, ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА,

О КОНЧИНѢ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА*).

Мачавъ, по случаю св. и великаго поста, пастырскія собесѣдованія съ вами о смерти, думали ль мы, братія мои, что, среди сихъ собесѣдованій, ужасный образъ смерти предстанеть намъ въ лицѣ самого возлюбленнаго Монарха нашего?—Кто бы изъ насъ не отдалъ сто разъ собственной жизни, только бы онъ, мудрый, правдолюбивый и великодушный, продолжалъ жить и царствовать для блага отечества и въ страхъ врагамъ нашимъ? Но въ судьбахъ Всевышняго положено иное, иное!.... Когда никто на земли не ожидалъ подобнаго удара; когда всѣ мы предавались разнымъ помысламъ и надеждамъ въ будущемъ: Ангель смерти явился внезапно въ чертогахъ царскихъ и гласомъ неба воззвалъ Самодержавнаго Труженика нашего отъ престола земнаго къ престолу Царя славы.... Кто могъ остановить Исполнителя судебъ высшихъ и сказать ему: помедли; вѣнценосецъ сей нуженъ еще для земли! Ахъ, тамъ лучше насъ видятъ, что и когда потребно для бѣдной земли нашей!....

Здѣсь-то познаемъ во всей силѣ, что пути и совѣты Божіи во истину отстоятъ отъ путей и совѣтовъ человѣческихъ, какъ отстоитъ небо отъ земли,—что единъ Вышній владѣетъ самодержавно царствомъ человѣческимъ, и, ему же восхощетъ, дастъ е (Дан. 4, 14), что Онъ единъ поставляетъ и представляетъ,

*) Произнесенное въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ въ Среду 4-й недѣли Великаго поста.

(Дан. 2, 21) владыкъ земныхъ, даетъ и отъемлетъ духа князей (Псал. 85, 13). Съ Нимъ ли вступать въ споръ? Предъ Его ли всесвятою волею не преклониться съ благоговѣніемъ? Не смотря по сему на величость скорби нашей и на всю тяжесть внезапнаго лишенія, падемъ, братія мои, съ вѣрою и преданностію, падемъ мысленно предъ престоломъ Самодержца небеснаго и гласомъ величайшаго изъ страдальцевъ земныхъ воскликнемъ: яко Господеви изволися, тако и бысть! Господь даде, Господь отъятъ. Буди имя Господне благословено во вѣки (Пов. 1, 21).

Да, братія мои, это не какое либо обычное, хотя весьма горестное и печальное, событие, это не простое видоизменение земного жребія сыновъ человѣческихъ: нѣтъ, это великое и священномонастырское дѣйствие судебъ Божіихъ! Въ неожиданной кончинѣ Монарха нашего, — скажемъ словами св. Давида, — самъ Господь съ небесе возгрелъ и самъ Выший даде гласъ свой (Псал. 17, 14). Для кого возгрелъ, и для кого даде гласъ? Для всей вселенной, для всѣхъ царствъ и народовъ,—для настѣ и для смиренныхъ враговъ нашихъ. Куда не достигнутъ звуки сего всепотрясающаго гласа? Громомъ пронесется онъ по всѣмъ концамъ земли и, яко гласъ Всемогущаго, всѣхъ поразить недоумѣніемъ, всюду приведетъ въ движеніе умы, сердца и уста. Неуклонно вѣрующей въ Бога отцевъ своихъ, Россіи не въ первый разъ смиряться и благоговѣть предъ неисповѣдимостю судебъ Божіихъ: но что должны возвучствовать и помыслить при семъ враждующіе намъ? Стоя мысленно у гроба того, который такъ не-праведно былъ возненавидѣнъ ими за свое великодушіе и правду, осмѣлятся ли они предъ грознымъ лицемъ самой смерти продолжать уклоняться сердцемъ своимъ въ словеса лукавствія и непечевати вины о грѣхахъ своихъ (Псал. III, 4)? Ахъ, вспоминая невольно великія заслуги человѣчеству почившаго въ Бозѣ Монарха, теперь многіе изъ нихъ, можетъ быть, отъ всей души готовы были бы взять назадъ всѣ свои напрасныя подозрѣнія, всѣ клеветы безумныя: но прошедшее не возвратимо, и никакое раскаяніе не изгладитъ уже мрачнаго пятна съ ихъ совѣсти. Долго ли притомъ возстать новымъ треволненіямъ народовъ? явиться паки тѣмъ ужаснымъ бурямъ, кои такъ недавно еще превращали царства и сокрушали престолы? Тогда сто разъ взыщутъ того, кто, забывая всѣ земные выгоды, одушевляясь единимъ чувствомъ святаго долга и любви къ человѣчеству, какъ нѣкій Архистратигъ, стоялъ мужественно со всѣми силами своими за права и правду, за всемирный порядокъ и тишину на-

родную.... Взыщутъ: но его уже не обрящется болѣе на земли! Онъ будетъ стоять предъ престоломъ Царя царей и свидѣтельствовать противу тѣхъ, кои не восхотѣли разумѣть его великаго и чистаго служенія человѣчеству. Тогда-то во всей силѣ исполнится богоодухновенное слово Царя-Пророка, яко солга неправда себѣ (Псал. 26, 12.)!

Да даруетъ Господь, чтобы, ослѣпленные доселѣ злобою противу насъ, недруги наши, хотя теперь, возвучавшіи всю бренность естества человѣческаго, престали скрывать истину въ неправдѣ, познали свое заблужденіе и, оставивъ несчастное упорство противу ударовъ наказующаго ихъ Промыслы Божія, разстались съ темнымъ знаменемъ Магомета, и обратились съ раскаяніемъ къ забытому ими Кресту Христову, который единъ станетъ надъ могилою и первого изъ Вѣнценосцевъ и послѣдняго изъ подданныхъ.

Для насъ, братія мои, среди презѣльной скорби нашей, великое утѣшеніе уже въ томъ, что когда единъ Ангель отшелъ отъ насъ, другой въ тоже время явился на его мѣстѣ, явился въ томъ же всеоружіи Божіемъ, — съ крестомъ въ сердцѣ, съ благостію на челѣ и устахъ, съ вѣтвью мира въ деснице, и съ молніеноснымъ мечемъ правды въ шуйцѣ. Пусть враги наши по прежнему избираютъ то или другое, по ихъ произволу: а нашъ произволъ единожды и навсегда заключенъ въ истинѣ и правдѣ, въ искреннемъ желаніи мира человѣчеству, самимъ врагамъ нашимъ, но и въ непреложномъ защищеніи христіанства отъ безумія и лютости мусульманской. Если почившему въ Бозѣ не суждено совершить великаго и святаго дѣла, имъ предназначатаго; если для продолженія и совершенія его посылается другой Ангель вѣнценосный: то это знакъ, что дѣло сіе есть не человѣческое, а Божіе; что въ немъ долженъ проявиться одинъ изъ тѣхъ великихъ судовъ Божіихъ, коими оканчивается, что приготовлялось вѣками, и начинается, что должно простиаться на цѣлые столѣтія. Посему—то на безмолвіе, съ кончиною Монарха простершееся не только вокругъ его гроба, не только въ предѣлахъ нашего отечества, но и по лицу всей земли, — я невольно взираю какъ на нѣкое подобіе того священотаинственнаго молчанія, о коемъ сказано въ дивномъ откровеніи Іоанновомъ: и бысть безполвіе на небеси яко полчаса (Апок. 7, 1). Въ продолженіе таковыхъ, рѣдкихъ и величественносвященныхъ, минутъ,—доколѣ не вскроется новая печать (Апок. 6, 1) на книгѣ судебъ предвѣчныхъ, и не проглаголють на весь міръ новые

гласы таинственныхъ громовъ (Апок. 10, 5), — намъ земнороднымъ приличны не вопросы и недоумѣнія, не гаданія и предположенія, а безмолвіе молитвенное, смиреніе духа, преданность сердца, и благоговѣйное ожиданіе того, что речетъ о насть самъ Господь (Псал. 84, 9).

Предавъ Ему всецѣло судьбу нашу и всего отечества—въ настоящемъ и будущемъ, обратимся, братія мои, въ простотѣ вѣры и сердца къ исполненію нашего настоящаго долга; и во-первыхъ, сопроводимъ душу отшедшаго отъ насть Монарха теплыми молитвами ко Господу, да подастъ Ему успокоеніе отъ Его превеликихъ трудовъ царственныхъ, коими столь долго и достославно потрудился онъ для блага Россіи. Срѣтимъ столь же теплыми молитвами и упованіемъ нового Ангела, исходящаго на царственное служеніе намъ и отечеству, да ниспослется свыше, всѣмъ иззвѣстной, добротѣ его сила и крѣпость, толико нужныя во время настоящее.

Мы же, при помощи Божіей, непрерывно бесѣдовавши съ вами доселѣ о смерти, глубоко чувствуемъ необходимость умолкнуть на время, дабы самимъ вполнѣ поучиться отъ столь великаго и поразительного события, каково—неожиданная кончина Монарха Всероссійскаго. Проповѣдь наша къ вамъ чрезъ то не прекратится: только вы будете продолжать слышать ее уже не изъ нашихъ слабыхъ устъ, а изъ гроба почившаго Вѣнценосца, слышать—потому самому — еще въ болѣе сильномъ и трогательномъ видѣ, нежели какъ бы она могла быть предложена отъ насъ съ сего священнаго мѣста. — Аминь.

СЛОВО

И О ПОДУЧЕНИИ РЕСТА, ВО ГРЯДЫ БРАНН,

О КОНЧИНѢ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА**)

 Напрасно ли мы, оканчивая послѣднюю бесѣду нашу съ вами о смерти, сказали, что изъ гроба почившаго въ Бозѣ Монарха вы будете слышать самую поучительную проповѣдь о семъ же предметѣ? Вотъ, она огласила уже собою едва не всѣ предѣлы отечества и достигла со всею силою и къ намъ. Я называю проповѣдю сказаніе о послѣднихъ минутахъ почившаго.... Какая мирная, благочестивая и, можно сказать, блаженная кончина! Это не смерть съ ея ужасами и страданіями, а тихое отшествіе изъ одной страны въ другую,—не смерть, а какъ бы нѣкое—заранѣе предположенное—перемѣщеніе изъ одного обетшавшаго дома въ новое жилище. До послѣдней минуты полное сознаніе себя и своего долга! До послѣдней минуты неослабное попеченіе не только о своей душѣ, но и о судьбѣ своего царства и обѣ участіи присныхъ своего дома! Ни единаго знака приверженности къ земному величію, теперь навсегда оставляемому; ни малаго смущенія при вступленіи во врата вѣчности, на поприще нового высшаго бытія—обонполъ видимаго! Много ли подобныхъ кончинъ срѣтаемъ мы во всей всемірной исторії?

А сколько причинъ было къ противному? И недостиженіе, недальнихъ и безъ того, предѣловъ жизни человѣческой, и оставленіе навсегда—любимаго и погруженного въ горесть семейства,

*) Произнесенное въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Пятокъ 4-й неѣли Великаго Поста.

и невозвратная разлука съ трудами царственными, къ коимъ такъ привыкли умъ и сердце, — и самое неокончаніе великаго и святаго дѣла, начатаго столь великодушно во славу Божію и ко благу человѣчества..... О, было отъ чего уныть самому великому духу; было отъ чего прійти въ смущеніе самой крѣпкой душѣ! Но, когда пришелъ послѣдній часъ, все сіе скоро и рѣшительно препобѣждено—живою вѣрою въ Бога и твердымъ упованіемъ жизни вѣчной за гробомъ. Почившій едва токмо услышалъ горнее призваніе, забывъ все земное, подобно возлюбленному Богомъ Самуилу, не медля, со всею искренностю отозвался на гласъ Божій: се азъ! да будетъ воля твоя!... (І Цар. 3, 4).

Кто изъ насъ не пожелалъ бы себѣ столь мирной и благословенной кончины?

Но, думаете ли, братія мои, что такое крайне отрадное и поучительное явленіе на престолѣ царскомъ могла произвести сама собою наша слабая и бренная природа человѣческая? Нѣтъ, это превыше ея: *плоть и кровь не являются сего* (Мат. 16, 17); это могла произвести и произвела всемогущая благодать Божія, коєя *сила въ непочти совершається* (2 Кор. 12. 9), и которая едина не оставляетъ избранныхъ своихъ въ то время, когда они должны проходить среди тьмы и сѣни смертной.

Для чего произвела? — Дабы услаждены были послѣднія на землѣ минуты вѣнценоснаго Подвижника, который, вмѣсто цвѣтovъ мира и плодовъ согласія и любви, кои такъ неутомимо съялъ онъ, въ продолженіи всей царственной жизни своей, по лицу всей земли, подъ конецъ земнаго поприща своего, всюду за предѣлами отечества—срѣтиль едва не одно терніе....

Для чего произвела? — Въ отраду и утѣшеніе порфироноснаго семейства и всего царелюбиваго отечества нашего, дабы онъ, лишаясь внезапно вождя и отца своего, не имѣли причины смущаться зухомъ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, еще и отъ предсмертныхъ страданій Его, и тѣмъ благодушнѣе, по Его же примѣру, укрѣпились вѣрою въ Бога и возложили все упованіе свое на промыслъ Всевышняго.

Для чего произвела? — Въ урокъ и поученіе самымъ врагамъ нашимъ, дабы они, видя въ самомъ образѣ кончины усопшаго Монарха Всероссійскаго, что не единъ конецъ *праведному и нечестивому, чистому и нечистому, благому и злому* (Еккл. 9, 2), забывающему вѣру и совѣсть и неуклонно слѣдующему своему долгу,—пришли въ разумъ и чувство отъ своего ожесточе-

нія, не возымѣли дерзости, подобно древнимъ хулителямъ, сказать у самаго гроба его: *гдѣ есть Богъ твой* (Псал. 41, п)?

Возблагодаримъ же, братія мои, Господа за то, что Онъ, всеблагій, ниспослалъ таковую блаженную кончину почившему въ Бозѣ, возлюбленному Монарху нашему, и симъ самымъ, среди дней плача и стѣтанія, утѣшиль и ободрилъ всѣхъ насъ, Его вѣрноподданныхъ.

. А между тѣмъ, для собственного назиданія нашего, приникнемъ, хотя мало, въ тайну этой, вожделѣнной для каждого, кончины.

Откуда она—въ семъ отрадномъ видѣ?— Отъ живой и твердой вѣры въ Бога,—отъ постоянной и неослабной вѣроности къ исполненію своего долга. Это самое громко скажеть, и утвердить въ слухъ всего свѣта вся Россія. Сего не можетъ отвергнуть никто и за предѣлами отечества—изъ самыхъ завистниковъ славы его.

Искренно вѣровалъ почившій въ Бозѣ Монархъ въ ту великую и святую истину, что владыки земные суть не что иное, какъ временные приставники и слуги Божіи во благо вѣренныхъ имъ народовъ, и что имъ, какъ и всякому изъ ихъ подданныхъ, предлежитъ въ свое время предъ Царемъ царствующихъ строгій отчетъ о всемъ великомъ приставленіи домовѣмъ (Лук. 16, 2). Посему жиль, дѣйствовалъ и трудился онъ на великомъ поприщѣ своемъ, изъ всѣхъ силъ и отъ всея души, —трудился не для славы земной, а во славу Божію, не ради суетныхъ видовъ и выгодъ человѣческихъ, не по внушенію страстей, а по гласу совѣсти, сообразно истиннымъ нуждамъ своего народа и всего человѣчества. Отсюда готовность на всякое дѣло благое, и на всякий подвигъ общеполезный, какъ бы они трудны и велики ни казались; отсюда забвеніе выгодъ и удобствъ собственной жизни и пренебреженіе очевидныхъ опасностей; отсюда непрестанное попеченіе о самыхъ отдаленныхъ краяхъ неизмѣримаго царства, о самыхъ малыхъ нуждахъ каждой страны. Предъ его очами всегда и вездѣ были три предмета: вѣра православная, Россія и благо человѣчества. Здѣсь, въ этомъ троичномъ источникѣ, почерпалъ онъ неумолкающее побужденіе къ высокимъ помысламъ и великимъ трудамъ своимъ; здѣсь же, въ удовлетвореніи своего долга къ Церкви, отечеству и человѣчеству, находилъ онъ утѣшеніе и награду за свои подвиги, не заботясь о томъ, что подумаютъ о нихъ гдѣ либо и кто либо.

Съ какою охотою плѣнялъ онъ разумъ свой въ послушаніе

св. вѣры! Какъ далекъ былъ отъ всѣхъ превозношенній лжеименной мудрости земной и шатаній ума превратнаго! Духъ времени, такъ жалко въ семъ отношеніи ослѣпляющій многихъ, надъ нимъ не имѣль никакой силы.

Съ какимъ усердіемъ исполнялъ онъ обязанности сына Церкви и пекся о ея нуждахъ! Съ какимъ благоговѣніемъ стоялъ во храмахъ и приступалъ къ таинствамъ Христовымъ! На престолѣ онъ былъ первымъ изъ владыкъ земныхъ, предъ алтаремъ Божіимъ — простымъ и смиреннымъ христіаниномъ.

Россія, во все предложеніе царствованія его, видѣла въ немъ не столько самодержца и повелителя, сколько отца и благодѣтеля, который радовался отъ души всѣми ея радостями, скорбѣль и печалился отъ искренняго сердца ея печалиами. Не ему ли обязана она тѣмъ достоуважаемымъ свиткомъ законовъ, котораго ожидала прежде болѣе столѣтія? Не отъ него ли приняла она множество общеполезныхъ учрежденій, кои будутъ служить во благо ея на вѣки? Не онъ ли оградилъ ее твердынями, о кои сокрушаются теперь вся крѣпость и вся злоба враговъ? Не имъ ли возвышены и распространены обители просвѣщенія и человѣколюбія общественнаго, раскрыты новые источники народнаго богатства? Не онъ ли простеръ отеческое вниманіе на положеніе самаго послѣдняго изъ простолюдиновъ?

И вотъ, поелику почившій въ Бозѣ Монархъ искренно возлюбилъ Господа и пребыль вѣрнымъ Ему даже до смерти; поелику онъ столь же нелестно возлюбилъ народъ свой и трудился для блага его, не жалѣя самаго здравія и жизни своей: то и Господь возлюбилъ его видимо; благословилъ особенными успѣхами многіе труды его; далъ ему видѣть сыны сыновъ своихъ; и проявилъ надъ нимъ благоволеніе и милость свою въ послѣдніе минуты его жизни, такъ что кончина его послужитъ навсегда умилительнымъ примѣромъ того, какъ подобаетъ оставлять жизнь царю—христіанину.

Хощеть ли посему кто либо и изъ насъ подобной кончины христіанской?—Да подражаетъ въ жизни и дѣйствіяхъ своихъ, колико возможно—въ предѣлахъ званія своего—почившему Вѣнченосцу, оставаясь всегда вѣрнымъ Богу, совѣсти и своимъ обязанностямъ; и Господь подастъ ему желаемое. Ибо вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, что какова жизнь человѣка, такова и смерть.—Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ВОСЛОЖЕНИИ ПОРОЙ ЗОЛ. РИЗЫ НА СВ. ИКОНУ БОГОМАТ. КАЗАЧЕВСКОЙ*)

ПРЕДЪ АКАФИСТНЫМЪ ПѢНИЕМЪ ВЪ ПОХВАЛУ БОГОМАТЕРИ, ВЪ НА-
ВЕЧЕРИИ СУББОТЫ 5-Й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

 в. Давидъ въ одномъ изъ Богодухновенныхъ псалмовъ сво-
ихъ, изобразивъ необыкновенное, внутреннее и внѣшнее, ве-
личие Богомъ вѣнчаннаго Царя, обращается потомъ къ ли-
цу Его съ слѣдующими достопримѣчательными словами: *предста
Царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна, преиспещ-
рена* (Псал. 44, 10).

Дивный Царь сей, по разумѣнію св. отцевъ Церкви, и по са-
мому свойству изображенія Его у св. Давида, есть возлюбленный
Господь и Спаситель нашъ, который, по совершеніи на землѣ кре-
стною смертю своею великаго дѣла искупленія рода человѣчес-
каго, вознесся потомъ съ плотію на небеса и возсѣлъ тамъ на пре-
столъ славы одесную Отца своего. Царица, представшая, — какъ
то созерцалъ въ духѣ св. Давидъ, — одесную сего Царя, есть пре-
чистая Матерь Христова, которая, по всечестномъ успеніи Ея, какъ
свидѣтельствуетъ о томъ священное преданіе, такъ же съ пло-
тию преставлена на небеса, къ престолу Бога Сына своего.—По-
злащенная и преукрашенная риза, которую созерцалъ на ней восхи-
щенный духомъ Псалмопѣвецъ, есть преизбытокъ всякаго рода ду-
ховныхъ и тѣлесныхъ совершенствъ, въ кои облеклась Она, по-

*) Произнесенное въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, марта 11-го 1855 года.

вступленіи Ея на небесахъ въ подобающій Ей санѣ честнѣйшей Херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія Серафимъ. Къ такой пренебесной ризѣ, что можетъ приложить воля человѣческая, самая усердная, и рука самая искусная? Предъ сею ризою, или яснѣ сказать, предъ сею полнотою совершенствъ пренебесныхъ, можно только, вмѣстѣ съ сонмомъ Ангеловъ, благоговѣть и теряться въ радостномъ изумлениі.

Но, дивная Царица сія, и предстоя престолу Царя славы, и наслаждаясь преизбыткомъ совершенствъ высочайшихъ, никогда не забывала (и не забудеть!) бѣдной земли нашей, гдѣ Она сама путемъ скорбей и смиренія, востекала на высоту настоящаго Ея величія. Яко преблагая и премилосердая, Она продолжаетъ выну благодѣтельствовать разнообразно роду человѣческому, всѣмъ земнымъ братіямъ своимъ по плоти. На сей конецъ, для возбужденія вѣры въ самыхъ косныхъ къ вѣрованію душахъ, для оживленія надежды и терпѣнія въ самыхъ слабыхъ и изнемогающихъ сердацахъ, Она, всеблагая, простираетъ милость и снискожденіе свое къ намъ до того, что, для приближенія насть къ себѣ, избираетъ, повременамъ, нѣкоторыя изъ нашихъ земныхъ изображеній пречистаго лика своего, и дѣлаетъ ихъ видимыми орудіями своихъ невидимыхъ дѣйствій благодатныхъ. Въ таковыхъ чудотворныхъ иконахъ Она становится какъ бы особенно присущею намъ уже не въ одномъ образномъ, а, можно сказать, въ живомъ и животворящемъ видѣ.

И здѣсь-то открывается мѣсто и возможность для насть, не токмо къ молитвамъ и прошеніямъ предъ ликомъ Пречистыя, но и къ разнымъ чувственнымъ знакамъ и выраженіямъ нашего усердія и признательности за Ея благодѣянія намъ и всему роду человѣческому, открывается до того, что мы,—подобно какъ сказано въ Евангелии о св. женахъ, вспомоществовавшихъ Спасителю и ученикамъ Его среди земной скучности,— можемъ служить Ей отъ самыхъ илѣній своихъ (Лук. 8, 3).

Такой именно, чрезвычайно рѣдкій и благодатный случай, за четыренадесять предъ симъ лѣтъ, открылся внезапно въ странѣ нашей. На пустынныхъ берегахъ Днѣпра, среди малой и безвѣстной веси Касперовской, какъ нѣкогда въ безславномъ Назаретѣ, вдругъ просияль знаменіями и чудесами этотъ св. ликъ Богоматери, коему предстоимъ мы теперь благочестно. Никто не провозглашалъ о семъ событиї; на мѣстѣ необычайныхъ явленій не было никакого проповѣдника: но благодать, исходящая отъ св. иконы, сама собою, какъ благоуханіе, неслась по всей странѣ нашей, всюду и во всѣхъ возбуждая вѣру и живое упованіе на Бога и

Богоматерь. Сонмы страждущихъ и обремененныхъ, какъ было и во время появленія на проповѣдь Спасителя, первые устремились съ свои ми недугами и скорбями къ источнику чудесъ; и находя каждый, по мѣрѣ своеї вѣры, у пречистаго лика Богоматери покой душѣ и уврачеваніе тѣлеси своему, сами собою обращались въ неумолкающихъ глашатаевъ о Ея благодатныхъ дѣйствіяхъ. По исходящему изъ глубины душъ и сердецъ гласу сему, въ непродолжительномъ времени, первенствующіе изъ градовъ нашихъ, одинъ за другимъ, спѣшили благоговѣйно изъявить ревность свою о томъ, чтобы скорѣе видѣть среди храмовъ и стогнъ новый чудотворный ликъ Царицы небесной. Намъ, обитателямъ града сего, по самому отдаленію мѣста пребыванія нашего, надлежало не малое времѣя довольствоваться одними радостными слухами о необыкновенной благодати Божіей, проявившей себя такъ знаменательно надъ всею страною нашою. Но когда грозныя события, разразившіяся надъ градомъ нашимъ въ прошедшую весну съ такою силою, дали всѣмъ намъ въ полной мѣрѣ возчувствовать, что въ подобныхъ обстоятельствахъ — и при нескудости въ воинахъ и военачальникахъ,—необходимо еще заступленіе и помощь свыше: мы не замедлили обратиться съ молитвою и прошеніемъ къ взбранный Воеводѣ, даудостоитъ благодатнымъ посвѣщеніемъ своимъ и нашъ градъ. И можно сказать, едва токмо отверзли мы уста свои на таковое моленіе, Она, премилосердая, не только услышала наасъ, но и сдѣлала (чрезъ почившаго въ Бозѣ Монарха) болѣе, нежели сколько мы ожидали; ибо, въ сугубое утѣшеніе намъ и въ ободреніе среди обышедшихъ наасъ золъ, благоволила утвердить пребываніе своего чудотворного лика во градѣ нашемъ дотолѣ, пока не освободится онъ всецѣло отъ всякаго обстоянія силъ непріязненныхъ.

Можно ли было послѣ сего не тронуться глубоко всѣмъ намъ такою великою милостію Царицы небесной и не возжелать озnamеновать нашу благодарность къ Ней какимъ либо видимымъ знакомъ усердія?—Вспоминая при семъ о златой и преукрашенной ризѣ Давидовой—на Царицѣ небесной, и примѣчая въ тоже время скучность ризы на семъ чудотворномъ изображеніи ея, мы необходимо пришли къ мысли—устроить для него это новое облаченіе. Усердіе христолюбивыхъ душъ не умѣли представить намъ первоначальныя средства къ тому; надежда на продолженіе сего усердія служила поощреніемъ къ дальнѣйшему дѣйствію, которое теперь, благодареніе Господу!—достигло желанного конца. Новая благолѣпная, какъ видите, риза готова: остается токмо

поднести и, такъ сказать, представить ее, Той, для кой она предназначена.

Но, кто изъ насъ сдѣлаетъ это? — О, какъ невинны должны быть руки и какъ чисто сердце приносящаго!... При мысли о семъ, мы отъ всей души готовы уступить сіе дѣло и сю честь тому, кто можетъ совершить это непостыдно и якоже подобаетъ предъ лицемъ честнѣйшей Херувимъ: но, истинные рабы Христовы, какъ явствуетъ изъ ихъ дѣеписаній, никогда не любили являть себя предъ очио человѣковъ, развѣ изводимые особымъ распоряженіемъ свыше. Намъ по сему, не смотря на духовную немощь и нечистоту нашу, намъ самимъ должно будетъ совершить то, что чрезъ насъ же, хотя и недостойныхъ, предначато, по внушенію благодати Божией.

Не оставьте же, братія мои, подкрепить насъ въ семъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, вашею вѣрою и молитвою. Соединимся всѣ въ духѣ упованія и любви къ преблагословенной Царицѣ небесной и заступницѣ нашей и падши предъ симъ чудотворнымъ ликомъ Ея, подобно дароносившимъ волхвамъ въ Виолеемѣ, восклиknемъ изъ глубины души: Мати Божія, заступнице и утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, пріими милостиво малое приношеніе сіе наше, и покрый насъ приносящихъ, и весь градъ, и всю страну нашу, твоимъ всечестнымъ омофоромъ! — Аминь.

РЪЧЬ

Ѣ ПІДАТЬ БОДБАРДИРОВАНИЯ ОДНОСИ

въ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ 1854 ГОДА ФЛОТОМЪ НЕПРЯТЕЛЬСКИМЪ*).

ъ чому мы приступаемъ въ настоящій часъ? — къ совер-
шенню св. таинства елеосвященія.

 Но развѣ мы подвержены какому либо недугу, ибо оно совершается надъ болящими?

А развѣ можетъ кто либо сказать, что онъ не подверженъ какому недугу? — Кто изъ насть во-первыхъ здравъ совершенно духомъ и безъ всякихъ язвъ въ своей совѣсти? *Аще беззаконія назриши, Госиоди, кто постоитъ* (Псал. 129, 3), — такъ вопіютъ самые праведники, что же сказать о насть грѣшникахъ? — По сему для всѣхъ насть необходимъ елей милосердія Божія.

Многіе ли могутъ похвалиться и совершеннымъ здравіемъ телеснымъ? Ахъ, это здравіе такъ обманчиво, что іные за минуту до своей кончины не чувствуютъ того, что внутри ихъ уже гospодствуетъ смерть, какъ это явствуетъ изъ такъ называемыхъ внезапныхъ смертей, кои, сами въ себѣ, безъ сомнѣнія, не были-внезапны, а естественно проистекали изъ предварительного и, можетъ быть, давняго разстройства силъ тѣлесныхъ.

Посему таинство елеосвященія, къ коему приступаемъ мы теперь, какъ врачевство недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, ни для кого не излишне. Совершенно ненужно было бы оно развѣ только для того первобытнаго, неповрежденного еще, тѣла человѣческаго,

^{*)} Произнесенная въ Одесскомъ Кафедральномъ соборѣ, марта 25-го 1855 года, предъ совершениемъ, въ великий пятокъ вечеромъ, таинства елеосвященія.

которое имѣли наши прародители въ раю—до своего грѣхопаденія; хотя и тамъ къ поддержанію его въ состояніи бессмертія, уготовано было промысломъ Божімъ и виѣшнее средство—древо жизни.

Кромѣ сего, какъ показываетъ опытъ, для многихъ изъ насы и предъ концемъ нашея жизни, на самомъ одрѣ смертномъ, не окажется возможности, по разнымъ причинамъ, сподобиться принять сіе великое таинство изъ рукъ св. Церкви. Будемъ же, братія мои, приступать къ нему ежегодно въ сей великий и святой день, когда самое пречистое тѣло Спасителя нашего, по снятии его со креста, помазано было миромъ и вонями отъ праведныхъ Іосифа и Никодима.

Мы сами впрочемъ, при всемъ желаніи освященія свыше, не дерзнули бы на столь важное и небывалое доселѣ въ сей день священнодѣйствіе, если бы не были приведены къ тому—не нашимъ произволеніемъ, а, можно сказать, самимъ промысломъ Божімъ—посредствомъ чрезвычайныхъ событий, совершившихся надъ нами въ Великую Субботу прошедшаго года. Кто изъ насы можетъ забыть эту сугубо-великую и въ полной мѣрѣ страстную для насы Субботу, когда въ продолженіи цѣлаго дня, какъ на Голгоѳѣ, содрогалась подъ нами земля, трепеталъ надъ насы воздухъ, когда смерть видимо носилась по стогнамъ нашего города?

Тогда, и нехотящимъ, надлежало помышлять не только о спасеніи своей жизни, но и о христіанскомъ приготовленіи себя къ смерти. Предвидя сіе, мы, послѣ великопостнаго говѣнія, и послѣ самаго причащенія тѣла и крови Господней, не почли за лишнее обратиться съ вѣрою и молитвою и къ таинству Елеосвященія, яко благодатному напутію и къ безбѣдному прохожденію смертоносныхъ опасностей, намъ предстоявшихъ.

Вѣра и упованіе наше не посрамились: мы испытали надъ собою такое дѣйствіе заступленія свыше, которое привело въ радостное изумленіе всѣ края Россіи. Но, если грозившая намъ опасность прешла для насть безбѣдно; то должна ли вмѣстѣ съ тѣмъ прейти и память о ней, тѣмъ паче о помощи Божіей, тогда надъ нами видимо явленной? Нѣтъ, эта память должна оставаться навсегда—въ душевную отраду намъ, и въ поученіе родамъ грядущимъ.

Для сей-то именно святой цѣли, по благословенію святѣйшаго правительствующаго Синода, имѣеть отселѣ служить ежегодное совершеніе таинства Елеосвященія, теперь нами предназначатаго.

Крестъ Господень и плащаница, предъ коими оно должно

совершаться, содѣлаются для насъ такимъ образомъ памятникомъ не только всемірнаго искупленія рода человѣческаго отъ грѣха и смерти, но и благодатнаго избавленія града нашего отъ лютаго нападенія на него въ сіи самые святыя дни злочестивыхъ иноплеменниковъ.

Пріими же, богоспасаемый градъ Одесса, новое благочестивое учрежденіе сие съ тою живою вѣрою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ градамъ Богоспасаемымъ! Притерай спѣшно каждый годъ на совершение сего таинства, оставляя для сего всѣ житейскія заботы твои, какъ бы онѣ важны ни казались. Ибо здѣсь въ это время будетъ ожидать тебя Богъ, благодѣтель и спаситель твой; здѣсь и въ это время будешь ты являть предъ Нимъ свою признательность за прошедшую и твое упованіе на Его будущую помощь, которая, судя по твоему мѣстоположенію, не разъ можетъ оказаться снова необходимою для тебя! Когда, съ теченіемъ времени, новыя поколѣнія будутъ вопрошать, что значитъ *служеніе сie* (Исх. 12, 26), не совершающее въ сей день по другимъ странамъ отечества; тогда отцы и матери, въ изъясненіе происходящаго, пусть, подобно древнимъ израильянамъ, повѣдуютъ чадамъ своимъ, что это—благодарственное воспоминаніе великой милости Господней, яже покры (Исх. 12, 27) градъ и долы наши отъ разрушительного дѣйствія ужасныхъ перуновъ непріятельскихъ.

Внемля сему повѣствованію, да научаются и всѣ роды грядущіе — любити и боятися Господа Бога своего, вѣрно хранити заповѣди Его, на Него,— прежде и паче всего — уповати, и въ Немъ искати спасенія своего—въ день лютъ!—Аминь.

Рѣчъ

ПРИ ОБРАЩЕНИИ ОВЫХЪ БАТАРЕЙ ОДНОСТИХЪ*).

 олго ли освящать намъ страшныя орудія смерти и истребленія?—Мечу Божій, доколѣ будеши сѣющи и не внидеши почити въ ножны твоя?... Увы, бѣдный родъ человѣческій, какъ немного уразумѣлъ ты, въ продолженіе цѣлыхъ седми тысячи лѣтъ, тайну и цѣль бытія твоего на земли, и какъ мало приблизился ты къ своему высокому предназначенію!—Увы, святая вѣра христіанская, такой ли черной неблагодарности надлежало ожидать тебѣ отъ собственныхъ сыновъ твоихъ за тѣ благодѣянія, какими ты ущедряла ихъ доселѣ и видимо превознесла надъ всѣми прочими народами!

Въ самомъ дѣлѣ, братія мои, что значитъ, что образованнѣйшіе изъ народовъ запада съ такимъ упорствомъ хотятъ продлить и вопреки явныхъ намѣреній самаго Промысла Божія, существованіе въ Европѣ—среди собственныхъ нѣдръ своихъ, этой дикой орды магометанской, коєя бытіе такъ недавно еще почиталось отъ всѣхъ за признакъ гнѣва небеснаго, которая и нынѣ не можетъ иначе существовать, какъ кровью и слезами подручныхъ ей народовъ,—что, говорю, значитъ это, какъ не то, что сіи, такъ называемые, образованные народы, въ ослѣпленіи гордости и себялюбія, совершенно забыли совѣсть и человѣчество, и потому ихъ выгоды земныя, и то большею частію мнимыя, а не дѣйстви-

*) Произнесенная на Шеголевской батареѣ, 14-го мая 1855 года.

тельныя, несравненно важнѣе для нихъ всѣхъ слезъ и всей крови страждущаго отъ магометанскаго ига человѣчества?

Что значитъ, далѣе, — что эти народы, именуясь христіанскими, продолжаютъ проливать кровь свою за непримиримыхъ враговъ христіанства, жертвуютъ жизнью избранныхъ сыновъ своихъ для того токмо, чтобы продлить тиранское владычество сихъ враговъ надъ подобными имъ народами христіанскими,—что значитъ все сie, какъ не то, что для нихъ святая вѣра наша престала уже быть религіею ихъ души и сердца, и содѣлалась однимъ позднимъ и ~~ничего~~ незначущимъ именемъ, которое какъ бы даже тяготить ихъ собою?

Если кто при семъ радуется, то развѣ одинъ духъ злобы, который искони привыкъ возставлять брата на брата, сына противъ матери. Если кто при семъ торжествуетъ, то развѣ одинъ Магометъ — во глубинахъ адовыхъ, видя, какъ падающая и оставляемая самыми мусульманами, злочестивая хоругвь его подъемляется изъ праха и поддерживается въ силѣ кровію христіанъ.

Среди сихъ превратныхъ мнѣній, сужденій и дѣйствій, среди сей постыдной измѣны человѣчеству и христіанству, какъ отрадно видѣть, что есть еще на землѣ народъ, который, пребывъ вѣрнымъ Богу отцевъ своихъ, всегда готовъ забыть всѣ выгоды и расчеты, и по первому, такъ сказать, зову и требованію, выйти на служеніе Господу, на защиту правъ бѣдствующаго человѣчества, на исполненіе надъ царствами и народами судебъ предвѣчныхъ! — Еще отраднѣе сказать, что единственный на земли народъ сей есть ты, Богомъ возлюбленное отечество! Ты, православная Россія!... Въ самомъ дѣлѣ, что побудило тебя съ Боговѣнчаннымъ, теперь уже не на земли токмо, а и на небесахъ, Монархомъ твоимъ, изыти на единоборство едва не противу цѣлаго свѣта, какъ единое чистое и святое желаніе смириТЬ безумную гордость враговъ креста Христова и защищить отъ ихъ неслыханныхъ угнетеній бѣдствующихъ собратій твоихъ? Почивая на лаврахъ тобою стяжанныхъ, ты могла бы, подобно другимъ державамъ, предаться собственнымъ выгодамъ и расчетамъ, забывая бѣдное положеніе собратій твоихъ, презирая вопли и стоны страждущаго человѣчества: но ты не поступила такимъ образомъ, и для славы Божіей, мужественно отвергла собственный покой твой. О, великий Правитель вселенныя не забудеть сего подвига чистой любви и этой великой жертвы твоей! Благодарное человѣчество воздастъ тебѣ, яко же ты воздаешь ему, бѣдствующему и уничиженному! Самый лукавый и злобствующій теперь западъ, по

разсвѣяніи слѣпоты его и безчувствія (ибо и у него по временамъ бывають очи и сердце) не замедлить признать великость твоего святаго подвига.

Да, братія мои, мы стоимъ теперь на верху высоты всемирной, стоимъ одни — предъ лицемъ Бога и человѣковъ; все прошее произвольно возлюбило славу и выгоды человѣческія, паче воли Божіей, и потому произвольно уничило себя предъ Богомъ и человѣками. Будемъ ли послѣ сего дивиться, что эта великая и святая стражба Божія, на которую вышли мы такъ веледушно, требуетъ отъ насъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ и средствъ? Будемъ ли дивиться, что, среди сей всеобщей измѣны христіанству, единому православному отечеству нашему, какъ нѣкогда Симону Киринейскому на пути къ Голгоѳѣ, пришлось возложить на себя и понести крестъ Христовъ? Кому же и обратися со зліемъ и аггелы его, какъ не женѣ, облеченнѣй въ солнце (Апок. 12, 1. 7)?

Это великое и святое предназначеніе твое, Россія,—въ сонмѣ царствъ земныхъ! Если оно исполняется не въ такомъ видѣ, въ какомъ бы желалось нашей недальновидности человѣческой; то это новое доказательство, что въ семъ случаѣ действуютъ не мудрость и расчеты человѣческіе, а предраспоряженіе свыше; ибо, какой Ангель судебъ назначалъ когда либо самъ себѣ образъ действій своихъ,—а не принималъ его всецѣло отъ престола Вседержителя?

И будьте увѣрены, братія мои, предопределеннное свыше исполнится во всей силѣ! Кто бы ни поддерживалъ позорное знамя Магомета, ему суждено изветшать и обратиться въ прахъ отъ самого времени: съ какимъ бы самоотверженіемъ ни старались переливать собственную кровь въ оярхахъ составъ мусульманства, для его обновленія и укрѣпленія, — юное чрезъ то можетъ потерять силу и бодрость, а старое и помертвѣвшее пребудетъ устарѣлымъ и мертвымъ. Исламу не существовать болѣе въ томъ видѣ, какъ онъ, ко вреду человѣчества, существовалъ болѣе четырехъ вѣковъ; это видятъ и признаютъ единодушно не только враги, но и друзья его, а первѣе всего—это ясно видить, вполнѣ чувствуетъ и невольно признаетъ—онъ самъ!...

И когда все сіе сбудется и исполнится; то за кѣмъ останется святая честь — все это предвидѣть, взвѣсить и провозвѣстить въ слухъ свѣта, какъ не за прозорливымъ Монархомъ всероссийскимъ, который, по совершеніи на земли служенія своего,

отшелъ въ нѣдра вѣчности, какъ Ангель, возвращающійся изъ земнаго посольства?

Съ сей-то высоты взирайте, братія мои, вмѣстѣ со св. Церковю, на брань настоящую. Если она представляетъ горькую и темную сторону—въ явной измѣнѣ человѣчеству и кресту Христову народовъ западныхъ; то она же являетъ собою и сторону крайне свѣтлую и отрадную — особенно для насть, сыновъ православной Россіи; ибо, при семъ случаѣ, предъ лицемъ всего свѣта и во всей силѣ, обнаружилась крѣпость вѣры и непоколебимость груди русской. Враги наши, совокупившись во-едино, мнили низвести Россію невольно съ той высоты, на которую она возведена Богомъ; а между тѣмъ, Богу такъ изволившу, они доселѣ разоблачили токмо свою слабость и обнаружили нашу недоступность ихъ кознямъ и усилямъ.

Взирая такимъ образомъ на васъ, храбрые воины, мы видимъ въ васъ уже не простыхъ токмо, хотя мужественныхъ, ратниковъ; видимъ не обыкновенныхъ, хотя неутомимыхъ, защитниковъ отечества, — нѣтъ, мы усматриваемъ въ васъ болѣе всего этого: вы предъ нами яко видимые совершители невидимыхъ судебъ Божіихъ, — какъ исполнители того, чего въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій такъ пламенно ожидали народы востока, что составляло вѣру и упованіе ихъ мучениковъ и страдальцевъ... Помѣлъ сего, что можетъ вамъ показаться тяжкимъ въ вашихъ подвигахъ? На что не рѣшится ваше мужество? До чего не прострется самоотверженіе?

Господи и Владыко царствъ и народовъ, аще, посланный тобою, Ангель истребитель еще не пожалъ всего числа жертвъ предназначенныхъ къ истребленію; то да снидеть сила Твоя и на сіи орудія смерти и на тѣхъ, коимъ предлежитъ дѣйствовать ими: ибо мы увѣрены, что они будутъ дѣйствовать, какъ подобаетъ чителямъ пресвятаго и страшнаго имени Твоего! А если въ безднахъ премудрости и милосердія Твоего обрѣтается какое либо средство—ускорить концемъ браны и пришествіемъ вождя гѣннаго мира: то да останутся, о Всеблагій, безъ дѣйствія и сіи страшныя орудія и ихъ мужественные служители, о чемъ послѣднемъ, по христіанской любви къ человѣчеству, они умоляютъ благость Твою вмѣстѣ съ нами!—Аминь.

СЛОВО

ІІІ СЛУЧАЙ УМІРІЯ І СЛУЧЕННЯ ПРОДІЙНИХ ДІТЬІВ

ОБЪ ОСТАВЛЕНИИ НАМИ ЮЖНОЙ ЧАСТИ СЕВАСТОПОЛЯ*).

 «смущаютъ ли, братія, кого-либо изъ васъ недавнія вѣсти съ нашего Полуострова?... Кто вѣдаетъ истинное положеніе дѣль и знакомъ съ мѣстностю Севастополя, тотъ нисколько не будетъ смущаться тѣмъ, что мы его оставили, а еще обрадуется, узнавъ, что мужественные защитники Севастополя нашли способъ выйти съ такимъ достоинствомъ изъ своего, чрезвычайно-трудного и, можно сказать, смертоноснаго положенія, проявивъ врагу за великую цѣну то, что для насть уже давно потеряло свое прежнее значеніе, а между тѣмъ продолжало требовать непрестанно новыхъ великихъ жертвъ. А кому неизвѣстенъ ходъ дѣль и мѣстоположеній Севастопольскихъ, тотъ, услышавъ объ оставленіи нами его южной стороны, придетъ, пожалуй, въ уныніе и вообразитъ себѣ въ этомъ случаѣ важную потерю и какую-либо опасность для отечества.

Нашъ долгъ посему поспѣшить на помощь недоумѣнію и разсвѣять напрасные страхи. Ибо св. Церковь не безъ причины именуется матерью, для сердца коеи не чуждо никакое положеніе ея дѣтей:—съ радующими ся изъ нихъ и она радуется, съ плачущими и она плачетъ; невѣдущихъ вразумляеть, малодушныхъ ободряетъ; и все это дѣлаетъ не по отношенію только къ ихъ вѣчному спасенію, но и по отношенію къ выгодамъ и и потерь временнымъ.

*¹) Произнесенное въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, сентября 4-го, 1855 г.

Что же мы въ настоящемъ случаѣ скажемъ вамъ для вашего успокоенія?

То, во-первыхъ, что случившееся съ Севастополемъ не есть что либо неожиданное, а такое, чemu, по ходу вещей, давно уже надлежало сбыться, если бы не чрезвычайное геройство его защитниковъ;—то, во-вторыхъ, что удаленіе наше изъ одной части Севастополя въ другую, то есть, съ юга на сѣверъ — не только не составляетъ какого-либо вреда для настъ, а напротивъ избавляетъ рать нашу отъ ежедневныхъ великихъ, и теперь уже бесполезныхъ, потерь;—то, въ-третьихъ, что наше перемѣщеніе изъ южной части города на сѣверную не можетъ имѣть никакого неблаготворнаго вліянія на дальнѣйшую судьбу Крыма и на продолженіе войны, а скорѣе можетъ вести къ ея благополучному для настъ окончанію;—то, наконецъ, что на произшедшее съ Севастополемъ надобно смотрѣть не какъ на бѣдствіе какое-либо для настъ и зло, а какъ на одно изъ естественныхъ и неизбѣжныхъ приключений войны, непріятныхъ, конечно, по самому существу ея, но никакъ не унижающихъ настъ и никако не страшныхъ своими послѣдствіями.

Итакъ, случившемуся съ Севастополемъ, какъ я сказалъ, давно уже надлежало произойти, если бы не безпримѣрное геройство защитниковъ его;—и какъ вы думаете, давно?... Съ самыхъ первыхъ дней облежанія его врагами. Почему такъ? Потому, что онъ былъ тогда—почти на половину его—безъ надлежащаго укрѣпленія и защиты. Непонятному только ослѣплею враговъ нашихъ должно приписать, что Севастополь тогдаже не былъ занятъ ими, что не удивило бы тогда никого. Воспользовавшись нѣсколькими днями, намъ какъ бы нарочно предоставленными, мы укрѣпили на-скоро неогражденныя мѣста, но какъ укрѣпили?—какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—поверхностно и не такъ прочно. Если, не смотря на все сie, начатая за симъ борьба за Севастополь продолжалась почти цѣлый годъ, изнуряя и мучая враговъ нашихъ; то причиною сего не крѣпость стѣнъ, коихъ никогда тамъ не бывало, а твердость груди и непоколебимость воли русской. Если о какомъ городѣ, то о Севастополѣ въ собственномъ смыслѣ должно сказать, что онъ былъ огражденъ одною живою стѣною, то есть, нашею ратію. Оттуда-то стыдъ и огорченіе врага, который со всѣми своими средствами, въ продолженіи такого долгаго времени ничего не могъ сдѣлать противъ Севастополя; оттуда-то удивленіе всего свѣта, не могшаго понять, какъ слабое и неукрѣпленное дотолѣ

мѣсто держится такъ продолжительно и противъ такихъ силъ; оттуда и у насъ небывалое прежде понятіе о Севастополѣ, какъ о чѣмъ-то неприступномъ и неодолимомъ; оттуда и нынѣшнее уныніе, какъ будто съ удаленіемъ насъ изъ Севастополя произошло нѣчто, вовсе неожиданное и притомъ такое, чрезъ что мы лишились чести, или понесли какую-либо важную потерю.

Нѣтъ, если въ семъ случаѣ есть какая-либо потеря для насъ, то отнюдь не важная, и особенно — нисколько не опасная. Ибо, чего мы тутъ лишились? Двѣнадцати верстъ въ длину и трехъ въ ширину — земли, — и только. Что уступили врагу на этомъ пространствѣ? Груду камней, въ кону, отъ ужаснаго съ обѣихъ сторонъ огня, обратилось едва не все, что было въ Севастополѣ. Какъ при томъ уступили? Продавъ ему наконецъ и эти бесполезныя развалины цѣною жизни великаго числа его воиновъ и многихъ военачальниковъ. Это ли потеря для насъ?...

Но, можетъ быть, уступленная часть Севастополя была для насъ чѣмъ либо особенно благотворна, и мы стали теперь въ менѣе выгодное положеніе? — Напротивъ! Трудно представить положеніе неблагопріятнѣе того, въ какомъ мы находились, занимая весь Севастополь; ибо, подъ конецъ борьбы, по близости непріятеля и его адскихъ огней, почти каждый день стоилъ для насъ такихъ потерь, какія бывають только при большихъ сраженіяхъ: и потери эти не приносили намъ никакихъ выгодъ, кромѣ возможности сказать, что мы и нынѣ стоимъ тамъ же, гдѣ стояли вчера и сначала. Теперь же драгоценная выгода для насъ уже въ томъ, что мы не терпимъ никакихъ потерь; потому что теперь между нами и врагами нашими проливъ морской. Прежде проливъ сей постоянно вредилъ намъ, ибо отдалялъ насъ отъ собственной рати нашей, которая, не могши помѣщаться въ южной части города, стояла за нимъ; а теперь онъ же служить намъ вмѣсто ограды отъ враговъ, избавляя насъ со стороны ихъ отъ всякой внезапности, въ предупрежденіе койки мы должны были цѣлый годъ, такъ сказать, не смыкать глазъ. И когда намъ отъ перемѣны такимъ образомъ, видимо получшело, врагу напротивъ отъ того же самаго, видимо похужело. Ибо онъ стоитъ теперь тамъ, гдѣ стояли мы; и если не столь много терпить, какъ терпѣли мы; то терпить однажѣ гораздо болѣе, нежели должны терпѣть теперь мы: ибо онъ стоитъ внизу — предъ нами, а мы вверху — надъ нимъ, и можемъ тревожить его, какъ онъ непрестанно тревожилъ насъ. О выгодѣ настоящаго мѣстоположенія нашего давно засвидѣтельствовано имъ самомъ еще въ са-

момъ началѣ дѣла: ибо, по вторженію своемъ на полуостровъ, онъ, какъ всѣмъ извѣстно, находился не на южной, а на сѣверной части Севастополя, прямо—только съ другой стороны—противъ того мѣста, гдѣ стоимъ теперь мы; и однакоже врагъ, не смотря на близость свою къ сему мѣсту, не пошелъ на него, почитая его слишкомъ крѣпкимъ и неудобнымъ для приступа, а предпочелъ,—какъ это ни трудно было для него, — обойти городъ и начать осаду съ южной стороны, не такъ сильной, а по мѣстамъ и вовсе неукрѣпленной и болѣе удобоприступной. И вотъ, храбрые воины наши, показавъ мужественно, въ продолженіи цѣлаго года, врагу, что значила въ рукахъ ихъ эта самая слабая и неукрѣпленная часть и извлекши изъ нея для себя всю выгоду, а для врага—весь вредъ, наконецъ уступили ему теперь оную, перешедъ на ту самую сѣверную сторону, которую, какъ мы сказали, онъ въ самомъ началѣ признавалъ уже за сильнѣшую и неудобоприступную, и какою дѣйствительно сдѣлалась она теперь, послѣ новыхъ укрѣплений ея—въ продолженіи цѣлаго прошедшаго года.

Можете судить послѣ сего сами, велико ли торжество для враговъ нашихъ эта произвольная уступка имъ худшей, и избитой уже со всѣхъ сторонъ, части Севастополя, и наше перемѣщеніе изъ нея въ часть безопаснѣшую и крѣпчайшую... Легко становится, что врагъ будетъ выдавать у себя это за побѣду надъ нами, чтобы утѣшить себя чѣмъ либо въ своемъ продолжительномъ неуспѣхѣ предъ Севастополемъ, и чтобы показать своимъ соотечественникамъ, для чего принесено имъ столько жертвъ и пролито такъ много крови, — вообще, чтобы имѣть предлогъ продолжать войну и способъ—вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе и извинять предъ нимъ свое безуміе: но изъ самыхъ враговъ нашихъ кто знаетъ обстоятельства и разумѣетъ дѣло, тотъ не много обрадуется этому занятію оставленныхъ нами, избитыхъ и отслужившихъ свою службу, укрѣплений, и не назоветъ побѣдою эту небольшую перемѣну мѣста для борющихся сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за побѣда, что мнимый побѣдитель не смѣетъ сдѣлать ни одного шага за побѣжденными, и даже боится вступить на ихъ мѣсто? Что это за побѣда, стоившая гораздо менѣе жертвъ побѣжденному, нежели побѣдившему? Что это за побѣда, послѣ коеи побѣдителю стало хуже, а побѣжденному лучше и выгоднѣе? Если кто можетъ съ большимъ правомъ быть довольнымъ окончаніемъ борьбы Севастопольской въ томъ видѣ, какъ она кончилася нынѣ; то Рос-

сія, для коей имя Севастополя сдѣмалось отселѣ именемъ славы отечественной.

«Но, послѣ нашего отступленія изъ южнаго Севастополя, полуостровъ Крымскій началъ подлежать особенной опасности»... Такъ дѣйствительно мнится нѣкоторымъ изъ настѣ и такое точно значеніе сему событию стараются особенно придать враги наши: но я, признаюсь, сколько ни размышиляю, не могу видѣть, откуда происходила бы эта опасность. Развѣ Крымъ былъ доселѣ свободенъ отъ непріятеля потому, что Севастополь былъ за нами? Нѣтъ, онъ былъ, и будетъ, свободенъ, хотя бы вовсе не было Севастополя. Опасность для Крыма была бы тогда, если бы, съ удаленіемъ нашимъ изъ южной части Севастополя, рать наша уничтожилась какимъ нибудь образомъ или ослабѣла; но она не только не ослабѣла чрезъ то, а усилилась—уже потому, что бывъ прежде раздѣленною, какъ я замѣтилъ, проливомъ морскимъ—на двое, теперь совокупилась во-едино, и, не имѣя нужды защищать безполезныхъ уже для настѣ развалинъ, можетъ дѣйствовать противу врага наступательно, и такимъ образомъ держать его въ постоянной тревогѣ. А врагъ напротивъ принужденъ теперь защищать противу настѣ эти самыя развалины, ожидать непрестанного нападенія на себя, и такимъ образомъ быть занятymъ и мучимымъ по-прежнему, не имѣя возможности дѣйствовать съ силою въ другихъ мѣстахъ полуострова, безъ того, чтобы не подвергнуть себя опасности—быть выгнаннымъ даже изъ старого гнѣзда своего. Но если бы, вопреки благородумію и вздумаль онъ, не сразивъ предварительно стоящей противу него рати нашей, послать часть своихъ войскъ въ другія мѣста Крымскаго полуострова: то мы развѣ не можемъ сдѣлать того-же? Да лучше сказать,—намъ и не нужно сего дѣлать, то есть, отдѣлять отъ главной рати какія-либо части и направлять ихъ въ другія мѣста—противу врага; ибо во всѣхъ сихъ мѣстахъ, благодаря мудрому попеченію Монарха, есть уже, кому отразить и поразить враговъ, при ихъ появлениі.

Послѣ сего, если уже опасаться кому либо теперь, то скорѣе врагъ долженъ опасаться настѣ, нежели мы его. Почему? Потому, что мы дома, а онъ вдали отъ отечества; мы на сушѣ, а онъ—большею частіе—на морѣ, этой непостоянной, и въ настоящую пору года такъ бурной стихіи; мы съ удаленіемъ изъ южнаго Севастополя вышли изъ темницы, и можно сказать, изъ пещи огненной, а онъ вошелъ въ нее вмѣсто настѣ, хотя уже въ полупотухшую; мы, по оставленіи Севастополя, получили свободу

дѣйствовать, гдѣ и какъ намъ угодно, а врагъ, по прежнему, остался прикованъ къ своему мѣсту; ибо онъ не можетъ отдѣлиться отъ моря, какъ единственного своего основанія и опоры; мы, кромѣ подходящей къ намъ рати, ожидаемъ еще нашихъ естественныхъ и грозныхъ союзниковъ, мраза и снѣговъ, а онъ, несмотря на получаемыя подкрѣпленія, не можетъ не трепетать при одной мысли о нашей зимѣ.....

«Но съ южнымъ Севастополемъ остался за непріятелемъ и проливъ морской, служившій мѣстомъ пристанища для нашихъ морскихъ силъ на югѣ.»—Кто сказалъ это?—Нѣтъ, проливъ сей если не за нами, то и не за врагомъ, а болѣе за нами, нежели за нимъ. Доказательство—что цѣлый многочисленный флотъ непріятельской стоить предъ симъ заливомъ какъ оглашенный, и не можетъ войти въ него; хотя этого именно крайне хотѣлось ему, и ради тщеславія, и по причинѣ выгоды;—не можетъ войти потому, что проливъ сей, кромѣ того что прегражденъ для враговъ потопленіемъ среди его, въ прошедшемъ еще году, судовъ нашихъ, онъ жѣ съ сѣверного берега своего, гдѣ стоимъ мы теперь, такъ укрѣпленъ отъ насъ огнеметными твердынями, что врагъ и на краткое время не можетъ приблизиться къ нимъ, не подвергаясь великимъ потерямъ.

«Но, если все это такъ,—подумаетъ наконецъ кто либо,—то за чѣмъ же мы не сдѣлали того же самаго прежде, что сдѣлали теперь? За чѣмъ упорно стояли столько времени на опасномъ, какъ показалъ опытъ, для насъ мѣстѣ и, защищая его, должны были понести столько потерю въ людяхъ и вѣщахъ?»—

За чѣмъ отставали мы столько времени Севастополь? — Какъ же было не стоять за него? Ужели въ самомъ началѣ оставить—было малодушно мѣсто, хотя и опасное, но видное и немаловажное? Тѣмъ паче, когда посчастливилось намъ такъ неожиданно и такъ скоро укрѣпить его, что мы могли заставить стоять предъ нимъ предолго и пресмиренно всю рать непріятельскую?—А коль скоро начали стоять—и съ успѣхомъ; то уже надлежало стоять до послѣдней возможности, то есть, до того, чтобы извлечена была вся польза изъ нашего долготерпѣнія и жертвъ, какъ то самое мы и сдѣлали. Можетъ быть, мы и перестояли нѣсколько (ибо крайне трудно въ подобныхъ случаяхъ не только управлять временемъ, но даже наблюдать его, по часамъ и минутамъ, чтобы сообразоваться съ его теченiemъ и переменами); но нельзѧ сказать, чтобы мы не достояли, тѣмъ паче—чтобы не устояли. Если бы мы захотѣли, то очевидно

еще могли продолжать борьбу; ибо настъ не изгнали, а мы на- противъ могли выгнать врага изъ одной только, полу- занятой имъ части укрѣплений, когда все прочее оставалось еще за нами. Но мы сами не захотѣли того, и по весьма разумной причинѣ; — ибо, какъ сказалъ я, извлекли уже изъ своего положенія для настъ—всю выгоду, а для врага—весь вредъ, а послѣ тогоже намъ оставался бы только одинъ вредъ, а ему всѣ выгоды.

Хотите ли знать, какую пользу принесло намъ наше, если угодно такъ назвать, упорство въ долговременной защите южнаго Севастополя?—

Теперь врагъ забудетъ хвалиться, какъ хвалился послѣ Алмы, что Севастополь, — еще не взятый тогда, — принадлежитъ уже ему, что онъ непремѣнно возьметъ его — даже не правою, а лѣвою рукою, то есть, безъ особыхъ усилий и потерпѣнія. Время показало, что для взятія твердыни Севастопольской, при всемъ несовершенствѣ ея, недостаточно было и обѣихъ рукъ непріятеля, и что онъ долженъ былъ простирать ихъ бесплодно цѣлый годъ, и наконецъ хотя получимъ желанное, но не когда ему хотѣлось, а когда вздумали и разсудили отдать ему оное,—получить не побѣдою, а такъ сказать, изъ милости....

Теперь столицы враждебныхъ намъ народовъ забудутъ праздновать впередъ побѣды надъ нами и взятіе нашихъ городовъ; ибо никто не забудетъ тогоже срама для нихъ, какимъ сопровождалось слишкомъ дѣтское и слишкомъ непростительное легкомысліе, съ коимъ поспѣшили праздновать небывалую побѣду—безъ побѣжденныхъ....

Теперь, благодаря Севастополю, весь свѣтъ снова изучилъ забытый—было имъ урокъ 1812 года; и знаетъ твердо, какъ дорого приобрѣтается непріятелемъ каждый шагъ на землѣ Русской, и чего стоитъ одно, такъ сказать, прираженіе къ сему, какъ онъ любить называть настъ, сѣверному колоссу. Если такъ долго и мужественно защищаемо было нами отдаленное отъ сердца Имперіи и неприготовленное къ оборонѣ мѣсто: то можно судить, что срѣтило бы врага, если бы онъ какънибудь проторгся въ самую средину и приразился ко внутренности царства Русскаго....

Какъ ни важно все это, но мы можемъ указать еще на большее, что приобрѣли мы отъ патріотическаго упорства нашего при защите Севастополя.— Гдѣ пала и исчезла едва не вся рать этой гордой и надменной Британіи, и обнаружилась предъ всѣмъ свѣтомъ не только слабость ея въ силахъ военныхъ, но

и крайняя немощь въ образѣ внутренняго управлениѧ? Предъ валами,—ибо стѣнъ тамъ не было,—предъ валами Севастополя!— Гдѣ погибли отъ огня и меча нашего, а равно отъ недуговъ и лишеній, лучшіе витязи Галліи съ болѣшею частію ихъ военачальниковъ? Предъ валами Севастополя! — Гдѣ издержаны безплодно несмѣтныя суммы двухъ могущественнѣйшихъ царствъ Запада, и истрачены безумно плоды четырехдесѧти лѣтнаго мира и трудолюбія гражданскаго? Предъ валами Севастополя! — Гдѣ оказалась во всей наготѣ безполезность разрушительныхъ изобрѣтеній новѣйшаго искусства, — тѣхъ адскихъ машинъ и орудій, надъ коими ломали голову столько умовъ, и отъ коихъ ожидали такихъ успѣховъ и чудесъ? Предъ валами Севастополя! — О, памятень будетъ врагамъ нашимъ этотъ Севастополь!... Тысячи семействъ съ глубокимъ вздохомъ будуть долго произносить это страшное имя.... а Россія съ благоговѣніемъ поставитъ его послѣ именъ Смоленска и Бородина.....

Если же все сіе такъ,—а истина сказанного можетъ быть отдана на судъ самимъ врагамъ нашимъ,—то скажите сами, есть ли причина смущаться намъ и унывать отъ того, что храбрыя войска наши, посредствомъ небольшаго перемѣщенія изъ одной части Севастополя въ другую, нашли для себя средство преклонить спокойно голову и опочить отъ цѣлаго года трудовъ и опасностей?—Напротивъ, кто хотя мало понимаетъ наше прошедшее и наше настоящее, тотъ поспѣшишь возблагодарить Господа за то, что Онъ въ самомъ началѣ видимо помогъ намъ, вопреки всякой надежды, удержаться въ такомъ мѣстѣ, которое само, такъ сказать, отдавалось тогда въ руки непріятелямъ; — помогъ потомъ простоять въ семь мѣстѣ столько времени и отразить отъ него столько отчаянныхъ нападеній; — помогъ наконецъ окончить столь трудное дѣло съ честію и достоинствомъ, и оставить столь опасное для насъ мѣсто безъ всякаго почти вреда для насъ.

А благодаря такимъ образомъ Господа, нельзя не обратиться съ словомъ признательности къ храбрымъ военачальникамъ нашимъ и къ каждому изъ мужественныхъ защитниковъ Севастополя. Хвала и честь вамъ, христолюбивые витязи! Вы сдѣлали все чего требовалъ отъ васъ долгъ любви къ отечеству, сдѣлали болѣе, нежели сколько можно было ожидать отъ обыкновенныхъ силъ человѣческихъ, явили чудеса — неустранимости и самоотверженія. За все сіе примите полную и совершенную благодарность отъ имени земли Русской и отъ лица св. Церкви право-

славной! Та и другая величаются вашимъ подвигомъ, благословляютъ ваше мужество, и молятся о васъ, живыхъ и умершихъ! Хвала и честь вамъ, защитники Севастополя!...

Обозрѣвая за симъ, братіе, весь прошедшій ходъ браны, и простирая, сколько возможно, взоръ въ будущее, невольно приходишь къ слѣдующему заключенію: первая часть великаго свитка судебъ,—касательно настоящей борьбы за Востокъ Запада съ Сѣверомъ,—развилась и обнаружилась предъ взорами цѣлаго свѣта, и, можно сказать, кончена... Въ ней, какъ въ свиткѣ, видѣнномъ нѣкогда Іезекіилемъ, вписаны, большею частію *рыданіе, жалость и горе* (Іезек. 14, 20). Отселѣ начнетъ развиваться и приходить въ очевидность другая часть свитка судебъ браненосныхъ. Что будетъ написано въ ней, еще никто не вѣдаетъ.... А потому самому, падемъ, братіе, съ вѣрою и молитвою предъ Господомъ временъ и вѣковъ, предъ Царемъ царствъ и народовъ, и воспросимъ, да въ сей части свитка узрится написаннымъ уже не рыданіе и жалость, а то, что воспѣто было небожителями при яслѣхъ Спасителя міра, то есть: *слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*—Аминь.

СЛОВО

ПОСЛАНОДЕСТВИЯ.

НА СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ, ПО СЛУЧАЮ ПОЯВЛЕНИЯ ПРЕДЬ ОДЕССОЮ
МНОГОЧИСЛЕННАГО ФЛОТА НЕПРЯТЕЛЬСКАГО*].

 ападные недруги наши опять предъ нами!.. Мы видѣли уже и испытали ихъ человѣклюбіе и образованность, коими они такъ превозносятся... Теперь самая многочисленность ихъ показывается, съ какимъ намѣреніемъ появились они на водахъ нашихъ... Опасность видимая! Что сотворимъ и куда обратимся?

Куда, какъ не къ Тебѣ, Владыкѣ небесе и земли, Господу силъ и браней, Богу нашему и отцевъ нашихъ? Куда, какъ не къ Тебѣ, въ руцѣ коего власть всея земли, судьбы и жребій всякаго языка и царства подъ небесемъ, Иже единъ, егоже восходитъ, укрѣпляетъ и возноситъ, а егоже хощетъ, ослабляеть и смиряетъ, единъ могій выну спасти и погубити?.. Тебѣ убо предаемъ души и тѣлеса наши; Тебѣ вручаемъ градъ и всю страну нашу! Призри не на чистоту рукъ и дѣяній нашихъ, а на правоту побужденій и намѣреній въ настоящей брани Помазанника Твоего, который самъ стоитъ уже теперь предъ Тобою, самъ свидѣтельствуетъ о семъ, и молится за Россію. По смиренію и вѣрѣ нашей, сотвори съ нами знаменіе во благо, да гордые враги наши, обрѣтши мѣсто сіе неудобоприступнымъ для нихъ, возвратятся вспять и постыдятся—во славу имени Твоего!

Но предъ Господомъ и правдою Его—смиреніе и покорность;

*) Произнесенное 27 сентября 1855 года.

а предъ надменными врагами нашими— твердость и мужество! Худое время избрали они— явиться предъ насть съ угрозою по-слѣ тѣхъ чудесть мужества и самоотверженія, кои такъ недавно встрѣтили они въ нашихъ защитникахъ Севастополя... Не думаютъ ли, что примѣръ нашихъ братій—героевъ породить въ насть малодушіе, а не подобное же мужество?.. Знаемъ и чувствуемъ, какъ нужно имъ показать предъ своими и чужими, что ихъ сила не истощилась совершенно предъ Севастополемъ, что они способны еще къ чему нибудь противу насть, и могутъ тревожить берега наши. Но, какъ же имъ было не вспомнить и того, что и намъ если когда, то, по окончанію единоборства Севастопольскаго, нужно доказать, что россіянинъ мужественъ не за одними валами, что у него крѣпость вездѣ, гдѣ только можно среѣтиться съ врагами. И храбрые защитники наши,— самые безоружные граждане, докажутъ это. Что нашли враги наши у насть за годъ предъ симъ прежде, то самое найдутъ и теперь; скорѣе каждый отдастъ жизнь, нежели измѣнитъ долгу и славѣ Россіи....

И почему бы намъ въ настоящемъ случаѣ показать менѣе твердости и великодушія, нежели какъ мы показали прежде? Противники наши возрасли въ числѣ и силѣ, а мы развѣ умалились и оскудѣли? У нихъ много оружія и средствъ разрушительныхъ, а мы развѣ беззащитны?— Попечительное правительство не пощадило ничего, чтобы мы съ успѣхомъ могли встрѣтить враговъ. Если они сильнѣе насть на морѣ; то мы крѣпче ихъ на суши; а всякий знаетъ, что тверже—море или суша. Въ прошедшій разъ, когда Одесса внезапно подверглась нападенію, мы были гораздо слабѣе и открыты для приступа; и однакоже враги, при всемъ храброваніи своемъ и дерзости, не посмѣли выйти на берега наши. Тѣмъ труднѣе имъ рѣшиться на это теперь, когда они изнурены долговременною борьбою съ Севастополемъ, а наши способы къ отраженію устроились.—

Посему-то я наклоняюсь даже къ тому мнѣнію, что у враговъ нашихъ, если и есть въ намѣреніи — сдѣлать дѣйствительное нападеніе: то не на насть, а гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ; а намъ они хотятъ только показать свою мнимую силу, привести насть въ смущеніе, и пожалуй,—если мы не остережемся,—понудить насть къ чему либо неприличному, а потомъ, съ свойственнымъ имъ глумленіемъ, выдать насть же на позоръ всему свѣту, какъ людей малодушныхъ.

Но, врагъ нашъ пусть дѣлаетъ и бѣснуется, какъ и гдѣ ему угодно, а мы должны дѣйствовать и поступать, какъ слѣдуетъ сынамъ Россіи.

Какъ-же, спросите, намъ поступать?—Во-первыхъ, обратиться своимъ мыслями и лицемъ не къ врагу (за nimъ будетъ неусыпно наблюдать начальство), а къ Господу Богу, для принесенія Ему покаянія во грѣхахъ нашихъ и для испрошенія у Него небесной помощи и покрова; во-вторыхъ, надоно отложить весь излишній страхъ отъ воображаемыхъ опасностей, продолжать совершать свои дѣла и не прерывать обычныхъ взаимныхъ отношеній, чтобы симъ самимъ сохранить внутренній порядокъ и спокойствіе и ободрить малодушныхъ; въ третьихъ, среди самой опасности, если бы она наступила,—сохраняя присутствіе духа, во всемъ соображаться съ дѣйствіями и распоряженіями начальства, помогая усердно какъ ему, такъ и храбрымъ защитникамъ нашимъ. Не это ли самое послужило, какъ помните, къ безопасності и къ чести нашего города, во время прошлаго непріятельскаго нападенія на насъ предъ Пасхою? Такъ поступимъ и теперь, тѣмъ паче и удобнѣе, что мы уже прошли опасность опытомъ и на дѣлѣ.

Не забудемъ наконецъ,—братія сограждане, и того, что при настоящемъ новомъ обстояніи града нашего, мы теперь уже не одни, какъ было прежде, а среди насъ и града нашего пребываетъ теперь, кромѣ земныхъ военачальниковъ, сама Взбранная Воевода сила небеснѣйшъ, Матерь Божія. Ибо, что знаменуетъ и о чемъ свидѣтельствуетъ этотъ чудотворный ликъ Ея, какъ не о томъ, что покровъ Ея невидимо простертъ надъ нами и помощь Ея недалека отъ насъ?—Какъ силенъ этотъ покровъ и дѣйствительна эта помощь, свидѣтель тому это же самое наше море, не разъ, какъ повѣствуетъ свящ. исторія, по манію Ея, потоплявшее и разсѣвавшее многочисленныя рати враговъ православія. Десница небесной Воеводы не ослабѣла; сила и покровъ Ея не сократились: покажемъ древнюю вѣру и любовь, и узримъ древнія знаменія и чудеса.

Мати Божія! Тебѣ, яко Взбранной Воеводѣ, отъ самаго начала брани, вручили мы судьбу града нашего; и доселѣ упованіе наше не постыдилось: мы среди самаго ужаснаго огня и бури прошли безвредно. Теперь, когда Ты посѣтила насъ въ чудотворномъ ликѣ Твоемъ и восхотѣла пребыть съ нами во все время напастей, мы тѣмъ паче вѣруемъ и уповаемъ, что,

при всемъ недостоинствѣ нашемъ, не будемъ оставлены Твою
помощію и заступленіемъ.

Да не постыдимся, Владычице!.. — Аминь.

СЛОВО

І О Г Д І І О Н І А П П І Г О Д О Д Е С Т В І Є,

ПО СЛУЧАЮ ОБЛЕЖАНІЯ ОДЕССЫ ФЛОТОМЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКИМЪ*)

реди всенародныхъ страховъ и смущеній, въ какихъ находится теперь городъ нашъ, обыкновенно ищутъ ободрѣнія для себя, между прочимъ, въ событияхъ и примѣрахъ прошедшаго. Согласно сему, раскрываю священную книгу Царствъ, и въ исторіи народа Божія встрѣщаю случаѣ, похожій на наше положеніе, и потому могуЩій служить къ успокоенію.

Проривъ царства Іудейскаго,—безъ всякихъ другихъ причинъ, кромѣ зависти и злобы,—соединились нѣкогда два царя, Ассирійскій и Израильскій, и, наполнивъ своими войсками Іudeю, внезапно приступили къ самому Іерусалиму. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, все пришло въ страхъ и смущеніе: многіе,—какъ теперь у насъ,—начали спѣшить вонъ изъ города. Въ это самое время является всенародно предъ лицѣ царя Іудейскаго, Ахаза, пророкъ Исаія, и, отъ имени самаго Бога, вѣщаетъ ему въ успокоеніе: противъ тебя, говоритъ, и народа твоего соединились коварно два царя и два царства; въ гордынѣ сердца своего они замыслили ослабить и унизить Іudeю.... При видѣ враговъ, Іерусалимъ мятется и трепещетъ.... Напрасно! При всей мнимой силѣ ихъ, это не болѣе, какъ двѣ курящіяся головни, кои скоро угаснутъ сами собою. Не бойся, только вѣруй и уповай на Іегову! Доколѣ Богъ отцевъ нашихъ съ нами, Іерусалимъ и престолъ твой

*) Произнесенное въ 1855 году, 28 Сентября въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

безопасенъ. Не дано будетъ совершиться ни одному изъ ихъ замысловъ—Іудея останется Іудею; а враждующіе намъ народы уже предназначены къ погибели, и каждый—въ свое время—изчезнетъ съ лица земли.»

Сообразно сему пророчеству, царство Іудейское дѣйствительно скоро освободилось отъ нашествія непріятелей, и, вопреки ихъ замысламъ, существовало еще долго, долго—въ своемъ видѣ и силѣ; а народъ Израильскій, спустя шесть десятилѣтій, въ предвозвѣщеній Пророкомъ срокъ, отведенъ невозвратно въ плѣнъ и разсѣянъ навсегда за Ефратомъ. Подобное послѣдовало за тѣмъ и съ царствомъ Ассирійскимъ—оно пало, уступивъ мѣсто другому владычеству.

И предъ нами теперь, братія, курятся, по выражению Пророка, двѣ главни, то есть, два враждебныхъ флота Галловъ и Британцевъ. И у нихъ, какъ у Израильтянъ и Ассиріянъ, нѣть другой причины ополчаться противу нась, кромѣ зависти къ силѣ и величію нашего отечества. Побуждаемые давнею тайною ненавистію къ намъ, они также замыслили ослабить и унизить Богомъ превознесенную Россію. И мы теперь въ опасности отъ сихъ главень... Кто бы не возрадовался посemu, если бы и среди насть теперь, какъ нѣкогда среди Іерусалима, явился какой либо человѣкъ Божій и свойственнымъ ему гласомъ, отъ лица Божія, возвзвалъ къ намъ: не бойтесь сихъ двухъ главенъ дышащихъ,—токмо вѣруйте!...

Но, времена пророковъ прошли, и намъ, яко чадамъ завѣта новаго, вмѣсто пророчествъ, должно обращаться за руководствомъ и утѣшеніемъ къ Евангелію... Что-же? Ужели Евангелисты и Апостолы менѣе пророковъ говорять намъ о томъ, что для насть полезно и необходимо? И въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, ужели христіанинъ оставленъ безъ правилъ и руководства? Нѣтъ, если мы не всуе носимъ имя христіанъ; то должны знать, что истинный христіанинъ превыше всѣхъ земныхъ страховъ, что онъ не боится самой смерти; ибо вѣра, имъ исповѣдуемая, вся дышетъ бессмертіемъ, и всѣ главныя чаянія и надежды его не заѣсь, а тамъ—въ вѣчности. Кромѣ сего, у христіанина есть вѣрное и рѣшительное средство дѣйствовать на самую перемѣну событий, на отклоненіе опасностей и бѣдствій, подобныхъ нашимъ—теперешнимъ. Это средство есть вѣра и молитва. Прослушайте, что говорить въ Евангеліи о силѣ вѣры самъ Спаситель: *имѣйтѣ вѣру Божію, атіпъ бо глаголю вамъ: яко, иже аще речетъ горѣ сей, двигнися и вергнися въ морѣ, и не размы*

слить въ сердцѣ своеі, но вѣру имѣть, яко еже глаголетъ, бываетъ, будеть ему, еже аще речеть (Марк. II, 23). Вся возможна вѣрющему (Марк. 9, 23). А вотъ что сказано въ Евангеліи опять самимъ Спасителемъ о молитвѣ: вся, елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрющему, пріимете (Мат. 21, 22). И какъ-бы въ поясненіе сего всемогущества, коимъ облекаются истинно-вѣрюющіе, Спаситель въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ слѣдующее: вѣруяй въ мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворить, и болыша сихъ сотворить, яко Азъ ко Отцу моему гряду. (Іоан. 14, 12). Можете судить послѣ сего, чего не въ состояніи произвести живая вѣра и молитва, если они могутъ сдѣлать болѣе того, сколько во время земной жизни своей дѣлалъ и творилъ самъ Спаситель нашъ!..

А когда такъ, то отъ насъ самихъ, братіе мои, зависить все то, чего мы въ настоящемъ времени такъ желаемъ и въ чемъ такъ всѣ нуждаемся, то есть, наша безопасность отъ враговъ, намъ угрожающихъ. Всѣ опасности пройдутъ, всѣ напасти разсѣются, если мы, пользуясь Богодарованнымъ вѣрющему правомъ, начнемъ во имя Спасителя нашего просить о томъ Отца небеснаго. Онъ не постыдитъ собственного Сына и исполнитъ Его обѣтованіе и нашу просьбу. Надобно только, чтобы наша вѣра при семъ и молитва были, какъ требуетъ Евангеліе, во-первыхъ совершенно свободны отъ всякаго колебанія и сомнѣній; — во-вторыхъ, выходили не столько изъ устъ, сколько изъ глубины духа и сердца; — въ третьихъ, соединены были съ чистотою совѣсти и дѣлами благими, или по крайней мѣрѣ съ искреннимъ покаяніемъ во грѣхахъ нашихъ.

Увы, скажете вы, но гдѣ найти между нами такой вѣры, когда ея недоставало иногда въ самыхъ Апостолахъ?.. Много ли людей, кои могутъ воздѣлать руки на такую молитву, не будучи обличаемы въ тоже время своею совѣстю? — Что другое и привлекло на насть этотъ гнѣвъ Божій, какъ не наши нечистые нравы и грѣхи? —

Охотно и вполнѣ присоединяюсь, братіе мои, къ смиренію вашихъ мыслей и чувствъ, и готовъ первый признать свою духовную немощь. Но мнѣ никакъ не хочется выпустить изъ рукъ и лишиться, единственного среди настоящей бури, якоря — вѣры и молитвы, и я въ семъ случаѣ думаю такъ: не можетъ быть, чтобы во градѣ нашемъ, наполненномъ толикимъ множествомъ жителей, не было вовсе душъ, не преклонявшихъ колѣнъ своихъ предъ Вааломъ, вѣрно ходящихъ въ законѣ Господнемъ,

истинно любящихъ Господа, а потому и отъ Него любимыхъ. Безъ таковыхъ—избранныхъ не стоялъ бы и градъ нашъ; ибо, по слову Пророка, одно сѣмѧ свято стояніе—цѣлаго міра. (Исаія 6, 13).

Къ вамъ, убо, обращаємся, души чистыя и потому крѣпкія вѣрою! станьте предъ престоломъ благодати Господней, и вознесите молитву вашу объ удаленіи золъ, обышедшихъ градъ нашъ! Неложный въ обѣтованіяхъ своихъ Господь, не можетъ не внятьгласу моленія вашего, и отвратить отъ насть, имиже вѣсть судьбами, всѣ злоустремленія противъ насть враговъ нашихъ А мы съ своей стороны обѣщаємъ принести въ пособіе вамъ и молитвѣ вашей все, что въ нашей власти, какъ то: искреннее раскаяніе во грѣхахъ нашихъ и твердый обѣтъ—не раздражать болѣе неправдами нашими правосудія небеснаго. Въ подкрѣпленіе самаго покаянія нашего, мы поспѣшимъ присоединить къ нему дѣла любви и милосердія къ ближнимъ: отремъ слезы бѣдныхъ вдовицъ, возымѣмъ попеченіе о сирыхъ, напитаємъ алчущаго, одѣнемъ нагаго, посѣтимъ болящаго и призримъ сущихъ въ темницахъ. Можетъ быть, Господь, выну взирающій съ благоволеніемъ на вашу чистоту и правду, не презрить и нашего смиренія и готовности благоугождать Ему,— и преложить гнѣвъ свой на милость.— Аминь.

СЛОВО

ІІІ Слово Оде́сській фло́тській Епістолярнії*)

Другій день, какъ мы собираемся въ семъ храмѣ на молитву объ отвращеніи опасности отъ враговъ; и уже четвертый день, какъ они стоять, какъ бы прикованные къ своему мѣсту, ничего не предпринимая противу насъ. Что значитъ это бездѣйствіе? На морѣ каждый день имъ важенъ и дорогъ: а они ничего не дѣлаютъ, и пришли сюда какъ будто для того токмо, чтобы посмотрѣть на нашъ городъ и показать намъ себя самихъ. Что, говорю, значитъ это? — Дерзко было бы съ нашей стороны приписать этотъ необыкновенный покой дѣйствію нашихъ слабыхъ и нечистыхъ молитвъ. Но не менѣе пр дерзко и неблагодарно было бы не примѣтить въ семъ случаѣ руки Божіей, насы невидимо заступающей. Особенно, когда среди насъ находится теперь Взбранная Воевода силъ небесныхъ, Матерь Божія, въ семъ чудотворномъ ликѣ Ея. Если и земной, опытный и прославившійся своимъ мужествомъ и подвигами, военачальникъ въ подобныхъ обстоятельствахъ не могъ бы оставаться вовсе безъ дѣйствія и непринять какого либо участія въ нашей судьбѣ: колыми паче Матерь Божія, яко премилосердая и вселагая, не можетъ быть праздною и бездѣйственнаю зрительницею нашихъ страховъ и опасностей. Итакъ, ободренные тѣмъ, что происходитъ, будемъ продолжать общественные молитвы наши и толцать въ двери милосердія небеснаго, доколѣ Господь, прекло-

*) Сказанное послѣ молебствія въ Одесскомъ Каѳедральномъ соборѣ 29 сентября 1855 года.

няемый молитвами самыя Матери своея о нась, не умилосердится надъ нами до конца, и, *илиже вѣсть судьбами*, не проженетъ и не развѣтъ бури, скопившейся надъ главами нашими. Но, умоляя Господа, да *липоидеть* отъ нась *чаша сія* (Мат. 20, 19. 39) въ чемъ подаетъ намъ примѣръ самъ возлюбленный Спаситель нашъ, молившійся въ саду Геѳсиманскомъ о томъ же, будемъ въ заключеніе молитвы нашей всегда присовокуплять Его же слова къ Отцу небесному: *обаче не Моя, но Твоя воля да будетъ* (Лук. 22, 23). Ибо, кто знаетъ, что именно для нась, то есть, для вѣчнаго спасенія—не тѣлѣсть, кои рано или поздно сами должны истлѣть во утробѣ земной, а для бессмертныхъ душъ нашихъ, — кто знаетъ, говорю, что именно полезнѣе: то ли, что мы теперь избавлены были отъ всякой напасти, или чтобы подверглись оной, и потерпѣли искушеніе? Можетъ быть, въ то время, когда плотской человѣкъ нашъ подвергнется лишенію и страданію, чрезъ сіе самое оживетъ внутренній, мы воскреснемъ духомъ, начнемъ новую жизнь по Бозѣ, и престанемъ убить себя крайнимъ пристрастіемъ къ временному и плотскому. Посемуто, говорю, и въ заключеніе настоящихъ молитвъ нашихъ, какъ и всѣхъ прочихъ прошеній, мы должны повторять: *обаче не наша, но Твоя, Господи, воля да будетъ!*

Не бойтесь, возлюбленные, такового сомоотверженія и сея высоты духовной! Чрезъ это никто и ничего не потеряетъ, а всѣ могутъ пріобрѣсти. Ибо, когда мы, презрѣвъ все земное, имемся всѣми силами души за животъ вѣчный; то Господь, видя нашу вѣру и любовь, самъ попечется за нась и о животѣ нашемъ временномъ, и содѣляетъ все, что для него истинно нужно и полезно; ибо, не напрасно сказано въ Евангелии: *ищите прежде царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся валь* (Мат. 6, 33). Аминь.

СЛОВО

Из съезжанія въ Одессы французскаго исправителя*)

Мынѣ, вмѣсто поученія, я намѣренъ показать вамъ прімѣръ того, что значитъ молитва и покаяніе, и какую силу имѣютъ онѣ предъ Богомъ—въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашимъ.

Ниневія, столица царства Ассирійскаго, обширнѣйшій и многолюднѣйшій городъ въ древности, до того раздражилъ беззаконіями жителей своихъ правосудіе небесное, что Господь въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, положилъ наказать и погубить его, какъ наказаны и погублены были нѣкогда Содомъ и Гоморра: но, по безприкладному милосердію своему, и яко провидцій будущее, опредѣлилъ, прежде совершенія суда своего, возвѣстить предварительно жителямъ Ниневіи судьбу и казнь, ихъ ожидающую, да не како, устрашенные гнѣвомъ сула небеснаго, пріидутъ въ чувство и воспрянутъ отъ грѣховъ своихъ.

И вотъ, по непосредственному повелѣнію Божію, пророкъ еврейскій Іона оставляетъ отчество, является среди Ниневіи, и отъ имени Іеговы, Бога истиннаго, коего сила и всемогущество не безъизвѣстны были и язычникамъ, возглашаетъ въ слухъ всѣхъ Ниневитянъ, что надъ ними, за грѣхи ихъ, виситъ уже гнѣвъ небесный,—что Ниневіи, по особенному милосердію Божію, даруется, но токмо не болѣе трехъ дней, на покаяніе, послѣ чего, аще не покается, то будетъ подвержена всеконечному разрушению.

*) Сказанное въ Одесскомъ Каѳедральномъ соборѣ, послѣ покаяннаго молебствія 30 сентября 1855 г.

нію и погибели. *Еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. 3, 4).

Обитатели Ниневії были не изъ числа людей, вѣдушихъ Бога истиннаго; они не знали ни Моисея, ни пророковъ, покланяясь идоламъ и истуканамъ; изъ дѣтства потому ходили, какъ выражается ап. Павель, въ суетѣ ума естественнаго, по волѣ сердцецъ и страстей своихъ; слѣдовательно легко могли, если бы захотѣли, имѣть множество причинъ — не внять гласу Божію и угрозамъ пророка еврейскаго, для нихъ чуждаго: и однакоже, внявъ его проповѣди и гласу собственной совѣсти, коє тайныя обличенія не чужды были и для язычниковъ,—не медля всѣ опомнились, пришли въ страхъ и смущеніе, сознали искренно, что ими дѣйствительно и вполнѣ заслужены гневъ небесный, единодушно обѣщали перемѣну своихъ мыслей и своего образа жизни, какъ онъ имъ ни казался до тѣхъ поръ естественъ и любезенъ.

И, что же послѣ сего дѣлаютъ Ниневитяне? *И вѣроваша, — такъ пишется въ книгѣ пророчествъ Іоны— мужи ниневитствіи Богу, и заповѣдаша посты, и облекошася во вретища, отъ велика ихъ даже до лала ихъ*—то есть, и возрастные и самые юные. —*И дойде слово (Іоны) къ царю ниневитскому, и воста съ престола своего, и сверже ризы свои съ себе, и облечеся во вретище, и сѣде на пепелѣ. И проповѣдавши и речено бысть отъ царя и вельможъ его глаголющихъ: человѣцы, и скоте, и волове, и овцы да не вкусятъ ничегоже, ни да пасутся, ниже воды да піютъ. И облекошася во вретища человѣцы и скоти, и возопиша прильжно къ Богу, и возвратися кийждо отъ пути своего лукаваго и отъ неправды, сущія въ рукахъ ихъ, глаголюще: кто вѣстъ, аще раскается и умолень будеть Богъ, и обратитсѧ отъ гнева ярости своея, и не погибнеть* (Іон. 5 — 10).

Слыша о всемъ этомъ, какъ, братіе, не подивиться жителямъ Ниневії и не сказать о нихъ, что если они умѣли грѣшить, то умѣли и каяться. Какое искреннее, единодушное, сильное и выразительное покаяніе! Не надѣясь, по смиренію, на однихъ себя, они заставляютъ поститься младенцевъ, простираютъ посты на безсловесныхъ: и скоти, и волове, и овцы да не вкусятъ ничегоже, ни да пасутся, ниже воды да піуютъ. И все это тѣмъ неожиданнѣе и удивительнѣе, что Ниневитяне были,—какъ я замѣтилъ,—язычники и идолопоклонники, то есть, люди, незнакомые съ истиннымъ Богопознаніемъ, жившиe и поступавшиe при слабомъ мерцаніи свѣта естественнаго въ ихъ умѣ и совѣсти:

да еще и этотъ малый свѣтъ помраченъ былъ у Ниневитянъ пороками, худыми обычаями и страстями. И однако же, не смотря на все это, какъ они чувствительны и внимательны! Какъ мгновенно опомнились и пробудились! И къ сему случаю, со всею справедливостію, можно приложить слово Спасителя о сотникахъ, тоже язычникѣ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Мат. 8, 10). Сколько тамъ, то есть, между Іудеями, кои именовались народомъ Божіимъ,—сколько, говорю, тамъ воздвигаемо было пророковъ и проповѣдниковъ покаянія! И ни разу не видимъ подобного дѣйствія отъ слова и проповѣди пророческой! По сему то самъ Спаситель, сравнивая участъ пророковъ еврейскихъ дома, въ Іудеи, между своими,—и на чужбинѣ, между язычниками, изрекъ: *нѣсть пророкъ безъ чести, токмо во отечествѣ своемъ* (Мат. 13, 57.)

Но, если покаяніе Ниневитянъ—по гласу Іоны, необыкновенно и удивительно,—по глубинѣ впрочемъ ихъ развращенія и прежней грѣховности, а не потому, чтобы грѣшнику не свойственно было каяться, ибо въ этомъ его единственное спасеніе отъ вѣчной погибели; то приготовьтесь теперь услышать другую, еще большую необыкновенность и неожиданность. *И видѣ Богъ,—такъ пишется у пророка, — дѣла ихъ* (Ниневитянъ), *яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ; и раскался Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, — и не сотвори* (Іон. 9, 19). То есть, Ниневія, очищенная и исправленная, или вѣрнѣ сказать, начавшая только исправляться покаяніемъ, какъ должно,—немедленно помилована и пощажена: не только не превратилась, какъ угрожалъ пророкъ, за ея нечестіе, а—можно сказать—сдѣлалась еще благоустроеннѣе; ибо покаяніе и добродѣтель улучшаютъ какъ человѣка, такъ и цѣльые города и страны.

Милосердіе великое, и уже вполнѣ доказывающее ту отрадную для насть истину, что Господь никогда не хощетъ погибели самыхъ великихъ грѣшниковъ, но чтобы они обратились отъ злого пути своего и были живыми! Но я по премногу дивлюся въ семъ случаѣ самому выраженію словъ, употребленныхъ Пророкомъ: *и раскался,—говорить онъ,—Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ* (Ниневитянамъ). Въ самомъ дѣлѣ, посудите, что это? Господь, сейчасъ еще гнѣвавшійся и угрожавшій погибелю нераскаяннымъ, уже самъ раскаивается! Въ чемъ и какъ? Гнѣвъ Его на этотъ беззаконный городъ не былъ ли столь же справедливъ, какъ и силенъ, не былъ ли вынужденъ—не какими либо слабостями и недостатками человѣческими, а множествомъ

такихъ грѣховъ, кои прямо воліяли на самое небо? Взыде, сказано, волъ злобы ея (Ниневію) ко Миѣ (Іон. 1, 2). Наказаніе посему не было ли не токмо праведно, но и необходимо? Ибо въ противномъ случаѣ могли подумать, и не одинъ кто либо, а цѣлые города и царства, что надъ землею и людьми нѣть уже никакого промысла и суда Божія, что все равно предъ Богомъ — бѣззаконствовать, или вести жизнь праведную, и что потому лучше грѣшить, нежели соблюдать законъ и слушаться своея совѣсти. — И вотъ, привзошло одно покаяніе Ниневитянъ, и все перемѣнилось! Едва только они отказались отъ своихъ злыхъ обычавъ и раскаялись во грѣхахъ; и Господь тотчасъ отказался отъ своихъ угрозъ и отъ своего суда: не пожалѣлъ ни чести своего пророка, который угрожалъ Ниневію превращеніемъ, ни чести своего собственного слова и прощенія, кои остались теперь безъ исполненія и якоже не бывшія; и вопреки, такъ сказать, самому себѣ, возвратилъ Ниневитянамъ всю свою милость. Уже и этого крайне много!.. Но для Господа все еще мало! Ибо смотрите, что происходит? Не только не сдѣлано ничего изъ того, чѣмъ угрожаемо было—чрезъ пророка Ниневитянамъ; не слѣдано и въ половину, и въ осьмую долю: а что?—Господь раскаялся даже въ томъ, что хотѣлъ было—наказать!... *И раскаялся о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ.* То есть, какъ бы такъ сказано было въ семъ случаѣ отъ лица Божія: (прошу васъ возвыситься въ мысляхъ и разумѣть богоприлично, что говорится въ писаніи по-человѣчески—изъ снисхожденія къ слабому понятію нашему)—за чѣмъ Я поспѣшилъ такъ своимъ судомъ и послалъ къ Ниневитянамъ Пророка своего, съ такимъ страшнымъ словомъ прощенія!.. Вѣдь они, какъ показалъ теперь опытъ, были вовсе не такъ худы и злы, какъ представлялось? Ибо вотъ, при первомъ словѣ Моемъ къ нимъ, обнаружили все вниманіе, пришли въ чувство, обратились со всею искренностію къ покаянію, и показали плоды его! Значить, не слѣдовало осуждать ихъ такъ строго и такъ скоро, тревожить и смущать столь сильно, безъ особенной нужды и причины. Дѣло могло обойтись и безъ этого,—гораздо проще и спокойнѣе. Если и нужно было какое врачевство, то можно было употребить гораздо легчайшее, такъ какъ и болѣзнь была не такъ сильна и упорна. За чѣмъ же поступлено съ ними противнымъ тому образомъ?— *И раскаялся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ!...* Собственно раскаянія въ семъ случаѣ въ Богѣ, разумѣется, не было; *ибо Богъ,*—скажемъ словами писанія же,—*не яко человѣкъ ко ізблѣт-*

ся, ниже яко сынъ человѣческій измѣняется (Числ. 23, 19) Но все это сказано однako же и написано отъ лица Его,—для чего?—Отъ преизбытка милосердія, въ поученіе и отраду всѣмъ родамъ грядущимъ, дабы изъ примѣра Ниневитянъ, осуждаемыхъ на погибель, кающихся и тотчасъ милуемыхъ и прощаемыхъ,—всѣмъ видимо было, какъ во-первыхъ опасенъ грѣхъ, какъ сильно и дѣйствительно истинное покаяніе, и чтобы, зная и видя все сie, мы удалялись отъ грѣховъ, а когда уже имѣли несчастіе впасть въ нихъ, то спѣшили бы къ покаянію, какъ несомнѣнному средству спасенія.

Братіе, сограждане!— Сами видите, что положеніе и нашего города весьма не далеко отъ положенія, въ какомъ была Ниневія. Хотя намъ ни одинъ пророкъ не говорилъ того, что сказано было Ниневитянамъ Іоною: но, обличаемые совѣстю, мы сами должны подумать и сказать себѣ подобное; ибо не могла же опасность, намъ видимо доселѣ угрожающая, постигнуть насть за наши какія либо добродѣтели, а, безъ сомнѣнія, постигла насть и можетъ разразиться погибелю надъ нами, за грѣхи наши. Находясь по сему въ положеніи Ниневіи и желая спасенія себѣ отъ погибели, возымѣмъ духъ и вѣру Ниневитянъ, и обратимся немедленно къ тому же средству, которое, какъ мы видѣли, спасло ихъ, то есть, къ искреннему признанію своея виновности предъ Богомъ и къ чистосердечному раскаянію во грѣхахъ нашихъ. Жители Ниневіи, по преизбытку смиренія и по сильному чувству сокрушенія сердечнаго, принудили участвовать въ покаяніи своеемъ даже младенцевъ, и поститься вмѣстѣ съ собою—самыхъ безсловесныхъ животныхъ: а мы, по крайней мѣрѣ, престанемъ быть сами младенцами, *влающимися всякихъ вѣтролъ ученія*, простирающими неразумно руки ко всему, что блещетъ и манитъ къ себѣ; а мы, по крайней мѣрѣ, обуздаемъ безсловесную плоть нашу, и не позволимъ ей подавлять собою бессмертный духъ нашъ и совѣсть. Всевидящее око не замедлитъ узрѣть искренность нашего покаянія, если оно дѣйствительно будетъ таково,—и гнѣвъ Его преложится для насть на милость. А гдѣ милость Божія, тамъ и безопасность человѣческая! — Аминь.

СЛОВО

ВО ВРЪДА ОБЕЗЖИЛЫ ОДЕССЫ ФОТОГРАФИЯ ПРИЧАСТЬЕСКИЙ*)

Вотъ уже и день Покрова Матери Божией, тотъ день, въ который Она, яко избранная Воевода, защитила нѣкогда и спасла чудесно Константинополь отъ нашествія иноплеменниковъ, разсѣявъ и потопивъ суда ихъ чрезвычайною бурею морскою! А враги наши доселѣ продолжаютъ стоять предъ нами ненаказанно, и не престаютъ угрожать намъ опасностію и разрушеніемъ! Ужели съ сего радостнаго дня должно начаться наше бѣдствіе?.. Ахъ, это значило бы, что мы вовсе оставлены безъ покрова нашею небесною Заступницею! Множество неправдъ и грѣховъ нашихъ, конечно, заслуживало бы этого: но, въ такомъ разѣ, такъ мнится мнѣ, Она, премилосердая, не пришла бы къ намъ на время опасности, въ семъ чудотворномъ ликѣ ея. А когда пришла и явилась среди настѣ; то явно, не на пагубу, а во спасеніе наше. Въ семъ случаѣ мы можемъ думать и разсуждать такъ же, какъ разсуждала нѣкогда жена Маноя во успокоеніе супруга своего, страшившагося смерти отъ самаго явленія имъ Ангела Божія. *Аще бы, любомудрствовала благочестивая израильтянка, аще бы хотѣль Господь умертвить насть, не бы взяль отъ рукъ нашихъ всесожженія и жертвы, и не бы показалъ намъ сихъ всѣхъ* (Суд. 13, 23). Подобнымъ, говорю, образомъ, въ ободреніе себя, можемъ разсуждать теперь и мы. Если бы Матерь Божія хотѣла предоставить насть въ настоящее время грѣхамъ

*) Произнесенное въ Одесскомъ Каѳедральномъ сеоборѣ, октября 1 дня 855 года.

нашимъ, и слѣдов. погибели отъ враговъ нашихъ; то не постыла бы насть въ семъ чудотворномъ ликѣ ея, не приняла бы отъ насъ знаковъ нашего усердія къ Ней, и не показала бы столько залоговъ ея благоволенія ко всей странѣ нашей. Посему милосердіе къ намъ и небесный покровъ всемогущей Заступницы нашей для насть несомнѣнны: Она хочетъ быть намъ во спасеніе!

Объ одномъ мы должны думать и одного опасаться, чтобы грѣхи наши, особенно наша нераскаянность въ нихъ, не поставили собою неодолимой преграды къ дѣйствію въ пользу нашу для самаго ея милосердія и всемогущества. Ибо есть предѣль для самаго всемогущества: оно не можетъ дѣйствовать по видамъ и желанію нераскаянныхъ грѣшниковъ. Кто былъ на землѣ всемогущѣ Сынъ Божія, Спасителя нашего? Не Ему ли, какъ Онъ самъ говоритъ, *да дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18), въ слѣдствіе коеи онъ совершалъ и производилъ, какія угодно было Его премудрости, знаменія и чудеса: укрощалъ однимъ словомъ бури, насыщалъ малымъ числомъ хлѣбовъ цѣляя тысячи народа, исцѣляя всякаго рода болѣзни, воскрешалъ самыхъ мертвыхъ? Но, вотъ, послушайте, что говоритъ Евангелистъ о Его пребываніи въ нѣкоторыхъ городахъ іудейскихъ, кои были притомъ для Него самыми знаемыми, и въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ бы родными городами! *И не сотвори ту силу многихъ;* (Мат. 13, 58) то есть, не показалъ тамъ особенныхъ дѣйствій своего благотворного всемогущества, не исцѣлилъ столько больныхъ, какъ въ другихъ городахъ и мѣстахъ. Почему? Потому ли, что тамъ было менѣе требующихъ Его чудесной помощи? Нѣтъ, это были изъ самыхъ многолюднѣйшихъ городовъ, и слѣд. болѣе заключающихъ въ себѣ всякаго рода людей страждущихъ и несчастныхъ. Потому ли, что у самаго Чудотворца не достало на сей разъ Божественной силы цѣлебной? Но ея ставало до преизбытка вездѣ и для всѣхъ. Почему же *не сотвори ту силу многихъ?* За *невѣрство ихъ*, отвѣчаетъ Евангелистъ. Вотъ что остановило и какъ бы связало всемогущество самаго Спасителя! Гдѣ нѣтъ вѣры и расположенія душевнаго, тамъ нѣтъ и помоющи свыше, тамъ не дѣйствуетъ сама сила Божія!

Да не будетъ же, возлюбленные, съ нашимъ градомъ того, что послѣдовало съ маловѣрными градами іудейскими! Да не срѣтъ между нами всемогущая сила Матери Божией того невѣрствія и ожесточенія во грѣхахъ, кои срѣтилъ Божественный Сынъ Ея въ своихъ соотечественникахъ! Что скрывать? Прошедшая безопасность и обиліе земныхъ средствъ содѣлали насть ма-

ло внимательными къ путямъ Божиимъ: мы возымѣли несчастную привычку ожидать для себя всего отъ нашихъ собственныхъ силъ и средствъ, полагаться на свою прозорливость и разсчетливость. Теперь, когда изъ всего этого столь многое видимо измѣнило намъ и оставило насть, каждый видитъ и чувствуетъ, что есть времена, когда промыслъ Божій береть всѣ события и жребіи наши, такъ сказать въ свои руки, и распоряжается ими не по нашему, а ему свойственнымъ образомъ, и что настоящіе дни именно такого свойства. Пробудимся же отъ прежняго нечувствія, отринемъ всякую самонадѣянность и невѣрствіе; и, въ искреннемъ сожалѣніи о нашихъ заблужденіяхъ и съ обѣтомъ удаляться отселѣ всего богоопротивнаго, предадимъ себя и судьбу града нашего заступленію Матери Божіей.

Константинополь спасенъ Ею нѣкогда, какъ мы сказали, отъ нашествія враговъ—бурею, потопившею корабли ихъ вмѣстѣ съ ними. Не будемъ желать подобной участи самимъ врагамъ нашимъ. У всемогущей Воеводы нашей есть, безъ сомнѣнія, средства спасти насть, не погубивъ ихъ, да имѣютъ время на покаяніе. Христіанинъ не долженъ желать зла никому, самыемъ врагамъ своимъ, — и тогда твердо можетъ надѣяться на помощь свыше. Аминь.

СЛОВО

|| СЛУЧАЕ ОБРАЖЕНИЯ ОДЕССЫ ФЛОТОМЪ ПРИЧАСТЬЕМЪ*)

то сказать вамъ нынѣ, братіе? Желалось бы наконецъ совершенѣ успокоить васть: но судьба наша еще подъ печатию.... я съ своей стороны покоенъ, и вотъ, между прочимъ, почему.—Не продолжали бы, думаю, враги наши стоять предъ нами столько времени совершенно праздными, если бы у нихъ было въ намѣреніи сдѣлать нападение именно на нашъ городъ. Ибо, что мѣшало бы имъ напасть на насть? Все, напротивъ, побуждало бы ихъ не тратить напрасно времени, столько для нихъ драгоцѣннаго. Но они не дѣлаютъ ничего, и стоять праздны!—Почему? Всего ближе потому, что этотъ, такъ многочисленный флотъ, не имѣетъ на себѣ соразмѣрного тому числа воиновъ, какъ мы предполагали въ началѣ, и потому враги не въ силахъ выйти на сушу для вступленія съ нами въ ближайшую борьбу. А когда такъ, то и опасность наша отнюдь не такъ велика, какъ представлялось прежде. Ибо безъ сего, что они намъ могутъ сдѣлать? Могутъ, конечно, и оставаясь на водѣ, потревожить насъ, какъ тревожили въ первый разъ; могутъ пожалуй, произвести нѣкоторое разрушеніе въ прибрежныхъ частяхъ города, заставить насъ удалиться отъ моря, — и только. Но, это во-первыхъ значило бы съ ихъ стороны сдѣлать такое нападеніе, которое, не имѣя никакой военной цѣли, отзывалось

*) Произнесенное въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, послѣ покаяннаго молебствія октября 2 дня, 1855 года.

бы прямымъ варварствомъ, и чрезъ то уничило бы ихъ въ глазахъ и мнѣніи всего свѣта; а во-вторыхъ, это значило бы, какъ показалъ прежній опытъ, рѣшиться имъ самимъ, безъ всякихъ особенныхъ выгода для себя, на потери немаловажныя. Ибо, если ихъ огонь былъ бы разрушителенъ для насть; то и наши перуны неменѣе произвели бы разрушенія въ ихъ плавающихъ твердыняхъ. Нѣтъ, враги наши,—отдадимъ имъ эту справедливость,—слишкомъ расчетливы, чтобы покупать себѣ такою цѣною... одну потерю и безчестіе. Посему—то, какъ я прежде говорилъ, такъ теперь тѣмъ паче скажу, что у нихъ цѣллю — не мы и нашъ городъ, а какое либо другое мѣсто, болѣе приступное, но доселѣ почему либо не такъ удобное къ нападенію. Слѣдовательно, за городъ нашъ можно быть почти спокойнымъ...

Но, увы, какое горестное спокойствіе! Ибо, оно происходитъ только отъ той печальной мысли, что пострадаемъ не мы, а другіе... наши собратія и единоплеменники. А пострадаетъ, говорю, кто либо; ибо, не могли же враги наши явиться на водахъ нашихъ въ такомъ множествѣ, безъ всякой враждебной цѣли, и не могутъ уйти назадъ безъ всякаго военнаго дѣйствія.

Въ такихъ мысляхъ не знаешь, чего наиболѣе желать, бездѣйственного ли удаленія отъ насть враговъ, или чтобы сила и ярость ихъ истощились здѣсь.... Ахъ, если уже непремѣнно должно кому либо подвергнуться нападенію: то лучше пусть потерпимъ что либо мы, нежели другіе! Ибо что же были бы мы за христіане, если бы желали искупить собственную безопасность бѣдами и горемъ собратій нашихъ? Что были бы мы даже за существа съ сердцемъ и душою, ежели бы обрадовались тому, что сила вражія устремится наконецъ не противъ насть, а противъ другихъ нашихъ градовъ и весей? Нѣтъ, при всѣхъ слабостяхъ и нѣсовершенствахъ нашихъ, мы, надѣюсь, не дошли еще до такого своеокорыстія и жестокости душевной....

Но наши мысли и чувства, самое самоотверженіе наше, непремѣннятъ того, чему суждено свыше совершиться, то есть, намъ ли потерпѣть что либо отъ враговъ, или другимъ.

Да будетъ же, о всемогущій и всѣмъ управляющій Владыко и Господи, да будесь то, что положено въ премудрыхъ судьбахъ промысла Твоего! Едино дерзаемъ исповѣдать предъ Тобою—нашу покорность святой волѣ твоей... Что бы Ты ни судилъ послать намъ въ удѣль—тишину или бурю, цѣлость и по-

кой, или превращеніе и тѣсноту, все прішлемъ мы отъ руки твоей съ любовию: ибо мы совершенно увѣрены, что Ты, на молитвы и прошенія настъ, чадъ Твоихъ, не подашь намъ вмѣсто хлѣба камней, и вмѣсто рыбы змію... (Мат. 7, 9). Аминь.

СЛОВО

И БЫЧЬ УДАРЫ ОТЪ ОДНОЙ ФЛОРЫ БРЮТАЛЬСКОЙ*).

Все кончается и проходитъ на этой бѣдной землѣ нашей! Проходитъ и радостное и печальное, и угрожающее и привлекающее!—Вотъ и враги наши удалились отъ настъ;—и суща по самому времени года, удалились съ тѣмъ, что бы не возвращаться уже къ намъ,—покрайней мѣрѣ до будущей весны. А мы страшились и трепетали, а мы смущались и помышляли объ удаленіи изъ собственныхъ жилищъ нашихъ! Не осуждаемъ ни сего страха и смущенія, ни самаго удаленія нѣкоторыхъ:—только размышиляя теперь о произшедшемъ, невольно думаешь и говоришь: какъ все кончается и приходить здѣсь, самое печальное и страшное!.. Благодареніе милосердію за то, что мы неподверглись какому либо дѣйствительному бѣдствію, тогда какъ цѣлая туча золъ висѣла надъ нами! Но, если бы мы и подверглися нападенію отъ враговъ и потерпѣли что либо; то и это все минулось бы и прошло: а еслиъ еще вознаградилось потомъ хотя современемъ, какъ это не рѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; то, по всей вѣроятности, мало по малу пришло бы даже въ совершенное забвеніе... Таково, говорю, свойство и участъ всего временнаго!..

Но, братіе мои, наступить для всѣхъ и каждого изъ настъ такая опасность, которая уже не прейдетъ мимо, которая не от-

*.) Произнесенное въ Одесскомъ Каѳедральномъ соборѣ, октября 3-го дня, 1855 года, предъ совершениемъ благодарственнаго молебствія.

вратима ничемъ, а по слѣдствіямъ своимъ — безконечна... Это опасность часа смертнаго, всѣхъ насъ ожидающаго!.. О, сколько тогда явится предъ нами и вокругъ насть враговъ! Явятся во-первыхъ всѣ наши грѣхи и всѣ страсти, коими была очернена земная жизнь наша, кои среди суетъ житейскихъ, развлечений мірскихъ и упоеній чувственныхъ, не были сознаваемы, а сознаваемые легко забывались нами, и не трогали нашу совѣсть, а тогда, въ этотъ рѣшительный часъ, — всѣ оживутъ въ воспоминаніи, и готовы будутъ терзать нашу душу и сердце. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружатся предъ нами, во всемъ ужасномъ видѣ ихъ и тѣ враги, коихъ мы теперь не видимъ, и надѣ бытіемъ коихъ нѣкоторые даже глумятся иногда безсмысленно, но о коихъ непрестанно предупреждаетъ насть жалобный голосъ нашей общѣй матери, св. Церкви, то есть, — духи тьмы и злобы поднебесной, искони и всегда враждующіе на человѣка, и выну желающіе увлечь его — посредствомъ грѣха — въ бездну собственной погибели. Благо намъ, если среди толикаго множества и внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, послѣдній часъ застанетъ насть въ въ мирѣ съ Богомъ, то есть, примиренныхъ съ святостю и правдою Его — покаяніямъ искреннимъ, и огражденныхъ вѣрою въ Спасителя нашего и въ силу креста Его, подъятаго за грѣхи наши! А что, если при нападеніи на насть всѣхъ сихъ враговъ, мы сами окажемся въ это время врагами Богу, то есть, нераскаянными грѣшниками? Кто тогда защитить насть? Къ кому прибегнемъ? За что имемся?

Предстоитъ, братіе мои, для каждого изъ насть, и другая, неотвратимая ничемъ, страшная опасность въ то время, какъ мы должны будемъ стать нѣкогда на судъ всемірный, предъ Господомъ и Владыкою живыхъ и мертвыхъ. О, какой страхъ обниметъ тогда всякую душу человѣческую! — За нами будетъ время, данное всѣмъ намъ на покаяніе и пришедшее — среди грѣховъ нашихъ — къ концу своему — безвозвратно; предъ нами будетъ безпредѣльная вѣчность, въ которую надобно вступить, и тоже — безвозвратно; надѣ нами Судія — сердцевѣдецъ и судъ неумытный; подъ нами бездна ада, гдѣ искони находятся и пребываютъ духи отверженные.

О, благо намъ, если всевидящій Судія обрящетъ въ насть тогда, если не что другое, то покаяніе, и хотя малыя дѣла милосердія и любви христіанской! А что, если обрящется въ насть тогда одна нечистота, нераскаянность и жестокосердіе? Что, если мы окажемся на этомъ страшномъ судѣ съ одною гордостю,

съ однимъ плотоугодіемъ, съ одними дѣлами неправды и притѣсненія ближніхъ нашихъ? Не поразить ли тогда и насъ ужасный приговоръ Судії всего міра: *не вѣль васъ! отыдите отъ Мене въ огнь вѣчный!* И кто можетъ угасить сей огнь, возженый десницею Всемогущаго? Кто будетъ въ состояніи извлечь насъ изъ безднѣ адовыхъ?

Предваряя васъ такимъ образомъ о будущихъ великихъ и неизбѣжныхъ опасностяхъ, можетъ быть, симъ самymъ я сумчуя настоящую радость вашу по случаю удаленія отъ насъ враговъ нашихъ, кои цѣлую седмицу ежеминутно угрожали намъ напастію и горемъ... Но, съ другой стороны, когда же благовременнѣе и полезнѣе напомнить о семъ, какъ не въ настоящія минуты, когда мы всѣ самymъ опытомъ узнали, что значить быть въ очевидной и важной опасности, даже проходящей и не долговременной?—Самъ Господь премилосердый не для того ли наводить и навель на насъ разныя бѣды и напасти временные, дабы возбудить насъ отъ безчувствія грѣховнаго и обратить наше вниманіе на то, что неминуемо угрожаетъ намъ въ будущемъ?

Братія!—мы собрались теперь воздать Господу Спасителю и пречистой Матери Его благодарность за избавленіе отъ нашествія враговъ. Достойно и праведно благодарить такимъ образомъ Господа: ибо, скажемъ словами св. Давида, *аще бы не Господь, въ сie время, быль въ насъ; то враги наши, въ злобѣ своей, жи-
выхъ убо пожерли быша насъ* (Псал. 123, 2).

Но, братіе мои, если мы хощемъ быть благодарными воистину,—отъ всей души и сердца; то да будетъ твердо вѣдомо при семъ намъ, что изъ всѣхъ видовъ благодаренія Богу, въ настоящемъ случаѣ, самый лучшій и благоугоднѣйшій для Него есть тотъ, чтобы каждый изъ насъ началъ содѣвать дѣло собственнаго, вѣчнаго спасенія, со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ и постоянствомъ. Въ этомъ не только первое и послѣднее благо наше, но въ томъ же самомъ, то есть, въ исправленіи жизни нашей, наибольшая радость и наивысшая слава для нашего Господа, Творца и Владыки!—Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ СОБОРЪМЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II,

ПО СЛУЧАЮ СЛЫШАННОЙ НА СЪВЕРО-ВОСТОКЪ ОТЪ ОДЕССЫ МОРСКОЙ КАНОНАДЫ,

 лышны ли были вчера вамъ громы на морѣ,—на съверо-востокѣ? Поелику теперь не лѣто, а осень, то это должны быть громы не Божіи, а человѣческіе. Значить, врагъ, стоявшій предъ нами столько дней празднымъ, нашелъ наконецъ сродное себѣ занятіе гдѣ либо — при устіяхъ Днѣпровскихъ, и началъ показывать адское искусство свое въ разрушениі. Снова, слѣдовательно, начала проливаться и драгоценная кровь соотечественниковъ нашихъ, хотя мы и не знаемъ доселѣ, гдѣ именно. Судя по силѣ и ожесточенію нашихъ враговъ, а съ другой стороны — по мужеству и самоотверженію нашихъ защитниковъ, не можемъ сомнѣваться, что это борьба упорная и кровавая: врагъ окажетъ все свое искусство и ярость, а наши собратія — всю твердость и безстрашіе людей Русскихъ.

Будемъ ли, послѣ сего, праздными слышателями сихъ страшныхъ ударовъ громовыхъ? Мы, кои по опыту вполнѣ знаемъ, что значитъ быть подъ ними? Нѣтъ! Когда братія наши подъемлютъ теперь непрестанно десницу и шуйцу свою на отраженіе враговъ, и намъ не слѣдуетъ опускать рукъ своихъ долу, а

*) Произнесенное въ Одесскому Каѳедральному соборѣ, октября 5 дня, 1855 года.

также поднимать ихъ, какъ можно чаще, на помощь сражающимся.

Какъ это можетъ быть?— подумаетъ кто либо. — Такъ же, возлюбленный, какъ дѣлалъ это нѣкогда великий Моисей въ пустынѣ Синайской, когда, водимый имъ, народъ Израильскій принужденъ былъ сражаться съ Амаликомъ. Моисей не участвовалъ лично въ семъ сраженіи; находился даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сражающихся: но духомъ своимъ былъ близокъ къ нимъ, принималъ полное и живое участіе въ сраженіи; — и такъ умѣлъ, не смотря на отдаленіе, воздѣвать за народъ своей руки свои къ Богу на молитву, что весь успѣхъ и неуспѣхъ сраженія направлялись не по оружію и мужеству сражающихся, а по состоянію рукъ Моисеевыхъ. *И бысть, сказуетъ священникъ, — егда воздвигаše Моисей руцѣ, одолѣваše Израиль; егда же опускаше руцѣ, одолѣваše Амаликъ* (исх. 17, 11),

Послушайте еще, что случилось въ эти, очевидно, крайне опасныя для народа Израильскаго минуты! По слабости природы тѣлесной, Моисей не могъ, въ продолженіе цѣлаго дня, держать руки своихъ поднятыми горѣ и, по необходимости, опускалъ ихъ, по временамъ, для отдыха, внизъ; и что же? *Егда опускаше Моисей руцѣ, Амаликъ одолѣваše.* Что тутъ было дѣлать?— Обыкновенныя, подобные намъ, люди смотрѣли бы на это и не знали, за что взяться и какъ помочь ослабѣванію рукъ Моисеевыхъ. Но при немъ находились тогда такие сотрудники, какъ Ааронъ и Оръ,—люди, исполненные вѣры и духа Божія. Что же дѣлаютъ они и къ чему прибѣгаютъ? внемлите. Когда Моисеевы руки *тяжки быша*, и не могли потому быть поднятыми, а необходимо опускались долу; въ это время они, *взелие камень, подложиша ему, и сѣдяше на немъ.* Кромѣ того: *Ааронъ и Оръ поддержаста руцѣ его, едипъ отсюду, а другой оттуду; и бяху Моисеевы руцѣ укрѣплени до заходженія солнца.* Что же изъ сего? *И преодолѣ Иисусъ* (предводившій Израилемъ) *А. алика* (Исх. 17, 12, 13). Вся сила и вся крѣпость Израиля какъ будто заключена была въ однихъ сихъ рукахъ, и зависѣла отъ ихъ (молитвенного) поднятія горѣ, или отъ ихъ опущенія, по слабости природы тѣлесной, долу.

Когда читаешь или слышишь о подобныхъ событияхъ, то невольно приходишь къ мысли, что все это было въ другомъ какомъ либо мірѣ, а не въ нашемъ! Между тѣмъ, это было, братія, у насъ, на этой же бѣдной землѣ, на коей живемъ мы, только

въ другія времена и при другихъ нравахъ человѣческихъ, при другой силѣ вѣры и упованія на Бога.

Наши слабыя и нечистыя руки, конечно, не похожи на руки Моисеевы, и мы не въ состояніи воздвигать ихъ такъ чудотворно, какъ это могъ дѣлать великий вождь народа Божія. Но съ другой стороны, мы измѣнили бы достоинству новаго благодатнаго завѣта и всѣмъ обѣтованіямъ евангельскимъ, если бы не признали и неутвердили за истину, что въ воздѣяніи рукъ на молитву у христіанъ истинныхъ заключается и теперь великая сила и великое дѣйствіе. *Вся, елика еще воспросите въ молитвѣ,* —говорить самъ Спаситель, —*вѣрюще, пріимете* (Мат. 21, 22). Человѣкъ можетъ сказать это и не исполнить, а Онъ?... Скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели останется безъ дѣйствія изъ Его словъ хотя единаго іота.

Послѣ сего, оставивъ всякое недоумѣніе, станемъ, возлюбленные, прileжно на молитву;—станемъ здѣсь и въ домахъ нашихъ, и будемъ просить сражающимся теперь братіямъ нашимъ помошни и силы отъ Господа. Если молитвы наши будутъ одушевляться живою вѣрою въ ходатайство за насть Спасителя нашего и искреннею любовію къ братіямъ нашимъ: то, будьте увѣрены, прошенія наши не останутся безъ дѣйствія, и подвизающіеся теперь за отечество почувствуютъ на себѣ, что гдѣ-то и кто-то воздвигаетъ молитвенно за нихъ руцѣ ко Господу... Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ БЛАГОДАРСТВЕННЫМЪ ПОСЛАНИЕМЪ,

О СДАЧЪ ВОЙСКАМЪ НАШИМЪ КРЪПОСТИ КАРСА *).

е мало ждали мы, но, благодареніе Богу, дождались на конецъ радости! Грозная твердыня Азіатской Турціи, стоявшая намъ столько труда, огорченій и даже крови, а въ будущемъ, по причинѣ наступающей зимы, угрожавшая новыми и продолжительными затрудненіями и потерями,— эта твердыня пала наконецъ предъ мужествомъ войскъ нашихъ!. Я говорю, предъ мужествомъ; ибо хотя близкайшою причиною паденія были голодъ и недостатки: но это самое внутреннее бѣдствіе осажденныхъ, принудившее ихъ положить оружіе предъ нами, произошло не отъ другаго чего, какъ отъ крайняго стѣсненія падшей твердыни мужествомъ нашего воинства и искусствомъ нашихъ военачальниковъ. Еслибы была какая либо возможность врагу стать противу рати нашей, то сей же самый голодъ побудилъ бы его рѣшился выйти изъ своей засады и отразить насть, чѣмъ онъ спасъ бы не только городъ, но и себя, отъ голодной смерти, или отъ плѣна. Но, видно, это,—какъ сознаются теперь сами плѣнныe,—было не возможно для нихъ; и вотъ, не смотря на ихъ прежнюю гордость и многочисленность, они предпочли плѣнъ и неволю всякому сраженію съ нами. Какъ не называть этого побѣдоу, и побѣдоу великою?— Теперь, въ этой ча-

*) Произнесенное въ Одесскомъ Каѳедральномъ соборѣ, 11 декабря 1855 г.

сти свѣта, мы можемъ быть спокойны не только за настоящее, но и за будущее. И во-первыхъ, паденіе такого великана, какъ нынѣшній Карсъ, отзовется громко по самымъ отдаленнымъ угламъ Азіи, во славу имени русскаго и къ униженію гордости враговъ нашихъ. За симъ, вѣсть о паденіи такой твердыни, на которую столько полагалось ими надежды, отниметъ духъ у другихъ, не столь крѣпкихъ мѣстъ, и приготовить каждое изъ нихъ къ тому, чтобы не спорить съ нами долго. А между тѣмъ, эта же Карская побѣда, по всей вѣроятности и скоро, перемѣнитъ ходъ браны въ Грузіи, и заставитъ не медля возвратиться оттуда вспять того велерѣчиваго храбреца, который, отрѣкшись вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою отъ царствія на небѣ, не стяжалъ чрезъ то, какъ оказывается, счастія себѣ и на земли, и, при помощи благопріятныхъ обстоятельствъ, восхищавъ доселѣ незаслуженно имя искуснаго военачальника, варугъ является теперь въ наготѣ пришлеца — и предъ чужими, кои были ему нѣкогда свои, и предъ своими, кои никогда не престанутъ быть ему чужды по душѣ и сѣрдцу. Устремившись съ оттоманскими полчищами въ нашу благословенную Колхиду, онъ думалъ и надѣялся симъ самымъ отвлечь насъ, для ея защиты,—отъ Карса; но увязъ въ собственныхъ сѣтяхъ своихъ; ибо наша Грузія устояла сама собою, а, неподкрѣпленный имъ, Карсъ не устоялъ и палъ предъ нами. Но-вый успѣхъ нашъ наконецъ неминуемо долженъ лечь тяжестю своею на вѣсахъ враговъ нашихъ, и дать имъ выразумѣть, что у орла всероссійскаго ненапрасно двѣ, а не одна глава, и потому онъ, двѣйствуя противъ нихъ одною изъ своихъ главъ здѣсь—въ Европѣ, другою въ тоже время можетъ съ неменьшою силою двѣйствовать и поражать ихъ въ Азіи.

Съ намѣренiemъ распространяюсь предъ вами о послѣдствiяхъ новой побѣды: ибо Карсъ весьма отдаленъ отъ насъ и находится за моремъ; посему многіе могутъ не знать, что такое эта крѣпость и много ли значить ея паденіе; а мнѣ желательно, чтобы вы всѣ были обраузованы, послѣ столькихъ недавнихъ страховъ, этимъ успѣхомъ нашего оружія.

Для той же цѣли примѣти, что твердыня Карская была уже взимаема храбрыми войсками нашими за 28 лѣтъ предъ симъ: но тогда она была далеко не то, что нынѣ,—не такъ сильно укрѣплена и защищалась противу насъ одними мусульманами, а нынѣ она была особенно уготована на брань всѣмъ искусствомъ западныхъ враговъ нашихъ, и защищалась не одними мусульманами, а и военачальникомъ той державы, которая издав-

на привыкла почитать себя владычицею морей, а на сушѣ, какъ видно, не умѣеть защищить хорошо и одного города. Успѣхъ нашъ посему надъ Карсомъ, есть успѣхъ не только надъ Турциею, но и надъ Англіею, которая тамъ владычествовала.

Усомнюсь ли высказать въ заключеніе еще одну мысль, которая возбудилась въ умѣ сей же часъ? Настоящею побѣдою надъ Карсомъ, по всей вѣроятности, заключится кругъ военныхъ дѣйствій нынѣшняго года; и вѣсть о ней приспѣла къ намъ около тѣхъ именно дней, когда солнце возвращается съ зимы на лѣто. Не признакъ ли это, что отселѣ въ судьбѣ настоящей браны произойдетъ цѣлый рядъ перемѣнъ къ унижению гордыни враговъ нашихъ, столь неправедно возставшихъ на насъ въ безчестномъ содружествѣ съ мусульманами?—Помолимся о семъ отъ всей души и сердца, да не напрасно будетъ пролито храбрыми воинами нашими столько крови въ защиту имени христіанскаго! А ко всему этому, послѣдуя примѣру свят. Церкви, приложимъ молитву ко Господу и о томъ, чтобы Онъ умягчилъ сердце самыхъ противниковъ нашихъ, и расположилъ ихъ къ чувству безпристрастія и справедливости, такъ чтобы плодомъ настоящей побѣды нашей было ускореніе вожделѣннаго мира, а не ожесточеніе браны. Ибо, если сражаются для того, чтобы побѣждать; то побѣждаютъ не для чего другаго, какъ для того, чтобы не имѣть нужды продолжать войну. Аминь.

СЛОВО

(*Из заключения Апостола къ Европейскимъ державамъ и къ Турции**)

 Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ! (Лук. 2, 14). Такъ можемъ возгласить наконецъ и мы съ ангелами. *Слава въ вышнихъ Богу:* ибо, хотя при заключеніи настоящаго мира дѣйствовали люди, но, безъ содѣйствія и благословенія свыше, и теперь могли бы не достигнуть своей цѣли, какъ, при всѣхъ усилияхъ, не достигали оной прежде. Ибо, сколько разъ сходились для прекращенія войны, и всегда расходились на большую еще брань! Теперь же, едва только сошлись;—и пламень войны погасъ какъ бы самъ собою. *Слава убо въ вышнихъ Богу,* и попустившему, по суду правды своей, страстямъ человѣческимъ разгорѣться въ такой ужасный и всепожирающій пламень, и—когда наступилъ часъ милосердія, *пресѣкишему сей пламень* (Псал. 28, 7), какъ бы невидимою рукою! *Слава въ вышнихъ Богу,* благоволившему подвергнуть возлюбленное отечество наше новому, огненному, седмицею разженному, испытанію и изведищему его изъ сего испытанія, какъ нѣкогда тріехъ отроковъ изъ пещи Вавилонской, здравымъ и невредимымъ! Теперь и намъ, сынамъ Россіи, можно благодарнѣ исповѣдаться предъ Господомъ словами св. Давида: *проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Псал. 65, 12).

Но, что сказать о семъ новомъ покоѣ?

То, во-первыхъ, что имъ мгновенно прекращаются цѣлевые потоки крови человѣческой, лившіеся съ такимъ обилиемъ болѣе

* Сказанное въ Одесскомъ Каѳедральномъ соборѣ, апрѣля 8 дня, 1856 года.

авухъ лѣтъ;—то, что имъ умиряются цѣлые царства и народы, изъ коихъ одни смятыны и потрясены были вихремъ браны до основанія, другіе отъ того же вихря едва не потеряли зрѣнія и не знали, куда приклониться;—то, что новымъ миромъ возвращается прежняя безопасность городамъ и весямъ, даруется свобода самymъ морямъ и рѣкамъ, самymъ горамъ и пустынямъ; —то, наконецъ, что съ наступленіемъ мира представляются новые предметы для дѣятельности общественной и частной, открываются новые виды промышленности и занятій, новые средства къ развитію силъ и природнаго богатства земли русской; самой власти предержащей дается большая удобность—насаждать и отреблять, созидать и украшать, цѣлить и оживлять.

Какъ не возблагодарить за все сіе Господа, въ руцѣ Коего, по выраженію писанія, властъ и держава всея земли (Сир. 10, 21), Который единъ, когда хощетъ, наказуетъ царства и народы бранью, или благословляетъ люди своя миромъ?

Но, достигнута ли высокая цѣль браны? Не безплодно ли принесено столько кровавыхъ и безкровныхъ жертвъ? Бываютъ, конечно, и такія браны: но прошедшая, благодареніе Богу, не такова. Что предполагалось достигнуть, то самое достигнуто, — и съ лихвою. Ибо, для чего предпринята, или точнѣе сказать, прината была нами прошедшая брань (ибо не мы первые взялись за оружіе)? Завоеваній ли какихъ либо и разширенія предѣловъ нашихъ искали мы? Нисколько! Россія, при своей обширности и силѣ, давно не имѣеть въ томъ никакой нужды: ей было бы даже во вредъ всякое дальнѣйшее разширеніе, подобно какъ здоровому и крѣпкому человѣку была бы не въ пользу чрезмѣрная тучность. Униженія ли и вреда какого либо хотѣли мы самому первоначальному противнику нашему на Востокѣ? Опять нисколько: напротивъ, мы хотѣли спасти его отъ внутреннихъ язвъ, снѣдающихъ самый составъ его державы, глубину и неисцѣльность коихъ вполнѣ видѣть теперь онъ самъ. Или, можетъ быть, думалось намъ почему—либо стать вопреки и заградить путь къ чему нибудь добромъ и истинно-полезному для западныхъ державъ, кои съ такимъ неожиданнымъ ожесточеніемъ ополчились потомъ противу насть? И сего никто не можетъ сказать по совѣсти, а теперь—ни даже они сами.

Чего жъ желали мы, нехотя и принужденно, взимаясь за мечъ? Желали единаго,—самаго простаго и совершенно справедливаго, —чтобы близкій къ намъ, и не разъ обязанный намъ своимъ спасеніемъ отъ погибели, сосѣдъ нашъ, внявъ гласу разума и

собственной выгоды, престалъ дѣлить неразумно народную семью свою на двѣ половины, и, предоставляемъ все меньшей, не отдавалъ бы ей на жертву самую большую половину потому только, что эта послѣдняя не одной съ нимъ вѣры, а той, которую исповѣдуемъ мы и прочие образованные народы, яснѣе сказать, чтобы владыка мусульманъ престалъ угнетать невыносимо подвластное ему христіанство на Востокѣ. Вотъ, чего желали мы, —не болѣе!...

Намъ не повѣрили, когда все ручалось за нашу искренность; не повѣрили потому только, что не хотѣли вѣрить, потому что давно желали тайно браны съ нами и искали предлога къ ней. И вотъ, началась эта, нами вовсе неожиданная, а противниками нашими издалека предустроенная, брань за мнимую независимость и самостоятельность державы Оттоманской, якобы нами угрожаемой, а въ самомъ дѣлѣ противъ нашего могущества и противу нашихъ, въ продолженіи цѣлаго вѣка пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ. Свѣтъ съ изумленiemъ увидѣлъ, какъ знамена державъ христіанскихъ начали присоединяться къ знамени Магомета, какъ бы оно было знаменемъ какого либо всеобщаго спасенія.. Послѣ сего естественно казалось многимъ, что судьба восточныхъ собратій нашихъ будетъ совершенно забыта среди браны, и облегченіе ихъ отъ тяжкаго рабства отдалится еще на долгое и долгое время.

Но, когда никто не ожидалъ того, когда еще со всѣхъ сторонъ продолжала кипѣть брань, вдругъ восточные единовѣрцы наши получаютъ то самое, что имѣли въ виду для нихъ мы, и въ такомъ притомъ размѣрѣ, въ какомъ мы съ своей стороны, предъ началомъ браны, не могли и требовать отъ повелителя ихъ, а они ожидать,—получаютъ не только свободу отъ прежняго уничиженія и угнетеній, но и равенство правъ съ мусульманами.

И кто былъ причиною сего, можно сказать, чуда? Тѣ самые люди, кои, по зависти къ намъ, не хотѣли дать намъ сдѣлать и третьей доли того, что теперь сдѣлано! Желаете знать, что заставило ихъ продолжать и совершить,—даже увеличить и усовершить,—дѣло, нами предначатое, изъ-за которого они вышли противу насъ на такую брань ожесточенную? Заставила правота нашего дѣла и святость нашей цѣли, заставили опытъ и очевидность, заставили совѣсть, самое чувство чести и благоприличія... Въ самомъ дѣлѣ, соединя христіанскія знамена свои съ знаменемъ Магомета противу насъ христіанъ, желавшихъ оказать за-

щиту христіанамъ же отъ угнетенія магометанскаго, быть не можетъ, чтобы правители державъ западныхъ свободны были при семъ отъ всякаго упрека совѣсти за таковую измѣну христіанству. Но, доколѣ смотрѣли на злополучный Востокъ издали, и смотрѣли, такъ сказать, сквозь нерасположеніе къ намъ и сквозь подозрѣнія о нашихъ мнимыхъ замыслахъ на востокѣ; дотолѣ могли еще кое-какъ успокаивать себя за положеніе христіанъ на востокѣ. Когда же влекомые духомъ браны, въ лицѣ полчищъ своихъ, явились на самомъ мѣстѣ спора и пререканій; когда увидѣли безумную гордость мусульманъ и постоянное, выходящее изъ всѣхъ предѣловъ, уничиженіе христіанъ; когда такимъ образомъ предкнулись такъ сказать, обѣ ужасную и постыдную для христіанства и человѣчества очевидность: тогда уже не могли болѣе называть черное бѣлымъ, острое гладкимъ и терны розанами. Завѣса заблужденія спала, чувство справедливости пробудилось, вѣра и человѣчество, представшія въ оковахъ, возопили къ душѣ и сердцу; самые притѣснители христіанъ устыдились, и изъявили готовность на исправленіе своихъ поступковъ и на перемѣну своихъ отношеній къ угнетаемымъ. Послѣ сего, по самому естественному ходу вещей, надлежало послѣдовать не другому чemu, какъ тому, что произошло теперь, то есть, возстановленію свободы христіанства на востокѣ. И поелику самая судьба всей державы мусульманской находилась теперь, можно сказать, въ рукахъ христіанскихъ властыкъ; то естественно, что, не стѣсняясь ничѣмъ, они возыпѣли полную возможность заставить—и заставили—повелителя мусульманъ сдѣлать въ пользу подвластныхъ ему христіанъ даже болѣе того, сколько, препятствуемые ими же, не могли, до начатія браны, требовать мы. И вотъ какимъ образомъ послѣдствія настоящей браны, вопреки всякаго ожиданія, благодаря тайному предустроенію вещей и событий Промысломъ Божіимъ, еще до окончанія браны, обратились къ ея первоначальной и единственной, съ нашей стороны—цѣли, и дружественно сопряглись съ ея началомъ.

Послѣ сего, самая брань, какъ провѣщалъ съ высоты престола Благочестивѣйшій Монархъ нашъ, не имѣла уже для насъ своего значенія; ибо цѣль ея—обеспечить участъ единовѣрныхъ братій нашихъ на востокѣ,—была достигнута; а за симъ не могъ вскорѣ не послѣдовать и настоящій миръ, въ коемъ чувствовалась столь великая потребность для всего свѣта.

Конечно, если бы ожесточеніе западныхъ недруговъ нашихъ

противъ отечества нашего продолжилось и за симъ; то Россія, непобѣжденная, и, при всѣхъ превратностяхъ оружія, равно могущественная, не усумнилась бы раскрыть въ себѣ новыя силы и принести новыя жертвы, дабы показать, что она также, чѣмъ была для всей Европы за четыредесять лѣтъ предъ симъ; но, благодареніе тому же всеблагому Промыслу Божію, огнь злобы погасъ въ сердцахъ самыхъ враговъ нашихъ: истощившись въ своихъ силахъ и средствахъ, они охотно простерли къ намъ руку мира, коль скоро убѣдились, что мы готовы принять ее дружелюбно.

«Все это справедливо, — подумаетъ при семъ кто либо, — но нельзя же отрицать, что лучше было бы, если бы начатое нами въ пользу христіанъ восточныхъ, нами же одними было и окончено, а не другими, вмѣсто насъ, какъ теперь?»

А почему лучше, возлюбленный? Не потому ли, что это могло бы служить пищею для самолюбія народнаго, поводомъ къ превозношенію предъ другими? Кто знаетъ, что таковыя чувства такъ же опасны для цѣлыхъ народовъ, какъ и для частныхъ людей, и всегда привлекаютъ на себя гнѣвъ Божій: тогъ никогда не пожелаетъ своему отечеству такихъ успѣховъ, кои служатъ ни къ чему иному, какъ токмо къ гордости и надменію. При такомъ святомъ дѣлѣ, каково предпринятое нами, то есть улучшеніе судьбы восточнаго христіанства, чтобы не омрачить чистоты и не унизить достоинства сего дѣла — заранѣе должно было отказатьться не только отъ всякихъ корыстныхъ видовъ, но и отъ всякаго въ семъ дѣлѣ соперничества съ другими народами. А если такъ, то, — кто бы и почему бы теперь ни довершилъ его, только бы оно довершено было дѣйствительно, — всякому истинному христіанину, оставивъ вопросы и недоумѣнія, предлежитъ радоваться о семъ и благодарить Бога, тѣмъ паче, когда въ доведеніи сего дѣла до желаннаго конца видимо дѣйствовали не столько люди, сколько самъ Богъ. Съ такимъ ли дѣйствователемъ спорить о первенствѣ? Ему ли не уступить своего мѣста?

Если бы впрочемъ и за симъ оставалось у кого сожалѣніе о томъ, что въ прошедшей великой борьбѣ нашей съ Западомъ за Востокъ не все произошло по нашему желанію, и что мы отъ столь многихъ жертвъ нашихъ не стяжали для себя собственно никакого преимущества: такому, со всею увѣренностью, мы можемъ сказать въ успокоеніе, что напротивъ настоящая война послужила для насть къ великому преимуществу и къ чести, самой чистой и христіанской. Ибо, что обнаружила она

предъ лицемъ всего свѣта? Что Россія, первая и единственная, призвала окомъ искренняго состраданія на христіанскій Востокъ; что она, единая, забывъ свои выгоды, и презрѣвъ множество опасностей, рѣшилась, для освобожденія восточного христіанства, выйти на брань едва не противу всего свѣта, и самоотверженіемъ своимъ положила основаніе для всѣхъ нынѣшнихъ событий и дала побужденіе самому западу оказать наконецъ и свое состраданіе къ востоку. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ сего этого хладнаго въ своеобразныхъ разсчетахъ западъ не поспѣшилъ бы принять участіе въ судьбѣ христіанства на востокѣ, и не зная, или лучше сказать, не хотія знать истины, доселѣ расточался бы въ похвалахъ мнимой кротости и образованности мусульманъ, и продолжалъ ограничивать все сердоболіе свое къ угнетаемымъ отъ нихъ христіанамъ праздниками обѣщаніями и бездѣйственными переговорами. И вотъ причина, почему всякой разъ, когда будетъ приходить въ исполненіе какая либо, благотворная для восточныхъ христіанъ, мѣра, имя Россіи, яко первой виновницы счастливаго для христіанства переворота будетъ произносимо съ благодарностью каждымъ христіаниномъ на востокѣ. Такъ думаемъ не мы одни, по какому либо самолюбію, а такъ думается, водясь справедливостію, весь православный востокъ; такъ невольно думаетъ едва не весь западъ; тѣмъ паче не могутъ не думать такимъ образомъ мусульмане.

Не смущаетъ ли еще кого либо мысль о томъ, что для прекращенія брани и для нового мира Россія великодушно согласилась на нѣкоторыя уступки? Для столь великой цѣли, каково успокоеніе цѣлаго свѣта, можно бы не пожалѣть и какихъ либо дѣйствительно немаловажныхъ жертвъ и лишений: но самая зависть и вражда не дерзнули потребовать подобнаго. Ибо въ чемъ наши уступки? Мы не будемъ отселѣ имѣть на югѣ прежняго морскаго бранноснаго вида, который, служа намъ же въ тяжѣсть, ни разу не принесъ намъ тѣхъ выгодъ, коихъ мы должны были ожидать. Мы удалились на нѣсколько малыхъ поприщъ отъ береговъ Дуная: но что другое напоминаетъ намъ рѣка сія, кромѣ потоковъ крови нашей, мѣшившейся столько разъ съ ея волнами? Что приносila намъ она, кромѣ тягостной заботы сражаться ежегодно противу строптивости ея теченія, въ пользу чуждаго намъ судоходства? Если наконецъ отселѣ не мы одни, а и всѣ прочія державы христіанскія будутъ вмѣстѣ съ нами покровительствовать христіанскому востоку; то этого общаго и единодушнаго дѣйствованія давно

надлежало желать для истинной пользы христианства и для собственного нашего спокойствия. Вотъ всѣ наши, если угодно такъ называть, жертвы для мира! Сравните съ ними тѣ безчисленныя усилия и жертвы, коихъ стоила прошедшая брань нашимъ противникамъ; присовокупите къ тому, что миръ не приноситъ имъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, кромѣ благоприличнаго выхода изъ неразумно затѣянной борьбы съ нами;—и вы поймете всю истину дѣла и всю, съ одной стороны, малую (по жертвамъ для того съ нашей стороны), а, съ другой—великую (по благотворнымъ послѣдствіямъ) цѣну новаго мира.

А послѣ сего, что остается намъ, какъ только не съ благоговѣніемъ преклонить главу и сердце предъ судьбами Промыслы Божія, который давно, съ такою очевидностію и съ такою поучительностію для всѣхъ, не обнаруживалъ себя въ превратностяхъ браней, какъ обнаружилъ въ брани прошедшей?

Вмѣстѣ съ симъ возрадуемся радостію чистою о новой лучшей будущности единовѣрныхъ собратій нашихъ на востокѣ. Сѣмѧ освобожденія ихъ не можетъ, конечно, вдругъ и безпрепятственно развиться въ цѣлое многоплодное древо, подъ сѣнью коего имъ можно бы возлечь въ совершенномъ покое, но должно развиться, и разовьется и возрастетъ неминуемо; ибо полито кровію многочисленныхъ сыновъ и сѣвера и запада.

Возблагодаримъ отъ души Монарха нашего, который въ сокровищницахъ своего благого сердца нашелъ тайну, безъ униженія достоинства Россіи, прекратить потоки крови и угасить пламень вражды, коему не предвидѣлось близкаго конца.

Не лишнимъ справедливой хвалы самыхъ западныхъ противниковъ нашихъ, кои, почему бы то ни было, впадши въ великую ошибку—касательно положенія востока и тамошнихъ христианъ, не продолжали однакоже своего ослѣпленія до конца, и, узрѣвъ истину, не замедлили, подавъ одну руку мира—намъ, простерть другую—въ покровительство злополучнаго востока.

Среди настоящаго торжества о мирѣ можемъ ли наконецъ забыть тебя, почившій въ Бозѣ, державный Труженикъ нашъ, которому, послѣ многихъ другихъ подвиговъ, суждено было предназначать и великое дѣло освобожденія христианскаго востока? Цѣль, тобою предположенная, была такъ высока, намѣренія твои были такъ далеки отъ всѣхъ видовъ и расчетовъ человѣческихъ, что обыкновенная мудрость земная никакъ не могла вмѣстить такого великодушія и безкорыстія,—и возмнила неподобная... Но, для тебя теперь не нужна болѣе правда земная, когда ты удо-

стоился зресть и испытать правду небесную. Быть не можетъ однako же, чтобы духъ твой, и на лонѣ вѣчнаго покоя, не возмущался скорбю о потокахъ той крови, коя ты самъ не хотѣлъ бы проливать ни единыя капли. Успокойся теперь и почай въ мирѣ! Истина и правда возторжествовали; пламень войны угасъ; и освобожденный востокъ вѣчно съ умиленіемъ будетъ произносить имя единственнаго благодѣтеля своего, Николая.

Слава убо въ вышнихъ Богу, яко и на земли миръ! — Аминь.

РѢЧЬ

||| ПРОЧТЕНИЯ ВЫСОЧАЙШЕЙ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ ГРАМОТЫ,

ДАННОЙ ЖИТЕЛЯМЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ, СЪ ПОВЕЛЪНИЕМЪ ХРА
НИТЬ КОПИЮ ЕЯ ВЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ *)

Вотъ, съ какою полнотою и одушевленіемъ изображены въ сей хартіи царственной дѣянія и подвиги страны и града нашего во время прошедшей брани! Тутъ съ радостю и изумленіемъ видимъ, что всѣ, можно сказать, шаги наши во время прошедшей брани прилежно замѣчены, всѣ жертвы и приношенія наши оцѣнены сугубою цѣною, всѣ лишенія и раны наши приняты къ самому сердцу Цареву.... Еслибы такое изображеніе въ похвалу страны и града нашего произошло и не отъ руки царственной: то и тогда, при слышаніи его, нельзя было бы не порадоваться отъ души за весь край нашъ: ибо *иля доброе, — какъ замѣтилъ и изрекъ еще древній св. мудрецъ, — лучше, неже богатство много* (Прит. Сол. 22, 1). Но такой, въ высшей степени благоволительный, отзывъ о нась изшелъ изъ устъ самого Помазанника Божія, изшелъ въ самый день священнаго вѣнчанія Его на царство... Какъ много возвышается отъ сего цѣна и сила каждого слова и выраженія въ сей хартіи царственной! — И какой край и градъ русскій не захотѣлъ бы послѣ сего быть теперь на нашемъ мѣстѣ, не смотря на всю тяжесть и прискорбность нашего прошедшаго положенія!

Но меня, яко смиренного пастыря страны сей и вашего со-

*) Произнесенная въ Одесскомъ Кафедральномъ соборѣ 10 октября 1856 г.

страдальца въ прошедшую годину искушения, особенно трогаетъ въ сей хартіи то мѣсто, гдѣ говорится, что странѣ и граду нашему, при всѣхъ прочихъ похвальныхъ качествахъ, не доставало доселѣ съ осталыю Россіею связи страданій и терпѣнія, и что теперь драгоцѣнная связь сія, благодаря ужасамъ прошедшей войны, получила незыблемую основу и скрѣплена навсегда. Почему особенно трогаетъ меня это замѣчаніе? Потому что въ сей самой мысли мы, во время общихъ скорбей нашихъ, не разъ находили утѣшеніе и для васъ и для себя. Ибо памятуете ли, что говорили мы въободреніе вамъ съ сего самого священнаго мѣста во дни св. Пасхи, послѣ огненной бури, разразившейся надъ нами въ Великую Субботу?—И мы говорили тогда, что нашему граду въ составѣ Россіи не доставало съ нею единой связи—страданія за отечество, и что послѣ случившагося тогда съ нимъ, градъ нашъ, несмотря на юность его, можетъ не постыдно стать страну древнихъ многострадальныхъ за отечество градовъ русскихъ. Теперь, какъ видите, тогдашнее предчувствіе и ожиданіе наше сбылось во всей силѣ: ибо теперь,—какъ свидѣтельствуетъ эта хартія, —ставитъ нашъ градъ на это высокое и священное мѣсто между градами русскими уже не наше слабое мнѣніе, а рука самаго Помазанника Божія, Самодержца Всероссійскаго!...

И какъ ставить?—Уже много значило бы для юнаго града нашего, если бы онъ удостоился сравненія съ какою либо меньшою изъ утварей царскихъ, столь богатыхъ изящными и драгоценными украшеніями: но, милость Самодержца, въ избыткѣ признательности, не знаетъ, можно сказать, предѣла;—и Одесса, юная и въ настоящемъ случаѣ—ослабѣвшая и еще не укрѣпившаяся отъ прошедшей борьбы и лишений, именуется драгоценнѣйшимъ перломъ вѣнца царскаго! Того вѣнца, съ коимъ другіе, самые свѣтлые вѣнцы желали бы только сравниться, и кому большая часть, тоже не несвѣтлыхъ, вѣнцовъ не могутъ имѣть надежды даже уподобиться!...

Уразумѣй же, возлюбленный градъ, преизбытокъ къ тебѣ и царственного вниманія и милости Божіей; уразумѣй и старайся быть завсегда перломъ истиннымъ, а не поддѣльнымъ. Вѣнецъ царскій, и безъ тебя, можетъ найти другія для себя украшенія: но ты не найдешь другаго подобнаго вѣнца и другаго, лучшаго для тебя, уподобленія. Драгоценнѣйшимъ перламъ приличествуетъ первѣе всего чистота и прозрачность: будь же, богоспасаемый градъ, и ты чистъ и ясенъ во всѣхъ помыслахъ, предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ твоихъ, и всегда представляй себя тѣмъ

что ты на самомъ дѣлѣ, а не тѣмъ, чѣмъ можно казаться. Помни, что самыя драгоценныя перла не на поверхности морей находятся, а таятся во глубинѣ и добываются особенно послѣ жестокихъ бурь;—и не скучай прошедшему бурею, которая своимъ разрушительнымъ волненіемъ обнаружила предъ окомъ царственнымъ и твое перло; удаляйся отъ желаній мечтательныхъ и предпріятій поверхностныхъ, углубляясь въ такие предметы дѣятельности, кои полезны существенно, и не на краткое время, а для самаго отдаленного потомства, полезны не для тебя только одного, а для цѣлаго отечества!

Обращая за симъ вниманіе на самое мѣсто храненія, пред назначенное для сей драгоценной хартіи, я усматриваю и заѣсь слѣды самого отеческаго и нѣжнаго промышленія о насъ возлюбленнаго Монарха нашего. Въ сей именно храмъ наиболѣе стекались мы всѣ во дни прошедшихъ искушеній и печалей нашихъ; заѣсь изливали мы предъ Господомъ скорбныя луши и сердца наши; отсюда износилъ каждый изъ насъ въ домъ свой елей угашенія и духъ мужества христіанскаго. Гдѣ же приличнѣе, какъ не въ семъ храмѣ, храниться на память родамъ грядущихъ и этому царственному свитку, во свидѣтельство о прошедшемъ дѣяніяхъ и подвигахъ страны и града нашего?

Но, что—по скорости — сказалъ я? о нашихъ подвигахъ? — Нѣтъ, да удалится навсегда отъ насъ сія земная и горделивая мысль! Довольно, что Августѣйшій Отецъ отечества знаетъ о дѣяніяхъ нашихъ и благодарственно одобряетъ ихъ; а предъ Тобою, Владыко и Самодержецъ небесный, мы со всѣми дѣяніями и подвигами нашими повергаемся во прахъ, смиренно исповѣдуя твою силу и благость, и наше ничтожество. Не намъ убо, Господи, не намъ, а пресвятому Имени твоему да будетъ за вся честь и слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! — Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ОТЪ ЧЕГО ЗАВИСИТЬ УСПѢХЪ ВЪ БРАНІ И ПОБѢДѢ, ИЛИ ПОРАЖЕНИЯ*

сли кому, то воину особенно нужно знать, отъ чего зависить успѣхъ сраженія, побѣда или пораженіе.

Зависитъ это отъ многихъ причинъ: отъ мужества и искусства, отъ благопріятности мѣстъ и времени, отъ слабости и безсилія враговъ и проч. Посему-то стараются заранѣе быть готовыми къ браніи; посему-то и безъ браніи постоянно упражняютъ себя въ искусствѣ сражаться; посему-то избираютъ опытныхъ военачальниковъ; посему-то запасаются свѣдѣніями о самомъ мѣстоположеніи непріятеля и проч. и проч.

Но, кроме всего этого—успѣхъ браніи зависитъ еще не отъ людей, а отъ Бога, свыше. Если благословить Господь, то и малое число побѣдить большее; если не благословить, то не можетъ и многочисленное. Если благословить Господь, то и слабые одушевятся мужествомъ: откуда возмется сила и крѣость! Если не благословить, то и мужественные потеряютъ духъ и у сильныхъ ослабѣютъ руки. Если благословить Господь, то и вѣтеръ будетъ благопріятный и камни подводные и мели какъ бы удаляются съ своихъ мѣстъ; если не благословить, все будетъ мѣшать успѣху, и вѣтеръ начнетъ дуть противъ и камни подводные и мели какъ будто будутъ слѣдоватъ за кораблями.

Посему-то, при всемъ исскуствѣ, мужествѣ, при всемъ обилии средствъ къ сраженію и побѣдѣ, необходимо еще одно, такое одно, безъ коего можетъ легко потерять силу все прочее: необходимо благословеніе Божіе.

*) Печатано съ рукописи.

Чѣмъ достигается это благословеніе? — Очевидно, не искусствомъ и мужествомъ, не многочисленіемъ людей и средствъ: ибо все это можетъ быть и у враговъ; а чѣмъ же? Вѣрою въ Бога, упованіемъ на Его помошь, молитвою, чистотою души и тѣла, исполненіемъ заповѣдей Господнихъ.

Ибо, очевидно, Господь благословляетъ того, кого любить: а кого же любить Онъ, какъ не боящихся Его и творящихъ волю Его?

Воинъ благочестивый дорогъ въ очахъ Господнихъ, съ нимъ всегда его Ангель хранитель, посему съ нимъ и побѣда. Равно какъ воинъ нечестивый есть язва для воинства; ибо надъ нимъ всегда гнѣвъ Божій, а потому не далеко и пораженіе.

Чтобы не показалось кому либо, что я все это говорю вамъ отъ себя, выслушайте, что въ писаніи говорилъ нѣкогда Господь чрезъ пророка Моисея избранному народу своему *).

Памятуйте сіе, воины христолюбивые; а поелику вы хотите всегда побѣды надъ врагами, то заранѣе заслуживайте ее у Господа благочестіемъ, воздержаніемъ, чистотою и прочими добродѣтелями. Аминь.

*) Въ рукописи текста не имѣется.

СЛОВО

И О Г Д И И О Б Т Д И*).

Привѣтствуемъ васъ, храбрые воины, съ побѣдою! Слухъ о ней пронесется на крылахъ вѣтра по всѣмъ краямъ отечества, обрадуетъ собою сердце Государя нашего, обвеселитъ города и села, и малой и большой будетъ говорить: «мы побѣдили, славные наши моряки! Дай Богъ имъ здоровья!»

Къ кому же первѣе всего обратиться намъ послѣ побѣды нашей? Обратимся къ Господу, въ лесницѣ коего власть всей земли, который единъ движеть вѣтрами и морями, даетъ и отъемлетъ духъ и мужество.

Мы побѣдили, потому что дѣло наше правое. Россія не ищетъ завоеваній, она и такъ сильнѣе всѣхъ.

Мы побѣдили, ибо сражались за Церковь Божію, за Царя православнаго, за Русь святую.

Мы побѣдили, ибо вышли на сраженіе съ молитвою, призвавъ Бога на помощь, предавъ себя и судьбу оружія своего въ Его святую волю.

Посему, торжествуя теперь побѣду нашу, воскликнемъ всѣ съ Давидомъ: *не памъ, Господи, не памъ, но имени Твоему даждь славу! Тебѣ подобаетъ хвала, Тебѣ подобаетъ пѣніе, Тебѣ слава подобаетъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.*

*) Нечатано съ рукописи.

СЛОВО

|| 0 § 1 ¶ || 0 ¶ 1 ¶ 4 ¶ *)

Привѣтствуемъ васъ, братіе, съ побѣдою. Врагъ пораженъ и посрамленъ! Вы поступили какъ истинные русскіе воины: честь вамъ и слава! Благословенны отъ лица св. Церкви. Теперь радость наша полетить на крыльяхъ въ отечество, обрадуетъ сердце царево, распространитъ веселіе по градамъ и весямъ, утѣшитъ старцевъ и дѣтей, всѣ и вездѣ будутъ говорить: вотъ что, сдѣлано нашими храбрыми моряками! Такъ и такъ сражались они! не посрамили имени русскаго! Дали знать врагамъ, что значитъ Русскій флотъ.

Падемъ же, братіе мои, предъ Господомъ и возблагодаримъ его за побѣду нашу.

Возблагодаримъ не словами, а дѣлами нашими. Какъ хорошъ и любезенъ Богу и людямъ побѣдитель, который не гордится своею побѣдою, а приписываетъ ее помощи свыше! Аминь.

*) Печатано съ рукописи.

Ред.

СЛОВО

ΕΚ ΗΣΠΡΟΣ ΣΑΥΧΣΗΣ ΙΟΣΔΤ ΣΠΑΥΧΣΗΛ*)

Ие даромъ, видно, досталась намъ побѣда, возлюбленные! Я не вижу между вами нѣкоторыхъ; иные изъ нихъ, страдая отъ ранъ—дастъ Богъ,—явятся снова между на-ми, а иные разстались съ нами на вѣки: такова участь войны! Такова щѣна побѣды!

И можетъ ли быть иначе? И дѣтскія игры оканчиваются не-
рѣдко слезами: а у насъ была игра не дѣтская, не дѣтская! На-
добно ливиться еще, какъ мало жертвъ береть война, судя по
ея лютости. Чего не видѣли мы среди сраженія? Это было
подобіе ада: и пули, и ядра, и огнь и вода, и вопли и стоны...
Тутъ можно было лечь многимъ, и однako же легко не много,
да и изъ тѣхъ многіе встанутъ. Отъ чего такъ мало обошлась
побѣда? Отъ того, что при помощи Божіей сражались храбро,
отъ того, что никто не терялъ духа, каждый безтрепетно дѣмалъ
свое дѣло сколько могъ. А сраженіе—вещь чудная! — Въ немъ
чѣмъ храбрѣе дѣйствуютъ, тѣмъ менѣе несутъ потерь; а на-
противъ, чѣмъ болѣе жалѣютъ себя и прячутся, тѣмъ болѣе
теряютъ и падаютъ. И понятно отъ чего. Храбрость скорѣе рѣ-
шаеть побѣду и кончаетъ сраженіе, а неповоротливость, тѣмъ
паче трусость, дѣятъ собою сраженіе и умножаютъ жертвы
воиновъ.

Помните сie, возлюбленные, и при будущихъ сраженяхъ поставьте за правило, если еще не знаете того, что послѣ помоши

^{*)} Печатано съ ръкописи.

Божіей, отъ вашей храбрости и мужества зависить не только побѣда, но и то, чтобы она стоила какъ можно менѣе жертвъ.

И однакоже жертвы всегда будуть: таково, повторимъ, свойство войны! Такова цѣна побѣды: побѣда безъ борьбы — не побѣда!

Будемъ ли жалѣть о тѣхъ, смертю коихъ куплена побѣда настоящая? Конечно, мы лишились въ нихъ храбрыхъ сотрудниковъ и товарищѣй; но они ничего не потеряли, умерли за вѣру, царя и отечество. Что земная живнь въ сравненіи съ небесною, гдѣ для любящихъ Бога нѣтъ ни печали, ни вздоханія? Одно страшно — умереть нераскаянными грѣшниками: но они, безъ сомнѣнія, умерли съ чувствомъ покаянія, омывши, между прочимъ, какіе были грѣхи, собственною кровью. Кто пролилъ за насть на крестѣ собственную кровь, Спаситель нашъ, не можетъ не принять той крови, которая за Него пролита, и не можетъ не воздать за нее вѣнцемъ милосердія пролившимъ оную.

Будемъ же покойны за падшихъ сотоваричей нашихъ. Сама Церковь не престанетъ до конца міра возносить молитвы объ упокоеніи душъ ихъ.

Они сдѣлали свое дѣло—легли съ честію, купивъ побѣду. Да поможетъ Господь и намъ, когда придетъ время, не уклониться отъ своего дѣла, подобно имъ. Аминь.

СЛОВО

ІІІ УДАРНИЙ ІМПЕРАТОРСКІЙ ІЗДѢКІНІЯ*)

ынѣ день и память св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла; посему о нихъ бы надлежало быть и нашей бесѣдѣ съ вами. И какой предметъ могъ бы болѣе представить всѣмъ намъ назиданія, какъ не апостольскіе труды сихъ не человѣковъ, а Ангеловъ во плоти? Петръ—это камень вѣры, какъ назвалъ его самъ Началовождь и Совершитель нашей вѣры. Павель — это труба, вострубившая благовѣстіе во всѣ концы вселенныя, это — молнія, пожегшая и испепелившая всѣ храмы идолъскіе, все хвастіе язычества. Самыя затмѣнія этихъ свѣтиль, подобно какъ затмѣнія тѣль небесныхъ, поучительны болѣе свѣта другихъ, и служатъ, посему, безъ сомнѣнія, и допущены Промысломъ, къ исправленію грѣшниковъ, къ ободренію самыхъ отчаянныхъ. Но, при всемъ богатствѣ сего предмета, мы должны обратить рѣчь свою на другое, обратить непроизвольно, а по указанію самаго Промысла. Ибо въ какихъ обстоятельствахъ мы видимся теперь съ вами? Видимся въ первый разъ послѣ прошедшей войны, которая на всѣхъ краяхъ отечества была крайне ощутительна и тягостна; а на вашъ край и на вашъ городъ легла всею тяжестію своею. Итакъ, вотъ предметъ нашего собесѣданія, предметъ, какъ я сказалъ прежде, не избранный нами произвольно, а данный и указанный свыше.

Я сказалъ: свыше. Да, братіе мои, это первая и послѣдняя

*) Сказанное въ Симферополѣ, 29 июня, 1856 г.

Печ. съ рук.

мысль, изъ которой проистекаетъ все прочее; это прошедшее, коего мы всѣ были столь близкими свидѣтелями и даже соучастниками, было не слѣдствиемъ слѣпаго какого либо случая и обстоятельствъ, а двигалось и происходило по манію и подъ перстомъ Всевышняго. Такъ долженъ думать христіанинъ о всѣхъ происшествіяхъ жизни, тѣмъ паче о прошедшей брани, въ коеи участвовалъ едва не весь міръ, гдѣ стеклось столько неожиданностей, которыя попутали собою не только весь обыкновенный порядокъ вещей, но и смѣшили самыя понятія и сужденія человѣческія.

(Не окончено).

СЛОВО

ИОАННУЧІЙ ЗОДЛОСТРАСТЬІА*)

Призираји на землю, и творяй ю трястися: прикасаяйся горамъ, и дымятся
(Псал. 103, 32.)

 одъ конецъ прешедшаго собесѣданія нашего, я уже коснулся, братіе, необыкновенаго событія, приведшаго многихъ въ ужасъ и потрясшаго недавно всѣхъ насть, и указаль нѣсколько на цѣль его. Но поелику событіе сіе продолжаетъ быть главнымъ предметомъ разглагольствій и въ собраніяхъ и при встрѣчахъ; то я рѣшился послѣдовать общему направленію мыслей и побесѣдовать нынѣ съ вами о томъ же. Ахъ, сердца слушателей нашихъ такъ рѣдко сотрясаются отъ силы слова нашего, что служителямъ слова должно дорожить тѣми минутами, когда они потрясены хотя чѣмъ-либо!

Но для чего я говорю: чѣмъ-либо? Пусть выражается такимъ образомъ мудрость человѣческая; пусть испытатели природы изслѣдываютъ сіе событіе, судятъ, вникаютъ, спорятъ, примиряются, чтобы наконецъ остановиться—на чѣмъ-либо. Мы говоримъ къ вамъ о имени Того, предъ очами коего вся нага и объявлена (Евр. 4, 13), коего слова суть ей и аминь (2 Кор. 1, 20), посему можемъ и должны говорить ясно и твердо тамъ, гдѣ земная мудрость не знаетъ, что сказать. Что же мы скажемъ вамъ теперь? — Скажемъ то, что говорилъ Пророкъ, который, можетъ

*) Бывшаго въ Кіевѣ 11-го января 1838 г.

быть, сто разъ видѣлъ сотрясающуся подъ собою землю, и дымящіяся предъ собою горы, и, что важнѣе, наблюдалъ все сіе во свѣтѣ не собственного ума, а лица Божія. — Вы желаете знать причину прошедшаго ужаснаго событія? Вотъ она! Господь воззрѣлъ, особеннымъ образомъ воззрѣлъ на землю, — и она сотряслась! Вы думаете, что подобныя событія происходятъ отъ воспламененія огнедышущихъ горъ? Можетъ быть; — но самое воспламененіе горъ есть слѣдствіе того же Божественнаго дѣйствія. Господь прикасается горамъ, — и онѣ дымятся! За чѣмъ останавливаются на вторыхъ причинахъ, когда такъ видна первая? Для чего слагать вину на твореніе, когда причиною самъ Творецъ? — Онъ самъ производить сіе, и самъ говоритъ, что Онъ самъ, а не другой кто, производить сіе! *Призирая на землю, и творя ю трястися, прикасаясь горамъ, и дымятся!*

Итакъ, по свидѣтельству Пророка, земля сотрясается, когда Господь призираетъ на нее. Ужели взоръ Господа такъ грозенъ и гнѣвенъ, что земля не можетъ перенести его? Нѣтъ, взоръ сей, по самому существу своему, есть взоръ преблагій и всеоживляющій: посему для Ангеловъ и для душъ праведниковъ нѣтъ большаго блаженства, какъ наслаждаться свѣтомъ лица Божія. На самую землю Господь призиралъ нѣкогда, и она не тряслась, а радовалась и веселилась; ибо Господь видѣлъ, что на ней *вся добра зѣло* (Быт. I, 31). Чѣмъ же теперь земля согрѣшила предъ Богомъ, что, подобно рабу невѣрному, не можетъ стать предъ лицемъ Его безъ трепета? — Съ какой стороны ни разсматривайте землю, не найдете вины ея предъ Богомъ и человѣкомъ. Ей вѣлѣно обращаться вокругъ солнца: и, не смотря на неизмѣримость сего пути, что можетъ сравниться съ точностію и скоростію ея бѣга? — Ей приказано врашаться вокругъ себя самой, дабы такимъ образомъ производить день и ночь: и когда не было дня или ночи? — Зиму, весну, осень и лѣто, — и когда не достало какого-либо изъ временъ года? За одно можно было бы винить землю, — что она нерѣдко возвращаетъ терніе и волчцы тамъ, где человѣкъ сѣеть розы и пшеницу. Но и это дѣйствіе не самой земли, а плодъ сѣмянъ отъ запрещеннаго дерева, коими человѣкъ засѣялъ все лице земли.

Какою же виною виновна бываетъ земля, что Господь *не* можетъ воззрѣть на нее безъ гнѣва, а она на Господа безъ трепета? — Виною владыки своего, человѣка. *Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ* (Быт. 3, 17), сказано Адаму по его преступленіи; — и слово проклятія тотчасъ отразилось на всѣхъ концахъ земли, проникло

всѣ силы и все существо ея, отняло совершенство у всѣхъ ея произведеній, покрыло ее всѣми видами беспорядковъ и нестроений.

Впрочемъ, и стоящая подъ игомъ проклятия земля, не всегда равно чувствуетъ тяжесть его: недугъ ея, можно сказать, иногда прiemлетъ ослабу, а иногда ожесточается. Легче становится землѣ, когда воды ея освящаются погруженiemъ въ нихъ св. Креста, когда воздухъ оглашается пѣснопѣніями во славу Вседержителя, когда поверхность земли украшается св. храмами. Легче становится землѣ, когда испытатель естества, разсмотривая поверхность и нѣдра ея, научается и самъ доходить и другихъ дово-дить до слѣдовъ премудрости и благости Божіей; когда земледѣлецъ, воздѣлывая ниву, испрашиваетъ ей благословенія Божія; когда вода, омывая нечистоты наши, не прiemлетъ сквернъ грѣховныхъ; когда воздухъ, наполняемый словами, не поражается словами праздными и гнилыми. Еще легче становится землѣ, когда увеличивается на ней число избранныхъ Божиихъ, кои, сосредоточивая въ себѣ благодать, распространяютъ ее на все ихъ окружающее. Въ такомъ случаѣ, самъ Господь, призирая на землю и, находя предметы, достойные благоволенія, творить ю не трястися, а покоиться, препоясываться миромъ и радостю. Напротивъ, когда живущіе на землѣ забываютъ живущаго на небесахъ; когда осужденные въ погѣ лица воздѣлывать землю, покрываются потомъ единствено отъ пресыщенія туковъ ея, и, отъ занятія предметами суетными и ничтожными, становятся сами земными и бренными: то землѣ становится тяжелѣ и хуже. А когда среди развращенія земножителей, не находить себѣ мѣста и голосъ покаянія: тогда земля, вслѣдъ за растлѣніемъ людей, сама еще болѣе растлѣвается: вопль беззаконій проходитъ облака, восходитъ во уши Господа Саваоѳа и принуждаетъ Его, яко верховнаго Домовладыку обратить взоръ свой на землю. Онъ обращается, но гнѣвный,—и земля трясется,—хотѣла бы, по выражению Тайновидца, бѣжать отъ лица Господня (Апок. 20, 11), но не можетъ. Такъ принужденъ былъ взирать на землю Господь предъ потопомъ, и слѣдствіемъ сего взора была погибель всего живущаго на землѣ: такъ принужденъ Онъ былъ взирать на землю во время столпотворенія Вавилонскаго,—и слѣдствіемъ взора было смѣшеніе языковъ и разсѣяніе всѣхъ людей по лицу земли; такъ взиралъ Господь на землю, обремененную грѣхами Содома и Гоморры,—и Мертвое море на мѣстѣ ихъ осталось на вѣки слѣдомъ сего взора. Такъ воззрѣль

Онъ на Египтянъ и Фараона въ морѣ Черноморѣ, и не осталось никого, кто бы возвѣстилъ о погибели ихъ въ Египтѣ. Такъ возрѣль Онъ на Іерусалимъ, убившій своего Мессію, и послѣ сего—не осталось тамъ камня на камени.

Мы не знаемъ еще слѣдствій недавно бывшаго взора Божія на землю; и дай Богъ, чтобы слухъ нашъ не огласился вѣстю о бѣдствіяхъ, подобныхъ тѣмъ, отъ коихъ не разъ страдали страны, чуждыя намъ! Но поелику и теперь земля вострепетала подъ стопами нашими трепетомъ, явно нерадостнымъ; то безъ сомнѣнія вострепетала отъ взора гнѣвнаго: а поелику взоръ Господа былъ гнѣвенъ, то, конечно, обращенъ на землю, не добродѣтелями человѣческими. — Гдѣ произошло зло? Въ какой странѣ преисполнилась мѣра неправды? Откуда подана жалоба на небо? Не знаемъ. Но, и не зная сего, можемъ сказать, что не грѣхи людей, невѣдущихъ истиннаго Божія, произвели сіе: непрочувствованные свѣтомъ истинной вѣры, они извинительнѣ христіанъ, невѣрныхъ своей вѣрѣ и закону. Христіанамъ принадлежитъ теперь несчастное преимущество—сильнѣе другихъ народовъ отягощать своимъ грѣхами землю, чувствительнѣе раздражать ими небо, быть нестерпимѣ для взора правды Божіей.

А когда такъ, братіе, то можемъ ли мы обезвинить въ семъ случаѣ самихъ себя?—Напрасно ли сотряслась земля подъ стопами и нашими?—Не опасайтесь, я не буду увеличивать вашихъ грѣховъ, а спрошу только, гдѣ мы живемъ? — Не на тѣхъ ли горахъ, гдѣ впервые возсіяла благодать Божія для всего отечества?—Не у той ли рѣки, которая, по справедливости, можетъ называться Іорданомъ Россійскимъ?—И, что важнѣе, не у подножія ли цѣлаго сонма Святыхъ Божіихъ, здѣсь нетлѣнно почивающихъ?—Какая добродѣтель не воплощена предъ нами? Въ лицѣ ихъ, можно сказать, самая жизнь вѣчна и будущая низведена предъ нами въ кругъ жизни настоящей, подведенна подъ наше зрѣніе и осязаніе. Что же, каковы мы? Много ли во всѣхъ насъ свѣта вѣры? Елея любви? Слезъ покаянія? Нетлѣнія духа?—Скажите сами, какою добродѣтелю мы отличаемся отъ жителей прочихъ градовъ отечественныхъ? Какого порока и соблазна, отъ коихъ страдаютъ прочія страны, нѣть у насъ? Суды наши не только свѣтскіе, но и духовные, не отягчены ли множествомъ жалобъ и пререканій? Торжища наши неглашаются ли шумомъ и нестроениемъ, бранью и клятвами? Храмы наши не остаются ли нерѣдко пустыми, и когда наполняются въ праздники, то кѣмъ болѣе,—смиренными поклонниками, или презорли-

выми соглядатаями? Чего бы не могли сказать противу нась самая земля и самыя горы наши, если бы имъ дано было говорить? Ахъ, сказали бы онѣ, мы тяжко страдали, когда вершины наши покрыты были истуканами Перуновъ и Волосовъ, и думали опочить, когда они украсятся храмами Бога истиннаго: идолы пали, храмы воздвиглись, но люди—тѣ же!....

Перестанемъ же, братіе, носиться мыслю по лицу вострепетавшей земли, и приникнемъ въ вострепетавшую совѣсть нашу: она яснѣе скажетъ намъ, гдѣ источникъ гнѣва небеснаго, гдѣ волканъ огнедышущій? Здѣсь, въ нашемъ сердцѣ! Здѣсь—въ нашихъ страстиахъ! Посмотри на себя каждый во время гнѣва: не пламенѣешь ли лицѣ, не горитъ ли кровь твоя, какъ отъ огня?— Посмотри на себя въ припадкѣ зависти: не блѣднѣешь ли ты, какъ бы подъ тобою открывалась бездна? Посмотри на себя въ припадкѣ скупости: не трясется ли рука твоя отъ малой монеты для нищаго, какъ бы подъ тобою колебалась земля? Что же удивительного, владыка земли, если подвластная тебѣ область подражаетъ твоему примѣру и отражаетъ въ себѣ твой образъ?

Удивительно то, что страшный беспорядокъ стихій не научить нась доселѣ дорожить порядкомъ въ кругѣ своей жизни, что мятущаяся подъ стопами нашими земля не принудить нась быть твердыми и непоколебимыми въ законѣ Господнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли слѣдовъ оставило и прошедшее землетрясеніе не въ землѣ и домахъ, а въ совѣсти и душахъ нашихъ? Градоправительство радуется, что жилища наши цѣлы; а Церковь сѣтуетъ, что сердца не сокрушились. Ибо чѣмъ отозвались мы на гласъ Божій, такъ грозно возгрѣмѣвшій предъ сотрясенiemъ земли нашей? Одинъ говоритъ: я устремилъся тогда посмотретьъ на часы, или барометръ; другой: я поспѣшилъ взять такую-то вещь, дабы бѣжать вонъ изъ дома; третій: я вообразилъ, что въ моемъ домѣ произошелъ ужасный пожаръ; четвертый: я преданъ былъ въ это время сну.... Творецъ неба и земли! Итакъ, Ты мало сотрясь подъ нами землю; ибо мы не пробудились! Призри снова на нее, призри грознѣе, да сотрясутся вмѣстѣ съ землею души и сердца наши! Коснись еще горамъ, да воздымятся сильно, и принудятъ нась возвести очи свои къ небу! Но, Боже праведный, моему ли гласу пререкать безднамъ милосердія твоего? — Если Ты укротилъ гнѣвъ свой, то, безъ сомнѣнія, узрѣмъ, что и между нами не всѣ погружены были въ сонъ нечувствія, что и между нами нашлись люди, кои за себя и за нась воздѣли къ Тебѣ чистыя руки свои.

А между тѣмъ, братіе, далеко ли всѣ мы отстояли тогда отъ послѣдняго часа жизни? Долго ли было обрушиться жилищамъ нашимъ и погребсти нась подъ развалинами? — Что было бы тогда съ нами? Какъ предстали бы мы на судѣ? Чѣмъ изрекли бы въ свое оправданіе? — Что мы восхищены внезапно? — Но можетъ ли быть внезапность для тѣхъ, коимъ съ младенчества твердятъ непрестанно о необходимости спасенія, кои сами, изъ безчисленныхъ случаевъ, знаютъ, что нѣтъ и не можетъ быть завѣта съ смертію?

Опасность прошла, земля паки отвердѣла подъ стопами нашими: но, надолго ли? Кто поручится, что Господь паки не призритъ на нее окомъ правды и суда? — И одно ли потрясеніе земли можетъ прервать нить жизни нашей? — Ахъ, она рвется нерѣдко отъ слабаго дыханія вѣтра.

Будемъ же благоразумны, и престанемъ быть врагами самихъ себя. Скоро отверзется предъ всѣми дверь покаянія. Попспѣшимъ войти въ нее, всѣ, навсегда, невозвратно. Когда, омытые слезами покаянія, мы примиримся съ Богомъ и своею совѣстю, тогда ничто не возмутитъ покоя души нашей, тогда хотя бы горы прелагались въ глубины морскія, хотя бы досталось идти намъ посреди сѣни смертной (а непремѣнно каждому достанется когда-либо), мы не убоимся зла; ибо Господь, самъ Господь, будетъ съ нами и за нась. Аминь.

СЛОВО

ИРДЛ МОДЕСТІЕМЪ, ПО ЕДУЧІ ЧРІЗВЫЧАЙНОЙ ЗАСУХІ І ПОЖАРОВЪ
ЗЕМЛІХЪ, ДРАГІ І ДІДІ РІ БОЗДУХІ*)

Маконецъ, братіе мои, насть всѣхъ учить само небо! — И какъ учить? какъ учило нѣкогда древнихъ Египтянъ — огнемъ и мракомъ! Странное и страшное зрѣлище! Мы со всѣхъ сторонъ окружены огнемъ, и въ тоже время покрыты —тьмою! страждемъ отъ засухи, и не видимъ солнца! Таковъ гнѣвъ небесный! Таковъ и здѣсь — во времени, на землѣ милосердія: что же будетъ тамъ — въ странѣ воздаяній, гдѣ во всей силѣ воздѣйствуетъ законъ суда и правды?

Но, точно ли надъ нами гнѣвъ небесный? Не случай ли это и неблагопріятное стеченіе причинъ естественныхыхъ? — Ахъ, можетъ ли быть случай тамъ, гдѣ все движется подъ перстомъ Всемогущаго и Всевѣдущаго? — Что такое природа, со всѣми ея силами, какъ не видимое и разнообразное облаченіе единой невидимой силы творческой? Если въ дому благоразумнаго домовладыки не можетъ произойти ничего важнаго безъ его вѣдома и воли, тѣмъ паче — вопреки его намѣреніямъ: то можетъ ли быть что либо подобное въ дому Домовладыки небеснаго, который вѣдѣ есть и все исполняетъ своимъ существомъ и силою? И если мрачное чело и грозный видъ домовладыки служать вѣрнымъ признакомъ, что въ дому есть нѣчто, для него нетерпимое: то мрачный видъ нашего неба, пытающее лицо нашей земли не ясно ли сказываютъ намъ, что среди насть и въ насть есть

* | Сказанное въ Вологодскомъ Успенскомъ соборѣ.

нѣчто такое, на что Царь неба и земли не можетъ взирать безъ гнѣва?

Что такое именно? Это довѣдомо Ему единому. Для насть довольно знать, первое—что всякий грѣхъ есть мерзость предъ очами святости божіей, а мы всѣ грѣшники, и нѣтъ грѣха, коего не нашлось бы между нами; второе — что для отвращенія гнѣва небеснаго нѣтъ другаго средства у грѣшниковъ, кромѣ покаянія и исправленія своей жизни. Посему, прежде нежели приступимъ къ престолу Благодати, и дерзнемъ воздѣть руки съ моленіемъ обѣ отвращеніи казни, насть облѣжащей, обратимся къ себѣ самимъ, приникнемъ въ нашу внутренность, и посмотримъ, что тамъ?—каковъ воздухъ въ нашей душѣ?—какова земля нашего сердца?—нѣтъ ли и заѣсь мрака и тьмы, и—можетъ быть—египетской?—нѣтъ ли и заѣсь засухи и окамененія, — можетъ быть—вавилонскаго?—нѣтъ ли заѣсь огня и пламенеи— можетъ быть—адскаго?

Намъ даны всѣ средства къ тому, чтобы не оставаться въ духовной тьмѣ, выйдти изъ естественнаго невѣдѣнія о Богѣ и душѣ, обѣ участи, ожидающей насть за гробомъ,.. и о средствахъ къ нашему вѣчному спасенію; солнце откровенія божественнаго всегда наѣтъ главою нашею; книга слова Божія всегда въ рукахъ нашихъ; Церковь, сie училище Божіе, открыта со всѣхъ сторонъ каждому: читай и поучайся, слушай и поучайся, смотри и поучайся. Кругомъ свѣтъ и истина. Но много ли свѣтлыхъ и богопросвѣщенныхъ?—Посмотрите на миллионы собратій въ низкой долѣ, и спросите ихъ о чёмъ либо, касающемся вѣры и упованія христіанскаго; они вмѣсто отвѣта скажутъ вамъ: мы люди темные! Обратитесь къ людямъ, такъ называемымъ, образованнымъ, заговорите съ ними о пути ко спасенію, самомъ Спасителѣ; рѣдко не окажется, что и они, при всѣхъ дарованіяхъ, при всѣхъ, часто обширныхъ, познаніяхъ въ земномъ,—въ отношеніи къ небесному—люди темные! Кругомъ тьма и невѣдѣніе! Отъ чего? Отъ того, что не хотятъ озаряться свѣтомъ небеснымъ; отъ того, что не почитаютъ нужнымъ знать, что будетъ съ ними за гробомъ; отъ того, что все читали и изучали сто разъ, и, можетъ быть, ни разу не брали въ руки библіи и книги церковныхъ.

Въ правѣ ли же мы, когда внутрь насть такая тьма, требовать, чтобы вѣтъ насть всегда было свѣтло и ясно? Не скорѣе ли должно желать, чтобы совершенно померкъ, хотя на время, вся—
Иннокентій. Сочиненія.VIII.

кій свѣтъ чувственныи, дабы вспомнили, что есть свѣтъ духовный, и начали имъ пользоваться?

Намъ даны всѣ силы и средства, потребныя къ животу и благочестію, къ тому, чтобы мы въ семъ вѣкѣ были тверды и непоступны въ истинѣ,—жили праведно, цѣломудрено и благочестно, и являлись плодоносны во всякомъ благомъ дѣлѣ. Для сего облака дарованій духовныхъ всегда носятся надъ землею сердецъ нашихъ; роса благодати всегда готова къ ихъ освѣженію; въ сѣменахъ духовныхъ ни для кого неѣтъ недостатка; самыя бразды въ душѣ и сердце во множествѣ проводятся невидимою рукою Провидѣнія,—посредствомъ событий въ жизни нашей. Какъ бы не прозябать благимъ мыслямъ и чувствамъ! Какъ бы не цвѣсти въ нась вѣрѣ и любви христіанской! не зреТЬ плодамъ смиренія, милосердія, чистоты и правды! — Но осмотритесь кругомъ себя: гдѣ святость мыслей и чистота намѣреній? гдѣ подвиги любви и самоотверженія? гдѣ плоды правды? Вездѣ сухость и безплодіе, тернъ на тернѣ, камень на камени!—Отъ чего? отъ того, что преданы плоти и крови, работаютъ всѣмъ существомъ міру и его похотямъ: а попеченіе о единомъ на потребу, о душѣ и совѣсти считаются, если только считаются, самымъ послѣднимъ изъ своихъ попеченій. Ахъ, если бы хотя сотая часть того времени и труда, кои иждиваются на воздѣланіе полей, на усовершенствованіе домашней экономіи, на забавы и удовольствія, употреблялась на воздѣланіе души бессмертной: далеко не то было бы съ нашими нравами и жизнью!

Послѣ сего въ правѣ ли мы требовать, чтобы попираемая стопами нашими земля была лучше духа и сердца нашего? чтобы она постоянно разверзала нѣдра, и возвращала намъ сѣмена сторицею, когда мы заключаемъ утробу при видѣ брата бѣствующаго (Іоан. 3, 17)? Не должно ли напротивъ желать, чтобы, хотя по временамъ, стихіи отказывались служить намъ, чтобы изсякали источники всѣхъ чувственныхъ прибытокъ и удовольствій, дабы мы престали упиваться изъ нихъ на погибель душѣ своей, и вспомнили о водѣ, текущей въ жизнь вѣчную?

У христіанина, наконецъ, есть средство, къ пресвѣченію самого пламени страстей своихъ—это благодать Духа Святаго! къ угашенію самого огня гнѣва небеснаго—это кровь Сына Божія, нашего Иискупителя!—Какого искушеннія препобѣдить, какого врага нельзя преодолѣть съ помощью Духа Вседержителя? Какой правдѣ удовлетворить, какого грѣха очистить нельзя посредствомъ

искупительной крови Агнца Божія? Оставалось бы только окропляться въ духѣ вѣры сею кровью; и мы быми бы бѣлы, какъ снѣгъ; и всѣ неправды наши быми бы заглаждены на вѣкъ. Оставалось бы только облекаться силою благодати свыше, дѣйствоватъ всеоружiemъ духовнымъ, намъ даннымъ: и мы быми бы цѣлы, крѣпки и неприступны. А мы, если и являемся во время исповѣди предъ зерцало правды Божіей, то необлеченные въ силу заслугъ Христовыхъ, съ чувствомъ лжеправедности фарисейской, а не въ духѣ мытаря и разбойника благоразумнаго: оттого и отходимъ безъ истиннаго мира въ совѣсти, безъ божественнаго глагола прощенія въ душѣ. А мы, если и покушаемся иногда стать противъ искушенія на грѣхъ, то употребляемъ для сего однѣ силы, иши лучше сказать, одну немощь своего ума и совѣсти: оттого падаемъ непрестанно и разбиваемся въ пракѣ. И такъ поступаютъ еще лучшіе изъ настѣ; а какъ поступаетъ большая часть?—При малѣйшей искрѣ соблазна, вмѣсто того, чтобы гасить пламень грѣховный, раздуваютъ его всѣми способами, обращаютъ въ пожаръ сердечный, и — обѣятые съ ногъ до главы огнемъ, вмѣсто того, чтобы вопіять о помощи небесной, веселятся и торжествуютъ подобно лишеннымъ ума; и, сожженные наконецъ въ своей совѣсти, съ торжествомъ воззываютъ на развалинахъ и пеплѣ храма души своей.

И мы удивляемся послѣ сего, какъ око неба помрачается негоеваніемъ, какъ лице земли воспламеняется гнѣвомъ! Подивимся скорѣе, какъ солнце можетъносить зреющиye всѣхъ нечистотъ и злодѣяній, кои принуждено освѣщать ежедневно и ежеминутно! Какъ земля неизнemожетъ подъ тяжестю неправдъ человѣческихъ, и, послѣдня пріимѣру своего жителя и владыки, сама не уклонится съ пути вокругъ солнца! Какъ воздухъ, непрестанно наполняемый словами гнилыми и зловредными, не расплится въ конецъ отъ нечистаго нашего дыханія! Какъ наконецъ всѣ стихіи, непрестанно всякимъ образомъ злоупотребляемыя человѣкомъ, исторгаемыя изъ своего чина, уклюняемыя отъ своей цѣли, не выйдутъ наконецъ совершенно изъ порядка, имъ назначенаго, не возстанутъ противъ своего притѣснителя, не устремятся на всеобщаго возмутителя, не разразятся всегубительствомъ надъ главою врага Божія!—И не будемъ думать, что силы природы, настѣ окружающей, безчувственны; а потому для нихъ все равно, какъ мы ни поступаемъ съ ними: нѣть, въ мірѣ Божіемъ—все жизнь и лѣбдѣвіе, вездѣ чувство и смыслъ. Апостолъ слышалъ нѣкогда, какъ вся тварь (замѣтьте выраженіе—вся тварь) стонетъ и воз-

дыхаетъ отъ того, что человѣкъ своимъ грѣхопаденіемъ лишилъ ее свободы чадъ Божіихъ, и повергъ въ тяжкую работу суетѣ и тѣшнію. Воздыхаетъ, но не выходитъ изъ повиновенія человѣку, заставившему ее томиться въ узахъ; воздыхаетъ, но продолжаетъ работу самой суетѣ. Почему? Потому что такъ заповѣдано ей Тѣмъ, Кто не хощетъ смерти грѣшника, но даетъ ему время, *во еже обратитися и живу быти.*

Въ силу сего закона милосердія, безъ сомнѣнія, и теперь мракъ, насть облѣжащій, разсвѣтится, и мы паки узримъ солнце во всей лѣпотѣ его: но что узрить сіе солнце въ настѣ? Узрить ли хотя единую слезу покаянія на лицахъ нашихъ? Узрить ли какое либо бѣдное семейство, какого либо безпомощнаго сироту, взятыхъ на попеченіе богачемъ? Узрить ли раздраннымъ рукописаніе бѣднаго должника, неимущаго чѣмъ воздать заимодавцу? Узрить ли слугу, преставшимъ терпѣть отъ жестокости и прихотей своего господина? Узрить ли храмы Божіи болѣе полными, таинства болѣе приемлемыми и чтимыми, домашнюю молитву болѣе наблюдаемую? Узрить ли менѣе шумныхъ полночныхъ игръ, убивающихъ душу и тѣло, честь и состояніе? менѣе кощунства и словъ праздныхъ?.. — Безъ сомнѣнія, и земля престанетъ горѣть вокругъ настѣ, ибо еще не наступитъ тотъ страшный часъ, когда *стихіи сжигаели разоряты: и земля со всѣми дѣлами, яже на ней, сгорить* (2 Пет. 3, 10). Но что будетъ съ тѣми плодами, кои она паки начнетъ износить изъ нѣдра своихъ? съ плодами, омытыми потомъ и слезами бѣднаго земледѣльца? — Не отымутся ли они, по прежнему, нещадно отъ гладныхъ устья его семейства? Не пойдутъ ли въ пищу роскоши и прихотей? Не отдаутся ли за предметы совершенно бесполезные и даже душевредные? Не поставятся ли прямо въ цѣну беззаконія и соблазна?

Не на устыденіе и укоризну, а въ поученіе и общее назиданіе говорю сіе; говорю по необходимости: среди огня гнѣва небеснаго, коимъ окружены мы, нельзя быть хладнѣмъ свидѣтелемъ неправдъ человѣческихъ. И кто же возлаголетъ, когда мы умолчимъ? И какъ молчать, когда само небо и земля вопіютъ противу настѣ? Завѣса мрака равно простерта лесницею всемогущею надъ проповѣдающими, какъ и надъ слушающими. Всѣмъ должно смириться; всѣмъ должно осмотрѣться! Возвѣстите, что подлежитъ въ настѣ исправленію, и мы съ радостію приложимъ слухъ словамъ вашимъ. И безъ того мы чувствуемъ вполнѣ недостоинство наше; и—сошедши съ сего мѣста, на которое за-

ставилъ войти насъ долгъ званія нашего, готовы стать у прага церковнаго и воззвать съ мытаремъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Но, доколѣ стоимъ здѣсь, мы должны вѣщать истину, какъ бы ни была она непріятна для чувственности; и горе намъ, если мы измѣнимъ гласу ея въ то время, когда самыя стихіи предваряютъ нашу проповѣдь!

Итакъ, братіе мои, если вы, тронувшиесь не силою нашего скучного слова, а всемоющнымъ гласомъ Того, Кто повелѣлъ небу и земли вѣщать ко всѣмъ намъ огнемъ и мракомъ, рѣшились отселѣ бытъ внимательнѣе къ дѣлу вашего спасенія, исправить и въ жизни и въ нравахъ, и въ образѣ мыслей вашихъ то, что противно Евангелію, не согласно съ уставами вѣчной правды Божіей, пагубно для собственной души вашей: то мы смѣло приступимъ къ престолу благодати, начнемъ съ дерзновеніемъ толкать въ двери милосердія; и можемъ бытъ увѣрены, что намъ не будетъ отказано въ милосердіи. А если... Но ваши взоры, ваши вздохи, ваши слезы, все ваше положеніе показываетъ, что мы не напрасно собрались сюда, что десница Божія, на насъ отяготѣвшая, достигла своей цѣли, что гнѣвъ небесный проникъ дѣйствіемъ своимъ до глубины душъ и сердецъ, что каждый изъ насъ вполнѣ чувствуетъ важность настоящихъ минутъ и не забудетъ ихъ во всю свою жизнь. Да предназначается же молитва сердецъ смиренныхъ и духа сокрушенаго!—Да возгласится покаянный псаломъ Царя Израилева, столь приличный нашему положенію! Да отверзутся царскія двери милосердія!—

Господи и Владыко живота и смерти нашей! если мы дерзаемъ въ настоящій часъ стать предъ Тобою, подобно Аврааму, съ молитвою за градъ сей и страну нашу: то дерзаемъ, надѣясь не на чистоту нашихъ собственныхъ молитвъ, а на то, что уже зримъ предъ Тобою стоящаго за насъ великаго Ходатая и Посредника неба и земли, возлюбленнаго Сына твоего, Искупителя нашего. О имени Его отверзаемъ предъ Тобою уста нечистыя, и воздѣваемъ къ Тебѣ руки непреподобныя. Призри на насъ сквозь пречистыя язвы Сына твоего; и повели солнцу твоему воссіять на насъ, повели огню угаснуть, и землѣ воспріять прохладу и свѣжестъ. Створи надъ нами сіе знаменіе во благо, да увѣмы, что Ты единъ Господь и Владыка всяческихъ, Ты убієши и жити сотвориши. Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ ПОКАЗЫВАЮЩИМЪ МОДЕЛЯМЪ

ПО СЛУЧАЮ НЕОБЫКНОВЕННО ЧАСТЫХЪ ПОЖАРОВЪ, БЫВШИХЪ
ВЪ ХАРЬКОВЪ *).

Гласъ Господень на водахъ, гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господа сокрушающаго кедры, гласъ Господа, пресѣщающаго пламень огня (Псал. 28).

такъ, между разными гласами Божиими св. Давидъ слышалъ нѣкогда и гласъ Господа, пресѣщающаго пламень огня.... О, если бы и надъ нашимъ градомъ раздался теперь сей гласъ вождя!... Ибо, какъ ни многочисленны и ни громки гласы, еженощно по всѣмъ стогнамъ возносящіеся отъ земли нашей; но ни одинъ изъ нихъ не можетъ пресѣчь пламени огня. Какихъ мѣръ предосторожности не употребляеть бдительное начальство?—но огнь возгорается.—Кто самъ не стережетъ собственного дома?—но огнь возгорается. Лютая стихія какъ бы нарочно посмѣвается всѣмъ усилиямъ нашимъ не дать мѣста ей. Коль многіе изъ пострадавшихъ отъ ярости ея собственными слезами продолжаютъ обливать теперь тѣ развалины, коихъ не могли спасти отъ пламени щѣлые потоки водъ, на нихъ излитыхъ. А не пострадавшіе отъ огня мучатся ежечасно отъ воображенія близкой опасности и возможныхъ потеръ, такъ что никто не можетъ спокойно взлечь на одръ ношной.

* Сказанное въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, 15 июня 1845 г.

Волею, посему, или неволею, но всѣмъ и каждому, подражая Исаилопѣвшу, приходится возвесть очи свои въ горы, и отложивъ надежду на одни средства человѣческія, ожидать помощи отъ Господа, сотворшаго небо и землю *). Если Онъ возглаголеть, то всѣ стихіи умолкнутъ; и огнь, по прежнему, будетъ смиренно освѣщать и согрѣвать domы наши, не разрушая ихъ до основания и не лишая жителей, вмѣстѣ съ кровомъ, хлѣба насыщенаго.

Но кто мы, чтобы ради насъ возглаголалъ самъ Господь гласомъ, пресъщающимъ пламень огня? Во времена древнія были покрайней мѣрѣ люди, столь видимо близкіе ко Господу, что къ нимъ, яко къ наперсникамъ и другамъ Божіимъ, съувѣренностію можно было обращаться во всякой нуждѣ и обстояніи, да станутъ предъ престоломъ правды Божіей, и воздѣяніемъ преподобныхъ рукъ своихъ преложатъ гнѣвъ небесный на милость. Между нами,—за грѣхи наши,—не видно таковыхъ избранныхъ; а если и есть они, то скрываются въ тайнѣ лица Божія отъ лягушки человѣческа (Псал. 30, 21). Посему, при всей нечи-стотѣ нашей, остается самимъ намъ обратиться къ небу и начать толцать въ двери милосердія. И мы съѣлаемъ сie, братіе мои, по долгу званія нашего.

Но, что если Господь при семъ сіучаѣ и съ нами, какъ съ древними израильянами, восходитъ сотворить прою и судъ пра-ведный? Въ нуждахъ и обстояніяхъ вашихъ, скажетъ Онъ, вы обращаетесь ко мнѣ за помощью; а среди довольства и радостей вашихъ забываете Меня, яко несущаго.—Когда стихіи мои возстаютъ на васъ, вы спѣшите въ храмъ мой и падаете предо Мною во прахъ: а когда силы природы служатъ и покорствуютъ вамъ, то, вмѣсто храмовъ, неудержимо стремитесь въ domы игръ и увеселеній, для поклоненія кумиру гордости житейской. Меня, вашего Владыку и Господа, хотите видѣть къ вамъ всегда человѣколюбивымъ и милостивымъ; а сами, будучи прахъ и пепелъ, постоянно являетесь злы и жестокосерды къ собственнымъ собратіямъ вашимъ. Приходите въ отчаяніе отъ пламени, погидающаго тѣлесные кровы ваши; и ни во что ставите пламень страсти, отъ коего истлѣваютъ души и сердца ваши. Бойтесь и трепещите огня временного, который, сколько бы ни свирѣпство-валъ, самъ по себѣ не можетъ не угаснуть; и остаетесь хладны и равнодушны къ тому ужасному огню геенскому, который,

*) Концертъ изъ псалма сего былъ пѣтъ на літургіи, предъ молебствіемъ.

разъ возгорѣвшись, не угаснетъ во вѣки вѣковъ. Я ли не доказалъ моей любви къ вамъ, когда за васъ, грѣшниковъ сущихъ, предалъ на смерть Единороднаго Сына моего? Но гдѣ чувство благодарности? Гдѣ попеченіе о собственномъ вашемъ спасеніи? Домы ваши исполнены нечистоты и похотей врѣждающихъ; торжища ваши мятутся крамолою и лукавствомъ; судилища ваши стонутъ отъ тяжести неправдъ и пререканій, даже между единокровными; въ самые храмы мои вы вносите съ собою духъ презорства и молву суетъ житейскихъ. Что же послѣ сего дѣлать правдѣ моей? Что остается дѣлать самому милосердію моему? Ужели попустить вамъ низпадать ненаказанно въ бездну страстей, дабы потомъ низринуться навсегда во глубину адovу? — Когда дары и благословенія мои не действуютъ на васъ, то не довѣрѣть ли употребить огнь и желѣзо, да рана не содѣляется неисцѣльною? Не такъ ли поступаютъ съ вами собственные врачи ваши? Вмѣсто ропота и жалобъ, вамъ подобало бы пасть ницъ предо Мною и возблагодарить, что милосердіе мое не забываетъ васъ недостойныхъ, и хотя гласомъ прещенія и огня, но гремитъ во уши ваши, да воспрянете отъ сна грѣховнаго. Бѣдствія, Мною посыаемыя, суть знакомъ гнѣва моего на ожесточенныхъ, но въ тоже время знаменіемъ любви, взыскующей заблудшихъ. Блюдитесь противнаго, — да не будете ненаказанно оставлены на жертву собственныхъ страстей вашихъ! Горе грѣшнику, отвергнутому мою благодатию!

Скажите, братіе мои, что противурещи, если Господь возглашаетъ къ намъ симъ гласомъ суда и прещенія? Древніе израильяне въ подобномъ случаѣ могли указать по крайней мѣрѣ на приверженность свою къ обычаямъ своихъ предковъ, на усердіе ко храму іерусалимскому, на множество жертвъ, или приносимыхъ, на посты и празднства свои. Мы что речемъ и на что укажемъ? Святые обычаи предковъ, или преданы у насъ совершенному забвенію, или служатъ предметомъ глумленія и пересудъ неразумныхъ; храмы наши, если и посещаются нами изрѣдка, то большею частію не для молитвы, а изъ одного приличія, и видять въ насъ не грѣшниковъ кающихся, а людей надменныхъ своею породою и богатствомъ, видимо готовыхъ, еслибы было возможно, вступить въ прою съ самимъ Господомъ храма, такъ что для славы селенія Его должно желать иногда не присутствія, а отсутствія нашего. Жертвы наши Богу — гдѣ онъ? Твердимъ, что Господу надобно приносить въ жертву свое сердце, и подъ симъ предлогомъ въ продолженіе цѣлаго года не

употребимъ во славу имени Его и единаго пѣнязя, расточая въ тоже время сотни и тысячи, стоившія пота и слезъ подручнымъ нашимъ, на безумныя прихоти, на игры и увеселенія. О постахъ нашихъ, думаю, и вы не присовѣтуете упоминать предъ Господомъ: ибо они давно не существуютъ для многихъ изъ насъ. Что же реші? Не указать ли на наше умѣніе жить въ свѣтѣ и ловкость въ обращеніи, на нашу способность перениматъ все иноземное, будь оно самое безразсудное? Не упомянуть ли развѣ о томъ, какъ мы умудрились чужое дѣлать своимъ, сокрывасть самую очевидную истину въ неправдѣ, наводить подозрѣніе и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ его, ставить брату сѣти и невинности соблазны? Но, увы, Господь давно видитъ все сие! За сие-то, безъ сомнѣнія, и лишены мы Его благословенія, и можемъ подлежать еще болѣшимъ бѣдствіямъ, если не очувствуемся по случаю золъ, насы обышедшихъ, и не обратимся на путь истины и правды.

Что же намъ дѣлать и что реші? остается возопить съ Пророкомъ: *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. 9, 7). Остается признаться и исповѣдать со Псалмопѣвцемъ: *благо намъ, яко смириль еси нась, да научимся оправданіемъ твоимъ* (Псал. п8, 17). Остается, наконецъ, поступить такъ, какъ поступили нѣкогда ниневитяне. Они были подобные намъ грѣшники: но когда Пророкъ изрекъ имъ гнѣвъ отъ лица Божія; то, смиренно признавъ неправды свои, тотчасъ облеклисъ всѣ во вретище, посыпали пепломъ главу, заповѣдали посты и обратились къ молитвѣ. За такое смиреніе, не смотря на множество грѣховъ, Господь услышалъ ихъ: Ниневія спаслась отъ неминуемой погибели. Облечемся и мы, если не во вретище и пепель, то въ смиреніе и исповѣданіе грѣховъ, своихъ; отложимъ роскошь и прихоти; и, призвавъ на помощь Матерь Божію и святыхъ Угодниковъ, станемъ предъ симъ престоломъ и речемъ изъ глубины души: Господи и Владыко живота нашего, Судіе праведный и милостивый, буди благословенно имя Твое! Благодаримъ Тебя, что Ты не забываешь нась, чадъ строптивыхъ и развращенныхъ, и хотя страшнымъ гласомъ огня, но продолжаешь глаголать къ намъ, да престанемъ отъ грѣховъ нашихъ. Еже навель еси на нась, судомъ и правдою навель еси. Смиренно исповѣдуемъ, что мы беззаконіями и нераскаянностью своею заслужили стократъ большаго прощенія и казней. Но, Премилосердый, наказавъ ожесточенныхъ, пощади кающихся; явивъ грозную лесницу, покажи и милующую! Отнынѣ мы не будемъ болѣе раболѣпствовать страстямъ нашимъ; и какъ слу-

жили міру и похотямъ грѣховнымъ, такъ послужимъ Тебѣ, нашему Владыкѣ и Создателю. Въ домахъ и жилищахъ нашихъ не будетъ прежней нечистоты и похотей несмысленныхъ; на торжищахъ нашихъ не услышатся болѣе крамолы и лукавства; мѣста увеселеній не отвѣкутъ насть отъ храмовъ Твоихъ; не пойдемъ болѣе въ судилища для притѣсненія невинныхъ, а поспѣшимъ напротивъ въ жилища нищеты для оказанія помощи страждущимъ братіямъ нашимъ. Ей, Господи, точію благодать твоя да не отступить отъ насть, а мы, помилованные, употребимъ всѣ силы и средства наши, да не явимся недостойны милосердія твоего!

Съ сею молитвою, братіе мои, если она будетъ происходить отъ сердца чистаго, мы, хотя и грѣшники, можемъ стать предъ престоломъ небеснаго Владыки съ надеждою быть услышаны. Ибо чего ищеть Господь нашъ, и благословляя насть дарами счастія, и посѣщая жезломъ гнѣва своего, какъ теперь? Ищетъ единаго,—да воспрянемъ отъ сна грѣховнаго, да обратимся къ Нему и начнемъ содѣлывать дѣло нашего спасенія. Посему, если мы обратимъ лицо свое ко Господу, и докажемъ истину обращенія дѣлами благими—исправленіемъ нашихъ нравовъ и жизни: то и Господь не умилитъ обратить лица своего къ намъ, и возглаголать гласомъ, *пресѣцающими пламень огня,* насть обышедшаго.

Да услышать же сие всѣ и не сущіе теперь съ нами здѣсь, жители града нашего! Да поспѣшать оградить дома свои не стра жею, токмо внѣшнею, а прежде и паче всего молитвою, покаяніемъ и благотворительностію къ бѣднымъ! да приложать попеченіе истребить въ домахъ своихъ не только все могущее служить пищею и возбужденіемъ для огня вещественнаго, но и то, отъ чего возгорается огнь страстей, что служить предметомъ гнѣва небеснаго! Мы еще только боимся опасности и потерпъ; а некоторые уже понесли ее, и, можетъ быть, не имѣютъ никакой собственности, кромѣ не охладѣвшаго еще пепла. Да обрящутъ таковые пособіе у имущихъ и могущихъ преложить плачъ ихъ въ радость! Это будетъ наилучшею порукою нашего покаянія предъ Богомъ и вмѣстѣ вѣрнѣшимъ средствомъ преложить ко всѣмъ намъ гнѣвъ Божій на милость. Ибо милость небесная ничѣмъ такъ благонадежно не привлекается, и такъ прочно не сохраняется, какъ молитвою, смиреніемъ и милосердіемъ къ бѣднымъ. Аминь.

БЕСЪДЫ
О ПРИРОДѢ.

СЛОВО

РСТУННТЭДЫНН (9*).

то такое, братие, природа, насть окружающая, и міръ чувственныи, въ коемъ мы живемъ и движимся отъ нашей колыбели до гроба?— Любомудрые опредѣляютъ это различно: но для здраваго смысла и чувства христіанскаго самое лучшее понятіе о видимомъ мірѣ то, когда онъ представляется откровеніемъ совершенствъ божественныхъ, зерцаломъ, въ коемъ, по выражению Апостола, невидимая Божія видима суть, самая присносущная сила Его и Божество. Поелику же зерцало сіе поставлено не напрасно, и находится всегда предъ очами нашими: то само собою слѣдуетъ, что міръ, насть окружающій, долженъ быть для насть не только поприщемъ для нашего дѣйствованія, но и училищемъ для вразумленія насть, какъ дѣйствовать и чего достигать. Взирая на порядокъ, существующій въ мірѣ, на законы, въ немъ господствующіе, на цѣли, достигаемыя посредствомъ каждой вещи въ особенности, и всѣхъ вкусовъ, мы должны чрезъ сіе сами пріучаться къ порядку, правильности, благонамѣренности и постоянству.

Такъ взирали на міръ лучшіе люди всѣхъ временъ и мѣстъ, и каждое свободное время отъ дѣлъ званія своего посвящали на провожденіе въ нѣдрахъ природы и на собесѣданіе съ нею. Природа была для нихъ книгою, самою любимою. Изъ святыхъ завѣта ветхаго можно указать въ семъ случаѣ не только на святыхъ праотцевъ, кои всю жизнь проводили у своихъ стадъ и

^{*)} Печатано съ рукописи.

Ped

с.г.в. в нѣ градовъ и весей, но и на великихъ законодателей, пророковъ и подвижниковъ, ибо гдѣ напр. приготовлялся Моисей къ великому званію вождя народа еврейскаго? Не при дворѣ египетскомъ, а въ пустынѣ Маджамской, среди горъ и юдоией Аравіи. Здѣсь получили онъ первыя откровенія; здѣсь посвященъ явленіемъ горящей купины въ званіе бога Фараонова. Гдѣ небожественный Илья удостоился видѣть откровеніе славы Божіей и бесѣдоватъ съ Богомъ? Не при храмѣ Союзниковъ, а въ пустынѣ: Кармилъ и Хоривъ были жертвениками, на коихъ онъ приносилъ безкровную жертву молитвъ и славословій. И новый завѣтъ, подобно ветхому, произошелъ и образовался среди храма природы. Предтеча всю жизнь провелъ въ пустынѣ Йорданской, проповѣдуя покаяніе. Самъ Спаситель нашъ родился не въ чертогахъ, а въ яслѣхъ, крестился не въ купели Сионской, а въ Йорданѣ; совершилъ дѣло служенія большею частію подъ открытымъ небомъ, на горахъ и у бреговъ озера Тиверіадскаго. Величайшія таинства въ Его жизни, коими запечатлѣлись дѣло спасенія нашего, также совершились предъ лицемъ неба и земли: на Оаворѣ преобразился Онъ, на Голгоѳѣ распятъ, съ Елеона вознесся!

Послѣдняя столь великимъ примѣрамъ, и величайшіе изъ святыхъ мужей временъ послѣдующихъ любили ставить себя вдали отъ молвы градовъ и весей. Среди пустынь Египта и Палестины процвѣли Антоніи, Макаріи, Евѳеміи, Пахоміи, Саввы, Феодосіи. — Пустыни даровали міру столь великихъ свѣтильниковъ, каковы Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. И доселе природа и жизнь среди ея остается любимымъ образомъ жизни для всѣхъ душъ возвышенныхъ, въ коихъ житейскія заботы и отношенія не подавили чистаго чувства природы.

Что въ окружающей настъ природѣ должно при семъ обращать на себя наше вниманіе? Все; ибо все возвышаетъ славу Божію, служить отраженіемъ совершенствъ творческихъ. Въ храмахъ рукотворенныхъ изъ присутствующихъ большая часть безмолвствуетъ; въ храмѣ природы, по замѣчанію царя пророка, всякий глаголеть славу. Посему, когда тотъ же тайновидецъ пріялъ свыше порученіе воззвать хоръ тварей къ пѣснопѣнію, то призываютъ ~~ко~~ сему всѣхъ и все, даже то, что по нашему понятію служить къ разногласію (Псал. 148, 8). *Хвалите Господа, восклицаетъ онъ, снѣгъ, голоть и духъ буренъ.* Но если такія вещи способны хвалить и прославлять Господа, тѣмъ паче способно къ тому то, что видимо отличено между твореніями Божіими или величиемъ и могуществомъ, какъ солнце, луна, звѣз-

ды, море, горы и бездны, или изяществомъ и пользою, какъ поющіе пернатые, какъ цветы и злаки. Подобнымъ образомъ тотъ же созерцатель природы слышалъ, какъ день дни отрыгаетъ глаголъ и ношъ ноши возвѣщаетъ разумъ (Псал. 18, 3). Но если и каждый день и каждая ношъ поучительны для человѣка, тѣмъ паче поучительны должны быть времена года. Уже то самое, что они имѣютъ разительное сходство съ возрастами нашей жизни, показываетъ, что въ нихъ заключены великие уроки для нашей жизни. Какие уроки? Это самое предприняли мы раскрыть и изобразить въ особенныхъ собесѣданіяхъ нашихъ съ вами. Ибо мы, по самому званію нашему, призваны быть истолкователями для васъ не одного слова Божія откровенного, но и естественна-го, написанного въ книгѣ природы. А настоящее время года видимо располагаетъ къ сему: ибо теперь, послѣ зимняго заключенія въ душныхъ камнатахъ, всякий болѣе или менѣе сближается съ природою, и сближаясь вступаетъ невольно во многія отношенія съ ней. Симъ-то именно обстоятельствомъ хотимъ воспользоваться мы, для начатія своихъ собесѣданій съ вами о временахъ года. Разсмотримъ и нравственное значеніе каждого изъ нихъ и покажемъ отношеніе къ нашей судьбѣ и нашимъ нравамъ. Кромѣ сего остановимъ вниманіе на нѣкоторыхъ осо-бенныхъ явленіяхъ нѣкоторыхъ временъ, подобно какъ искус-ные въ живописи, разматривая картину вообще, останавливают-ся вниманіемъ на томъ, что въ ней есть особенно примѣчатель-наго.

Да даруетъ Господь, чтобы послѣ нашихъ собесѣданій мы все сдѣлялись внимательнѣе ко временамъ года, и престали смо-трѣть на нихъ какъ на простое видоизмѣненіе, такъ называема-го нами, театра природы, а начали видѣть въ нихъ видимое из-ображеніе невидимыхъ совершенствъ Божіихъ, поучительное зер-цало нашей собственной жизни и образецъ для нашего поведе-нія! Аминь.

СЛОВО

Ѡ ҆ ҈ ҉ Ҋ ҋ

ПЕРВОЕ.

 в то время, какъ мы въ нашихъ малыхъ и рукотворенныхъ храмахъ совершаємъ различные богослуженія и преходимъ отъ празднества къ празднству, великий и нерукотворенный храмъ природы также не остается безъ перемѣнъ: и въ немъ одна чреда служенія смѣняется другою; совершаются различные торжества во славу единаго и тогожде Господа и Владыки всиаческихъ.

Такъ, смотря на теперешнее весеннее убранство природы, на всюду развивающуся зелень, на вездѣ разсыпающіеся цветы, и сравнивая все это съ прежнею наготою и мертвостію, кто не скажетъ, что теперь спавшая зимнимъ сномъ природа какъ бы воспрянула отъ сна, и подражая св. Церкви, начала праздновать день воскресенія!

Пройти сіе празднество безъ вниманія—значило бы показать преступное равнодушіе къ самому Учредителю его, который, очевидно, есть не членъ какой либо, а самъ всемогущій Творецъ природы. Ибо если и простой художникъ не выставитъ напрасно картины предъ взоры всѣхъ; кольми паче премудрость Божія не можетъ обращать все лицеземли, какъ это происходить теперь, въ живую, великую и разнообразную картину, не имѣя въ виду преподать чрезъ сіе урока тѣмъ, предъ взоры которыхъ она выставляется.

Не будемъ же невнимательны къ намѣреніямъ премудрости Божіей, и поспѣшимъ изыти мыслю въ пространный храмъ при-

роды для принятія поученія отъ того великолѣпнаго зрелища, которое въ немъ теперь совершается.

Много поучительныхъ мыслей и чувствъ возбуждается въ душѣ среди весны; но всѣ они могутъ быть сокращены въ три главные урока. И во-первыхъ, весна приводить собою на память сотвореніе міра, наше первобытное состояніе и наше паденіе; во-вторыхъ, весна служитъ поучительнымъ изображеніемъ нашего духовнаго обновленія отъ грѣховной смерти, и показываетъ, что намъ должно для сего дѣлать и чего избѣгать; въ третьихъ, весна предъизображаетъ собою будущее обновленіе всѣхъ вещей въ концѣ міра и наше воскресеніе изъ мертвыхъ. Разсмотримъ все сіе подробнѣ.

Мы не были и не могли быть свидѣтелями того чудеснаго дѣйствія всемогущества Божія, коимъ весь видимый міръ, со всѣмъ разнообразiemъ существъ, его населяющихъ, со всѣми совершенствами и красотами ихъ, изведенъ изъ небытія и утвержденъ въ настоящемъ чинѣ своемъ. Но зрелище происхожденія вещей, по самому существу своему, есть наиспособнѣшее къ тому, чтобы возбуждать въ насъ чувство благоговѣнія, любви и преданности къ Творцу и Владыкѣ всяческихъ. И вотъ, премудрость Божія изобрѣла средство замѣнить его для насъ другимъ, подобнѣмъ зрелищемъ. Каждую весну мы видимъ довольно явственно образъ первобытнаго происхожденія вещей, который, не имѣя первобытной огромности, коей впрочемъ наше слабое око не могло бы, вѣроятно, и перенести, замѣняетъ ее многократнымъ повтореніемъ своимъ. Припомните, какъ Моисей описываетъ сотвореніе міра: первымъ дѣйствиемъ всемогущества, послѣ произведенія веществъ изъ ничего, было повелѣніе: да будетъ свѣтъ! Съ подобнаго же начинается и появленіе каждой весны: также всемогущая сила велитъ свѣту солнечному, слабо сиявшему зимою, устремиться на лицѣ земли: и все начинаетъ принимать другой видъ; день растетъ, воздухъ становится теплымъ, видъ всѣхъ вещей просвѣтляется и веселѣетъ, и все въ природѣ готовится какъ бы къ нѣкоему празднству.

Новымъ всемогущимъ дѣйствиемъ былъ гласъ: да соберется вода, *яже подъ небесемъ въ собраніе едино, и да явится суша!* Подобное бываетъ и теперь. Въ продолженіе зимы воды, въ видѣ снѣга, покрываютъ все лицѣ земли, такъ что въ семъ случаѣ повторяется первобытное пребываніе ея подъ водою: но съ приближеніемъ весны снова пріемлетъ силу древнее велѣніе — собраться водѣ въ собраніе едино: и снѣгъ отъ дѣйствія лучей

солнечныхъ превращается въ воду; вездѣ являются ручьи и протоки; стекаются изъ разныхъ противоположныхъ странъ вмѣстѣ, и неудержимо нѣсутся внизъ, доколѣ не соберутся въ собраніе едино—въ океанъ. Земля омовенная, увлажненная, выходитъ изъ-подъ синѣжнаго покрова съ новыми силами, какъ бы вновь сотворенная для человѣка. Но она безобразна и нага; ей нужно одѣяніе и украшеніе, чтобы явиться предъ своего Владыку?—Все это не замедлитъ явиться по силѣ первобытнаго повелѣнія: да прораститъ земля быліе травное!—Каждую весну, по сошествіи водъ весеннихъ, какъ бы нѣкіимъ чудомъ поднимается изъ нѣдра земныхъ цѣлое, несмѣтное царство растеній. Подлинно царство! Какая жизнь, какая роскошь, какое изящество въ самомъ послѣднемъ злакѣ!—Гдѣ за недѣлю вы видѣли одну голую, мертвую массу земли: тамъ теперь подъ каждымъ кустомъ, на каждомъ холмѣ, въ каждой юдоли готовъ для васъ разноцвѣтный, свѣжій, душистый коверъ, на коемъ, по мѣстамъ, какъ живые яхонты и топазы, разбросаны прекрасные цветы. Подлинно самъ Соломонъ не облачался такъ во славѣ своей, какъ одѣты и украшены многіе изъ цветовъ полевыхъ. И сколько ихъ? Возьмите всѣ ваши числа, и всѣхъ ихъ не станетъ для счета. Такъ могущественно слово: да прораститъ земля! Тысячи лѣтъ прошли, и еще пройдутъ, можетъ быть, тысячи; а земля не престаетъ и не престанетъ выполнять его во всей силѣ. Во время весны являются каждый разъ нѣкоторымъ образомъ самые останки райскаго дерева жизни, разсѣянные по несмѣтному числу цѣлебныхъ травъ и цветовъ, кои въ это время источаютъ для человѣка струи здравія тѣлеснаго.

За произведеніемъ царства растительного, послѣдовало, въ началѣ міробытія, сотвореніе царства существъ живущихъ: водѣ повелѣно наполниться рыбами, воздуху птицами. Повтореніе сего чудеснаго дѣйствія можно видѣть каждую весну. Это главное, для многихъ животныхъ единственное, время происхожденія на свѣтѣ. Загляните въ эти бездны водѣ при солнечномъ сіяніи съ высоты; вы изумитесь, какое множество тамъ новыхъ, живыхъ тварей. Когда произошли они?—нынѣ, вчера или за нѣсколько дней! А вотъ и безъ солнца, среди тьмы ночной, клубится вода, кто-то какъ будто бываетъ по ея поверхности и производить звуки, оглашающій окрестность. Кто это? Тяжелый осетръ, или игривый окунь. Сими звуками и обитатели водѣ какъ будто даютъ знать, что ихъ бездна не пуста, что тамъ есть живущія твари, и что

тлаголь Божій къ рыбамъ: *наполните воды, доселъ не возвращается тошь.*—

Воздухъ въ исполненіи повелѣнія Божія не отстаетъ отъ воды. Сколько новыхъ пернатыхъ пріемлетъ онъ съ каждою весною на свои рамена! Посмотрите, какъ матери и отцы учатъ летать птенцовъ своихъ! Какъ вся семья, даже чужие, помогаютъ и крикомъ и крилами своими ихъ слабому и неопытному полету! Но многія страны, по суровости климата, скучны своими обитателями воздуха. Въ пополненіе сего недостатка,—предъ началомъ каждой весны, ведомые недовѣдомою силою, несутся въ сіи страны многочисленные сонмы пернатыхъ, чтобы занять мѣста праздныя; перелетаютъ неизмѣримыя пространства, моря и горы, но всегда поспѣваютъ во время и въ такомъ количествѣ, какое нужно, чтобы праздничный пиръ природы не остался безъ гостей. Наконецъ и тѣ пернатые, кои проводятъ съ нами зиму, съ наступлениемъ весны получаютъ какъ бы новую природу; являются въ большемъ количествѣ и съ новыми силами; бывъ дотолѣ молчливыми и уединенными, становятся громогласными, и стараются обратить на себя вниманіе.—Смотря на все сіе, какъ не вспомнишь всемогущаго повелѣнія Творца: *и птицы да умножатся на земли!*

Сверху обратите взоры долу, подъ стопы ваши; тутъ также, каждую весну, новое явленіе: цѣлья поколѣнія пресмыкающихся, коихъ зимою нигдѣ не было видно. Многія изъ нихъ отвратительны; нѣкоторыя даже ядовиты: что дѣлать? такими сдѣлалъ ихъ для насъ грѣхъ. А между тѣмъ не думайте, чтобы появленіе ихъ было дѣломъ какого либо случая. Нѣтъ, они также явились не по своему произволу, а по гласу Всемогущаго. Тоже слово, которое повелѣло солнцу и лунѣ стать на тверди и украшать собою день и ношь, тоже слово рекло: *да изведеть земля душу живу и вся гады по роду ихъ* (Быт. 1, 24—25); и вотъ она изводить ихъ, и сколько бы вы ни старались переводить ихъ, будеть изводить до конца бытія своего.

На человѣка, яко болѣе уклонившагося отъ природы, времена года дѣйствуютъ менѣе, однакоже дѣйствуютъ, особенно весна. Волею или неволею, и онъ приближается въ это время къ природѣ, вступаетъ въ живое общеніе со всѣми тварями, сбрасываетъ съ себя множество нуждъ житейскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на человѣка зимою: его какъ бы нѣтъ на лицѣ земли; онъ прячется въ домахъ, и когда появляется на свѣтѣ, то трудно узнать въ немъ владыку земли; такъ

онъ окутанъ съ ногъ до главы звѣрями и смертями. Это не царь природы, а нѣкое какъ бы страшилище всего живущаго. Приходитъ весна, и человѣкъ измѣняется. Онъ уже не въ самодѣльной темницѣ, заключенный въ четырехъ стѣнахъ, а на свободѣ, подъ яснымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ. Въ полѣ, въ лѣсу, на водахъ—вездѣ, человѣкъ какъ будто вновь сотворенный, или умноженный. И земля, можно сказать, снова поступаетъ въ его владычество: съ наступленіемъ весны поля начинаютъ бороздиться подъ его плугомъ; рѣки и моря пѣниться подъ его весломъ, воздухъ разсѣкаться его парусами; самыя облака разступаются, чтобы дать мѣсто его воздухолетательнымъ шарамъ. Сколько нуждъ вдругъ спадаетъ со всего живущаго при наступленіи весны!—Если бы она продолжалась всегда, то очевидно, мы не имѣли бы нужды ни въ огромныхъ жилищахъ, ни во множествѣ одеждъ, ни въ разныхъ средствахъ, кои теперь по необходимости употребляемъ для защиты себя отъ холода и бурь зимнихъ. Для травоядныхъ животныхъ время весны самый роскошный пиръ—вездѣ сочная и благоуханная пища. Не такъ ли было въ состояніи невинности? Вмѣстѣ съ избыткомъ всюду изящество и убранство: весна не щадить богатыхъ одеждъ ни для кого; многія изъ животныхъ въ это именно время получаютъ изъ рукъ природы, какъ обновы къ празднику, новую одежду по виду своему; а царство растеній все, съ ногъ до головы, измѣняетъ свое облаченіе, и никакой изобрѣтательный вкусъ не превзойдетъ тѣхъ узоровъ, коими испещрены весною поля и луга. Не такъ ли было въ состояніи невинности? Все живущее, даже неразумное видимо чувствуетъ преимущество весеннаго времени, и выражаетъ довольство и радость свою чѣмъ можетъ, особенно пѣніемъ. Прислушивались ли вы когда либо къ этому пѣнію?—Въ немъ звучитъ глубокое чувство жизни, довольства и какого-то священного восторга. Это радость существа, воскресшаго изъ мертвыхъ, которое послѣ того, какъ все было утрачено, вдругъ получило въ избыткѣ все, что для него нужно. Какая неутомимость поющіхъ! Какое разнообразіе въ поемомъ! Самая полночь оглашается сладкими звуками. Истинное всенощное бдѣніе природы! Въ семъ случаѣ неразумный міръ приближается къ міру ангельскому, гдѣ чистые духи, окружая Престолъ Божій, день и нощь гласятъ славу Вседержителя.

Кто, взирая на сiu красоты весенней природы, на радость и вольство тварей и слушая хоры пернатыхъ, оглашающихъ собою каждую рощу и поле, не готовъ бывать отъ души

и сердца повторить то, что изречено было Творцемъ по окончанію творенія: яко се вся добра зло! Всякій, и можетъ быть не разъ изъявлялъ желаніе, чтобы весна продолжалась, какъ можно долѣе. Но она кратковременна, короче всѣхъ временъ года, какъ бы въ знакъ того, что и наше пребываніе въ раю не было продолжительно.

Для чего же всемогущество Божіе каждый годъ представляеть намъ во время весны такое подобіе сотворенія міра и нашего первобытнаго состоянія? Не для того ли, чтобы, видя предъ собою повтореніе творческихъ дѣйствій всемогущей силы Божіей, мы научились благоговѣть предъ Тѣмъ, который когда посылаетъ Духъ свой, то все созидається, а когда отвращаетъ лицо свое, то все мятется и готово обратиться въ ничто?—Преобразуя весною все лицо земли, и, можно сказать, весь міръ, насы окружающій, облекая его въ немногіе дни красотою и великолѣпіемъ, премудрость Божія, кажется, говоритъ всѣмъ намъ: смотрите, что Я могу сдѣлать для васъ, если вы будете того достойны!— Смотрите, чого, вы лишились чрезъ грѣхъ, и чого можете достичнуть, освободившись отъ его всеразрушающаго владычества!—

Да, братіе мои, какъ ни прекрасна весна, но и среди ея являются, очевидно, слѣды нашихъ великихъ, древнихъ потерь. Напоминая собою наше первобытное состояніе невинности и блаженства, она въ тоже время ощутительно даетъ знать, что все прекрасное вокругъ насы есть только остатокъ прежнихъ совершенствъ, что мы со всѣми тварями и со всею природою находимся въ состояніи лишенія и паденія. Ибо присмотритесь внимательнѣе къ образу весны, и вы, подъ новою одеждой и убранствомъ природы увидите древнюю наготу, болѣзнь и бренность; прислушайтесь къ величественному хору тварей радующихся, и вы примѣтите, какъ нарушается онъ глубокими стонами тварей страждущихъ. Вотъ обширный, цвѣтущій вертоградъ: въ немъ все такъ прекрасно: но зачѣмъ эти засохшія древа, безобразящія собою все, что зеленѣеть и цвѣтетъ вокругъ ихъ? Этого въ раю не было. Видите ли, далѣе, какъ на этомъ зеленомъ, бархатномъ коврѣ льется кровь агнца, терзаемаго тигромъ? Этого въ раю не было. Взгляните и на самаго владыку земли, какъ онъ неестественно согбенъ надъ плугомъ! Среди празднства природы, когда все вокругъ его поетъ и радуется, взоръ его тусклъ, лицо уныло; крупный потъ падаетъ съ лица его; а на грязевѣ, послѣ такихъ трудовъ, ожидаетъ его кусокъ черстваго хлѣба. Этого въ раю не было. А что это подъ сими цвѣтами, кои

украшаютъ собою такъ роскошно этотъ недавній холмъ? Тутъ могила юноши, который былъ единственnoю отрадою престарѣлой матери и только за мѣсяцъ предъ симъ опущенъ въ землю. Этого въ раю не было. Тѣмъ паче не было этихъ безчинныхъ кликовъ, коими буйное невоздержаніе нерѣдко оглашаетъ весенній воздухъ, и сilitся заглушить чистый и святой хоръ тварей, славословящихъ Создателя.

Такимъ образомъ нынѣшняя весна, радуя собою взоры и сердца подобиемъ первобытнаго совершенства, въ тоже время многими явленіями своимъ даетъ знать, что совершенство сie на ми потеряно, что мы со всею природою, настъ окружающею, находимся въ состояніи неестественномъ, и что слѣдов. намъ должно прилежно помыслить о томъ, какъ выйтти изъ сего несчастнаго положенія, и возвратить себѣ и природѣ ту райскую весну, которая бы, разъ начавшись, никогда не оканчивалась.

Довольно на первый разъ и сего урока отъ настоящей весны!
Аминь.

СЛОВО

ВТОРОЕ.

 Тъмъ болѣе размышилъ мы; братіе мои, о настоящемъ времени года, тъмъ яснѣе видимъ, что не напрасно избрали его предметомъ нашихъ собесѣданій съ сего священнаго мѣста. Насъ останавливалась мысль, что, занявши съ вѣшнею природою и ея весеннимъ благолѣпіемъ, можемъ опустить изъ виду нашу природу внутреннюю и назиданіе христіанскoe: вмѣсто сего открывается, что весна, невольно обращая на себя вниманіе благолѣпіемъ своимъ, въ тоже время многими явленіями своими пробуждаетъ въ насть самосознаніе нравственное, внятно напоминаетъ каждому о состояніи его души и совѣсти, и даже предуказуетъ, чему должно совершиться въ немъ и для ея духовнаго обновленія. Посему-то, безъ сомнѣнія, и Спаситель нашъ, для понятнѣйшаго изображенія предъ народомъ истинъ небесныхъ, не рѣдко бралъ сравненія изъ природы весенней: такъ напр., чтобы показать, въ какомъ тѣсномъ и существенномъ союзѣ должны быть съ Нимъ всѣ, вѣрующіе въ Его, да не останутся безъ плода духовнаго, Онъ сравниваетъ Себя съ лозою виноградною, а ихъ съ вѣтвями, кои, при наступленіи весны, обыкновенно бываютъ обрѣзываемы и очищаемы вертоградаремъ. Послѣдуя сему великому примѣру, и мы намѣрены изобразить предъ вами весну, какъ образъ нашего духовнаго воскресенія отъ грѣховъ посредствомъ вѣры и покаянія. Образъ сей самъ собою представится взору каждого, коль скоро обратимъ вниманіе на причины, отъ

коихъ происходитъ весна чувственная и духовная, на явленія среди ихъ совершающіяся, и на то, что благопріятствуетъ и вредитъ имъ.

Въ самомъ происходеніи весны уже сокрывается великий урокъ для нась. Видя, что весна происходитъ отъ умноженія и усиленія на землѣ свѣта и теплоты солнечной, легко можно подуматьъ, что солнце приближается на весну къ землѣ. Между тѣмъ весною оно далѣе бываетъ отъ земли, нежели зимою. Откуда же обиліе свѣта и теплоты въ это время? Отъ того, что весною земля становится въ новое, совершенно другое отношеніе къ солнцу. Зимою она была въ косвенномъ къ нему отношеніи; почему лучи солнечные, несмотря на близость его къ землѣ, большую частію скользятъ по ней, не производя теплоты; а весною земля обращается — нашаю стороною, — прямо къ солнцу, отъ чего лучи, несмотря на большую удаленность солнца, падая прямо и поглощаясь землею, согрѣваютъ воздухъ и производятъ теплоту. Вотъ откуда весна, — отъ прямаго обращенія лица земнаго къ солнцу! —

Не оттуда-ли же и весна духовная? И не такимъ же ли образомъ происходитъ? Грѣшная душа тверда, безчувственна и безжизненна, какъ земля зимою: отъ чего? Отъ того ли, что вѣчное Солнце далеко отъ ней? Нѣтъ, къ грѣшнику Господь ближе, нежели къ праведнику своимъ милосердіемъ. Ибо самъ Онъ сказалъ: *пріидохъ призвати не праведники, но грѣшники на покаяніе.* И Апостолъ Христовъ увѣряетъ, что *идѣже умножися грѣхъ, тамо преизбыточествова благодать.* Что же препятствуетъ лучамъ вѣчнаго Солнца оживить бѣдную душу грѣшника, и произвести въ ней весну духовную? Тоже самое, что чувственному солнцу препятствуетъ произвести на землѣ весну зимою, — не прямое положеніе грѣшника въ отношеніи къ вѣчному Солнцу — Богу. Но земля, никогда всецѣло-не отвращается отъ солнца, а нѣкоторою частію всегда обращена къ нему среди самой зимы; почему на ней, и среди зимы, остается хотя не долгій день: въ душѣ же грѣшника, къ сожалѣнію, можетъ происходить гораздо болѣе и хуже. Предавшись грѣху, возлюбивъ тьму паче свѣта, она всецѣло обращается отъ свѣтозарнаго восстока къ темному западу, совершенно отвращается отъ лица Божія. Вмѣстѣ съ симъ естественно и неизбѣжно бѣдную душу покрываетъ темная ночь и глубокая мгла грѣха, такъ что если въ ней и остается какой свѣтъ, то развѣ подобный тому, какой бываетъ на землѣ у полюсовъ, во время сѣвернаго сіянія, пора-

жающій иногда зреіе разнообразными явленіями, но не дающій никаколько теплоты животворной. А при такомъ недостаткѣ свѣта и теплоты божественной, какой ожидать жизни духовной? Посему то въ душѣ грѣшной, какъ въ природѣ зимою, все наго и покрыто снѣгомъ и льдомъ; и это такъ бываетъ ощутительно, что самые міролюбцы и грѣшники, указывая въ семъ отношеніи одинъ на другаго, говорять не рѣдко: это человѣкъ холодный къ добру! Это не человѣкъ, а камень!—

Но какъ бы ни была засыпана снѣгомъ и покрыта льдомъ душа грѣшная, въ ней всегда есть способность обратиться къ вѣчному Солнцу; и когда она обращается искренно и становится въ отношеніе къ Нему лицемъ къ лицу, тогда все начинаетъ принимать другой видъ, и въ ней наступаетъ весна духовная.

Какимъ образомъ? Наступленіе весны въ природѣ обнаруживается первѣе всего обилиемъ свѣта и теплоты. Такъ и съ душою грѣшною. Первымъ дѣйствиемъ обращенія ея ко Господу бываетъ то, что ее начинаетъ озарять свѣтъ лица Божія. Хотя озареніе сие вначалѣ не можетъ быть полное и всецѣлое; потому что душа грѣшная, хотя бы и желала, но связумая и гнѣтомая злыми навыками, не можетъ вдругъ обратиться всѣмъ существомъ своимъ къ Богу: впрочемъ, при постоянствѣ и вѣрности со стороны обращающагося грѣшника, свѣтъ благодати постепенно усиливается, подобно свѣту весеннему, и подобно ему не только согрѣваетъ атмосферу душевную, но проникая всю ледяную поверхность сердца, дѣлаетъ до самой глубины духа, возбуждая въ немъ останки первобытныхъ силъ и сѣмена добрыхъ расположений! Ибо свѣтъ благодати не похожъ на свѣтъ мудрости земной, который, какъ ночное освѣщеніе улицъ, озаряя, никаколько не согрѣваетъ, можетъ произвести даже пожаръ, но не можетъ дать жизни ни одной былинкѣ полевой. Напротивъ, гдѣ возсіяаетъ благодать Христова, тамъ все существо человѣка приходитъ въ такое же состояніе, какъ природа при наступленіи весны. Человѣкъ тогда самъ чувствуетъ, что съ нимъ происходитъ необыкновенное, что онъ приближается къ нѣкоему обновленію и перерожденію.

Вторымъ признакомъ весны служатъ обыкновенно потоки водъ: вся поверхность земли начинаетъ въ это время таять и слезить; самые пески бываютъ влажны, самые камни мокры; тоже и при началѣ духовнаго обновленія человѣка чрезъ покаяніе: онъ весь исполненъ сокрушенія и слезъ. Какъ въ состояніи нечувствія грѣховнаго ему хотѣлось непрестанно веселиться и смеяться,

такъ теперь его господствующая наклонность—печаль по Бозѣ, углубленіе въ себя и слезы. Ибо на что ни посмотритъ теперь грѣшникъ во свѣтѣ лица Божія, къ коему онъ обратился, все приводитъ его въ стыдъ и сокрушеніе: посмотритъ ли на самого себя и свою душу:—видитъ, какъ она обезображенна грѣхомъ, какъ вся покрыта язвами и тлѣніемъ,—и плачетъ. Воззрить ли на Искупителя своего и крестъ Его:—видитъ, какъ дорого стоило искупленіе грѣховъ человѣческихъ, какъ мало онъ пользовался симъ драгоцѣннымъ благодѣяніемъ, какъ часто даже отмѣталъ благодать помилованія,—и плачетъ. Самое воззрѣніе на милосердіе Божіе заставляетъ сокрушаться и плакать, подобно какъ самый кроткій взглядъ отца приводить въ слезы сына, являющагося предъ него въ первый разъ по возвращеніи съ пути погибели. *Исходица водная*, говоритъ св. Давидъ, *изведостѣ очи мои: понеже не сохранихъ закона Твоего* (Псал. 118, 136). Такъ сильно и продолжительно было въ немъ чувство слезнаго умиленія, не смотря на великій санъ царя Израилева, требовавшій отъ него лица свѣтлого и бодраго. Потоки весенніе, обыкновенно, прекращаются чрезъ нѣсколько времени: а сіи *исходица* водъ покаянныхъ нерѣдко текутъ до конца жизни человѣка.

Омытая, увлажненная весенними водами земля начинаетъ покрываться зеленою и цветами; всѣ мѣста на ней принимаютъ видъ благолѣпныи, способный дать пристанище и доставить удовольствіе, а нерѣдко и пищу путнику. Тоже и съ душею, омытою слезами покаянія: благія мысли и чувства облекаютъ ее со всѣхъ сторонъ; между ними, какъ благоуханные цветы, являются разные благочестивые обѣты и человѣколюбивыя преднамѣренія: то, подобно Закхею, рѣшаются раздать полѣмѣнія нищимъ, и, если кто чѣмъ обиженъ, вознаградить четверицю; то, подобно Псалмопѣву, приемлють обѣты не давать сна очамъ и вѣждѣмъ дреманія, доколѣ не посѣтится какое либо святое мѣсто, или не устроится что либо во славу имени Божія; то, подобно Марию Египетской, обрекаютъ себя на особенные подвиги самоотверженія. Какъ ни разнообразна природа цветами весенними, но душа, обновляющаяся благодатію, разнообразнѣе и богатѣе цветами добродѣтелей: есть въ ней и бѣлыи цветы невинности и чистоты сердечной, и красный цветъ человѣколюбія и любви къ близкимъ, и голубой цветъ созерцанія и мудрости духовной, и желтый цветъ воздержанія и трудолюбія. Въ природѣ притомъ не всѣ цветы благовонны; нѣкоторые даже издаютъ тяжелый за-

пахъ: въ душѣ облагодатствованной всякий цвѣтъ добродѣтели благоуханенъ и веселитъ сердце.

Съ цвѣтами весенними въ природѣ неразлучно пѣніе пернатыхъ. Не лишена сего знака радости и душа, возлюбившая Господа.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это гласы раздаются въ пустыняхъ Оивацды и на вершинахъ Ливана и Кармила? Зной дневный и хладъ ночный не прерываетъ ихъ. Не Ангелы ли Божіи избрали здѣсь мѣсто для своего пребыванія? Не праотецъ ли Давидъ воскресъ, и не нашедъ себѣ мѣста въ Іерусалимѣ, удалился въ это уединеніе: ибо звуки его десятиструнной псалтыри наиболѣе повторяются здѣсь? Нѣтъ; это св. Антоній и Евсіумій съ ихъ дружинами; это великий Пахомій и Савва освященный съ ихъ братію. Они отреклись міра и всѣхъ его тлетворныхъ удовольствій; посвятили себя на подвиги жизни уединенной, и дѣйствительно живутъ во плоти какъ безплотные, удивляютъ подвигами поста и самоотверженія самыхъ Ангеловъ: но поелику ихъ души обновились благодатію, поелику въ ихъ сердцахъ весна духовная; то, не смотря на ихъ труженическую жизнь, внутрь ихъ непрестанное духовное веселіе; а какъ *отъ избытка сердца глаголютъ уста*, то ни въ какомъ чертогѣ царскомъ не слышно столько пѣнія, какъ въ ихъ убогихъ келіяхъ; ни одно изъ пернатыхъ не сравнится съ ними въ неутомимости.

Весна чувственная сходна съ духовною и въ томъ, что вредитъ ей и безобразить ее. Веснѣ вредить обыкновенно чрезмѣрная засуха и чрезмѣрный дождь: въ томъ и другомъ случаѣ растительность страдаетъ, будущіе плоды портятся, нѣкоторыя деревья погибаютъ вовсе. Бываетъ засуха и въ веснѣ духовной, когда душа лишается благодатныхъ орошеній свыше отъ Духа Божія; лишается же тогда, когда въ ней оскудѣваетъ внутреннее молитвенное вожделѣніе сердца, коимъ привлекается всеорошающая благодать Духа. Недостатокъ дождя восполняется обыкновенно поливаніемъ: такъ должно поступать и въ дѣлѣ духовнаго обновленія. Поливай ожестѣвающую землю сердца слезами покаянія, доколѣ воскропитъ на нее благодать Св. Духа. Драгоценной воды сей часто не достаетъ въ кладенцѣ сердечномъ: — въ такомъ случаѣ повергайся на землю и молись объ отверзеніи хлябій сердечныхъ; смиренная молитва о семъ сама по себѣ будетъ въ прохладу отъ зноя.

Вредное излишество влаги въ веснѣ духовной происходитъ не такъ, какъ въ веснѣ чувственной, — не свыше, а снизу.

Ибо благодать Духа Всесвятаго не можетъ подавать даровъ въ излишествѣ, вредномъ для пріемлющаго: но тотъ, кто пріемлетъ ихъ, можетъ не умѣть пользоваться правильно орошеніями духовными; а именно, когда вмѣсто того, чтобы подобно землѣ, впивая потребную долю влаги духовной, все остальное передавать другимъ, на ихъ пользу душевную, подобно мѣстамъ низменнымъ, и не имѣющими стока, все удерживаютъ въ себѣ и, не давая движенія принятому, обращаются такимъ образомъ въ нѣкоторый видъ духовнаго блата. Явленіе сie бываетъ рѣдко, но бываетъ. Большею же частію излишняя и вредная влажность, препятствующая духовному возрастанію, происходитъ отъ того, что, напаяясь посредствомъ разныхъ способовъ, добрыми, но несвободными отъ мечтательности чувствами, забываютъ выходить изъ-подъ тѣни самодѣльныхъ оградъ благочестія на чистый воздухъ—подъ открытое небо вездѣприсутствія Божія, и ставить себя подъ солнце вѣчной любви и милосердія, сіяющаго съ Голгоѳы. Самыя слезы покаянія, столь благотворныя для поливанія ожестѣвающей земли сердечной, могутъ обратиться во вредъ, избытокъ своимъ; именно, когда печаль по Бозѣ, отъ коеи они истекаютъ, обращается въ духъ унынія и отчаянія духовнаго, который мертвить собою все.

Послѣ засухи и излишней влаги веснѣ наиболѣе вредитъ червь. Какъ непріятно бываетъ видѣть дерево, покрытое цвѣтами и—паутиною! Въ семъ случаѣ это малое животное кажется выражениемъ какого-то злого начала, которое, какъ бы завидуя красотамъ весенней природы, сilitся скрыть ее отъ взора своею паутиною. Но дерево нельзя винить въ томъ, что ихъ, среди самого цвѣта, покрываютъ червь и паутина: но когда этотъ червь и паутина появляются въ душѣ на цвѣтахъ добродѣтелей, то причиною сего всегда бываетъ самъ человѣкъ. Этотъ червь есть самолюбіе и самоуслажденіе своими совершенствами: онъ зараждается тотчасъ и возрастаетъ быстро, колѣ скоро душа, обновленная и разцвѣтшая благодатію, забываетъ свое ничтожество, и возмечтаетъ, что обновленіемъ своимъ обязана собственному усилію и подвигамъ, а не вседѣйствующей силѣ благодати Христовой. О блюдись, возлюбленная душа, кто бы ты ни была, сего адскаго червя! И на деревѣ онъ отвратителенъ; стократъ отвратительнѣе въ тебѣ. На деревѣ онъ портить цвѣты, дѣлаетъ негодными будущіе плоды, но дерево само остается цѣлымъ: въ душѣ червь самолюбія можетъ испортить не только цвѣты и плоды, самое существо духовной жизни, и сдѣлать человѣка изъ

благодатной лозы винограда Божія ни къ чему неспособною розгою.

Укажемъ наконецъ и то, въ чемъ весна духовная не сходствуетъ съ чувственною. Во-первыхъ, для весны чувственной есть неизмѣнное, опредѣленное время года; она не можетъ быть среди зимы. Для весны духовной нѣтъ опредѣленного времени; она можетъ быть всегда, когда только грѣшная душа обращается къ Богу. Это должно радовать и производить упование въ душахъ грѣшныхъ, кои еще не погрязли во грѣхахъ до того, чтобы вовсе не думать о своемъ спасеніи. Съ другой стороны, за весною чувственною всегда уже слѣдуетъ лѣто; никто не можетъ нарушить сего богоучрежденаго порядка: но весна духовная можетъ паки вдругъ перемѣниться на зиму, самую жестокую, коль скоро душа, вознерадѣвъ о себѣ до того, что преогорчитъ Духа благодати, ее обновляющаго, отвратится отъ всесвятаго лица Божія и устремится въ прежнюю тьму грѣховную. Если кому, то людямъ, испытавшимъ на себѣ дѣйствіе благодати Христовой, *вкусившимъ добра глагола Божія и сдѣлавшимся причастниками жизни въ Богѣ*, должно твердо помнить предостереженіе св. Павла: *мнайся стояти, да блудется, да не падеть! — Аминь.*

СЛОВО

Ѡ Ӣ Ծ Ծ || ՚

ТРЕТЬЕ.

ъ настоящее время естествоиспытатели любятъ смотрѣть на природу, на съ окружающую, какъ на завѣтную храмину древностей, наполненную всякаго рода памятниками давнопрошедшихъ событий, и стараются посредствомъ собранія сихъ памятниковъ, безъ писменъ и преданій, возстановить исторію первобытнаго міра. Отдавая справедливость ихъ неутомимъ трудамъ и пожелавъ имъ вмѣстѣ съ симъ тѣснѣшаго знакомства съ бытописаніемъ Моисеевымъ, которое одно сообщаетъ болѣе истиннаго понятія о первыхъ дняхъ міра и человѣка, нежели сколько доселѣ можно было извлечь о томъ свѣдѣній изъ всѣхъ многотрудныхъ открытій на поверхности и въ недрахъ земли, замѣтимъ, что природа, на съ окружающая, свидѣтельствуя и наружностію и внутренностію своею о грозномъ и печальному прошедшемъ, въ тоже время для внимательного наблюдателя можетъ служить провозвѣстницею великаго и радостнаго будущаго. Книга природы въ семъ отношеніи похожа на книгу откровенія, въ коей исторія и повѣсть соединены и, такъ сказать, перемѣшаны съ пророчествами и предзнаменованіями. Посему долгъ естествоиспытателя— не останавливаться при разсмотриваніи природы на познаніи одного прошедшаго, но и устремлять, хотя по временамъ, взоръ къ тому великому и славному будущему, коего, по замѣчанію св. Павла, чаетъ и къ которому готовится вся тварь.

Время года, нами рассматриваемое, также не лишено прорицательного значенія. Такъ взираль на весну самъ Господь и

Спаситель нашъ. Припомните послѣднюю бесѣду Его съ учениками на горѣ Елеонской о послѣднихъ дняхъ міра. Желая пояснить для нихъ указанные имъ признаки будущей кончины міра и своего пришествія, Онъ обратилъ вниманіе ихъ на то, что происходитъ съ деревами при наступленіи весны. Возьмите, вѣщалъ Онъ, примѣръ со смоковницы; когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то вы знаете, что близко лѣто: такъ, когда увидите все сіе, знайте *что близко при дверехъ* (Мат. 24, 32—33). Подобнымъ образомъ и ап. Павелъ, чтобы прояснить возможность будущаго востанія изъ персти земной нашихъ тѣлъ и защитить евангельское ученіе о семъ отъ недовѣрій, обращается также къ веснѣ, и въ судьбѣ воскресающихъ въ это время отъ смерти зимней сѣмянѣ находить предызображеніемъ судьбу тѣлъ человѣческихъ, имѣющихъ, подобно сѣменамъ, принять новый и лучшій видъ въ день всеобщаго воскресенія. Послѣдуя симъ указаніямъ, взглянемъ, братіе, на весну, какъ на образъ и провозвѣстницу будущихъ всемирныхъ событій.

Весна изображаетъ будущее обновленіе міра уже неизвѣстностію своего наступленія. Всякъ знаетъ зимою, что должна наступить весна; но когда именно она начнется, сего не можетъ сказать ни одинъ мудрецъ. Подобнымъ образомъ, всѣ ожидаютъ вѣчной весны въ новомъ мірѣ; но когда послѣдуетъ конецъ міра настоящаго, сіе ни для кого недовѣдомо. Напрасно благочестивая, но неосторожная любознательность,увѣривъ наскоро себя, сilitся потомъ увѣрить другихъ, что она нашла способъ предугнать время скончанія міра: вопреки сему годы и столѣтія идутъ и проходятъ, показуя, что они навсегда положены во власти Господа временъ и лѣтъ, и потому не подлежать никакимъ выкладкамъ и расчетамъ человѣческимъ. Напрасно и невѣріе брало бы отсюда поводъ и причину отвергать будущее пакибытие міра и подрывать толико отрадное для всѣхъ страждущихъ и обременныхъ ученіе Евангелія обѣ ожидающемъ всѣхъ и каждого воздаяніи за подвиги и жертвы для добродѣтели. Послѣ долгихъ и примрачныхъ дней ожиданія, наступить наконецъ и величественный день исполненія: явится небо ново и земля нова, въ нихъ же одна *правда живетъ* (2 Пет. 3, 13), и откуда навсегда будетъ изгнана всякая печаль и всякое вздоханіе.

Гдѣ это новое небо и эта новая земля теперь? — Здѣсь же, подъ симъ ветхимъ небомъ и сею устарѣвшою землею. Какъ можетъ до времени сокрывааться новое будущее подъ ветхимъ

настоящимъ, это каждый годъ показываютъ намъ зима и весна. Природа зимою и природа весною такъ между собою противоположны, что кажется, это не одна, а двѣ природы, совершенно различныя; и если бы кто не видѣлъ никогда весны, то среди зимы ему трудно представить, чтобы тамъ, гдѣ все покрыто снѣгомъ и льдомъ, цѣпенѣть въ мертвомъ безчувствіи, чрезъ нѣсколько времени все могло ожить, разцвѣсти, препоясаться радостю и красотою.—Между тѣмъ въ природѣ, въ продолженіе зимы, находится весь запасъ для красоты будущей весны; самая зима есть ни что иное, какъ необходимое приготовленіе къ тому; подъ единообразнымъ и грубымъ покровомъ ея, совершаются тайна возобновленія силъ природы, истощенныхъ лѣтнимъ плодоношениемъ. Такъ и подъ грубою пеленою нынѣшняго образа и состава вещей, во внутренней храминѣ естества, уготавляется таинственно прекрасный видъ будущаго новаго неба и новой земли. Когда приготовленія окончатся, тайная работа будетъ довершена; тогда завѣса отнимется и наступитъ великий день всемирнаго обновленія.

Какъ будетъ поднята завѣса? Подобно тому, какъ она поднимается ежегодно въ началѣ весны. И тутъ всякий разъ бываетъ, можно сказать, преставленіе всѣхъ вещей, насы окружающихъ, и небо и земля пріемлютъ новый видъ: солнце, тонувшее въ туманахъ, едва бросавшее лучи, смиренно и какъ бы не хотя ходившее вскрай горизонта, вдругъ пріемлетъ свойственную ему величавость, восходитъ на верхъ свода небеснаго, бросаетъ потоками свѣтъ и теплоту; земля пробуждается отъ зимняго сна, сбрасываетъ съ себя оковы льда и снѣга, проникается теплотою и жизнью, и износить все, что хранилось въ ея нѣдрахъ. Подобное сему, но гораздо въ большемъ размѣрѣ, произойдетъ, по учению слова Божія, въ концѣ міра. И тогда главными дѣйствователями будутъ свѣтъ и теплота; но они расплавятъ уже не поверхность только земную, не ледянную кору, а самыи составъ, самое сердце земли: тогда, по выражению Апостола, самыя стихіи *сокигаели разорятся* (2 Пет. 3, 10). Гдѣ возьмется столько свѣта и теплоты? А гдѣ ихъ нѣтъ теперь? Ударьте камень о камень—и явится огонь; ударьте ледъ объ ледъ, и тутъ огонь. Внутри каждой вещи—пламень: стоитъ только возбудить его, и онъ обниметъ собою все видимое.

Какъ съ наступленіемъ весны все, лежавшее внутри земли и способное ожить, оживаетъ и выходитъ на поверхность ея, а что оставалось на сей поверхности принимаетъ новый видъ: такъ и въ день всемирнаго пакибытія всѣ тѣлеса человѣческія, почивав-

шія, какъ сѣмена, въ утробѣ земной, оживутъ и возстануть изъ персти. А съ тѣми изъ собратій нашихъ, коихъ сей великий день обновленія застанетъ въ живыхъ, произойдетъ, по увѣренію Апостола, перемѣна другаго рода: они, не умирая, получать новое тѣло, сообразно новому образу лучшаго бытія; и поелику тогда все будетъ совершаться съ необыкновенною силой, то измѣненіе сие, по увѣренію того же Апостола, послѣдуетъ съ чрезвычайною быстротою, яко во *мгновеніе ока* (1 Кор. 15, 52).

Займемъ еще отъ весны, по примѣру ап. Павла, способъ къ устраненію недоумѣній обѣ истинѣ нашего будущаго воскресенія, отъ коихъ приходятъ иногда въ смущеніе души самыя добрыя.

Для плутскаго разумѣнія, привыкшаго останавливаться единственно на томъ, что видѣть глазъ и слышать ухо, и неумѣющаго восходить отъ видимаго къ невидимому, можетъ казаться непостижимымъ, даже противоестественнымъ, ученіе Евангелія о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ. Откуда возьмется плоть, которая давно обратилась въ прахъ и смыкалась съ землею, или разсѣялась по воздуху? Тѣмъ паче какъ могутъ воскреснуть тѣ изъ тѣлъ, кои, обратившись въ землю и вошедъ въ составъ ея прозябеній, чрезъ нихъ сдѣвались пищею и слѣдовательно принадлежностию другихъ тѣлъ человѣческихъ? Все сие представляется неудоборѣшимъ и темнымъ. И на все сие какъ бы, думали вы, отвѣчаетъ св. Павелъ? *Безумие, воскликаетъ онъ, и ты еже сѣеши не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится пшеницы, или иного отъ прочихъ; Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восходитъ, и коелику ждо сѣмени свое тѣло* (1 Кор. 15, 23—24). Сравненіе весьма вѣрное и потому весьма убѣдительное. Ибо что мы дѣйствительно сѣемъ осенью? Не статные и высокіе стебли, не золотые колосья, а голое зерно, которое, въ продолженіе зимы, замираетъ, а предъ наступленіемъ весны, отъ усилившейся теплоты земной, теряетъ свой видъ и приходитъ въ состояніе тлѣнія: но это самое истлѣваніе и смерть служатъ основою, началомъ и условіемъ будущаго стебля и колоса, такъ что тѣ зерна, кои не умерли такимъ образомъ до наступленія весны, не могутъ дать отъ себя ничего, остаются въ землѣ и обращаются въ прахъ. Подобно сему и предаваемая землѣ тѣлеса человѣческія суть сѣмена будущихъ тѣлъ новыхъ, въ кои должно облечьтись намъ въ великий день воскресенія. Находясь въ нѣдрахъ земныхъ, они разлагаются на свои составныя части, очищаются посредствомъ тлѣнія отъ всѣхъ

видовъ бренности, и такимъ образомъ уготовляются къ тому, чтобы изъ нихъ, въ свое время, дѣйствиемъ всемогущей силы Божией, возникла чистая, первобытная тѣлесность, способная достойно облечь собою уже на всю вѣчность безсмертный духъ человѣческій.

Симъ же самыемъ сравненiemъ, взятымъ отъ сѣмени весною, разрѣшается совершенно и другое недоумѣніе: какъ возстануть въ день воскресенія тѣ изъ тѣлъ, кои смѣшались съ другими тѣлами и обратились, по видимому, въ ихъ составъ? Возьмите осенью сѣмена разныхъ растеній и смѣшайте ихъ какъ угодно; бросьте потомъ ихъ въ землю и смѣшайте, сколько можно болѣе, эту землю: вы не смѣшаете симъ весеннаго всхода; ни одно изъ сѣмянъ не забудетъ своей природы; пшеничное зерно явится пшеницею, роза розою, виноградъ виноградомъ; все удержитъ свою природу, свой видъ такъ, какъ бы вы посадили его особенно. Удивительно ли послѣ сего, если и наши тѣлеса, не смотря на многообразное смѣшеніе ихъ въ персти земной, сохраниятъ каждое свою природу? Что составляеть въ нихъ сѣмя и основу будущаго, вѣчнаго тѣла, то ни съ чѣмъ не можетъ смѣшаться, ни во что не можетъ претвориться; то неразрушимо и соблюdetся всецѣло до дня всеобщаго воскресенія.

Всѣ убо, уснувшіе сномъ смерти, возстанутъ въ великий день сей. Но, Боже мой, сколь различна будетъ участъ и свойство возставшихъ! Тѣлеса праведныхъ будутъ чисты, свѣтоносны, украшены всѣми совершенствами, какія токмо возможны для тѣла человѣческаго; а тѣлеса людей грѣшныхъ будутъ выражать собою все внутреннее безобразіе души нечистой и отверженной. Истина поразительная, отдаленная, по видимому, отъ всякаго опыта, и однакоже дающая себя видѣть отчасти каждую весну самому простому глазу. Посмотрите на какой угодно садъ: въ немъ, съ новою весною, все обновилось, цвѣтетъ и благоухаетъ; а нѣкоторыя вѣтви и деревья, кои въ продолженіе зимы не сохранили въ себѣ внутренней жизни, и теперь голы, сухи, мертвы и безобразия собою прекрасный видъ прочихъ деревъ. Весна принесла съ собою жизнь, новое облаченіе и красоту всему царству растеній; они одни остались съ зимнею наготою и безобразіемъ. Почему? Потому, что въ нихъ угасла внутренняя жизнь, потеряна способность принимать питаніе, дышать воздухомъ и двигать свои соки. И вотъ вѣрное изображеніе человѣка грѣшника въ день будущаго воскрѣсенія! И онъ останется цѣлью среди всеобщаго превращенія вещей, поелику природа человѣческая не-

разрушила и бессмертна; но будетъ подобенъ древу засохшему, или замершему. Когда подъ новымъ небомъ, на новой землѣ, все оживетъ и будетъ наслаждаться новымъ, лучшимъ образомъ бытія: онъ явится мертвъ духомъ, безобразенъ тѣломъ и подвергнется участіи древъ засохшихъ. Да, братіе мои, если и садовникъ не терпитъ долго, чтобы вертоградъ его безобразился весною отъ сухихъ деревъ; то можетъ ли потерпѣть въ будущемъ раю сладости грѣшниковъ Вертоградарь небесный? И Онъ велитъ собрать сухія и мертвыя древа и бросить въ огнь вѣчный. Вѣчный, говоримъ, ибо подъ новымъ небомъ, на новой землѣ все будетъ вѣчно.

Чѣмъ и какъ можетъ быть избѣгнута сія ужасная участія? Очевидно не нашею чистотою и праведностію: ибо гдѣ человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ? Чѣмъ же? Вѣрою въ Господа Іисуса, коего заслугами покрываются всѣ неправды наши, коего кровь всесвятая сильна очистить насъ отъ всякаго грѣха. Искреннимъ покаяніемъ во грѣхахъ нашихъ, соединеннымъ съ оставленіемъ злыхъ навыковъ и темныхъ дѣлъ, съ посильнымъ вознагражденіемъ нашихъ неправдъ и беззаконій дѣлами любви и смиренія. Се путь на новую землю и подъ новое небо! Другаго нѣть и быть не можетъ! Аминь.

СЛОВО

ПЕРВОЕ *).

Какъ на бѣдной землѣ нашей все цвѣтущее кратковременно! Давно ли мы срѣтали весну? А вотъ уже конецъ ея. Воды, весеннимъ разливомъ своимъ веселившія градъ нашъ, давно утекли въ море, рѣки вошли въ свои берега и текутъ съ прежнимъ смиреніемъ; весенніе цвѣты всѣ отцвѣли и дали мѣсто плодамъ лѣтнимъ; хороводъ птицъ замолкъ; видъ природы, не теряя всего убранства, сдѣлался мужественнѣе и степеннѣе: все показываетъ, что мы находимся уже среди лѣта. Время года не такъ заманчивое, какъ весна: но богатствомъ явленій превосходитъ всѣ прочія времена. Тутъ человѣкъ пожинаетъ плоды годичныхъ трудовъ своихъ; тутъ природа раскрывается въ грозныхъ силахъ своихъ, даетъ знать о своемъ могуществѣ громами и молніями; тутъ являются нерѣдко ужасные бичи: грады, саранча и проч. Сколько предметовъ для размышенія! И ужели христіанину прилично размышлять обо всемъ этомъ только въ отношеніи къ своей земной жизни, къ своему хозяйству и экономії?—Ахъ, у каждого изъ насъ есть другая экономія, гдѣ сѣяніе не на одно лѣто и жатва не на одинъ годъ. Горе тому, кто, предавшись попеченіямъ о своихъ поляхъ и земляхъ, забудетъ ниву собственного сердца; горе тому, кто, украшая сады свои всякаго рода растеніями, вознерадитъ о вертоградѣ души своей! Ибо, что пользы, если человѣкъ пріобрѣтетъ весь міръ, а погубить душу свою? А она

*) Печат. съ рукописи.

Ред.

погибнетъ, если мы не приложимъ попеченія, чтобы спасти ее, погибнетъ, если все время и способности наши будутъ, какъ нерѣдко случается, поглощаемы земными заботами.

Съ сими мыслями перейдемъ, братіе, къ собесѣданіямъ нашимъ о настоящемъ времени года, и сообразно свойству его и отношенію къ нашему времени вѣры, разсмотримъ лѣто, какъ время спѣянія и убиранія плодовъ, какъ время особенныхъ явленій въ природѣ, какъ время особенныхъ дѣйствій на судьбу человѣка промыслы Божія.

(Не окончено).

СЛОВО

() ѣ ѿ Ѣ

ВТОРОЕ *).

 въ числу особенныхъ лѣтнихъ явлений въ природѣ первѣе всего принадлежать молыя и громъ. Нынѣшнее лѣто особенно богато сими грозными явлениями, такъ что они невольно заставляютъ говорить многихъ. Поговоримъ о нихъ и съ сего священнаго мѣста.

Чей это гласъ, братіе, гремитъ съ неба во время грома? Откуда берется этотъ ужасный огонь, предъ коимъ всѣ наши огни такъ слабы и малосильны? Егествоиспытатели изъясняютъ это явленіе въ природѣ силою, такъ называемою электрическою. Не будемъ мѣшать ихъ полезнымъ наблюденіямъ надъ сею силою. Спросимъ только, что это за сила? Отвѣта на сей вопросъ не можетъ дать ни одинъ мудрецъ. Сила, обнаруживающаяся тѣмъ или другимъ, производящая то и то; а что она сама—сего никто не знаетъ. Ужели нѣть значенія и смысла въ сей силѣ? Ужели нѣть существа, коему принадлежитъ она? Если громъ не гремитъ безъ руки, приводящей его въ движение на нашихъ бѣдныхъ театрахъ; то безъ сомнѣнія есть десница, которая заставляетъ трепетать небо и землю въ пространной атмосфѣрѣ природы! Чѣмъ это десница? Не видѣлъ ли кто ее когда либо? Видѣвъ. Кто? Св. Давидъ.

Скажи же намъ богоизбраненный мудрецъ и пророкъ израилевъ, что это за сила электрическая, которую мы думаемъ выяв-

*) Печат. съ рукописи.

снить, но коеи никто изъ насть не понимаетъ нимало? Не знаю я вашихъ ученыхъ открытій, отвѣчаетъ Псалмопѣвецъ, а скажу то, что видѣлъ и слышалъ во время грома. И я видѣлъ силу, но силу Іеговы; и я слышалъ гласъ, но гласъ Божій, гласъ Господень на водахъ, гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣпіи; гласъ Господа сокрушающаго кедры, гласъ Господа пресѣщающаго пламень огня, гласъ Господа стрясающаго пустыни, гласъ Господа свершающій елени (Псал. 28, 3. 9). Видите, какъ ухо пророка послѣдовало всюду за громомъ, и вездѣ слышало токмо гласъ Божій! Но пророческія ли только ушеса способны къ сему? Посмотрите на самаго послѣдняго простолюдина, застигнутаго грозою на нивѣ, имъ обработываемой: при блескѣ молніи онъ съ благоговѣніемъ обнажаетъ главу и знаменуетъ себя крестомъ. Что это, какъ не слѣдствіе того, что онъ слышитъ гласъ Божій? И почему слышитъ? Потому что лжеименное познаніе и бездушная нечувственность градовъ не успѣла заглушить въ немъ чувство природы, которая всегда тотчасъ узнаетъ близость къ себѣ Творца. И въ однихъ ли людяхъ узнаеться? Нѣтъ, въ самыхъ неразумныхъ животныхъ. Перенеситесь мыслю въ знайныя страны земель равноденственныхъ, гдѣ жизнь и растительность въ самой высшей степени, но гдѣ въ высшей степени свирѣпствуютъ и ураганы съ громами и молніею, и станьте у входа въ эту пещеру. Въ обыкновенное время вы увидите тамъ борьбу на смерть между всѣмъ живущимъ: ужасная змія борется съ тигромъ; левъ сражается съ гіеной. Но вотъ, идетъ гроза, и земная брань утихаєтъ. Въ пещеру стремится все живое, и большие и малые звѣри, кои въ обыкновенное время не терпятъ другъ друга. Теперь они всѣ вкупе, спокойно лежатъ одинъ подъ другого, и вы сами можете укрыться подъ сводомъ ея. Что примирило всѣхъ, связало лютость и кровожадность? Гласъ Божій, присутствіе Того, чей глаголь не возвращается тощъ.

О, еслибы гласъ Божій, гремящій изъ облаковъ, производилъ всегда надъ людьми то, что онъ производить надъ львами и тиграми!—Нѣтъ однако же человѣка безчувственного, который во время сильныхъ ударовъ грома не приходилъ бы въ сотрясеніе и не чувствовалъ нѣкій родъ ужаса. Всякій видѣтъ, какая ужасная сила разражается надъ его головою, всякий чувствуетъ, что одно мгновеніе, и онъ повергается во прахъ.—

Что же хочетъ внушить намъ гласъ Божій, гремящій въ облакахъ? Милость или гнѣвъ? Ахъ, не такъ возвѣщается милость небесная, не такъ безъ сомнѣнія бесѣдовалъ Вышиній съ нами,

когда мы были въ раю въ состояніи невинности; не такъ и послѣ явился Онъ избраннымъ своимъ, когда благоволилъ удостоивать ихъ своимъ откровеніемъ. Предъ Иліею прошелъ трусь, и не во трусь Господь; прошелъ огнь, и не во огнѣ, а въ духѣ хлада тонка. Если же намъ является Онъ во огнѣ и трусѣ, то потому, что мы всѣ похожи на древнихъ израильянъ, коимъ съ Синая надлежало изрекать законъ въ молніяхъ и громахъ. Посему всякий разъ, братіе, когда слышу громъ, мнѣ представляется злополучное паденіе нашихъ прародителей; кажется, я слышу гласъ Бога, ходящаго въ раю и вопрошающаго: Адаме, гдѣ еси? И тогда нужно было уже премѣнить тихій гласъ друга на гласъ взыскателя и судіи; ибо праотецъ нашъ, гонимый совѣстю, уже скрывается отъ Того, къ кому прежде всегда готовъ былъ лежать на крыльяхъ вѣтренныхъ. А нынѣ, по прошествіи толикаго времени, съ умноженiemъ преступленій и безчувствія, когда одебелѣ сердце людей, когда ушина такъ тяжко слышать, нынѣ потребенъ громовыій гласъ, дабы дать знать о себѣ. Да, хоть дать знать о себѣ: ибо есть люди, кои съ Фараономъ готовы сказать: и кто есть Богъ? Еда есть сила и разумъ въ Вышнемъ? Есть, отвѣчаетъ небо гласомъ громовыімъ, есть столько, что въ одно мгновеніе человѣкъ можетъ быть обращенъ въ прахъ. —

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, если какое явленіе въ природѣ, то громъ показываетъ, что всѣ угрозы Божіи нераскаяннымъ грѣшникамъ должны сбыться во всей силѣ и точности. Смотря на тихую лазурь небесную, прохладжаючись легкимъ дыханіемъ вѣтерка, возлежа на бархатѣ цвѣтовъ, сотканныхъ рукою весны, легко можно подумать, что на небѣ живетъ одна благость, что закону нѣтъ нужной ограды, что можно преступить его и не опасаться ничего. Но вотъ, небо начинаетъ хмуриться, являются облака, слышится приближеніе тучъ, и чело пресгупника, блиставшее желаніемъ чувственности, также начинаетъ темнѣть, внутрь его также начинаетъ быть слышимъ голосъ совѣсти, она начинаетъ вопіять къ нему: остановись, несчастный, надъ тобою гнѣвъ небесныій. Есть Богъ, судія земли, есть отмститель невинности и каратель преступленій. Видишь, какія у него стрѣлы? Если здѣсь, на землѣ милосердія, Онъ гнѣвенъ и страшенъ; то каковымы явится въ странѣ правды и во время воздаянія и суда? И какъ ты постоишь предъ лицемъ Его?

Бываютъ еще минуты, мрачныя и жалкія, минуты сомнѣнія, смильствіе нашего естества поврежденнаго и обыкновенного охлажденія къ вѣрѣ, когда мы чувствуемъ невольное невѣріе въ самыя

святыя истины, спрашиваемъ напр. если не другихъ, то самихъ себя, ужели дѣйствиемъ огромный міръ нашъ разрушится, какъ учить писаніе, и все сгорѣть отъ огня? Но гдѣ взять огня для такой огромной массы вещества? Начинаетъ сверкать молнія, усиливается болѣе и болѣе; дождь льется потоками, но не пресекаетъ огня небеснаго, а кажется умножаетъ его, все небо въ пламени, воздухъ горитъ изъ края въ край, земля стонетъ и трепещетъ,—и невѣріе разсѣвается; ибо видѣть, какъ все вокругъ настъ исполнено огня, стоитъ только пробудить его; и какъ легко это пробужденіе! Воспламенись наша атмосфера, и все на землѣ, самая земля сгоритъ, и исчезнетъ отъ блеска молніи Божіей и та искушительная мысль, какъ пламень адскій можетъ всегда горѣть и не сгорѣть; ибо молнія показываетъ, что и теперь есть огонь, коему не нужно никакой пищи, и коего какъ бы естественное свойство—поражать и преслѣдоватъ.

Какъ однako же сей огнь гравосудія, сообразно свойству искупительного настоящаго состоянія нашего на землѣ, связанъ и обузданъ милосердіемъ и долготерпѣніемъ! Сколько громовъ прогремитъ каждый годъ! Сколько падеть ихъ на землю! Сколько главъ, привлекающихъ на себя гнѣвъ небесный! Но какъ немного поражено! Вообще онъ принадлежить къ рѣдкимъ случаемъ. А между тѣмъ благотворная польза отъ грома и молніи постоянная, повсюдная. Вездѣ, гдѣ пройдетъ туча съ громомъ, воздухъ освѣжается, земля со всѣми растеніями получаетъ новую силу и жизнь. Въ семъ отношеніи громы и грозы служатъ живымъ символомъ привременныхъ несчастій, съ нами приключаются: несчастія посылаются на насъ мудрымъ провидѣніемъ съ тою же цѣлію, съ какою гремятъ громы, чтобы привести настъ въ чувство, заставить осмотрѣться, гдѣ мы и что съ нами, обратиться къ небу, вспомнить о Богѣ нашемъ, послѣднемъ концѣ и вѣчности. Если мы не затыкаемъ во время несчастій слуха отъ внутреннихъ вѣщаній совѣсти; то перенося ихъ въ духѣ вѣры и покаянія, видимъ на себѣ тоже, что бываетъ съ землею во время грозы: воздухъ мыслей становится чище, сердце дѣлается мягче, все доброе возникаетъ изъ глубины души. Даже, если по прошествію несчастій, нѣчто въ судьбѣ нашей, какъ послѣ грозы, представляется опроверженіемъ, разбитымъ, то и это на великую намъ пользу: ибо это опроверженное, разбитое было то самое, что привлекало на насъ гнѣвъ небесный, и не будучи опровергнуто и изринуто, опровергло и погубило бы навсегда насъ.—

Не забудемъ наконецъ, братіе, что минуты грома каждый разъ бываютъ минутами роковыми, и мы, начавъ слышать гласъ Бо-

жій съ неба, никогда не можемъ бытъ совершенно увѣрены, что дослужаемъ самое послѣднее ѿзданіе его. Эта грозная неизвѣстность должна заставить насть проводить время грозы въ чувствахъ вѣры и покаянія, въ такихъ чувствахъ, съ коими можно бы явиться предъ Того, чей гласъ слышимъ. Посему всего лучше, кто можетъ бытъ во время грозы на молитвѣ. Это самое лучшее предостереженіе отъ молнии. Стань на колѣни, подними очи и руки къ небу и скажи: Господи, я слышу гласъ твой, прости, если не готовъ, подобно праотцу, явиться предъ Тебя; но я не хочу убѣгать лица твоего, самаго гнѣвнаго. Вотъ преступная глава моя; поражай, если угодно, твою правдою: только, поразивъ, очистивъ, пріими въ объятія твоей любви! — Кто не можетъ поставить себя на молитву во время грозы, напр. будучи окружены людьми или по другой причинѣ, тотъ стань на молитву внутренно, собери свои мысли, устреми ихъ на небо, и скажи во глубинѣ сердца: Боже праведный, буди милостивъ мнѣ грѣшному! —

Нѣтъ нужды, братіе, доказывать пользу сихъ совѣтовъ: нужнѣе указать и обличить несчастный обычай нѣкоторыхъ во время грозы. Чтобы показать ложное великодушіе, явиться превыше другихъ, они надѣваютъ въ это время совершенно неумѣстную личину безстрастія, даже дерзости, изобрѣтаютъ разныя средства винить другихъ, произносятъ неприличныя шутки, дерзаютъ глумиться нечестиво надъ самимъ небомъ. Что можетъ бытъ неприличнѣе сего поведенія? — Что безумнѣе брани съ небомъ? Оно не вступить въ споръ съ тобою, не умалится до твоей низости, Но ты, вмѣсто великодушія, обнаруживаешь свою пустую ничтожность.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, не подумайте, чтобы эта дерзость происходила въ сихъ людяхъ отъ какого либо великодушія; нѣтъ, ея источникъ—или притворство, или безчувственность. Увы, человѣку не въ первый разъ притворяться предъ самимъ небомъ! Примѣръ того поданъ еще Каиномъ. А безчувственность происходит именно отъ недостатка духа и отъ избытка плоти. Великій духъ обнаруживается въ человѣкѣ первѣе всего чрезъ то, что онъ умѣетъ понимать и чувствовать великое, преклоняться предъ безпредѣльнымъ. Только бояться Бога, говорить премудрый, великъ выну: ибо кто боится Бога, тотъ никого не боится; а когда приличнѣе бояться Его, какъ не въ то время, какъ предъ Нимъ трепещетъ небо и земля? Аминь.—

СЛОВО

(3 || 1 ¶ *).

Сослѣ прочихъ временъ года наступио наконецъ и послѣднее у насъ—зима! Какая противоположность во всей видимой природѣ съ тѣмъ, что было лѣтомъ и особенно весною! Тогда все и вездѣ кипѣло жизнію; теперь повсюду озѣренїе и смерть! Замерзли поля, лишившись и природнаго и искусственно разнообразія своего и окутавшись на всю зиму бѣльемъ саваномъ снѣга; замерзли воды, сокрывающи, какъ во гробѣ, подъ толстою корою льда, нестибающагося подъ самыми великими тяжестьми; замерзли древа и, сбросивъ листья, стоять неподвижно, какъ сухіе, водруженные въ землю скелеты; замерзъ самый воздухъ, неоживляемый болѣе ни всераздирающими молніями, ни всесогревающими звуками грома, ни сладкимъ пѣніемъ птицъ, ни благоуханіемъ цвѣтовъ. Самое солнце, этотъ всеобщій источникъ жизни и движенія, что ни день, то болѣе клонится съ неба на землю и какъ бы оскудѣваетъ свѣтомъ. Изъ животныхъ иныхъ удалились въ теплія страны, иные прекратили свою дѣятельность и сокрылись въ нѣдра земли, а иные, не удаляясь отъ нашихъ взоровъ, погрузились въ сонъ, похожій на смерть. Одинъ человѣкъ остался, по прежнему, на безсмѣнной стражѣ труда и горестей. Но время зимы и для него есть время нѣкотораго бездѣйствія и невольнаго отдыха. И плугъ, и весло, и коса, и серпъ стоять теперь праздны: длится только одна безконечная борьба человѣ-

*) Печат. съ рукописи.

ка съ яростю стихій, которая при наступлениі каждой зимы видимо ожесточается снова.—Горе тому, кто потерялъ на полѣ путь среди выюги! Горе и тому, кто сидитъ хотя и въ хижинѣ, но не имѣетъ, чѣмъ прикрыть наготы своей, или возгнести огня на своеемъ очагѣ!

Такова зима! Время года угрюмое, непривѣтливое, усыпляющее, мертвящее! Какимъ образомъ вошла она въ кругъ временъ года? Введена ли первоначально рукою Творца, или пришла послѣ того, какъ грѣхъ возмутилъ порядокъ природы? При молчаніи о семъ слова Божія, дерзновенно было бы покуситься на рѣшеніе сего вопроса, дабы неизмѣнной проповѣди Евангелія не подвергнуть премѣнчивой судьбѣ уроковъ мудрости человѣческой, которая устами одного отвергаетъ то, что утверждается устами другаго. Въ замѣнѣ сего, гораздо полезнѣе будетъ примѣтить и сказать, что если зима теперь такъ тяжела для человѣка и враждебна ему; то потому, что въ сіѧщіе преступленія заповѣди эдемской, онъ съ высоты богоподобія и независимости низпалъ подъ несвойственное ему, и потому разрушительное, владычество грубыхъ стихій. Будь человѣкъ неприкосновенъ для хлада (а онъ былъ бы таковыи, оставаясь въ состояніи первобытнаго совершенства): то зима, еслибы и существовала въ настоящемъ ея видѣ, не оказывала бы на него того губительного вліянія, какое оказываетъ теперь. Тогда вмѣсто изнурительной заботы о непрестанной защите отъ хлода, всякий изъ настъ могъ бы спокойно предаваться своимъ дѣламъ и поучительному созерцанію новыхъ явлений въ природѣ, кои представляются зимою, и коихъ нѣтъ у прочихъ временъ года.

При нынѣшнемъ нашемъ, по выраженію Апостола, поработленіи стихіямъ міра (Гал. 4, 4), намъ по тому самому, очевидно, не такъ легко и удобно примѣтать теперь въ устройствѣ земли величие и благость Десницы творческой; но съ другой стороны, именно по причинѣ сего печального и несвойственного намъ поработленія, для настъ еще нужнѣе вникать въ это, дабы примириться сколько нибудь съ своими узами и престать смотрѣть на цѣлое время года, какъ на враждебное нашему благосостоянію. Нѣтъ, зима, при всей суровости внѣшняго вида своего, подобно всѣмъ прочимъ временамъ года, есть не врагъ и губитель, а другъ и помощникъ нашъ; она исполнена такихъ явлений и картинъ, кои каждого внимательнаго зрителя невольно заставляютъ благоговѣть предъ Творцемъ лѣтъ и временъ.

Для убѣжденія въ семъ сдѣляемъ сообразно настоящему вре-

мени года, хотя краткое обозрѣніе зимнихъ явлений въ природѣ, подражая Псаломопѣвшу, который не почиталъ чуждымъ даже своего пророческаго достоинства—обращаться отъ созерцанія таинъ царства благодати къ разсмотрѣнію градовыхъ тучъ и бурь зимнихъ.

Сошествіе къ намъ зими рѣдко не сопровождается бурями и мракомъ, напоминающими собою тотъ первобытный хаосъ, изъ коего изведенъ нѣкогда весь миръ настоящій. Кто бывалъ въ подобное время на полѣ или среди волнъ морскихъ, тотъ знаетъ всю лютость подобныхъ минутъ. Это—година ужаса и разрушенія!

Можно ли послѣ сего ожидать въ семъ хаосѣ какого либо соображенія и порядка? Между тѣмъ, въ продолженіе подобныхъ бурь не падаетъ съ неба ни одной снѣжинки, которая не была бы, во-первыхъ, осмотрѣна, прибрана и даже украшена со всѣмъ тщаніемъ, и коеи, во-вторыхъ, не было бы указано на лицѣ земли своего мѣста и отношенія къ другимъ подобнымъ атомамъ..

Для убѣжденія во всемъ этомъ вамъ слѣдуетъ токмо уловить бережно нѣсколько снѣжинокъ, летящихъ въ этой тьмѣ миллионами, и подвергнуть ихъ разсмотрѣнію въ увеличительное стекло: онѣ изумятъ васъ правильностю и вмѣстѣ изящностю ихъ вида. Разнообразіе въ подробностяхъ до безконечности, но главная и существенная форма всего одна также: это видъ звѣзды, коя основаніемъ служитъ одна на средину другой положенная линія,—или крестъ!—Можно ли послѣ сего отрицать бытіе нѣкоеи вселендо-жественной Десницы, изъ коеи во время бурь и выюгъ каждый разъ сыплется на насъ изъ облаковъ это дивное многокрестіе звѣздное? Въ такой, многознаменательной для христіанина, формѣ заѣсь, по видимому, нѣть никакой нужды (ибо кто обращаетъ вниманіе на видъ и составъ падающихъ снѣжинокъ, кроме малаго числа естествоиспытателей?). Но всемогущая десница Творца такова, что изъ нея ничто не можетъ выходить безъ мысли и значенія; и вотъ, каждая снѣжинка имѣеть видъ не только правильный и изящный, а, можно сказать, священный, да и тѣ, кои, обуявъ лже-наукою, не хотѣли бы видѣть таинствъ христіанскихъ даже въ Евангелии, принуждены будутъ срѣтаться съ напоминаніемъ объ нихъ въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ того же міра стихійнаго, коимъ они привыкли ограничивать свои изслѣдованія.

Послѣ сего, вы уже невольно ожидаете, что и по окончанію бури и выюгъ въ упавшемъ съ неба снѣгѣ представится не безпорядокъ, а что либо также достойное вниманія. — И дѣйстви-

тельно, примите трудъ выйти въ это время на какое угодно поле, и посмотрите со вниманіемъ на этотъ новый бѣлоснѣжный покровъ, облегшій собою всю поверхность земли: все падавшее съ неба, какъ ни кружилось въ воздухѣ, какъ ни спорило другъ съ другомъ, но упало наконецъ въ порядкѣ, улеглось дружелюбно и составило множество различныхъ фигуръ, изъ коихъ каждая стоитъ вниманія. Сколько тутъ линій прямыхъ, ломанныхъ, сходящихся, расходящихся, вогнутыхъ, выпуклыхъ, кругообразныхъ! Здѣсь вся геометрія! И несмотря на хладъ и безжизненность зимнюю, не только все на своемъ мѣстѣ; но ничто не лишено вкуса и благолѣпія. Примѣчаете ли, какъ изящно преобразованъ снѣгомъ вотъ этотъ грубый и безобразный оврагъ? Какой правильный и тонкій карнизъ надъ нимъ! Какія игривые изгибы внутрь! Какая чистота въ отдѣлкѣ! Это—мраморъ изъ-подъ рѣзу ваятеля! И сколько такихъ мраморовъ, такого ваянія! Все это изящество и вся эта художественность въ отдѣлкѣ громадъ снѣжныхъ останутся незамѣченными не только тамъ, где нѣтъ человѣка, но и тамъ, где онъ есть: ибо многіе ли захотятъ любому удостовериться о снѣгѣ? Но творческой Десницѣ нѣтъ никакой нужды въ томъ, есть ли или нѣтъ зрителя для ея произведеній; производя все вѣсомъ, числомъ и мѣрою, она удовлетворяетъ самой себѣ и не можетъ производить иначе, какъ сообразно своему достоинству, то есть, благоизмѣренно и великолѣпно.

Къ подобного же рода мыслямъ и чувствамъ приходимъ, обращая вниманіе на замерзаніе воды. Подъ конецъ зимы для васъ будутъ съ поспѣшностью ломать ледъ безъ всякихъ правиль и бросать его грубыми глыбами въ ваши ледники: но знаете ли, сколько законовъ наблюдено было при его образованіи осенью?

Тутъ на самомъ незначительномъ протокѣ или прудѣ повторилось въ самомъ видѣ то, что происходило нѣкогда съ огромными хребтами горъ при образованіи въ нихъ этихъ ужасныхъ громадъ каменныхъ, на кои нельзѧ посмотреть безъ удивленія и страха.

Все сie и многое другое достаточно убѣждаетъ каждого, что суровая и тяжкая одежда, которую зима съ появлениемъ своимъ набрасываетъ на поверхность земли для защищенія вѣтренаго нѣдра ея отъ излишняго хлода и смерти, что, говорю, одежда сія, хотя повидимому составляется какъ нельзѧ случайнѣе, упадаетъ изъ облаковъ въ разныя времена и по частямъ, но въ щѣломъ составѣ своемъ устроется всякий разъ Десницею много-

художественною, по предопределенному образцу, въ надлежащей соразмѣрности и со всѣми возможными укашеніями.

Хотите ли видѣть изящество этой одѣжды во всей лѣпотѣ ея? Ступайте въ любую рощу во время инея. Въ это время зима видимо споритъ въ изобрѣтательности и изяществѣ съ весною. Побѣда трудна, ибо у весны много красокъ, а у зимы одинъ цвѣтъ—блѣлый. Но здѣсь изъ одного цвѣта выдѣливается едвали не болѣе, нежели тамъ изъ многихъ! Эти роскошныя завѣсы, покрывающія отъ корней до верха и большія и малыя деревья! Это множество жемчуга и брилліантовъ, сверкающихъ при свѣтѣ солнца и луны! Этотъ недвижный величественный видъ растеній, какъ будто выточенный изъ слоновой кости! Это многознаменательное безмолвіе и тишина! Этотъ полумракъ днемъ и полу-свѣтъ ночью! Очевидно, что безъ этихъ зимнихъ картинъ амфитеатръ природы потерялъ бы одно изъ лучшихъ своихъ украшеній. И сколько ихъ въ каждой рощѣ и дубравѣ, въ каждомъ саду и аллѣ! Какъ бы дорожилъ человѣкъ подобнымъ явленіемъ, еслибы умѣлъ произвести его! Но для Художника небеснаго оно ничего не значитъ. Повѣяль южный вѣтеръ — и роскошь исчезла и все обнажилось! Чрезъ день налетитъ опять вѣтеръ сѣверный—и опять тѣ же великолѣпіе и роскошь!

Отъ того, что совершается зимою на поверхности земли, и большею частію даже подъ стопами человѣка, устремимъ теперь взоръ и мысли на зимнее небо, которое, какъ можно предполагать заранѣе, не отстанетъ отъ земли въ обнаружениіи предъ человѣкомъ творческаго всемогущества и благости всепромыслительной. Въ продолженіе лѣта, и даже осени, воздушное небо наше, какъ извѣстно, представляется изъ себя нерѣдко самыя грозныя и поучительныя для человѣка картины своимъ дождями, громами и молніями. Зимою не раздается съ неба этихъ все-потрясающихъ гласовъ Іеговы, но вмѣсто ихъ являются надъ главою человѣка другія, болѣе кроткія и безмолвныя знаменія, но тѣмъ болѣе говорящія для его взора и размышенія.—Въ самомъ дѣлѣ, когда увидите вы на небѣ, какъ не среди хлада зимняго, то два, то три солнца, и столько же или болѣе лунъ? Свѣтило дня какъ бы чувствуетъ, что его одного мало и недостаточно для сраженія съ мразомъ и холодомъ, мертвящимъ землю, и умножаетъ свой ликъ; луна слѣдуетъ его примѣру. Какія правильныя, величественные и въ тоже время знаменательныя фигуры окружаютъ иногда сіи свѣтила зимою! Особенно, когда между ними является крестъ! Тутъ не только просто-

людины, но и естествоиспытатель, если онъ не обезчувственъ отъ кичливости ума, готовъ бываетъ, оставивъ всякое мудрованіе, летѣть благоговѣйною мыслю къ сему нерукотворенному знаменію всемирнаго спасенія, и облобызать его въ духѣ вѣры и любви. При взорѣ на такое явленіе невольно приходятъ на память пророчественныя слова Евангелія: и тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси и восплачутся вся колѣна земная (Мат. 24, 30). Желалось бы знать, что чувствуетъ еврей и магометанинъ, когда видитъ на небѣ солнце и луну, коронованныя такимъ образомъ креста изъ лучей? Желалось бы видѣть въ это время и нашихъ мнимыхъ старо-обрядцевъ и спросить ихъ: почему крестъ на небѣ никогда не является съ осмью концами, а всегда четвероконечнымъ, то есть, такимъ, какимъ изображается и чтитъ его св. Церковь? Ужели бы не достало свѣта и лучей на небѣ, еслибы нужно было показать на землѣ крестъ съ осмью концами?

Но вотъ, новое чудное явленіе на небѣ, коего начало, значеніе и цѣль, какъ нѣкоторыхъ символовъ пророческихъ, доселе неразгаданы никѣмъ. Мы хотимъ сказать о такъ называемыхъ сѣверныхъ сіяніяхъ, такъ называемыхъ только сѣверныхъ, ибо они равно бываютъ и на южномъ краю земли, только невидимы для насть, кои живемъ на сѣверѣ. Видѣли ли кто ихъ? Среди темной ночи вдругъ является на сѣверѣ, въ самомъ концѣ неба, темный полукругъ, который вскорѣ опоясывается свѣтомъ, похожимъ на самую лучшую зарю утреннюю. Изъ среды сего полукруга проторгаются потомъ вверхъ и по сторонамъ потоки лучей и свѣта, кои нерѣдко образуютъ изъ себя разныя примѣчательныя фигуры горъ, лѣсовъ, чертоговъ, храмовъ, даже подобія живыхъ существъ и сражающихся воинствъ. Въ иное время средоточіе сего чуднаго свѣта представляется въ видѣ нѣкоего престола съ радужнымъ поверхъ его вѣнцомъ, такъ что кто знакомъ съ св. писаніемъ, тотъ при семъ невольно припоминаетъ таинственное явленіе славы Божией, какъ оно изображено у пророка Йезекіїля (1, 26) и въ чудномъ Апокалипсисѣ Иоанновомъ (Апок. 4, 3).

Откуда происходитъ и что значитъ этотъ свѣтъ безъ солнца, эти полуночныя озаренія полнеба и полземли? Въ отвѣтъ на сіе наука доселе ничего не можетъ сказать достовѣрнаго. Между тѣмъ, для всякаго и неученаго зрителя бываетъ ясно, что это какъбы нѣкій порывъ земли, среди долгомѣсячныхъ ночей у полюсовъ, замѣнить для себя свѣтъ солнца и окружить себя независимымъ

отъ него собственнымъ сіяніемъ. Возможно ли это? Не только возможно, но и непремѣнно должно быть нѣкогда. Ибо въ словѣ Вожиемъ рѣшительно обѣщается для земли нашей, по ея будущемъ очищеніи и перетвореніи огнемъ (2 Пет. 3, 13), такое состояніе, въ коемъ она, для освѣщенія себя, не будетъ уже имѣть никакой нужды въ нынѣшнемъ солнцѣ (Апок. 21, 23). Но все это еще въ будущемъ, можетъ быть, весьма отдаленномъ: служатъ ли, спросятъ, къ чему либо сіи явленія нынѣ? — Служать, и не для малаго: посредствомъ сихъ сіяній весьма благотворно умѣряется мракъ ночей на сѣверномъ и южномъ концѣ земли, тѣхъ ночей, кои, продолжаясь непрерывно по нѣскольку мѣсяцевъ, безъ таковыхъ повременныхъ озареній были бы невыносимы для всего живущаго, тѣмъ паче для человѣка. Не новое ли посему побужденіе возблагоговѣть предъ всепромыслительною благостію Творца, о которомъ и въ семъ случаѣ надобно сказать словами св. Давида: *яко тьма не помрачится отъ Тебѣ, и нощь яко день просвѣтится: яко тьма ея, тако и свѣтъ ея* (Псал. 138, 12).

Отъ великаго и отдаленного, а посему хотя и величественнаго, но для многихъ изъ насъ недовѣдомаго, явленія, желаете ли перейти къ самому близкому, весьма малому, но тѣмъ не менѣе привѣтльному явленію зимнему? — Спустимся для сего съ высотъ воздушныхъ, оставимъ края земнаго шара, обратимся къ нашимъ жилищамъ и войдемъ въ первый попавшійся навстрѣчу домъ не богача, а если угодно, самаго послѣдняго изъ простолюдиновъ.

Что это здѣсь на полуразбитомъ стеклѣ? — Какие-то рѣдкіе и недовѣдомые искусству узоры. Матеріаль видимо самой простой — снѣгъ и ледъ: но мастерство въ работѣ — необыкновенное! Кто же этотъ невидимый хитрецъ, который умѣетъ такъ искусно строить изъ ничего? Если спросить о всемъ этомъ у науки, она скажетъ: тутъ вѣнчаній холодъ боролся съ внутреннимъ тепломъ, и эта борьба отразилась на стеклѣ узорами; хорошо: но почему отразилась такою живописью? — Внутреннее тепло, продолжаетъ наука, въ видѣ влаги осаждалась на стеклѣ; а холодъ вѣнчаній, стущая ее, облекалъ въ разныя формы. Почему въ такія, а не другія? Откуда сходство этихъ формъ съ существами изъ разныхъ царствъ природы? Наука молчитъ. — Посмотримъ на самую живопись. Нѣкоторые слои нижніе — постланы такъ, какъ пески на предгорныхъ долинахъ, какъ иногда облака на небѣ: но вотъ, надъ ними уже подобіе камней! Вотъ цѣлье ряды кристалловъ! Какъ эти виды съ отдаленныхъ горъ появились?

лись на семъ стеклѣ? — Поверхъ камней, а иногда еще на ряду съ ними, являются растенія большія и малыя: откуда онѣ? Несущность ли это травъ и цветовъ, кои расли подъ вашимъ окномъ лѣтомъ? Но между сими растеніями есть такія, коихъ нѣтъ не только въ вашемъ огородѣ, но и въ нашей сторонѣ, кои растутъ только въ другой, нѣрѣдко самой отдаленной части земного шара. Какимъ чудомъ изъ такой дали перенеслись они въ вашъ домъ, на ваше стекло? Сколько ни разсудай, а нельзя наконецъ не сказать въ отвѣтъ, что въ семъ явленіи, несмотря на его малость и незначительность, даетъ видѣть себѣ дѣйствіе той всезиждительной силы, которая и въ маломъ такъ же, какъ и въ великомъ, превышаетъ наше умопостиженіе, для коеи нѣтъ ни разстояній, ни препятствій, у коеи вездѣ и всегда готовы образцы для всякаго рода произведеній.

Такимъ образомъ, куда ни обратишься мыслю, къ горѣ ли, къ свѣтиламъ небеснымъ, или долу, къ тому, что подъ стопами нашими; на край ли земнаго шара, куда не достигала еще отвага человѣческая, или въ первую, попавшуюся на пути хижину: зима явленіями своими вездѣ представляетъ предметы, пробуждающіе въ душѣ нашей мысль о той Деснице, которая, извлекши нѣкогда все изъ ничтожества, доселѣ не престаетъ являть повсюду столь же неисчерпаемое, какъ и неизслѣдимое для ума человѣческаго богатство своей силы творческой. Послѣ сего нисколько неудивительно, когда слышишь, какъ св. Псалмопѣвецъ призываетъ градъ, снѣгъ, голоть и духъ буренъ хвалить имя Господне, и называетъ ихъ творящими слово Его (Псал. 148, 8). Скорѣе надобно удивляться тому, какъ человѣкъ, будучи существомъ разумнымъ, часто не видитъ въ сихъ явленіяхъ ничего, кроме мертваго движенія вещества и случая.

Нѣтъ, въ мірѣ Божіемъ нѣтъ мѣста случаю: здѣсь все взѣшено, измѣreno, опредѣлено! — Времена года, яко имѣющія столь великое и разнообразное влияніе на судьбу человѣка и всѣ существа одушевленныя, тѣмъ паче не могли быть предоставлены неразумному теченію силъ природы, тѣмъ паче зима, яко время особенно сурое и могущее быть пагубнымъ для человѣка. Посему-то, раскрывая священное писаніе, мы, гдѣ ни находимъ изображеніе зимы, вездѣ находимъ ее представленною какъ непосредственное произведеніе силы Божіей. Повелѣніемъ Господнимъ, говоритъ премудрый Сирахъ, потѣшая снѣгъ. Яко птицы парящія сыплетъ его, и якоже прузы садящіяся спаденія его: и слану яко соль на землю сыплетъ, и смерзшия бываетъ на концы

остра. Студень вѣтръ сѣверный возвѣтъ, и смерзнется ледъ отъ воды, и аку во броню облечется вода (Сир. 43, 14 — 22). А въ книгѣ Іова, самъ Господь, въ показаніе своего всемогущества и человѣческаго безсилія, такъ вопрошаєтъ праведника: пришелъ ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси? Изъ чіего чрева исходитъ ледъ? Слану же на небеси кто рождалъ (Іов. 38, 22-29)? То есть, какъ бы такъ вѣщалъ Господь: можешь ли ты не только низвести зиму съ неба на землю, но даже понять, какъ Я столько вѣковъ ежегодно посыпаю ее въ урочное время для вашего блага?

Руководимые сими указаніями слова Божія, постараемся воз выситься, братіе мои, до истиннаго взора на природу, насть окружающую: и зима создается для насть тѣмъ, чѣмъ она должна быть по намѣренію Творца, то есть существенною частію того же великаго зерцала природы, въ коемъ, по свидѣтельству св. Павла, невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть (Рим. 1, 20) для нашего поученія, утѣшенія и руководства! Аминь.

АКАӨИСТЫ

Пресвятъй и Животворящей Троицѣ.—Божествен-
нымъ страстемъ Христовымъ.—Живоносному гробу
и воскресеню Господню.—Покрову Пресвятая
Богородицы.—Святыму Архангелу Михаилу.—Къ
причащеню Святыхъ Таинъ.

АКАӨИСТЬ

ПРЕСВЯТЪЙ И ЖИВОТВОРЯЩЕЙ ТРОИЦЪ.

Иерей: Благословенъ Богъ нашъ.

Утецъ: Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ. Царю небесныи.
Тривсвятое. По Отче нашъ:

Тропари сія, гласъ 6.

Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ: всякаго бо отвѣта
недоумѣюще, сію ти молитву яко Владыцѣ грѣшніи приносимъ:
помилуй насъ!

Слава:

Господи, помилуй насъ, на тя бо уповахомъ: не прогнѣвайся
на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ: но призри и нынѣ
яко благоутробенъ, и избави ны отъ врагъ нашихъ: ты бо еси
Богъ нашъ, и мы людіе твои, вси дѣла руку твою, и имя твое
призываємъ.

И нынѣ:

· Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице:
надѣющіяся на тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ
бѣда: ты бо еси спасеніе рода христіанскаго.

Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя:

Стихиры, гласъ 8. Самогласны.

Воспоимъ вси боголѣбно пѣснѣми Божественными, Отца без-
начальна, Сына превѣчна и Духа соприсносущна, тріупостасную
державу, едино Божество, едино царство и господство, едину
волю и силу, предъ ними же всяко колѣно преклоняется небес-
ныхъ, земныхъ и преисподнихъ.

Дважды.

Отцу и Сыну и Духу вѣрно поклонимся вси, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй, юже выну славословяты на небеси безплотныхъ чинове: мы же тоя милости и щедроты исповѣдуя, на земли возопіумъ: Отче создавый, Сыне искупивый, и Душе Святый освящаїй всѣхъ насть, Троице преображеная, слава тебѣ!

Дважды.

Егда въ началѣ родъ человѣчъ восхотѣлъ еси создати, Господи, тогда къ Сыну твоему собезначальному и Духу соприсносущному рекль еси, Благоутробне: сотворимъ человѣка по образу и подобію нашему! тѣмже человѣком любному о насъ смотрѣнію чудящаїся, вопіемъ: Троице пресвятая и благопромыслительная, Творче и Боже нашъ, слава тебѣ!

Егда отъ Иоанна крещеніе совершающееся во Йорданѣ, Тройческое явися поклоненіе, Отецъ возлюбленного Сына именуяй, Сынъ пріемляй крещеніе отъ раба, Духъ Святый сходай съ небесе въ видѣ голубинѣ: тѣмъ же Божественнымъ видѣніемъ таинству наученнію, съ вѣрою вопіемъ: Троице единосущная, тако явитися благоизволившая, помилуй и спаси насть!

Слава, и нынѣ, гласъ тойже:

Пріидите людіе, тріупостасному Божеству поклонимся, Сыну во Отцу со Святымъ Духомъ: Отецъ бо роди безлѣтно Сына соприсносущна и сопрестольна, и Духъ Святый бѣ во Отцу, съ Сыномъ прославляемъ: едина сила, едино существо, едино Божество, ему же покланяющаїся, вси глаголемъ: Святый Боже, вся содѣявый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа: Святый крѣпкій, имже Отца познахомъ, и Духъ Святый пріиде въ міръ: Святый бессмертный, утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ почиваяй, Троице Святая, слава тебѣ!

На стиховнѣ стихиры, гласъ 2.

Троицу единосущную пѣснословимъ, Отца и Сына и Святаго Духа, сю бо проповѣдаша вси Пророцы, и Апостоли съ Мученики.

Стихъ: Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и Духъ правъ обнови во утробѣ моей.

Свѣта беззначальна и присносущна Отца, свѣта незаходима и соприсносущна Сына, со Духомъ предвѣчно исходнымъ свѣтомъ, вѣрою славимъ, любовию поемъ и надеждою превозносимъ во вся вѣки.

Стихъ: Не отвержи мене отъ лица твоего и Духа твоего Святаго не отыми отъ мене.

Имѣй на небеси неумолкныя пѣвцы славы твоей, безплотныхъ чинове, пріими и отъ насъ на земли хваленіе, Троице преображенная, ихже создала еси по образу и подобію твоему.

Слава, и нынѣ:

Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльнѣй Троицѣ покланяемся, та бо насть спасла есть.

Таже: Господи помилуй, 12. *Слава, и нынѣ:*

Приидите поклонимся, трижды. *Псаломъ 138.* Господи искусили мя еси и позналъ мя еси.

Тропарь, гласъ 8.

Благословенъ еси трисвятый Господи Боже нашъ, иже всю тварь премудростю твою создавый, и падшій родъ человѣчъ милостію своею не оставивый, покаявшимся же грѣшникомъ животъ вѣчный даровати обѣщавый, Человѣколюбче, слава тебѣ!

Господи помилуй, трижды. *Слава, и нынѣ:* *Псаломъ 50.* Помилуй мя, Боже:

КАНОНЪ.

Пѣснь 1, ірмосъ. Гласъ 4.

Божественнымъ покровенъ медленоязычны мракомъ извитійствова Богописанный законъ, тину бо отрясъ очесе умнаго, видить сущаго, и научается Духа разуму, хваля Божественными пѣснами.

Пріпѣвъ: Пресвятая Троице, Боже нашъ, слава тебѣ!

Повелѣніемъ твоимъ, тріупостасне Владыко и Господи, вся составишася, видимая и невидимая: повели убо душѣ, омраченной мглою грѣха, воздвигнутися къ твоему славословію!

Разумѣти тя всецѣло ниже чинове могутъ невещественніи Ангельстіи, Троице безначальная: мы же бренными усты неисповѣдимую наипаче благость твою къ намъ недостойнымъ пѣти и славити дерзаемъ.

Слава:

Трисвѣтлая единица Пребожественная, весь прожени грѣховъ и страстей нашихъ мракъ, свѣтлыхъ лучей твоихъ сладчайшимъ осѣненіемъ, да яко чада свѣта непреткновенно ходити возможемъ по пути заповѣдей твоихъ.

И нынѣ:

Троицы явилася еси честный хранъ, въ немже Отецъ любовю, Сынъ плотю, Духъ Святый нашествиемъ обитель себѣ сотвори, единъ истинный Богъ нашъ, егоже умоли о насъ, Пресвятотельнице всемоющая.

Пѣснь 3.

Разверзе утробы нечадствовавшія узы, досаду же неудоботерпиму благочадствующія, едина молитва пророчицы древле Аїны, носящія духъ сокрушенъ, къ сильному и Богу разумовъ.

Исповѣдаемтися, тріупостасне Господи Боже нашъ, и вся души и тѣла нашего составы преклоняя, со умиленіемъ зовемъ: нѣсмы достойни не точію призывати тя, но ниже возврѣти на высоту трисіятельная славы твоей.

Отъ свѣта беззначальна собезначалень Сынъ свѣтъ возсія, и соестественный свѣтъ Духъ изыде, неизречено и богоолѣпно: не тлѣнному убо рожденію, вкупе же и неизреченному исхожденію покланяемся.

Слава:

Возсіяй въ сердцахъ, трисолнечное Божество, воспѣвающихъ тя трисіяннымъ свѣтомъ твоимъ: и подаждь всѣмъ разумъ, во еже вѣдати волю твою и силу, во еже совершати твое хотѣніе, благое и совершенное, и величати и славити тя.

И нынѣ:

Радуйся, двере, Господня непроходимая, радуйся стѣно и крове притекающимъ къ тебѣ, радуйся, спасеніе всѣхъ ходатайце: молящи не оскудѣвай ко пресвятѣй Троицѣ о славящихъ всепѣтное имя твое.

Сѣдаленъ, гласъ 5.

Трисіятельного единаго Божества благочестно поемъ, вопіюще: Святъ еси Отче беззначальный, собезначальный Сыне, и Божественный Душа: просвѣти насть вѣрою тебѣ служащихъ, и вѣчнаго огня исхити.

Слава, и нынѣ, гласъ 6.

Мати пресвятая, еяже молитвами родъ человѣческій присно соблюдается, поклонися Отцу, умоли Сына, призови Святаго Духа, и умилостиви Бога въ Троицѣ единаго о множествѣ грѣховъ нашихъ, да тобою помилованы бывше, Творца и тебе благословимъ отнынѣ и до вѣка.

Пѣснь 4.

Царю царей, яковый отъ яковаго, единъ Слове, произшедый отъ Отца безвиновнаго, равномощнаго твоего Духа Апостоламъ истиинно послагъ еси, яко благодѣтель, поющимъ: слава державъ твоей, Господи!

Долготерпѣніе твое, Отче, славимъ, милосердіе твое, Сыне, воспѣваемъ, благодать твою, Душа Святый, величаемъ и умилъно вопіемъ: тріупостасный Боже и Господи, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Да трисіятельное твое всѣмъ намъ явиши Божество, создавый изначала человѣка, по образу твоему и подобію вообразилъ еси его, умъ ему и слово, и духъ давъ, яко человѣколюбецъ.

Слава:

Яко создала еси нась по образу твоему, Богоначальная и всеадѣтельная Троице, вразуми убо и просвѣти насть, во еже хранити подобіе твое, творя волю твою, благую и совершенную.

И пытѣ:

Ты едина еси корень дѣвства, ты неувядаемый цвѣтъ чистоты, ты стерла еси главу зміеву рожденіемъ твоимъ: ты убо избави нась отъ неисцѣльныхъ страстей нашихъ, и къ пристанищу истиннаго покаянія настави.

Пѣснь 5.

Рѣшительное очищеніе грѣховъ, огнедухновенную пріимите Духа росу, о чада свѣтообразная церковная! нынѣ бо отъ Сиона изыде законъ, языкоогненеобразная Духа благодать.

Во единомысліе впадше лукавства нѣкогда, столпъ гордыни умыслиша создати сынове человѣчества: ты же показуя единую въ тріехъ впостасѣхъ державу, рекъ еси равнодѣльному твоему Сыну и Духу: пріидите сошедшe, языки ихъ смѣсимъ.

Отца, и Сына, и Духа Святаго, тожде естество и Божество вѣрою славимъ, троичное же лица, единаго же невидимыя и видимыя твари Создѣтеля.

Слава:

Егда нась постигнетъ нощь смертная, тогда, о бессмертный трисолнечный Создѣтелю! темной области отступити отъ нась повели, и свѣту вѣчному твоему причастники ны сотвори.

И пытѣ:

Чистѣйшая еси паче всякия чистоты, въ ней же единъ сый

кромъ грѣха обитель себѣ сотвори, молитвами твоими избави ны отъ злыихъ нашихъ дѣяній, нечистыхъ помышленій и неподобныхъ глаголаній.

Пѣснь 6.

Очищеніе намъ, Христе, и спасеніе, Владыко, возсіяль еси отъ Дѣвы: да яко пророка отъ звѣра морскаго персей Іону, отъ тли исхитиши всего Адама, всеродна падшаго.

Вѣмы, о пресвятая Троице, яко ничто же скверно внидетъ въ твой пресвѣтлый чертогъ: мы же всякия нечистоты исполнени есмы: обаче аще хощеши, можеши ны очистити: очисти убо, и въ небесныхъ твоихъ селеніихъ всеми ны!

Древле Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ явился еси въ тріехъ лицѣхъ, единъ сый естествомъ и хотѣніемъ, Богословія тайну прообразуя: тѣмже вѣрно поемъ тя, единоначальнааго Бога и трипостаснаго.

Слава:

Да твоего благоутробія неизслѣдимое, Владыко, покажеши богатство намъ, Сына твоего единороднаго послалъ еси къ нашей нищетѣ, вообразя нась крестомъ его на первую свѣтлость: нынѣ же просвѣти ны и одушеви Божественнымъ твоимъ Духомъ, да не высоты искупленія отпадаемъ неразумнѣ.

И нынѣ:

Храмъ покажи ны трисвѣтлого твоего богоначалія свѣтови-денъ, чистѣ служити тебѣ, Виждителю всѣхъ, и неизреченную твою славу умно зреши, молитвами Богородицы, юже достойно, яко преславную, величаемъ.

ПОКЛОНЕНІЕ ПРЕСВЯТѢЙ ТРОИЦѢ.

Вся силы души моя приидите, поклонимся Богу въ Троицѣ единому: Отцу, и Сыну, и Святому Духу!

Вся мысли сердца моего приидите, поклонимся Троицѣ, въ Единицѣ почитаемѣй!

Вся чувства тѣла моего приидите, поклонимся, и восплачемся предъ Господемъ, сотворшимъ нась!

Достойно есть воистину покланяться тебѣ, и славословити, и благодарити тя, Троице Святая и единосущная, юже вся небесныя силы, Херувимы и Серафимы, трисвятыми пѣснами восхваляютъ, вси святыхъ луки благодарными гласы превозносять, ей же всяко созданіе на небеси и на земли святолѣпно покланяется!

Кондакъ 1.

Предвѣчный царю вѣковъ и Господи, всея твари видимыя и невидимыя Создѣтелю, емуже, въ Троицѣ Святѣй славимому Богу, всяко колѣно покланяется небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ: тѣмже и мы, яко крещеніи въ трисвятое имя твоє, аще и недостойніш, хвалебное сіе дерзаемъ принести тебѣ пѣни: ты же, яко Творецъ, Промыслитель и Судія нашъ, вонми гласу рабъ твоихъ, и не отстави милости твоєя отъ насть, да изъ глубины души выну зовемъ ти: святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твѣ, имене ради святаго твоего!

Ікосъ 1.

Архангели и Ангели, начала и власти, престоли и господствія, предстояще самому престолу славы твоєя, не довлѣютъ изрещи величія совершенствъ твоихъ: многоочитіи же Херувими и шестокрылатіи Серафими, закрывающе лица своя, точію съ трепетомъ и любовію взываютъ другъ ко другу: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! Намъ убо, иже прахъ и пепель есмы, кольми паче удобѣе любити молчаніе: но, да не толикухъ щедротъ, въ созданіи и искупленіи на насть изліянныхъ, непамятливы явимся и неблагодарни, подражая горнему славословію, съ вѣрою и любовію взываемъ: святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, неисповѣдимая совершенствъ высото и неизслѣдимая таинъ пучино! Святъ еси Господи Боже нашъ, вездѣ сый и вся исполняй, единый и тойжде вчера, днесъ и во вѣки! Святъ еси Господи Боже нашъ, вся могій, нарицаяй несущая яко сущая, низводяй даже до ада и паки возводяй! Святъ еси Господи Боже нашъ, испытуяй сердца и утробы человѣческія, исчитай звѣзды и всѣмъ имъ имена нарицаяй! Святъ еси Господи Боже нашъ, его же вси путіе истинны и всѣ судьбы оправданны вкупѣ и возможелѣнны! Святъ еси Господи Боже нашъ, отдая прѣхи отцевъ на чада, милуяй же и награждаяй въ роды родовъ! Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Кондакъ 2.

Видѣвъ тя Исаїа на престолѣ высоцѣ и превознесеніѣ, глаголаше: о окаянный азъ, яко человѣкъ сый и нечисты устнѣ

имый, и Господа Саваофа видѣхъ очима моими! Егда же угля горящий, носимый отъ Ангела, прикоснуся устомъ его, чистѣ восхваляше тебе Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго Бора. Попали убо, о пресвятая Троица, огнемъ Божества твоего терпіе и нашихъ многихъ беззаконій, да чистымъ сердцемъ возопіемъ тебѣ: Амилуя!

Ікосъ 2.

Разумъ неуразумѣнныи разумѣти ища великій во пророцѣхъ Моисей, глаголаше: яви мнѣ лицѣ твое, да разумно вижду тя! Ты же къ нему: задняя моя узриши, лицѣ же мое не явится тебѣ: не бо узрить человѣкъ лицѣ мое и живъ будетъ. Намъ же, аще и недостойнымъ, благоволиль еси явити себѣ въ лицѣ единороднаго Сына твоего: тѣмже благодарнѣ воліемъ: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, Серафимовъ пламенно горящая любы и Херувимовъ выну свѣтящая премудрости! Святъ еси Господи Боже нашъ, небесныхъ престоловъ превышній Царю и премірныхъ господствій всесицинный Господи! Святъ еси Тосподи Боже нашъ, вышнихъ силь непобѣдимая крѣпосте и горнихъ властей всемогущій Властителю! Святъ еси Господи Боже нашъ, Архангеловъ всерадостное благовѣстіе и Ангеловъ неумолкающая проповѣдь! Святъ еси Господи Боже нашъ, разумныхъ началъ верховное Всеначало, и всѣхъ прочихъ небесныхъ чиновъ державный Повелителю! Святъ еси Господи Боже нашъ, единъ имѣяй бессмертіе и живый во свѣтѣ неприступнѣмъ, со избранными же твоими, яко со други, лицемъ къ лицу бесѣдуя! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Кондакъ 3.

Силою неизреченного могущества твоего вся содержиши, словомъ неизслѣдимыя премудрости твои вся строши, духомъ усть твоихъ вся живиши и радуеши, о трисолинечне Вседѣтелю! Измѣриль еси небо дланію и землю пядію, носиши и питаеши всю тварь, вся по имени призываеши, и нѣсть могій утаитися властительныя десницы и взора твоего: сего ради со всѣми вышними и нижними силами, со умиленіемъ припадающе, зовемъти: Амилуя!

Ікосъ 3.

Имѣяи всякое созданіе работно повелѣнію твоему, всюду являеми слѣды промысла и неизчтныхъ совершеннствъ твоихъ: тѣмже невидимая твоя и присносущную силу и Божество, твореньми помышляема, видяще, со удивлениемъ и радостю зовемъ: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, властительный создатель видимыхъ и невидимыхъ, и любвеобильный строитель настоящихъ и грядущихъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, отъ четырехъ стихій составивый тварь и четырьми временами кругъ лѣта вѣнчавый! Святъ еси Господи Боже нашъ, повелѣвый солнцу свѣтити во дни, и лунѣ со звѣздами просвѣщати нощь! Святъ сси Господи Боже нашъ, изводяй вѣтры отъ сокровищъ, одѣваяй небо облаки, и посыпаяй дождь и росу въ прохладеніе зноя! Святъ еси Господи Боже нашъ, препоясуй холмы радостю и долы веселiemъ, украшаяй крины сельные и вѣнчай поля класами! Святъ еси Господи Боже нашъ, посыпаяй пищу птенцемъ врановыемъ, напаяй вся звѣри сельные, и полагаяй щедроты своя на всѣхъ дѣлѣхъ своихъ! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Кондакъ 4.

Бурю внутрь имѣя душепагубныя ереси, второй Іуда, Арій безумный, отвержеся тебе Сына Божія, единаго отъ преображенія Троицы быти: мы же аще и ино лице Отче, ино Сыновне, ино Святаго Духа глаголемъ: но Отче, Сыновнее и Святаго Духа едино Божество, равну силу, соприсносущно величество, сердцемъ и устны исповѣдуемъ, и яко трисолнечнымъ свѣтомъ въ купели крещенія озаренніи, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, единому Богу покланяемся, зовуще: Аллилуia!

Ікосъ 4.

Слышавше Пастыри и Учителіе святыя церкви Арія, яко лютаго звѣря, вторгшеся въ словесное Христово стадо, и восхищающа овцы отъ истиннаго исповѣданія православныя вѣры, сошедшеся въ Нику на соборѣ, Бога, а не тварь, Христа исповѣдавша, и равна Отцу Сына и Святаго Духа чтуше, громогласнѣ возгласиша: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, Боже Отче, Боже Сыне, Боже Святый, единий истинный Боже,

а не три Бози! Святъ еси Господи Боже нашъ, несозданный Отче, несозданный Сыне, несозданный Душе Святый, Едине вкупѣ несозданне, а не три особь несозданны! Святъ еси Господи Боже нашъ, Отецъ раждаяй предвѣчно Сына, Сынъ раждаемый безлѣтно отъ Отца, Духъ Святый изъ негоже отъ вѣкъ происходяй, но не раждаяся! Святъ еси Господи Боже нашъ, Отецъ воззвавый нась отъ небытія, Сынъ искупивый насть падшихъ крестомъ своимъ, Духъ Святый освящаяй и животворяй всѣхъ своею благодатию! Святъ еси Господи Боже нашъ, въ духѣ, душѣ и тѣлѣ нашемъ трехъчастную скинию, на вселеніе свое основати благоволивый, и всееконечнѣ грѣховъ разрушитися ей въ насть не попустивый! Святъ еси Господи Боже нашъ, знаменіе тріупостаснаго существа своего на всѣхъ дѣлѣхъ рукъ своихъ, въ мірѣ видимомъ и невидимомъ, положивый! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Кондакъ 5.

Пребезначальная и всездѣтельная Троице, создавъ насть по образу и по подобію твоему, заповѣдала еси творити угодная предъ тобою: мы же, окаянніц, злую волю нашу возлюбивше, обѣты крещенія отвергохомъ, образъ твой помрачихомъ: нынѣ же паки къ тебѣ прибѣгаемъ и молимся, подаждь намъ благодать твою, исхити насть изъ руки врагъ, видимыхъ и невидимыхъ, и спаси ны, имиже вѣси судьбами, да во вѣки вѣковъ зовемъ тебѣ: Аллилуia!

Ікосъ 5.

Видя разумъ превосходящая совершенства твоя и неизреченныя благодѣянія къ бѣднымъ сынамъ Адамлимъ (въ тя бо тріединаго Бога истинно вѣруяй, мертвый духомъ оживляется, оскверненный совѣстю очищается, погибшій спасается) благодарнымъ умомъ, благодарнымъ сердцемъ, благодарными усты, отъ тебе созданными, преклоньше колѣна, глаголемъ: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, въ тріупостасномъ совѣтѣ твоемъ положивый сотворити человѣка, и въ тѣло его, отъ персти взятое, дыханіе жизней изъ усть твоихъ вдохнувый! Святъ еси Господи Боже нашъ, образомъ и подобіемъ твоимъ въ лицѣ Адама всѣхъ насть почтый, и рая сладости наслѣдники учинивый! Святъ еси Господи Боже нашъ, разумомъ превыше всего

видимаго вознесый насть, и тварь всю долыною подъ нозѣ наши покоривый! Святъ еси Господи Боже нашъ, древо жизни въ пищу намъ даровавый и даромъ бессмертія ны обогативый! Святъ еси Господи Боже нашъ, преслушавшихъ заповѣдь праводителей нашихъ и по грѣхопаденіи не оставиливый, но на упованіи спасенія прямо Едема вселивый! Святъ еси Господи Боже нашъ, изведый и насть изъ чрева матере нашей и благодатію Евангелія, по рожденіи, освятивый! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Кондакъ 6.

Проповѣдникъ правды и ревнитель святаго имени твоего, Иліа досточудный, воззванъ отъ Ангела, ста въ горѣ Хоривѣ: бысть же духъ крѣпокъ, низлагаяй горы, бысть трусь велий и огнь палиящъ, но не въ сихъ тя видѣ, и по огнѣ гласъ хлада тонка и тамо Господь: покрывъ убо лице милотію, съ веселіемъ и страхомъ взываше: Амилуя!

Ікосъ 6.

Возсіяль еси въ просвѣщеніе всему миру сіяніе трисвѣтлого Божества твоего, отгналъ еси вся идолъская заблужденія, тривостасный Боже и Господи: весь же родъ человѣческій отъ долягія тмы язычества въ чудный свѣтъ евангелія привель еси, имже озаренніш, славимъ вседержавный промыслъ твой о насть, зовуще: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, до конца растлѣнную грѣхомъ тварь, водами потопными потребивый, и въ лицѣ Ноя обновивый весь родъ человѣчъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, отлучивый отца вѣрующіхъ Авраама отъ смѣшенія языкъ и въ потомствѣ его истинную церковь основавый! Святъ еси Господи Боже нашъ, извѣдый люди своя изъ Египта, препитавый ихъ манною въ пустынѣ и введеный въ землю, кипящую медомъ и млекомъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, воздвигій Давида, исполнивый Духомъ своимъ Пророки, и тѣми среди Ізраїля вѣру въ обѣтованного Искупителя сохранивый! Святъ еси Господи Боже нашъ, пленомъ Вавилонскимъ согрѣшиши люди своя наказавый и, по скончаніи его, паки Іерусалиму возградитися повелѣвый! Святъ еси Господи Боже нашъ, Маккавеи въ вѣрѣ и преданіяхъ отеческихъ непоколебимыми до смерти показавый, и церковь подзаконную, яко невѣсту, до пришествія возлюбленнаго Жениха, цѣлу соблюдай! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже

нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Конданъ 7.

Хотя проявити величіе любви и милосердія твоего къ падшему роду человѣческому, егда прииде кончина лѣта, послалъ еси единороднаго Сына твоего, раждаема отъ жены, бываєма подъ закономъ, да подзаконныя искупить, иже, поживъ на земли яко человѣкъ и искупивъ ны крестомъ своимъ, вознесеся на небо, отнюду же, исполняй обѣтованіе, низпосла намъ пресвятаго Духа своего, да зовемъ вси: Аллилуia!

Ікосъ 7.

Дивное воистинну и новое показалъ еси чудо, дивный въ высокихъ Господи, егда по низпосланію пресвятаго Духа на избранныя ученики и апостолы, извелъ еси ихъ на проповѣдь всему миру, да возвѣстять великое имя пресвятаго Троицы и плѣнить вся языки въ послушаніе вѣры: тѣмъ же, чудящеся силѣ и дѣйствію Богодухновенныхъ словесъ ихъ, съ радостію зовемъ: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, избравый немощная, худородныя и убогія міра, да посрамятъ крѣпкія, славныя и премудрыя! Святъ еси Господи Боже нашъ, воодушевивый безчисленные сонмы мучениковъ, да тмами мученій и смертей запечатлѣютъ истину евангелія и силу благодати Христовой! Святъ еси Господи Боже нашъ, сердце равноапостольного Константина знаменіемъ креста преклонивый, и тѣмъ конецъ лютымъ гоненіямъ на христианъ положивый! Святъ еси Господи Боже нашъ, седмію вселенскими соборы Богоносныхъ отецъ, яко седмію столпы, Церковь оградивый, и еретическимъ треволненіямъ неприступну сотворивый! Святъ еси Господи Боже нашъ, Богомудрымъ учителья и великимъ подвижникамъ благочестія, яко пресвѣтлымъ звѣздамъ на тверди Церкви, возсіяти даровавый! Святъ еси Господи Боже нашъ, и владыку земли Россійстей, Владимира, къ свѣту истинныя вѣры наставивый, и тѣмъ всю страну нашу отъ прелести многобожія свободивый! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Конданъ 8.

Странно и чудно у дуба Мамврійска узрѣвъ тя Авраамъ во

образъ тріехъ мужей, аку къ единому бесѣдоваше, глаголя: Господи, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, не мини раба твоего! Тріемъ убо, въ тріехъ явльшихся ему лицахъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, единому же въ существѣ Богу, до земли поклонися, зовыій: Аллілуіа!

Ікосъ 8.

Весь еси вездѣ и всегда, не точю могуществомъ неизчетныя силы твои, но и богатствомъ вседѣтельного промышленія твоего о всякому созданіи твоемъ: намъ же, яко же рече Сынъ твой, и власи главніи вси изочтени суть у тебе, да ни единъ изъ нихъ падеть безъ воли твои: тѣмже уповающе на промыслъ твой, со дерзновеніемъ и любовію зовемъ: святы, святы, святы еси Господи Боже нашъ, благоволивый всему роду человѣческому раздѣлитися на племена и языки, и коемуждо ихъ мѣсто и время жительства указавый! Святы еси Господи Боже нашъ, имже царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, соблюдаю избранныхъ своихъ, яко зеницу ока! Святы еси Господи Боже нашъ, отъ него же исходитъ всяка премудрость и разумъ; всяка крѣпость и сила, всяко здравіе и лѣпота! Святы еси Господи Боже нашъ, наводяй и отъемляй браны, вѣнчаяй побѣдою правое оружіе, не правое же, посредѣ самыхъ побѣдъ предопредѣляй къ сокрушенію! Святы еси Господи Боже нашъ, даяй знаменія на небеси и на земли, посылаяй огнь, язву, и гладъ на люди, да не до конца заблудяять отъ путей твоихъ! Святы еси Господи Боже нашъ, возносяй смиренныя отъ земли, еже посадити со князи людей своихъ, и низлагаяй гордыя, яко не обрѣстися мѣсту ихъ! Святы, святы, святы еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Кондакъ 9.

Всякое естество, горѣ и низу, непрестанно славить тя, предвѣчнаго Творца и Богоа: на небеси єдини, святы, святы, святы, день и нощь взывають, друзіи же вѣнцы своя къ подножію ногъ твоихъ полагаютъ: на земли же со всею тварію мы, яко украшенные образомъ присносущныя твои славы, къ тебѣ моимся и отъ тебе великія и богатыя милости чаемъ, зовуще: Аллілуіа!

Ікосъ 9.

Вѣтіи многовѣщанныя, аще и много труждаются мыслю во испытаніи о таинствѣ Пресвятая Троицы, но не могутъ разумѣти, како естествомъ единъ есть Богъ, въ тріехъ же совершенныхъ лицѣхъ: мы же вѣруемъ точію сему и исповѣдуемъ, какоже, не испытуемъ, и неизчетныя благодѣянія къ намъ когдѡ изъ тріехъ Божественныхъ лицъ добрѣ вѣдуще, съ вѣрою и благодареніемъ зовемъ: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, праведнымъ судомъ твоимъ всѣмъ намъ въ землю, отъ неяже взяты есмы, возвратитися, и паки въ день воскресенія изъ нея востати, положивый! Святъ еси Господи Боже нашъ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ нѣкогда померкнути, землѣ и всему, еже на ней, огнемъ преобразитися предопредѣливыи, да вмѣсто ихъ явится небо ново и земля нова, въ нихъ же правда живетъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, уставивый день, въ онъ же представнуть на судъ вся племена и языцы, да воспріметъ кійждо по дѣломъ своимъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, имѣяй въ день воздаянія рещи праведнымъ: пріидите благословеніи Отца моего, и наслѣдуйте царствіе, уготованное вамъ отъ сложенія міра! Святъ еси Господи Боже нашъ, отъ него же нераскаянніи грѣшницы услышатъ тогда со страхомъ: отъидите отъ мене проклятии во огнь вѣчный, уготованный діаволу и агеломъ его! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Конданъ 10.

Сласти хотя міръ, явилася еси на Іорданстѣй рѣцѣ, Пресвятая и Пребожественная Троице: Отецъ во гласѣ съ неба, свидѣтельствуюй о возлюбленнѣмъ Сынѣ. Сынъ во образѣ человѣчествѣмъ, пріемляй крещеніе отъ раба, Духъ Святый, сходяя на крещаемаго въ видѣ голубинѣ: Отца, Сына и Святаго Духа, научихомся просвѣщати крещеніемъ всякаго грядущаго въ міръ человѣка, зовуще: Амилуїа!

Ікосъ 10.

Царю превѣчный, сіяй солнце свое на благія и злыя, праведныя любяй, грѣшныя же милуяй, скверну душевную и тѣлесную нашу омый, обитель свою въ насъ, аще и недостойныхъ ра-

бѣхъ твоихъ, сотворити благоволи, потреби нечистая наша помышленія, изглади неподобныя дѣянія, направи языкъ глаголати благодарная предъ тобою, да чистымъ сердцемъ и устны со умилениемъ зовемъ: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, о немже апостольскій ликъ явѣ глаголетъ, къ нему же пророческій соборъ выну взираетъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, егоже полкъ мученическій благолѣпно исповѣдуеть, и преподобныхъ воинство пресвятое имя славословить! Святъ еси Господи Боже нашъ, о немъ же пустынниковъ множество присно воздыхаетъ, отъ него же постниковъ подвиги вѣнчаются! Святъ еси Господи Боже нашъ, ему же святители и пастыри благодарственное приносятъ пѣніе, имже вселенстїи учители во спасеніе наше богомудрствуютъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, пріими мольбу о насть и представительство всѣхъ святыхъ, паче же простирающу къ тебѣ о насть руцѣ свои, Дѣву пречистую! Святъ еси Господи Боже нашъ, огради насть святыми твоими ангелы, и отжени отъ насть духовъ злобы поднебесныхъ! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Конданъ 11.

Пѣніе всякое изнемогаетъ, тщащееся принести должное благодареніе тебѣ о всѣхъ и за вся, въ Троицѣ славимому Богу: не обрѣтается бо ни разума, могущаго сраспростретися мыслюко множеству щедротъ твоихъ на насть, ни слова, во еже достойнѣ изреци я: обаче за вся, нами видимая и намъ подаемая, буди тебѣ, Пресвятая Троице, благодареніе отъ насть, честь и слава, яковы же ты сама твоего величества достойны и тебѣ угодны вѣси: мы же покланяющеся тебѣ, со смиреніемъ и любовію зовемъ: Аллилуia!

Ікосъ 11.

Яко свѣтоподательна тя во обѣтованіяхъ твоихъ свѣтильника, сущимъ намъ во тмѣ невѣдѣнія, о будущемъ жребіи нашемъ явившаяся, благодарнѣ исповѣдующе и поне единаго изъ блаженствъ, единороднымъ Сыномъ твоимъ возвѣщенныихъ, улучити желающе, всеумильно съ вѣрою вопіемъ: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, уготовавый избраннымъ своимъ блага, ихъ же око не видѣ, ухо не слыша, и яже на сердце человѣку не взыдоша! Святъ еси Господи Боже нашъ, его же вси чистіи

сердцемъ узрятъ, якоже есть, и познаютъ, якоже отъ него сами познани суть! Святъ еси Господи Боже нашъ, въ немже вси алчущіи и жаждущіи правды обрѣтутъ, николиже оскудѣвающе, насыщеніе! Святъ еси Господи Боже нашъ, отъ него же миrottворцы, яко подражатели вся умиротворившаго единороднаго Сына твоего, возлюбленными сынами нарекутся! Святъ еси Господи Боже нашъ, у него же кротцы наслѣдятъ землю, и нищіи духомъ улучать нескончаемое царствіе! Святъ еси Господи Боже нашъ, обѣщавый вѣчное помилованіе милующимъ, и безконечное радованіе плачущимъ! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Конданъ 12.

Благодать твою всесильную подаждь намъ, Пресвятая Троице: пріими исповѣданіе грѣховъ нашихъ предъ величиемъ славы твоєя, призри на воздыханія наша, низпосли намъ духа умиленія и щедротъ, да, очищенные душею и сердцемъ, сподобимся неосужденно звати къ тебѣ на земли, якоже взываютъ ангели на небеси: Алилуia!

Ікосъ 12.

Поюще твое всечеловѣколюбное смотрѣніе, славимъ тя вси, пребезначальная Троице, вѣруемъ въ единаго Бога Отца, Бога Сына, и Бога Духа Святаго, иного, развѣ тебе, Господа не вѣмы, къ тебѣ припадаемъ и тебѣ молимся, вопиюще: святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, буди намъ во спасеніе, да не убомимся никоего же зла, и въ защищеніе живота нашего, да не устрашимся никоего же врага! Святъ еси Господи Боже нашъ, грѣшныя кающіяся спасай, спаси убо и нась многогрѣшныхъ! Святъ еси Господи Боже нашъ, умножай всѣмъ милость твою, умножи ю и на нась, и помилуй ны, яко немощни есмы! Святъ еси Господи Боже нашъ, продолжи намъ вѣкъ къ покаянію и не осуди насть на посѣченіе съ смоковницею безплодною! Святъ еси Господи Боже нашъ, избави ны искушеній, отъ міра, плоти и діавола находящихъ, и укрѣпи въ вѣрѣ и любви къ тебѣ! Святъ еси Господи Боже нашъ, сподоби ны лицемъ къ лицу узрѣти тя, и внути въ свѣтлый чертогъ твой на бракъ Агнчій! Святъ, святъ, святъ еси Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе твое, имене ради святаго твоего!

Кондакъ 13.

О Пресвятая, животворящая, нераздѣлимая и вседѣтельная Троице, Отче, Сыне и Душе Святый, едине истинный Боже и Творче нашъ! нынѣшнее наше пріемши благодареніе, низпосли намъ благодать и силу отъ высоты святаго престола твоего, да, поправше вся плотскія похоти, во всякъмъ благочестіи и чистотѣ поживемъ до конца дней нашихъ, выну восхваляюще пресвятое имя твое и зовуще: Аллилуя!

Трижды.

Также Ікона 1, и Кондакъ 1.

Пѣснь 7.

Согласная возумѣ органская пѣснь, почитати златосотворенный бездушный истуканъ: Утѣшителева же свѣтоносная благодать почествуетъ, еже вопити, Троице единая, равносильная, безначальна, благословена еси.

Отрасль сугуба и безначальна отъ Отца, яко отъ безначальна корене, произниче, Сынъ рожденіемъ и Духъ исхожденіемъ, соестественна и нераздѣльна силою и властію, яко тріемъ быти свѣтомъ во единомъ свѣтѣ Божества.

Въ пеющъ огненную похоти мучитель мой, злый обычай, вверже мя: но ты, Троичне Вседѣтелю, яко тріехъ отрокъ спасъ еси, спаси мя Отче, Сыне и Душе Святый, да зову тебѣ: Троице единая, равносильная, безначальна, буди благословено имя твое.

Слава:

Неисчислена твоя дарованія, яже подала еси намъ, Троице, отъ начала живота нашего даже до сего дне и часа: велика и безмѣрна суть, яже еще имаши дати: за вся сія благодаримъ тя, сердцемъ и устны поя: Троице единая, равносильная, безначальная, преблагословена еси!

И нынѣ:

Вся руками твоими отъ Господа пріяхъ, Дѣво пресвятая: сего ради благодарственное пѣніе приношу тебѣ, и тобою Отцу, и Сыну, и Святому Духу пою: благословена еси, Троице единая: благословена и ты въ женахъ, пренепорочная Владычице!

Пѣснь 8.

Разрѣшаеть узы и орошаеть пламень, трисвѣтлый Богоначалия образъ поютъ отроцы, благословить же единаго Спаса и Вседѣтеля, яко благодѣтеля, сотворенная всяческая тварь.

Множество умныхъ существъ непрестанно поютъ тя недомыслимаго Бога: съ ними же и мы славимъ, глаголюще: Троице пресущественная, твоя рабы спаси, яко человѣколюбивая.

Умъ безначальный Слово неизглаголанно роди, и Божественного Духа самоизведе равномощна: сего ради Троицу единосущную, Владыку всѣхъ Бога проповѣдуемъ. *Слава:*

Многихъ ради грѣховъ нашихъ многихъ достойни муки, доселѣ невредими есмы: и живемъ твою благодатию, Троице всемилосердая: тѣмже со слезами припадающе славимъ тя, глаголюще: благословите вси единаго тріупостаснаго Бога и Содѣтеля, яко благодѣтеля, сотворшаго и хранящаго всяческую тварь.

И нынѣ:

Величаю твое твердое заступленіе, исповѣдую матернія молитвы твоей силу, благодарю возвеличившую и избравшую тя Троицу Пресвятую, и пою: Бога и Божію Матерь вся внутренняя моя хвалите и превозносите во вѣки.

Пѣснь 9.

Радуйся, Царице, матеродѣственная славо: всяка бо удобообращательная и благоглаголивая уста витійствовати не могутъ, тебѣ пѣти достойно, изумѣваеть же умъ всякъ, твое рождество разумѣти: тѣмже тя согласно славимъ.

Свять и препрославленъ Отецъ Богъ превѣчный: свять и препрославленъ Сынъ, изъ Отца рожденный: свять же и препрославленъ и животворящій Духъ, исходя отъ Отца, Сыномъ же являемъ.

Сами суще недостойни не точію молитися, но ниже приступитьи къ тебѣ, о Троице, приносимъ въ мольбу о насть подвиги святыхъ Апостолъ, Пророкъ, мучениковъ и исповѣдниковъ, труды и слезы преподобныхъ постниковъ и всѣхъ отъ вѣка тебѣ благоугодившихъ; пріими я въ пренебесный твой жертвенникъ, и не отрини насть нечистыхъ. *Слава:*

Молебную сію пѣснь соединяемъ съ любовію твою, Боже Отче, съ кровію твою, лучше глаголющею неже Авелева, Сыне единородный, съ неисповѣдимою благостію твою, Душе Пресвятый и мили дѣемся: не презри косноязычнаго сего моленія нашего, и отъ дерзновенія, еже къ тебѣ, не отрини рабы твоя.

И нынѣ:

Общую всѣхъ надежду, Дѣву пречистую, въ мольбу о насть рѣшныхъ приводимъ тебѣ, Отче, Сыне и Душе Святый: по-

милу́й настъ и пода́ждь благая вѣчная и временная, молитвами честнѣйшія Хи́рувимовъ и всѣхъ силь небесныхъ.

Свѣтиленъ:

Божественнаго естества единосущнаго трисолнечную поемъ державу, и трисвятыми гласы зовемъ: святъ еси Отче преизначальный, святъ еси Сыне собезначальный, и Душа Святый, едине нераздѣльный Боже нашъ, и всѣхъ Творче, человѣколюбивый.

Слава:

Отче и Сыне со Духомъ Святымъ, призри на ны, вѣрою тебѣ поклоняющыяся и славящыя державу твою и возопй поющимъ тя: азъ есмъ съ вами, и никто же на вы.

И нынѣ:

Святъ Богоначальный отъ чрева твоего возсиявый, Богомати пречистая, весь міръ трисолнечнымъ свѣтомъ озари, и землю яко же другое небо показа, да вся дѣла Господня Господа поютъ и превозносятъ во вся вѣки.

На хвалитехъ стихіры, гласть 4, самогласны.

Преславная днесъ видѣша вси языцы во градѣ Давидовѣ, егда Духъ снide Святый во огненныхъ языцѣхъ, яко же благоглаголивый Лука повѣствуетъ, глаголеть бо: собраннымъ ученикомъ Христовымъ, бысть шумъ, яко же носиму дыханію бурну, и исполни домъ, идѣже бяху сѣдяще: и вси начаша глаголати странными ученіи, странными повелѣніи Святая Троица.

Дважды.

Духъ Святый бѣ убо присно, и есть, и будетъ, ниже начиаемъ, ниже престаяй, но присно Отцу и Сыну счиненъ и счиляемъ, животъ и животворяй, свѣтъ, и свѣта податель, самоблагай, и источникъ благостиши: имже Отецъ познавается, и Сынъ прославляется и отъ всѣхъ познавается, едина сила, едино счетаніе, едино поклоненіе Святая Троица.

Духъ Святый, свѣтъ и животъ, и живый источникъ умный: Духъ премудрости, Духъ разума: благий, правый, умный: облада́й, очищай прегрѣшенія: Богъ и боготворяй: огнь, отъ огня происходяй, глаголяй, дѣяй, раздѣляй дарованія, имже Пророцы все и Божественніи Апостоли съ мученики вѣнчашася: странное слышаніе, странное видѣніе, огнь раздѣляйся въ подаяніе дарованій.

Слава, и нынѣ, гласъ 6.

Царю небесный утѣшителю, Душе истины, иже вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ и жизни подателю, пріди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякихъ скверны, и спаси, Блаже, душы наша.

**МОЛИТВА
КЪ БОГУ ОТЦУ.**

Всемогущій Владыко, премудрый и всеблагій Господи, свѣтоначального Сына пребезначальный Родителю, и животворящаго Духа твоего вѣчный и присносущный Самоизводителю, егоже величество неизчестно, слава несказанна, и милость безмѣрна, благодаримъ тя, яко воззвалъ еси насть отъ небытія и почтилъ еси драгоцѣннымъ образомъ твоимъ, яко даровалъ еси намъ недостойнымъ неточію познавати и любити Тя, но еже сладостнѣйше есть, и Отцемъ своимъ нарицати Тя. Благодаримъ Тя, Боже милосердія и щедротъ, яко преступившихъ заповѣдь твою не оставилъ еси насть посреди грѣха и сѣни смертныхъ, но благоволилъ еси единороднаго твоего Сына, имже и вѣки сотворены суть, послати на землю нашего ради спасенія, да вочеловѣченіемъ его и страшными страданьями мучительства діаволя и тли смертныхъ свободимся. Благодаримъ Тя, Боже любве и силъ, яко, по вознесенію на небо дражайшаго Спасителя нашего, умоленъ бывъ крестомъ его, низпослалъ еси и Духа твоего Пресвятаго на избранные его ученики и Апостолы, да, силою Богодухновенныя проповѣди ихъ, озарятъ весь міръ нетлѣннымъ свѣтомъ евангелія Христова. Самъ убо, человѣколюбивый Владыко, услыши нынѣ смиренную молитву недостойныхъ чадъ твоихъ, да якоже создаль еси насть за едину твою благость, искупилъ еси ны за едино благоутробіе твое, тако и спасеши насть по единому безприкладному милосердію твоему: зане отъ дѣлъ нашихъ ниже слѣда спасенія имамы, но чаяніе праведныхъ мести и отлученія отъ пресвѣтлаго

лица твоего: аще бо и о единомъ праздномъ глаголѣ взыскано будеть въ день суда и испытанія, о неисчислемыхъ нашихъ беззаконіяхъ, имиже согрѣшихомъ предъ Тобою, кій, бѣдные, имамы воздати отвѣтъ; Сего ради весьма отъ дѣлъ нашихъ отчаявшеся оправданія, къ твоей единїй, всякъ умъ и всяко слово превосходящей, прибѣгаемъ благости, юже, аку твердое основаніе надежды имуще, молимъ Тя: согрѣшихомъ, очисти Господа! беззаконівахомъ, прости Владыко! прогнѣвахомъ Тя, примирися Долготерпѣливе! и сохрани прочее умъ, совѣсть и сердце наше отъ сквернъ мірскихъ, избави и спаси ны отъ многомятежныя бури страстей и грѣхопаденій, вольныхъ же и невольныхъ, вѣdomыхъ и невѣдомыхъ, и въ тихое управи пристанище вѣры, любви и упованія жизни вѣчныя. Помяни насть въ милости твоей, Господи, даруй намъ вся, яко же ко спасенію, прошенія, паче же чистое и безгрѣшное житіе: сподоби насъ любити тя, и боятися отъ всего сердца нашего, и творити во всемъ волю твою святую, молитвами пречистыя Владычицы нашей Богородицы и всѣхъ Святыхъ твоихъ, яко благъ и человѣкомлюбецъ Богъ еси, и Тебѣ славу и благодареніе и поклоненіе возсылаемъ, съ единороднымъ твоимъ Сыномъ, и со Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

МОЛИТВА КЪ БОГУ СЫНУ.

Единородне Сыне и Слове Божій, изволивый нашего ради спасенія воплотитися и смерть претерпѣти, нынѣ же, и съ пречистою плотию твою, на небесахъ на престолѣ со Отцемъ сѣдяй, и всѣмъ міромъ управляй, не забуди милосердіемъ твоимъ насъ, долу сущихъ и многими напастями и скорбями искушаляемыхъ, иже аще и весьма нечисти и недостойни есмы, но въ Тебе, Спасителя и Господа нашего, вѣруемъ и иного Ходатая и надежды спасенія не вѣмы. Подаждь, о Испупителю всеблагій, да памятуемъ выну, коликуихъ мученій души и тѣла твоего потребно бяше, во еже удовлити за грѣхи наши вѣчной правдѣ Отца тво-

его, и како даже до ада со креста низшелъ еси пречистою душою твою, да насть власти и мучительства адова свободиши: памятуя же о семъ, да блюдемся отъ страстей и грѣховъ, бывшихъ виною лютыхъ страданій и смерти твоей, и да любимъ правду и добродѣтель, еже всякаго дара тебѣ въ насть пріятнѣйше есть. Яко искушенный по всяческимъ, самъ вѣси, о Всеблагій, коль велика есть немощь духа и плоти нашея, а врагъ нашъ силенъ и злохитръ, яко левъ рыкай ходить, искій кого поглотити: не остави убо насть своею всесильною помощію, и буди съ нами выну, храня и покрывая, наставляя и укрѣпляя, радуя и веселя духъ нашъ. Мы же, на лоно любви и милосердія твоего повергающіеся, весь животъ нашъ, временный и вѣчный, Тебѣ предаемъ, нашему Владыцѣ, Искупителю и Господу, моля изъ глубины души, да, имиже вѣси судьбами, сотвориши намъ прейти безбѣдно мрачную житія сего земнаго юдоли, и достигнути Богокраснаго чертога твоего, егоже обѣщалъ еси уготовати всѣмъ, вѣрующимъ во имя твое, и послѣдующимъ Божественнымъ стопамъ твоимъ. Аминь.

МОЛИТВА КЪ БОГУ ДУХУ СВЯТОМУ.

Царю небесныи, Утѣшителю всеблагій, Душе истины, отъ Отца предвѣчно исходяй, и въ Сынѣ выну почиваяй, независтный Источниче дарованій Божественныхыхъ, раздѣляя ихъ коемуждо, якоже хощеши, Имъ же и мы недостойніи освятихомся и назнаменани есмы въ день крещенія нашего! призри на молитву рабъ своихъ, прїди къ намъ, вселися въ ны, и очисти души наша, да будемъ уготованы въ жилище Пресвятыхъ Троицы. Ей, о Всеблагій, не возгнушайся нашея нечистоты и ранъ грѣховыхъ, но исцѣли я всеврачующимъ помазаніемъ твоимъ. Прорѣчи нашъ умъ, да разумѣемъ суetu міра и яже въ мірѣ, ожиши нашу совѣсть, да неумолкно возвѣщаетъ намъ, яже подобаетъ творити и яже отmetати, исправи и обнови сердце, да не истощаетъ прочеъ день и нощъ помышленій злыхъ и желаній неподобныхъ, укроти плоть и угаси росоноснымъ дыханіемъ тво-

имъ пламень страстей, имже помрачается въ нась арагоцѣнныи образъ Божій. Духа праздности, унынія, любонаchanія и празднословія отжени отъ насъ, подаждь же намъ духа любви и терпѣнія, духа кротости и смиренія, духа чистоты и правды, да исправивъ разслабленныя сердца и колѣна, нелѣнностно течемъ по пути заповѣдей святыхъ, и тако, избѣгая всякаго грѣха и исполняя правду, сподобимся улучити кончину мирну и непостыдну, винти въ Іерусалимъ небесный и тамо поклонятися Тебѣ, купно со Отцемъ и Сыномъ, поя во вѣки вѣковъ: Троице Святая, слава тебѣ!

МОЛИТВА КО ПРЕСВЯТѢЙ ТРОИЦѢ.

Пресвятая Троице, единосущная державо, всѣхъ благихъ вина, что воздадимъ Тебѣ за вся, яже воздала еси намъ грѣшнымъ и недостойнымъ прежде, неже на свѣтъ произохомъ, за вся, яже воздаеши коемуждо насъ по вся дни, и яже уготовала еси всѣмъ намъ въ вѣцѣ грядущемъ! Подобаше убо, за толикія благодѣянія и щедроты, благодарити Тя, не словесы точію, но паче дѣлы, хранящe и исполняющe заповѣди твоя: мы же, страстемъ нашымъ и злымъ обычаямъ внемше, въ безчисленныя отъ юности низвергохомся грѣхи и беззаконія. Сего ради, яко нечистымъ и оскверненнымъ, не точію предъ трисвѣтлое лицо твое безстудно явитися, но ниже имени твоего пресвятаго изреши довѣяще намъ, аще бы не Ты сама благоизволила во отраду нашу, возвѣстити, яко, чистыя и праведныя любя, и грѣшники кающіяся милуещи и благоутробнѣ пріемлеши. Призри убо, о Пребожественная Троице, съ высоты святыхъ славы твоей на насъ многогрѣшныхъ, и благое произволеніе наше, вмѣсто благихъ дѣлъ, пріими, и подаждь намъ духа истиннаго покаянія, да, возненавидѣвъ всякій грѣхъ, въ чистотѣ и правдѣ, до конца дней нашихъ поживемъ, творящe пресвятую волю твою, и славящe чистыми помыслы и благими дѣяньями сладчайшее и великолѣпное имя твое. Аминь.

*Также: Достойно есть: Трисвятое; по Отче нашъ, тропарь:
Благословенъ еси: Господи помилуй *до*, и отпусти.*

АКАӨИСТЬ БОЖЕСТВЕННЫМЪ СТРАСТЕМЪ ХРИСТОВЫМЪ.

Іерей: Благословенъ Богъ нашъ:

Утецъ: Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ! Царю небесный: Трисвятое. *По* Отче нашъ:

Тропари сія, гласъ 6.

Помилуй нась, Господи, помилуй нась: всякаго бо отвѣта не-
доумѣюще, сію ти молитву яко Владыцѣ грѣшній приносимъ:
помилуй нась!

Слава:

Господи, помилуй нась, на Тя бо уповахомъ, не прогнѣвайся
на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ: но призри и нынѣ
яко благоутробенъ и избави ны отъ врагъ нашихъ: ты бо еси
Богъ нашъ, и мы людіе твои, вси 4ѣла руку твою, и имя тво
призываємъ.

И нынѣ:

Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице:
надѣющіяся на тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ
бѣдъ: ты бо еси спасеніе рода христіанскаго.

Вѣрую во единаго Бора Отца, Вседержителя:

Стихиры, гласъ 6.

Подобенъ: Все отложше:

Все истощиль еси богатство щедротъ твоихъ, живый въ мі-
рѣ любовию, истинная любы Іусусе, егда себе самого ученикомъ

твоимъ далъ еси въ снѣдь на вечери: грядый же на страсть вольную, напослѣдокъ доброе соблюлъ еси вино, животворящую кровь твою, и прежде твоєя смерти погреблся еси въ сердацахъ друговъ твоихъ пречистыми тайнами: погреби убо моя страсти, Владыко, да тебе любовію величаю, твою душу за мя положшаго!

Дважды.

Все сокровище наше взялъ еси, Іудо беззаконный, человѣкоубийцамъ Іудеомъ въ руцѣ предавъ Іисуса. О несмысленный предателю! Апостолъ нареченный, иже иныхъ спасенія искати имѣвый, себе погубилъ еси: нищымъ крадый милостыню, милостиваго Бога отъ тебе удалилъ еси: сему любовію покланяемся, въ немже есмы, живемъ и движемся.

Вся совершилъ еси заповѣди, въ животъ вѣчный ведущая: препоясався лентіемъ, ноги умывающіи ученикомъ: коль красны ноги благовѣстующихъ! Да покорятъ вся подъ нозѣ твоя Апостолы, самъ ся нынѣ полагающіи низу: священникомъ небесная мудрствовати хощеш, прахъ отъ ногъ ихъ отрясая. И мене убо, Іисусе мой, всего сквернаго очисти, да чистѣ чистому во вѣки поработаю.

Слава:

Прискорбную душу до смерти хлѣбомъ животнымъ молитвы укрѣпивъ, и виномъ духа возвеселивъ, дерзновенно къ смерти приближился еси. О гласа любвеобильнаго! Отче, мимо отъ мене неси чашу сию, да не пію ея отъ Ізраїля, его же водою напоихъ въ пустынѣ: аще же воля твоя, да пію, плють и кровь мою въ вѣчную имъ подамъ жизнь.

И нынѣ:

Что тако скорое совершающіи теченіе на вольную страсть, Сыне мой, Дѣва глаголаше. Ты же отвѣщаешь еси: Отца моего волю сотворити долженъ есмъ: душу мою власть имамъ положити, и власть имамъ паки пріяти ю: но на умерщвленіе вольное гряду, да умерщвленного человѣка воздвигну.

На стиховнѣ стихиры, гласть 1.

Пришелъ еси истинное солнце на западъ, къ ногамъ Іуды приклонився. О смиренія твоего! первѣе безстудному ноги умывавши, за безчестіе честь подавая: омый убо и мене слезами моими, Іисусе, да очищенъ творю волю твою.

Стихъ: Поскрежеташа на мя зубы свои.

Во истину народъ сей не вѣсть закона, законодавца бо убити хощеть пребеззаконный. Грѣхи наша очисти, грѣха не имай Госпою, да не съ возстающими на тя осудимся.

Стихъ: Смотряхъ одесную и взглядахъ, и не бѣ знай мене.

Не вѣмъ человѣка, глаголеши Петре, его же и Бога исповѣдалъ еси: сей есть человѣкъ и Богъ, къ его же ногамъ припадая рекль еси: сей есть человѣкъ и Богъ, въ водахъ утопающу тебѣ подавый руку: сей есть человѣкъ, иже тещу твою огнемъ жегому исцѣли: сей есть человѣкъ, съ нимъ же добро быти рекль еси. Призри на мя, Іисусе, яко же воззрѣлъ еси на Петра, и не рцы мнѣ въ день испытанія: не вѣмъ тя! *Слава и нынѣ:*

Область темная воистину тебе неприступного свѣта въ нощи безчестіемъ, ранами и руганіемъ неистово срѣтается: сія тебѣ, Христе, воздаде родъ беззаконный, яко въ нощи извель еси ихъ рукою крѣпкою и мышцею высокою отъ руки Фараони: сія тебѣ воздаде, благодѣтелю Іисусе, родъ неблагодарный, яко препиталъ еси ихъ манною въ пустыни и напоилъ еси водою изъ камене. Да постыдятся убо врази твои, покажи силу твоего Божества, яко Сынъ еси и Богъ мой, Дѣва слезящи вѣщаше.

Также: Господи помилуй, 12. *Слава и нынѣ:* Пріидите поклонимся, трижды. *Псаломъ 142.* Господи, услыши молитву мою. *Слава и нынѣ:* амилуіа, трижды. Богъ Господь, и явися намъ.

Тропарь, гласъ 8.

Егда славніи ученицы на умовеніи вечери просвѣщауся, тогда Іуда злочестивый сребром любіемъ недуговавъ омрачашеся, и беззаконнымъ судіямъ тебе праведнаго Судію предаетъ. Виждь имѣній рачителю, сихъ ради удавленіе употребивша, бѣжи несытыя души, Учителю таковая дерзнувшія: иже о всѣхъ благій, Господи, слава тебѣ!

Слава: гласъ 2.

Спасеніе содѣмалъ еси посредѣ земли, Христе Боже, на крестѣ пречистіи руцѣ твои простеръ еси, собирая вся языки, зовущія: Господи, слава тебѣ!

И нынѣ, гласъ той же.

Благообразныи Іосифъ съ древа снемъ пречистое тѣло твое, плащаницею чистою обвивъ, и вонями во гробѣ новѣ покрывъ положи.

Господи помилуй, трижды. *Слава и нынѣ: Псаломъ 50.* Помилуй мя Боже:

КАНОНЪ.

Гласъ 6. Пѣснь 1. Ирмосъ.

Волною морскою, скрывшаго древле, гонителя мучителя подъ землею скрыша спасенныхъ отроцы: но мы яко отроковицы, Господеви поимъ, славно бо прославися.

Припѣвъ: Слава страстемъ твоимъ, Господи.

Преклонилъ еси колѣнѣ моляся, ему же покланяется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Приклонися къ моленію моему, и услыши мя, яко же Отецъ молящаяся тя услыша.

Отче, въ моленіи глаголалъ еси, да тебе истиннаго Сына покажеши, на раны готовъ есмъ, аще и единаго зла не сотворихъ: мене, Іисусе мой, многа зла сотворша, многихъ избави мученій.

Слава:

Въ потѣ лица твоего хлѣбъ твой снѣси, рекль еси падшему человѣку: тѣмъ же яко второй Адамъ егда молился еси, потѣ крове изливашеся изъ пречистаго тѣла твоего: брашно бо твое волю отчю творити. Ни едину убо заповѣдь твою сотворшаго, Іисусе Христе, потомъ крове твоей каплющимъ омыл мя. *Инынѣ:*

Не кому земля проклята есть, кровю бо Сына твоего благословляется: земле благословенная, пречистая Дѣво, воздвигни мя, прахъ и пепель, на славословіе Христа, Бога нашего.

Пѣснь 3. Ирмосъ.

Тебе, на водахъ повѣшившаго всю землю неодержимо, тварь видѣвши на лобнѣмъ висима, ужасомъ многимъ содрогашеся, нѣсть святъ, развѣ тебе, Господи,зывающи.

Отягчени быша сномъ Апостоли, егда отшелъ еси отъ очію ихъ на молитву въ вертоградѣ Геѳсиманстѣмъ: лѣниваго мя и унылага на твое поклоненіе воздвигни.

Яко истинный Пастырь, видѣвъ волка Іуду грядуща, азъ есмъ друже, глаголалъ еси ученику лукавому, къ покаянію наставля падшаго: мене всегда согрѣшающа, и николиже въ чувство приходящаго направи, Господи мой, на путь правый, и отъ челостей мысленного волка силою твою избави.

Слава:

Со оружиемъ и дрекольми яко на разбойника приходягъ, его же яко жертву нескверну въ церкви искали подобаше: о моихъ грѣхъ жертву приносимую тебѣ, Господи, не презри. *И нынѣ:*

Коснувся уха усѣченного, исцѣли раба архiereева Сынъ твой, врачъ душъ и тѣлесъ: вся моя душевныя и тѣлесныя, Дѣво, исцѣли болѣзни, цѣлителя родшая.

Сѣдаленъ, гласъ 6.

Не отвѣщалъ еси ничтоже власть на тебѣ мнѣвшему имѣти, гордымъ противляйся: но многою лжею безстудныхъ утруженъ, молчиши, да мя многоглаголанія избавиши, и вся терпѣти научиши.

Слава и нынѣ: Богородиченъ.

Премѣни скорбь мою на радость, Дѣво Богородице, яже многи скорби претерпѣла еси, зрящи многостраждаща Сына твоего мене ради осужденного.

Пѣснь 4. Ирмосъ.

На крестѣ твое Божественное истощаніе провидя Аввакумъ, ужасся вопіяше: ты сильныхъ престѣклъ еси державу, Блаже, пріобщаяся сущимъ во адѣ, яко всесиленъ.

Не отвѣщалъ еси словесе безстудному Иродови, сынови погибели, ускакнувшему уже Иоанна, предтечу и гласъ твой: доброго отвѣта при кончинѣ моей сподоби мя, Христе!

Знамене искаше Иродъ чудеснаго, не разумѣя велия чуда, яко Богъ твари предстоитъ: знаменай мя свѣтомъ лица твоего, Христе мой, и дажь веселіе сердцу моему болѣзненному!

Слава:

Закрываху лице твое біюще, нань же Херувими зрѣти не могутъ, крилами закрывающеся: покрый мя твоимъ заступлениемъ!

И нынѣ:

Измѣнися лице твое, Дѣво, егда узрѣла еси Сына твоего яко злодѣя ведома отъ Іудеевъ. Многое воистину долготерпѣніе твое, Сыне и Боже мой, съ воздыханіемъ рекла еси.

Пѣснь 5. Ирмосъ.

Къ тебѣ утреннюю, милосердія ради себѣ истощившему непреложно, и до страстей безстрастно преклоншемуся, Слове Божій: миръ подаждь ми падшему, человѣколюбче.

Земля подножіе ногъ твоихъ израсти на главу твою терніе, Іисусе мой. Изыдите дщери Іерусалимстіи, и зрите Царя славы въ вѣнцѣ терновомъ, имъ же вѣнча его неблагодарный родъ еврейскій.

Лживы сынове человѣчества въ мѣрилѣхъ: тебе всѣмъ вся сущаго, тридесятію сребренниковъ оцѣниша, и село крови купиша, кровъ твою изліявше, еюже испери ризы моя, яже по крещеніи и обѣщаніи покаянія осквернила. *Слава:*

Повинутися подобаше Богу, а не Іудеомъ, судіе безумный, и не осуждати на смерть Владыку и Судію всяческихъ: мене повинувшаяся сквернымъ страстемъ, къ покаянію настави, Господи, да не въ смерть осужденъ буду. *И нынѣ:*

Заклинаете Богомъ живымъ Бога живаго, пребезумніи: но небо и земля отвѣщаютъ, яко Богъ есть, сія пострадавый, и Сынъ мой, Дѣва матерски вѣщаше.

Пѣснь 6. Ирмосъ.

Ять бысть, но не удержанъ въ персѣхъ китовыхъ Іона: твой бо образъ нося, страдавшаго и погребенію давшагося, яко отъ чертога, отъ звѣря изыде, приглашаše же кустодію, хранящіи суетная и ложная, милость сію оставили есте.

Изшелъ еси, Іисусе, нося крестъ твой, да якоже Авель отъ Каина, отъ Іудеевъ постраждеши: изыди и нынѣ и взыщи мене заблудшаго!

Грядеши якоже Ісаакъ истинный, на рамо твое крестъ воспріемъ, да на немъ жертву о моихъ грѣсѣхъ принесеши Отцу, въ воню благоуханія. *Слава:*

Видѣ Іаковъ лѣствицу утверждennу до небесь: се есть крестъ твой, имъ же возвели умъ мой отъ нижнихъ къ горнимъ обителиямъ. *И нынѣ:*

Не плачитеся мене неповинна, дщери Іерусалимскія, не плачи мене, Маріе, мати моя; вскорѣ бо возрадуешься, егда востану и прославлюся.

ПОКЛОНЕНІЕ ПЯТИ ЯЗВАМЪ ХРИСТОВЫМЪ.

Іисусе мой сладчайшій!

Покланяюся пречистѣй, пресвятѣй и животворящей язвѣ твоей, яже въ деснѣй твоей руцѣ, и молю тя, Господа моего, ея ради сподоби мя одесную тебе стати.

Покланяюся пречистѣй, пресвятѣй и животворящей язвѣ твоей, яже въ шуїей твоей руцѣ, и молю тя, Господа моего, ея ради отъ части шуїя избави мя.

Покланяюся пречистѣй, пресвятѣй и животворящей язвѣ твоей, яже въ шуїей твоей нозѣ, и молю тя, Господа моего, ея ради настави мя на путь правый покаянія.

Покланяюся пречистѣй, пресвятѣй и животворящей язвѣ твоей, яже въ шуїей твоей нозѣ, и молю тя, Господа моего, ея ради отъ всякаго пути лукаваго возбраны ногамъ моимъ.

Покланяюся пречистѣй, пресвятѣй и животворящей язвѣ твоей, яже въ пречистыхъ ребрахъ твоихъ, и молю тя, Господа моего, ея ради сокруши окамененіе жестокаго сердца моего, порази е страхомъ твоимъ святымъ, и уязви любовію твою, да тебе, Господа моего, возлюблю всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душою, всею крѣпостію и всѣмъ помышленіемъ моимъ, и даждь ми, до кончины живота моего, всегда поминати спасительныя страсти твоя, и покланятися имъ и побѣдную пѣснь тебѣ сице воспѣвати:

Кондакъ 1.

Возбранный воеводо и Господи небеси и земли, тебе Царя бессмертнаго, зря на крестѣ висяща, вся тварь измѣнился, небо ужасеся, основанія земли восколебашася: мы же недостойніи, благодарственное поклоненіе твоему насть ради страданію приносяще, съ разбойникомъ вопіемъ ти: Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствію твоемъ!

Ікосъ 1.

Ангеловъ ликостоянія восполняя, не отъ Ангель воспріялъ еси, но мене ради, Богъ сый, человѣкъ бывъ, человѣка умерша грѣхи животворящимъ тѣломъ и кровью твою оживилъ еси: тѣмже толицѣ любви твоей благодарни суще, вопіемъ ти: Іисусе Боже, люби предвѣчная, тако о насть земнородныхъ възлаговоливый!

Іисусе, Ангеловъ горѣ оставивый, къ человѣкомъ же падшимъ долу низшедый! Іисусе, въ плоть нашу оболкійся, и смертю своею смерти державу разрушивый! Іисусе, божественными твоими тайнами насть обоживый! Іисусе, страданьми и крестомъ твоимъ весь міръ искупивый! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 2.

Видѣвъ тя Ангелъ въ вертоградѣ Геѳсиманскѣмъ, до пота кровава въ молитвѣ подвизающася, представъ укрѣпляше тя, егда яко бремя тяжкое грѣхи наши отяготѣша на тебѣ: ты бо, Адама погибшаго на рамо воспріимъ, Отцу представилъ еси, преклонъ колѣна моляся: о семъ убо, съ вѣрою и любовію, пою тебѣ: Амилуїа!

Ікосъ 2.

Разума неуразумѣнна вольного твоего страданія не уразумѣша Іудеи: сего ради егда въ ноши со свѣтильници ищущымъ тя рекль еси: азъ есмъ, аще и падоша на земли, но по семъ связавше тя, ведоша на судище: мы же на семъ пути, припадающе къ тебѣ, съ любовію зовемъ: Іисусе, свѣте міра, отъ міра лукаваго возненавидѣнныи! Іисусе, живый во свѣтѣ неприступнѣмъ, отъ области темныя ятый! Іисусе, Сыне Божій безсмертный, отъ сына погибели на смерть указанныи! Іисусе, въ немъ же льсти нѣсть, отъ предателя лестію лобзанный! Іисусе, туне себе всѣмъ подаваяй, за сребренники проданный! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 3.

Силою Божества твоего прорекль¹⁰ еси трикратно отверженіе ученику: онъ же по семъ аще и отречеся тя съ клятвою, обаче егда узрѣ тя во дворѣ Архіерейстѣмъ, Господа своего и Учителя, умилився сердцемъ, изshedъ вонъ плакася горько: призри убо и на мя, Господи, и порази жестокое сердце мое, да слезами моими омыю грѣхи мои, пой тебѣ: Амилуїа!

Ікосъ 3.

Імѣяй воистину власть по чину Мелхиседекову, яко Архіерей во вѣки, сталъ еси, предъ беззаконнымъ первосвященникомъ

Каіаю, Владыка и Господь всіхъ: отъ твоихъ убо рабовъ прія-
вый мученіе, пріими отъ насъ сицевая: Іисусе беззѣнный, цѣною
купленный, стяжи мя въ твое вѣчное наслѣдіе! Іисусе, желаніе
всіхъ, отъ Петра страха ради отверженный, не отвержи мя грѣш-
наго! Іисусе, Агнче незлобиве, отъ лютыхъ вепрѣ терзаемый,
изми мя отъ врагъ моихъ! Іисусе Архіерею, своею кровию вше-
дый во святая святыхъ, очисти мя отъ сквернъ плотскихъ! Іисусе
связанный, имѣй власть вязати и рѣши, разрѣши моя тяжкая
прегрѣшенія! Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши
во царствіи твоемъ!

Кондакъ 4.

Бурею Христоубійства дышуще Іудеевъ, послушавше гласа отца
лжи и человѣкоубійцы искони, діавола, отвергоща тебе, правый
путь, истину и животъ: мы же тя Христа Божію силу, въ немъ
же вся сокровища премудрости и разума сокровена суть, испо-
вѣдуя, вопіемъ: Аллилуia!

Ікосъ 4.

Смыша Пиматъ кроткія твоя глаголы, аки достойнаго смерти
предаде тя на пропятіе, аще и самъ свидѣтельствовалоше, яко ни
единыя вины обрѣте въ тебѣ: руцѣ убо свои умы, но сердце
оскверни: мы же, чудящеся тайнѣ вольнаго страданія твоего,
со умиленіемъ зовемъ: Іисусе Сыне Божій и Сыне Дѣвы, отъ
сыновъ беззаконія умученный! Іисусе, поруганный и обнаженный,
даяй лѣпоту криномъ сельнымъ и одѣвай небо облаки! Іисусе,
насыщенный ранами, пятю хлѣбами пять тысячи насытивый!
Іисусе Царю всіхъ, вмѣсто дани любви и благодаренія жестокія
муки пріемый! Іисусе, насть ради весь день язвленный, уврачуй
язвы душъ нашихъ! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда
пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 5.

Боготочною кровию твою весь облекъ еси, одѣяйся свѣтомъ
яко ризою: вѣмъ, воистину вѣмъ со Пророкомъ, почто червлены
ризы твоя: азъ, Господи, азъ грѣхами моими уязвихъ тя: тебѣ
убо, мене ради уязвленному, благодарственно зову: Аллилуia!

Ікосъ 5.

Провидѣвъ тя въ дусѣ богохваливый Исаіа, безчестіемъ и ранами исполненна, ужасся вопіяше: видѣхомъ его, и не имѣяше вида, ни доброты. Мы же, зряще тя на крестѣ, съ вѣрою и удивленіемъ зовемъ: Іисусе, безчестіе терпяй, человѣка словою и честію вѣнчавый! Іисусе, на него же Ангелы зреши не могутъ, по ланитома заушенный! Іисусе, по главѣ тростію ударенный, преклони во смиреніе главу мою! Іисусе, свѣтлая твоя очеса кровію омраченная имѣвый, отврати очи мои, еже не видѣти суеты! Іисусе, отъ ногъ до главы не имѣвый цѣлости, всего цѣла и здрава сотвори мя! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 6.

Проповѣдникъ твоего незлобія явлься Пилатъ, показа народу ничто же быти въ тебѣ достойное смерти: но Іудеи, яко звѣри дивіхъ кровь узрѣвшіе, скрежетаху на тя зубы своими: распни, распни его, вопіющіе: мы же, лобызая пречистыя язвы твоя, зовемъ: Аллилуia!

Ікосъ 6.

Возсіялъ еси въ позорѣ и удивленіе Ангеломъ и человѣкомъ, глаголющу о тебѣ Пилату: се человѣкъ! Пріиде убо поруганному насть ради Іисусу поклонимся, вопіющіе: Іисусе, Творче и Судіе всѣхъ, отъ твари своея судимый и мучимый! Іисусе премудрости подателю, отвѣта безумнымъ не давый! Іисусе, врачю уязвленныхъ грѣхами, дажь ми врачевство покаянія! Іисусе, Пастырю пораженный, порази бѣсовъ, искушающихъ мя! Іисусе, плоть имый сокрушенну, сокруши сердце мое страхомъ твоимъ! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 7.

Хотай человѣка отъ работы вражія избавити, смириль еси себе предъ враги твоими, Іисусе, и яко агнецъ безгласенъ на заколеніе веденъ бымъ еси, вездѣ язвы терпяй, да всего исцѣлиши человѣка, зовуща: Аллилуia!

Ікосъ 7.

Дивное показалъ еси долготерпѣніе, егда воини, ругающеся тебѣ, по глаголу неправеднаго судіи, лютѣйшими ранами уязвляху пречистое тѣло твое, яко обагритися ему отъ ногъ до главы кро-вию: сего ради со слезами вопіемъ ти: Іисусе человѣколюбивый, отъ человѣкъ терпіемъ увѣнчанный! Іисусе, Божествомъ без-страстный, страсти терпій, да насть отъ страстей свободиши! Іисусе, Спасе мой, спаси повиннаго всѣмъ мукамъ! Іисусе, всѣми оставленный, утвержденіе мое, утверди мя! Іисусе, отъ всѣхъ оскорблений, радосте моя, возвесели мя! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 8.

Дивно и странно явишася тебѣ Мовсей и Иліа на Фаворѣ, глаголюще о исходѣ твоемъ, егоже нынѣ скончаваеши во Йеру-салимѣ: тамо убо видѣвшіе славу твою, здѣ же спасеніе наше узрѣвшіе, зовутъ: Амилуіа!

Ікосъ 8.

Вездѣ отъ Іудей гонимый, многія, ради множества грѣховъ моихъ, претерпѣль еси поношенія и муки: едини бо тя противна быти Кесарю глаголютъ, друзіи яко злодѣя осуждаютъ, ініи же: возми, возми и распни, вопіютъ. Отъ всѣхъ убо осужденному, и на пропятіе ведомому тебѣ Господу, изъ глубины души глаголемъ: Іисусе, неправедно осужденный, Судіе нашъ, не осуди насть по дѣломъ нашымъ! Іисусе, изнемогаяй на пути подъ крестомъ, сило моя, въ часъ скорби и озлобленія моего не остави мене! Іисусе, взываяй о помощи къ Отцу, подвигоположниче мой, въ немощи моей укрѣпи мя! Іисусе, безчестіе пріемый, славо моя, отъ славы твоей не отрини мене! Іисусе, Образе пресвѣтлыхъ честаси Отчія, преобрази мое нечистое и мрачное житіе! Іисусе Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 9.

Все естество смятеся, зря тебе на крестѣ повѣшена: на небеси солнце лучи своя скры, земля потрясеся, завѣса храма раз-

драся, каменіе распадеся, адъ умершихъ изверже: мы же покланяемся на мѣстѣ, идѣже стоястѣ пречистіи нозѣ твои, поюще: Амилуїа!

Ікосъ 9.

Вѣтія многовѣщанныя, аще и много глаголютъ, но не могутъ достойнаго благодаренія воздати божественнымъ страстемъ твоимъ, Человѣколюбче: наша же душа и тѣло, сердце и вся составы, со умиленіемъ къ тебѣ взываютъ: Іисусе, пригвождeйся на крестѣ, пригвозди и упраздни рукописаніе грѣховъ нашихъ! Іисусе, руцѣ со креста простираяй ко всѣмъ, привлеки и мя заблуждашаго! Іисусе, двере овцамъ, въ ребра прободенный, введи мя язвами твоими въ чертогъ твой! Іисусе, плотю распятый, распни плоть мою со страстью и похотью! Іисусе, скончаваяйся въ мукахъ, даждь ми, да сердце мое не судитъ ино что вѣдѣти, точію тебе распята! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствію твоемъ!

Конданъ 10.

Спасти хотяй міръ, слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ и глухихъ исцѣлилъ еси, духовъ лукавыхъ отгналъ еси: неразумніи же Іудеи, злобою дышущe и завистю мучими, пригвоздиша тя ко кресту, не вѣдущe пѣти: Амилуїа!

Ікосъ 10.

Царю превѣчный, Іисусе, весь страждеши за мое невоздержаніе, да всего мя чиста сотвориши, во всемъ образъ намъ подаяй, да послѣдуемъ стопамъ твоимъ, зовуще: Іисусе, любы неизслѣдимая, распеньшимъ тя грѣха не поставивый! Іисусе, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами въ вертографѣ моляйся, научи и насть молитися! Іисусе, вся пророчествія о тебѣ исполнивый, исполни во благихъ желанія сердца нашего! Іисусе, духа твоего въ руцѣ Отцу предавый, въ чась исхода моего пріими духъ мой! Іисусе, ризы твоя раздѣли не возбранивый, кротко душу мою отъ тѣла отдѣли! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствію твоемъ!

Кондакъ 11.

Пѣніе всеумиленное приношаše тебѣ всенепорочная Матерь твоя, глаголющи: аще и страждеш на крестѣ, но вѣмъ тя изъ чрева прежде леницы отъ Отца рожденна, вижду бо яко тварь вся состраждеть тебѣ: предаеши духъ твой Отцу, и мой духъ пріими и не остави мене, зовущую: Амилуїа!

Ікосъ 11.

Яко свѣтопріемная свѣща, у креста твоего горяше любовію къ тебѣ, и матернею Дѣва пренепорочная обдержашеся болѣзню, заходящу тебѣ во гробъ истинному солнцу правды, съ нею же и сердца нашего молитвы пріими сицевыя: Іисусе, вознесыйся на арево, да насть падшихъ совознесеши ко Отцу своему! Іисусе, Дѣвственному Приснодѣву въ матерь даровавый, да насть дѣству и чистотѣ научиши! Іисусе, тебе Бога Слова рождшей ученика Богослова вручивый, вручи и насть всѣхъ ея матернему заступленію! Іисусе, міра и ада побѣдителю, побѣди невѣrie, гордость житейскую, и похоть очесь, въ насть живущыя! Іисусе, смерти державы разрушителю, вѣчныя смерти избави мя! Іисусе, Сыне Божій, помяни насть, егда пріидеши во царствіи твоемъ!

Кондакъ 12.

Благодать твою подаждь мнѣ, Іисусе, Боже мой, пріими мя, якоже пріаль еси Іосифа съ Никодимомъ, да яко чистую плащаницу душу мою принесу тебѣ, и вонями добродѣтелей помажу пречистое тѣло твое, и яко во гробѣ, въ сердцѣ моемъ имѣю тѧ, зовыи: Амилуїа!

Ікосъ 12.

Поюще твое вольное распятіе, покланяемся страстемъ твоимъ Христе, вѣруемъ съ сотникомъ, яко воистину Божій Сынъ еси, прійти имѣя на облацѣхъ съ силою и славою многою: тогда убо не посрами насть, кровию твою искупленныхъ, и тако вопіющихъ: Іисусе, многострадальный, рыданіемъ Дѣвы матеря твоей вѣчного плача исхити ны! Іисусе, отъ всѣхъ оставленный, не остави мя единаго въ чась смерти моей! Іисусе, съ Магдалиною ногамъ твоимъ касающася, пріими мя! Іисусе, съ предателемъ и распень-

шими тя не осуди мене! Іисусе, съ разбойникомъ благоразумнымъ въ рай введи мя! Іисусе, Сыне Божій, помяни нась, егда пріидеші во царстві твоемъ.

Кондакъ 13.

О Іисусе Христе, Агнче Божій, вземляй грѣхи міра! пріими малое сіе отъ всея души наша приносимое тебѣ благодареніе, и исцѣли ны спасительными твоими страданьями отъ всякихъ болѣзни душевныя и тѣлесныя, огради ны крестомъ твоимъ отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, и при кончинѣ живота нашего не остави насъ, да смертю твою избавльшеся вѣчныя смерти, выну зовемъ тебѣ: Амилуїа!

Трижды.

Также Йкосъ 1, и Кондакъ 1.

Пѣснь 7. Ирмосъ.

Неизреченное чудо: въ пещи избавивый преподобныя отроки изъ пламене, во гробъ мертвъ бездыханенъ полагается, во спасеніе насъ поющіихъ: избавителю Боже, благословенъ еси!

Истинный ты еси Давидъ, воспріявъ бо крестъ, яко псалтиръ красенъ, на гору Голгоѳскую возшелъ еси, да гнѣва Бога Отца насъ свободиши поющіихъ: благословенъ еси, Агнче Божій, во вѣки, сотворивый вѣчное мірови избавленіе!

Яко добрый дому Отца твоего строитель, Христе Боже, свѣщникъ крестъ твой вземъ, на немъ самъ яко свѣтило возсіяль еси мірови, да поемъ тебѣ: благословенъ еси, Агнче Божій, во вѣки, сотворивый вѣчное міру избавленіе!

Слава:

Яко кадило въ воню благоуханія, отъ растерзанія плоти твоей, кровь Богу Отцу принесъ еси, да приведиши мене къ нему поюща: благословенъ еси, Агнче Божій, во вѣки, сотворивый мірови вѣчное избавленіе!

И нынѣ:

Егда узрѣла еси на крестѣ Христа, Сына твоего, егоже безсѣменно родила еси, Чистая, удивилася еси неизреченному его долготерпѣнію: тѣмже тя съ нимъ прославляемъ.

Пѣснь 8. Ирмосъ.

Ужаснися бояйся, небо, и да подвижатся основанія земли: се бо въ мертвѣцѣхъ вмѣняется въ вышнихъ живый, и во гробъ

малъ странно пріемлется, егоже отроцы благословите, священници воспойте, людіе превозносите во вся вѣки.

Се есть Сынъ твой возлюбленный, Боже Отче, егоже крещаема отъ Иоанна, и преобразующаяся на Фаворѣ, послушайте, рекль еси: послушай нынѣ его жаждуща моего спасенія, ему же, мене ради умершему, пою: искупленіи кровію его все языцы и вся племена, Господа пойте и превозносите его во вѣки!

Се есть Сынъ твой, Боже Отче, егоже послана уничижиша, яко землю желанную, не яша вѣры словесемъ его, досажденіемъ и мукою испыташа: азъ же зову: роды родовъ, искупленіи кровію его, Господа пойте и превозносите его во вѣки! *Слава:*

Се есть Сынъ твой, Боже Отче, иже рожденный не имѣ мѣста въ обители: живущъ на земли, другъ мытаремъ и грѣшникомъ, и хульникъ наречеся, на смерть поносную осудился, да мене, грѣховною тяготою обремененна, въ небесныхъ селеніяхъ упокоитъ, поюща: вся внутренняя моя Господа пойте и превозносите его во вѣки!

И нынѣ:

Се есть Соломонъ на своемъ престолѣ, се Архіерей на своемъ олтарѣ, се есть вождь, даяй оружіе непобѣдимое, се есть Сынъ твой, Дѣво, и Сынъ Божій, егоже Отецъ мене ради не пощадѣ, но на смерть предаде, да ему покланяся пою: все отъ вѣка праведніи и грѣшніи, искупленіи кровію его, Господа пойте и превозносите его во вѣки!

Пѣснь 9 Ирмосъ.

Не рыдай мене Мати, зрящи во гробѣ, егоже во чревѣ безъ сѣменѣ зачала еси Сына: возстану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно яко Богъ, вѣрою и любовію тя величающыя.

Вѣмъ кто виновенъ страсти твоей на Голгоѳѣ: азъ, Господи, азъ невоздержаніемъ распахъ тя: но не постави мнѣ грѣха сего кающемуся!

Не кому Херувимъ хранить вратъ Едемскихъ, се бо на древѣ животъ мой ты повѣшенъ еси, Христе. О любви твоей неизглаголанныя! научи мя достойно благодарити тя. *Слава:*

Имаши надписаніе Христе мой: Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій! свидѣтельство сіе есть ко Отцу, яко добрѣ волю его сотворилъ еси: въ книги животныя напиши мя, молотися.

И нынѣ:

Не остави мене едину, печали исполнену, но вскорѣ утѣши мя, утѣшеніе мое, Дѣва рече. Азъ же что воздамъ тебѣ, Іису-

се мой; вниди въ сердце мое, да не ктому азъ, но ты во мнѣ живеши, и азъ въ тебѣ.

Свѣтиленъ.

Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ онъ: просвѣти одѣяніе души моей, свѣтловче, и спаси мя! Слава:

Разбойника благоразумнаго, во единомъ часѣ раеви сподобиль еси Господи: и мене древомъ крестнымъ просвѣти, и спаси мя.

И нынѣ:

Черто же озушевленный, Дѣво, нѣсмъ достоинъ чертога небеснаго, грѣховныя ради вины, но молю тѧ прилежно, ради обнаженнаго на крестѣ сядчайшаго твоего Сына, и благаго моего Господа, покрый студъ лица моего, и спаси мя.

На хвалитѣхъ стихиры, гласъ 3.

Два лукавная сотвори перворожденный сынъ мой Ізраиль: мене остави источника воды животныя, и искона себѣ кляденецъ сокрушенный: мене на древѣ распятъ, Варавву же испроси и отпусти: ужасеся небо о семъ, солнце лучи скры, ты же, Ізраилю, не усрамился еси, но смерти мя предалъ еси: остави имъ, Отче Святый, не вѣдяты бо, что сотвориша! *Дважды:*

Кійждо членъ святыя твоєя плоти безчестіе насть ради претерпѣ: глава—терніе, лицо—оплеванія, челюсти,—заушенія; уста—въ оцѣ растворенную желчь; ушеса—хуленія злочестивыя, плеши—біенія, и рука—тростъ; все тѣло — протяженіе на крестѣ, руцѣ и нозѣ—гвоздіе, и ребра—копіе: пострадавый за ны, и отъ страстей свободивый, снизшедшій къ намъ человѣколюбіемъ и вознесый нась, всесильне Спасе, помилуй нась!

Распеншуся тебѣ, Христе, вся тварь видящіи трепеташе, основанія земли поколебашася страхомъ державы твоей: тебѣ бо вознесшуся днесь, церковная завѣса раздрася на двоє, и мертвіи отъ гробовъ воскресоша: сотникъ, видѣвъ чудо, ужасеся, предстоящи же Мати твоя, вопіяше: како не возвращаю, зрящи тя нага яко осужденна, на древѣ висяща; распныій и погребыійся, и воскресый изъ мергвыхъ, Господи слава тебѣ!

Слава и нынѣ. Гласъ 5.

Тебе одѣюЩагося свѣтомъ яко ризою, снемъ Іосифъ съ древа

съ Никодимомъ, и видѣвъ мертвага нага непогребенна, благосердный плачъ воспріимъ, рыдая глаголаше: увы мнѣ, сладчайшій Іисусе! егоже вмалѣ солнце, на крестѣ висима узрѣвъ, мракомъ облагашеся, и земля страхомъ колебашася, и раздирашеся церковная завѣса: но се нынѣ вижду тя, мене ради волею подъемша смерть. Како погребу тя, Боже мой! или какою плащаницею обвію; коима ли рукама прикоснуся нетлѣнному твоему тѣлу; или кія пѣсни воспою твоему исходу, Щедре? величаю страсти твоя, пѣснословлю и погребеніе твое со воскресеніемъ, зовыи: Господи, слава тебѣ!

На стиховнѣ стихиры, гласъ 2.

Подобенъ: Доме Евфрафовъ.

Кровію твою, Агнче незлобиве, рукописаніе грѣховъ человѣческихъ изгладилъ еси, и сѣмѧ тли разрушилъ еси: тѣмже тя, низходяща во адъ, мертвіи срѣтаютъ, яко своего искупителя.

Стихъ: Поражу паstryя и разыдутся овцы.

Нынѣ судъ мірови есть, нынѣ князь міра изгнанъ вонъ: трепетенъ стоить предъ Владыкою, первую свѣтлость погубивъ, ты же побѣдитель грѣха и смерти и ада явился еси.

Стихъ: На хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы, продолжиша беззаконіе свое.

Аще и всегда распинаю тя грѣхами моими, ты же умирая не отвращаешься отъ мене, но преклонъ главу прощающа мя, къ себѣ призываю.

Слава и нынѣ, гласъ 5.

Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, въ нощи къ Пилату пришедшаго, и живота всѣхъ испросивша, даждь ми сего страннаго, егоже ученикъ лукавый на смерть предаде, даждь ми сего страннаго, егоже Мати зрящи на крестѣ висяща, рыдающи вопіяше, и матерски восклицаше: увы мнѣ, чадо мое! увы мнѣ, свѣте мой, и утроба моя возлюбленная! Сумлеономъ бо предречено сбыться: мое сердце оружіе пройде, но въ радость воскресенія твоего плачъ преложи. Поклоняемся страстемъ твоимъ, Христе: покланяемся страстемъ, твоимъ, Христе: покланяемся страстемъ твоимъ, Христе, и святыму воскресенію!

МОЛИТВА

КО ГОСПОДУ ИИСУСУ РАСПЯТОМУ.

На крестъ пригвожденный за ны, Иисусе Христе, единородный Бога Отца Сыне, милости, любве и щедротъ неизчерпаемая бездно! вѣмъ, яко грѣховъ ради моихъ, отъ неизреченаго человѣколюбія, кровь твою проліти на крестъ изволилъ еси, юже азъ окаянный и неблагодарный доселѣ скверными моими дѣлами попирахъ и ни во чуже вмѣняхъ. Тѣмъ убо изъ глубины беззаконія и нечистоты моей умныма очима на распятаго тя на крестъ Искупителя моего воззрѣвъ, со смиреніемъ и вѣрою въ глубину язвъ, твоего милосердія исполненныхъ, себе повергаю, грѣховъ прощенія и сквернаго житія моего исправленія прося. Милостивъ буди мнѣ, Владыко и Судіе мой, не отрини мя отъ лица твоего, но всесильною твою рукою самъ мя къ тебѣ обрати и на путь истиннаго покаянія настави, да отнынѣ положу спасенія моего начало. Божественными страданьями твоими укроти моя плотскія страсти: изліянною твою кровью очисти моя душевныя скверны; распятіемъ твоимъ распни мя міру съ его соблазнами и похотьми, крестомъ твоимъ огради мя отъ невидимыхъ врагъ, ловящихъ душу мою. Прободенными ногами твоими отъ всякаго пути лукаваго возбрани ногамъ моимъ: прободенными руками твоими руцѣ мои отъ всякаго неугоднаго тѣбѣ дѣла воздержи. Пригвожденный плотю, пригвозди страху твоему плоть мою, да уклонившися отъ зла, творю благо предъ тобою. Преклонившій главу твою на крестъ, къ земли смиренія приклони вознесенную мою гордыню; вѣнцемъ твоимъ терновымъ огради моя ушеса, во еже не слышати неполезнаго: желчь устами вкусывый, положи храненіе нечистыемъ устомъ моимъ: отверстое копіемъ имѣя сердце, сердце чисто во мнѣ созижди: всѣми твоими язвами, всего мя сладцѣ въ любовь твою уязви, да тебе Господа моего возлюблю всею душею, всѣмъ сердцемъ, всею крѣпостію и всѣмъ помышленіемъ. Даждь ми себе странна и неимуща гдѣ главы подклонити: даждь ми себе всеблагаго, избавляющаго душу мою отъ смерти: даждь мнѣ себе всесладкаго, услаждающаго мя въ скорбехъ и напастехъ своею любовию, да егоже первѣе ненавидѣхъ, прогнѣвляхъ, отъ себе изгоняхъ и ко

кресту пригвождахъ, сего нынѣ возлюблю, радуяся пріуму, и сладѣѣ крестъ его до конца жизни моей понесу. Не даждь от-селя, о всеблагій Искупителю мой, ни единой моей волѣ совер-шатися, понеже зла есть и непотребна, да не паки впаду въ тяжкую работу царствовавшаго во мнѣ грѣха: но твоя воля bla-гая, спаси мя хотящая, да совершается во мнѣ всегда, ей же мя вручая, тебе распятаго Господа моего умнымъ очесемъ мое го сердца представляю и молю изъ глубины души, да и въ раз-лученіи моемъ отъ бренного моего тѣла, тебе единаго на крестѣ твоемъ узрю, въ руцѣ мя защищениѧ своего пріемлюща, и отъ воздушныхъ духовъ злобы храняща, вселяюща же со грѣшнику, покаяніемъ тебѣ благоугодившими. Аминь.

МОЛИТВА

ИНАЯ КО ГОСПОДУ ИИСУСУ РАСПЯТОМУ.

Господи Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, Творче неба и земли, Спасителю міра, се азъ, недостойный и паче всѣхъ грѣш-нѣйшій, смиренно колѣна сердца моего предъ славою величества твоего преклонивъ, воспѣваю крестъ и страданія твоя, и благо-дареніе тебѣ, Царю всѣхъ и Богу, приношу, яко благоизволилъ еси вся труды и всякия бѣды, напасти и мученія, яко человѣкъ понести, да всѣмъ намъ во всякихъ печалехъ, нуждахъ и озло-бленіяхъ состраждущій Помощникъ и Спаситель будеши. Вѣмъ, всесильне Владыко, яко вся сія тебѣ убо не быша потребна, но человѣческаго ради спасенія, да всѣхъ насъ искупиши отъ лю-тыхъ работы вражія, крестъ и страданія претерпѣлъ еси. Что убо возвращамъ тебѣ, Человѣкомъ любче, о всѣхъ, яже пострадалъ еси мене ради грѣшнаго? Не вѣмъ, душа бо и тѣло и вся благая отъ тебе суть, и вся моя твоя суть, и азъ твой есмь. Точію на безчисленное твое, благоутробне Господи, милосердіе надѣяся, пою твое неизреченное долготерпѣніе, величаю неисповѣдимое истощаніе, славлю твою безмѣрную милость, покланяюся пречи-стымъ страстемъ твоимъ, и вселюбезно лобызая язвы твоя, во-плю: помилуй мя грѣшнаго, и сотвори, да не бесплоденъ будетъ во мнѣ крестъ твой святый, да причащаюся здѣ съ вѣрою страданіямъ твоимъ, сподоблюся видѣти и славу царствія твоего на небеси! Аминь.

*Таже: Достойно есть: Трисвятое. По Отче нашъ, Тропарь:
Егда славніи ученицы: Слава: Спасеніе содѣжалъ еси: И нынѣ:
Благообразный Иосифъ. Господи помилуй 40, и отпусти.*

АКАΘИСТЬ ЖИВОНОСНОМУ ГРОБУ И ВОСКРЕСЕНИЮ ГОСПОДНЮ.

Иерей: Благословенъ Богъ нашъ: *Ликъ:* Аминь.

Иерей съ Диакономъ поетъ тропарь.

Гласъ 5.

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертю смерть поправъ,
и сущымъ во гробѣхъ животъ даровавъ. Трижды.

По селъ ликъ поетъ тойже тропарь..

*Также Иерей глаголеть стихъ: Да воскреснетъ Богъ: и прочие,
съ пѣниемъ отъ лица на кийкдо стихъ: Христосъ воскресе и проч.*

Стихиры на Господи воззвахъ, гласъ 8.

Днесъ адъ стена вопіетъ: уне мнѣ бяше, аще быхъ отъ Маріи рождашагося не пріяхъ: пришедъ бо на мя, державу мою разруши, врата мѣдная сокруши, душы, яже содержахъ прежде, Богъ сый, воскреси. Слава, Господи, кресту твоему и воскресению твоему!

Днесъ адъ стена вопіетъ: разрушился моя власть, пріяхъ мертваго яко единаго отъ умершихъ: сего бо держати отнюдь не могу, но погубляю съ нимъ ими же царствовахъ: азъ имѣхъ

мертвецы отъ вѣка, но сей всѣхъ воздвигаетъ. Слава, Господи, кресту твоему и воскресенію твоему!

Днесъ адъ стена воріетъ: пожерта бысть моя держава, Пастырь распяты, и Адама воскреси, ими же царствовахъ, лишихся: и яже пожрохъ возможій, всѣхъ извергохъ. Истощи гробы распныя, изнемогаетъ смертная держава: слава, Господи, кресту твоему и воскресенію твоему!

Ины стихиры, гласъ 6.

Побѣду имѣяй, Христе, юже на ада, на крестъ возшелъ еси: да во тмѣ смерти сѣдящая воскресиши съ собою, иже въ мертвыхъ свободъ: источай животъ отъ своего свѣта, всесильне Спасе, помилуй насъ!

Днесъ Христосъ смерть поправъ, яко же рече воскресе, и радиованіе мірови дарова, да вси взывающе, пѣснъ тако р҃цемъ: источниче жизни, неприступный свѣте, всесильне Спасе, помилуй насъ!

Тебе, Господи, сущаго по всей твари, грѣшніи камо бѣжимъ; на небеси самъ живеши, во адѣ попралъ еси смерть: во глубины морскія; тамо рука твоя, Владыко. Къ тебѣ прибѣгаемъ, тебѣ припадающе молимся: воскресый изъ мертвыхъ, помилуй насъ!

Слава, и нынѣ, Богородиченъ гласъ 1.

Всемірную славу отъ человѣкъ прозябшую, и Владыку рожданную, небесную дверь, воспоимъ Марию Дѣву, безплотныхъ пѣснъ и вѣрныхъ удобреніе: сія бо явися небо, и храмъ Божества: сія прегражденіе вражды разрушивши, миръ введе и царствіе отверзе: сію убо имуще вѣры утвержденіе, поборника имамы изъ нея рождашагося Господа. Дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи: ибо той побѣдить враги, яко всесиленъ.

На стиховнѣ стихиры, гласъ 3.

Страстію твою, Христе, омрачивый солнце и свѣтомъ твоего воскресенія просвѣтивый всяческая, пріими нашу вечернюю пѣснъ, человѣколюбче.

Стихъ: Господъ воцарися, въ лѣпоту облечеся.

Живопріемное твое возстаніе, Господи, вселенную всю про-

свѣти, и твое созданіе истлѣвшее призыва: тѣмъ же клятвы Адамовы свободошеся, воніемъ: всесильне Господи, слава тебѣ!

Стихъ: Ибо утверди вселенную, яже не подвижится.

Да родъ нашъ отъ смерти, Христе, избавиши, смерть претерпѣль еси: и тридневенъ изъ мертвыхъ воскресый, съ собою воскресиль еси иже тя Бога познавшихъ, и міръ просвѣтиль, еси, Господи, слава тебѣ!

Стихъ: Дому твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дній.

Во свѣтѣ твоемъ, Владыко, узримъ свѣтъ, человѣколюбче: воскресль бо еси изъ мертвыхъ, спасеніе роду человѣческому даруяй, да тя вся тварь славословитъ единаго безгрѣшнаго, помилуй насъ.

Слава и нынѣ, Богородиченъ.

Тя, ходатайствовавшую спасеніе рода нашего, воспѣваемъ, Богородице Дѣво: плотію бо отъ тебе воспріятою Сынъ твой и Богъ нашъ, крестомъ воспрінимъ страсть, избави насъ отъ тли яко человѣколюбецъ.

Также: Богъ Господь, и явися намъ. *Тропарь гласъ 6.*

Воскресеніе Христово видѣвшее, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному. Кресту твоему покланяемся, Христе, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ: ты бо еси Богъ нашъ, развѣ тебе иного не знаемъ, имя твое именуемъ. Приидите вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо прииде крестомъ радость всему міру, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши.

КАНОНЪ.

Пѣснь 1. Ирмосъ: гласъ 1.

Воскресенія день, просвѣтимся людіе! Пасха, Господня пасха: отъ смерти бо къ жизни, и отъ земли къ небеси, Христосъ Богъ насъ преведе, побѣдную поющыя.

Пріпѣвъ: Слава, Господи, святому воскресенію твоему!

Очистимъ чувствія и узримъ неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, Христа блистающаго, и радуйтесь рекуша, ясно да услышимъ, побѣдную поюще.

Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да

празднуетъ же міръ видимый же весь и невидимый, Христосъ бо воста веселіе вѣчное.

Слава:

Умерщвленія преуѣль сломила еси, вѣчную жизнь рождаша, Христа изъ гроба возсиявшаго днесъ, Дѣво всенепорочная, и міръ просвѣтившаго.

И нынѣ:

Воскресшаго видѣвши Сына твоего и Бога, радуйся со Апостолы Благодатная чистая: и еже радуйся первѣе, яко всѣхъ радости вина, воспріяла еси, Благомати всенепорочная.

Катавасіа: Отверзу уста моя.

Пѣснь 3. Ирмосъ.

Пріидите пиво піемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣмое, но нетлѣнія источникъ, изъ гроба одождавша Христа, въ немже утверждаемся.

Нынѣ вся исполнившая свѣта, небо же и земля и преисподня: да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово, въ немже утверждается.

Вчера спогребохся тебѣ, Христе, совостаю днесъ воскресшу тебѣ: сраспинахся тебѣ вчера, самъ мя спрослави, Спасе, во царствїи твоемъ.

Слава:

На нетлѣнную жизнь прихожду днесъ, благостію рождашагося изъ тебе, Чистая, и всѣмъ концемъ свѣтъ облиставшаго.

И нынѣ:

Бога, егоже родила еси плотію, изъ мертвыхъ, якоже рече, воставша видѣвши, Чистая, ликуй, и сего яко Бога, Пречистая возвеличай.

Катавасіа: Твоя пѣснословцы, Богородице.

Ипакои, гласъ 4.

Предварившыя утро яже о Марії и обрѣтшыя камень отведенъ отъ гроба, слышаху отъ Ангела: во свѣтѣ присносущнѣмъ сущаго, съ мертвыми что ищете яко человѣка; видите гробныя пелены: теците и міру проповѣдите, яко воста Господь, умертвивый смерть, яко есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій.

Пѣснь 4. Ирмосъ.

На Божественнѣй стражи Боголаголовый Аввакумъ да станетъ съ нами, и покажетъ свѣтоносна Ангела, ясно глаголюща: днесъ спасеніе міру, яко воскресе Христость, яко всесиленъ.

Мужескій убо поль, яко разверзъи дѣвственную утробу, явися Христосъ, яко человѣкъ же: агнецъ наречеся, непороченъ же, яко невкусенъ скверны: наша пасха, и яко Богъ истиненъ, совершенъ речеся.

Яко единолѣтный агнецъ, благословенный намъ вѣнецъ Христосъ, волею за всѣхъ закланъ бысть, пасха чистительная, и паки изъ гроба красное, правды намъ возсія солнце.

Слава:

Создавый Адама, твоего праотца, Чистая, зиждется отъ тебе, и смертное жилище разори своею смертю днесъ, и озари вся божественными блистанми воскресенія.

И нынѣ:

Его же родила еси Христа, прекрасно изъ мертвыхъ возсіявша днесъ, во спасеніе всѣхъ, зрящи Чистая, добрая и непорочная въ женахъ, и красная, со Апостолы радующися, того прославляй.

Катавасіа: Сѣдай во славѣ.

Пѣснь 5. Ирмосъ.

Утренюемъ утренюю глубоку, и вмѣсто мура пѣснь принесемъ Владыцѣ, и Христа узримъ, правды солнце, всѣмъ жизнь возсіяюща.

Безмѣрное твое благоутробіе адovskyми узами содержиміи зряше, къ свѣту идяку, Христе, веселыми ногами, пасху хваляще вѣчную.

Приступимъ свѣщеносніи, исходящу Христу изъ гроба яко жениху, и спразднемъ любопразднственными чинами пасху Божію спасительную.

Слава:

Просвѣщается божественными лучами и живоносными воскресенія Сына твоего, Богомати пречистая, и радости исполняется благочестивыхъ собраніе.

И нынѣ:

Не разверзъ еси врата дѣвства въ воплощеніи, гроба не разрушилъ еси печатей, Царю созданія, отъонудуже воскресшаго тя зрящи, Мати, радовашеся.

Катавасіа: Ужасошася всяческая.

Пѣснь 6. Ирмосъ.

Снизшелъ еси въ преисподня земли, и сокрушилъ еси вереи вѣчныя, содержащыя связанныя, Христе, и тридневенъ, яко отъ кита Йона, воскресль еси отъ гроба.

Сохранивъ щѣла знаменія Христе, воскресль еси отъ гроба, ключи Дѣвы невредивый въ рождествѣ твоемъ, и отверзъ еси намъ райскія двери.

Спасе мой, живое же и нежертвенное заколеніе, яко Богъ самъ себе волею приведъ Отцу, совоскресиль еси всероднаго Адама, воскресъ отъ гроба.

Слава:

Возведеся древле держимое смертю и тлѣніемъ къ нетлѣнѣй и присносущнѣй жизни, воплотившемся отъ твоего пречистаго чрева, Богородице Дѣво.

И нынѣ:

Сниде въ преисподня земли, въ ложесна твоя, Чистая, сшедшій и вселившися, воплотившися паче ума, и воздвиже съ собою Адама воскресъ отъ гроба.

Katavasia: Божественное сие и всечестное.

Кондакъ 1.

Возбранному воеводѣ, разрушителю смерти и ада, побѣдную пѣснь тебѣ, Всецарю Христе, приносимъ, яко восталъ еси, всесильне, со славою тридневенъ отъ гроба и вся умершыя отъ вѣка совоскресиль еси: мы же страданіемъ твоимъ вѣчныя тли избавльшеся, къ самому мѣсту погребенія твоего съ веселіемъ и радостію зовемъ: Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Ікосъ 1.

Ангель представитель съ небесе низшедъ, камень отъ гроба твоего отвали, Христе Боже, и муроносицамъ благовѣсти востаніе твое, глаголя: шедши, рѣьте ученикомъ его, яко воста отъ мертвыхъ: они же, вразумленныя чуднымъ явленіемъ, зряще ко гробу твоему, съ вѣрою и любовию возглашаю: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Христосъ, яко человѣкъ, почи, и яко Богъ, воскресе тридневенъ! Радуйся, яко изъ тебе Спась міра, яко женихъ изъ чертога изshedъ, смерть попра и ада плѣниль есть! Радуйся, яко востаніемъ Того, отъ вѣка умершіи, въ жизнь нестарѣмую восташа! Радуйся, яко въ тебѣ Христу возлегшу, проклятая въ дѣлѣхъ человѣка земля освятися! Радуйся, яко тобою первозданный Адамъ паки въ ризу бессмертія облекается! Радуйся, яко въ тебѣ образъ всемірнаго воскресенія начертавшися! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Кондакъ 2.

Яко прииде на гробъ Марія Магдалина и другая Марія помазати тѣло твоє, Христе Боже, обрѣтоша Ангела на камени сѣѧща, и глаголюща къ нимъ: не бойтесь! вѣмъ бо, яко Іусуса распятаго ищите: нѣсть здѣшъ, но воста, яко же рече вамъ. Сія убо слышавше святыя жены, текше вспять, благовѣстиша ученикомъ о востаніи твоемъ, да вси, яко Творцу и воскресшему Владыцѣ Ангельское пѣніе воспоютъ, глаголюще: Аллилуia!

Ікосъ 2.

Бурю внутрь имѣяху сумнительныхъ помышленій ученицы твои, Христе, въ часъ смерти твоей, не вѣдуще писанія, яко подобаетъ тебѣ изъ мертвыхъ воскреснути: тѣмже Петръ, вѣсть пріемъ о востаніи твоемъ, тече ко гробу, хотя видѣти бывшее: приникъ же и видѣвъ едины ризы твоя въ немъ лежаща, съ вѣрою возгласи: Радуйся живоносный гробе, яко въ тебѣ, посредѣ земли, всемирное спасеніе содѣяся! Радуйся, яко Царю царей одръ, и Владыкѣ владыкъ покоюще быль еси! Радуйся, яко тобою беззаконное сонмище Іудейское всеконечнѣ посрамися! Радуйся, яко предъ тобою ересь саддукеевъ, глаголющихъ не быти воскресенію, низложися! Радуйся гробе, паче храма Соломонова честнѣйшій! Радуйся, паче скиніи свидѣнія и ковчега завѣта святѣйшій! Радуйся, живоносный гробе, изъ него же Христосъ воскресе!

Кондакъ 3.

Слышавше, иже отъ кустодіш, суетніи стражи гроба твоего, Христе, трусъ велій бывшій, и камень отвалень и гробъ празднъ видяще, отъ страха быша яко мертвы, и текше во градъ, возвѣщаху архiereемъ и старцемъ вся бывшая; они же пребеззаконніи, аще и умыслиша утаити веліе чудо, но не возмогоша скрыти истины, ниже воспятити вѣрующымъ пѣти тебѣ: Аллилуia!

Ікосъ 3.

Иже иногда страха ради іудейска потаенъ сый ученикъ твой, Христе, Іосифъ, иже отъ Аримаѳеа, испроси у Пилата Божественное тѣло твоє и съ Никодимомъ, смѣшиенiemъ смурны и алоя

помазавъ ее и плащаницею чистою обвивъ, во гробѣ новѣ положи, въ немже никто же отъ человѣкъ погребенъ бысть, токмо ты единъ, да освятиши земное естество: увидѣвъ же по сихъ твоем изъ мертвыхъ воскресеніе, пришедъ ко гробу твоему, со умиленіемъ возгласи: Радуйся, живоносный гробе, не кустодію, паче же Архангелами и Ангелами стрегомый! Радуйся, яко отъ тебе Христосъ со славою изshedъ, безумныя стражы Пилатовы недоумѣніемъ и ужасомъ порази! Радуйся, яко печатей гробныхъ не вредивъ, богопротивнаго Каїафу посрами! Радуйся, яко изъ тебе воскресшу Христу, свѣтлый день всемірнаго Боговѣдѣнія наста! Радуйся, яко тобою ідолы и куміры по всѣмъ концемъ земли скрушаются! Радуйся, яко на тебѣ храмы Бога истиннаго по всей вселеннѣй утверждятся! Радуйся, живоносный гробе, изъ него же Христосъ воскресе!

Кондакъ 4.

Воспоминающе ученицы твои пресладкое обѣтованіе, еже, грядый на вольную страсть, провѣщаль еси предъ ними, варяти ихъ по воскресеніи въ Галилеи, поспѣшшеся идоша въ Галилею, въ гору, аможе повелѣль еси, и видѣвшеся тя тамо, его же прежде обыкоша зрети, истина человѣка, не привидѣніемъ, но самою вещью плоть нашу носяща, съ вѣрою и любовию, яко Богу поклонишася, зовуще: Амилуіа!

Ікосъ 4.

Разумъ неуразумѣнныибылъ еси Іудеомъ, неразумѣвшимъ пророческихъ о тебѣ сказаний, ниже искавшимъ познати истину воскресенія твоего, како печати не рушивъ, изъ гроба изшелъ еси: тѣмже безумнѣ науцаху кустодію возвѣстити людемъ, пречистое тѣло твоє украдено быти: мы же преславному воскресенію твоему дивящеся, похвальная живоносному гробу твоему восписуемъ, глаголюще: Радуйся, всебогатый гробе, яко имѣль еси въ тебѣ всѣмъ жизнь подающаго! Радуйся, яко оскверненная беззаконіями человѣческими земля пречистою плотю Христовою, въ тебѣ возлежавшею, освящается! Радуйся, яко Воскресшій изъ тебе прія всяку власть на небеси и на земли, да всѣхъ и вся къ Богу Отцу приведеть! Радуйся, яко каменю отъ тебе Ангеломъ отвалену бывшу, святые жены муроносицы уразумѣша Христово воскресеніе! Радуйся, яко Спасу міра изъ тебе воставшу, во всю землю изъде Апостольское вѣщеніе! Радуйся, въ немже благодать вос-

кресшаго Жизнодавца до днесь невидимо почієть! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Кондакъ 5.

По днехъ осмихъ отъ возстанія твоего, Господи, пришелъ еси ко ученикомъ твоимъ, дверемъ заключеннымъ, дарованіе Святаго Духа подая имъ: тогда убо и Фомъ рекль еси: пріди, осяжи язвы моя, и не буди невѣренъ, но вѣренъ: тѣмже познавъ тебе истинно воскресша быти, съ прочими ученики радостнѣ возопи: Амилуїа!

Ікосъ 5.

Вѣтія суемудренныя, книжники Іудейстіи, якоже рыбы безгласныя видимъ, недоумѣющыя глаголати о преславномъ возстаніи твоемъ, Христе, и неразумѣющыя, яко подобаше тебѣ пострадати за родъ человѣчъ и изъ мертвыхъ воскреснути: мы же, совоскресши тебѣ вѣрою и любовію, съ веселіемъ самому гробу твоему зовемъ: Радуйся, живоносный гробе, яко тобою жизнь вѣчная всѣмъ концемъ земли познася! Радуйся, яко въ тебѣ смертію Начальника жизни смерти жало и держава сокрушися! Радуйся, яко отъ сѣвера и моря къ тебѣ приходяще, воскресшаго Жизнодавца прославляютъ! Радуйся, яко отъ запада и востока текуще, вси въ тебѣ залогъ бессмертія обрѣтаютъ! Радуйся, яко по образу твоему всѣ гробы изадутъ своихъ мертвцевовъ въ день послѣдній! Радуйся, вѣры христіанскія утвержденіе и пророческихъ сказаний печате! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Кондакъ 6.

Егда по воскресенію твоемъ, Христе, явился еси ученикомъ твоимъ на мори Тіверіадѣмъ, повелѣвая вовреши мрежу одесную корабля: тогда возлюбленный ученикъ твой, познавъ тя отъ ловитвы рыбъ, Петрови глаголаше: Господь есть! Изшедшее убо на землю, обрѣтоша огнь и рыбу лежашу и хлѣбъ, отъ нихже вкушивше и познавше въ тебѣ своего Учителя и Господа, единѣми усты и единѣмъ сердцемъ возопиша: Амилуїа!

Ікосъ 6.

Утру сущу глубоку, жены пріоша на гробъ твой, Іусусе, но желаемаго тѣла твоего не обрѣтше, недоумѣніемъ и печалію одержими бяху: ты же, утѣшителю скорбящихъ, явлься имъ посреди

вертограда, единымъ гласомъ: Marie! плачь ихъ на радость преложиль еси: тѣмже познавше воскресеніе твое, съ веселіемъ восклицаху: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Христу всельшуся, адова оскудѣша царствія! Радуйся, яко тебѣ отъ первосвященниковъ запечатлѣну бывшу, владыка сѣни смертныя съ трепетомъ издае узники, яже отъ вѣка содержаль есть! Радуйся, яко въ трусѣ, при востаніи изъ тебе со славою Иисупителя человѣковъ, вся тварь обрѣте вѣчное успокоеніе! Радуйся, яко въ тебѣ образъ всемирнаго воскресенія Боголѣпно предъизобразися! Радуйся, яко тобою ликъ Апостольскій въ вѣрѣ и любви утвердися! Радуйся и ты, Іосифе, толикое сокровище въ твоемъ вертоградѣ стяжавый! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Кондакъ 7.

Въ страданіи твоемъ, Христе, не терпя солнце беззаконныхъ неистовства, свѣтъ свой скры, и завѣса церковная раздрастя: въ живоносномъ же гробѣ тебѣ положену бывшу, земля потрясeseя, аки хотя поглотити законопреступныхъ: но ты, яко Богъ, воскресъ еси со славою, и всероднаго Адама воздвигъ еси съ тобою: тѣмже достойно и праведно воскресенію твоему зовемъ: Аллилуia!

Іиосъ 7.

По преславномъ востаніи твоемъ, Христе, Луцѣ и Клеопѣ явился еси, яко странникъ, на пути въ Еммаусъ, и бесѣдующымъ имъ о приключшихся въ Іерусалимѣ, зазираемъ быль еси отъ нихъ, яко единъ невѣдый бывшаго: ты же, яко всевѣдущій, пророчествія открывъ и невѣрствіе ихъ обличивъ, познался еси има въ преломленіи хлѣба: тѣмже убо съ радостію великою возвратившеся во Іерусалимъ, и узрѣвшe вeртоградъ Іосифовъ, возгласиша: Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже, яко Іона изъ чрева китова, Христосъ тридневенъ произыде! Радуйся, яко послѣднее виталище быль еси тому, иже на земли не имѣ гдѣ главу подклонити! Радуйся, яко тобою положися предѣль вольному уничиженію насть ради Спасителя міру! Радуйся, яко въ тебѣ предначася торжество побѣдителя ада и смерти! Радуйся, яко не кому могутъ законопреступни оклеветати лжею востаніе изъ гроба Сына человѣческаго! Радуйся, яко тобою небо и земля и преисподняя обрѣтоша радости! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Кондакъ 8.

Все естество Ангельское и человѣческое удивися великому твоему, еже о насть, смотрѣнію: неприступного бо, яко Бога, зряще всѣмъ приступна человѣка, зракъ раба прішша, распята же и погребенна, но воскресша въ третій день во славѣ и вознесшая съ плотю на небо, тѣмъ убо яко Спасителю и Владыцѣ воспѣваемъ: Аллилуіа!

Ікосъ 8.

Новое и преславное чудо показалъ еси воскресеніемъ твоимъ, Христе Боже нашъ, печати гроба не вредивъ, якоже и Дѣвы въ рождествѣ твоемъ: тѣмже почитаемъ вольная страданія твоя, славословимъ крестъ и погребеніе, и преславному воскресенію твоему покланяющеся, къ живоносному гробу твоему съ веселіемъ зовемъ: Радуйся, всесвятый гробе, изъ негоже Христось, якоже прорече, воскресе и собою весь міръ обнови! Радуйся, отъ негоже всезлобный врагъ рода человѣческаго лютѣйшиі ударъ во главу прія! Радуйся, яко отъ тебе отваленный камень адова врата сокруши и vereи желѣзныя сотре! Радуйся, яко изъ тебе всемірное солнце правды возсія и мгу невѣрія разгна! Радуйся, яко въ тебѣ Христу воелегшу, вся концы земли вони безсмертія исполнилася! Радуйся, яко тебѣ открывшуся, источникъ нашего тѣнія заключися! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христось воскресе!

Кондакъ 9.

Проповѣдницы восстанія твоего, Богоносніи Апостоли, послани бывше, отъ конецъ до конецъ земли проповѣдаша тебе истиннаго Бога: идолы сокрушиша, беззаконные обычаи языческие попраша, храмы и жертвеннники Богу истинну воздвигоша, и всѣхъ вѣрныхъ научиша воспѣвати тебѣ: Аллилуіа!

Ікосъ 9.

По восстаніи твоемъ изъ гроба, дверемъ заключеннымъ, ко ученикомъ твоимъ вшелъ еси, и вкушъ отъ хлѣба и сата, сладость церковная, не привидѣніе предъ ними, но истиннаго ихъ Учителя и Господа быти увѣриль еси: тѣмже свободждашся отъ

недоумѣній и страха, съ радостю неизреченою посѣщаху мѣсто погребенія твоего, глаголюще: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Богъ Слово, плотю уснувъ, священнотайнѣ тридневнова! Радуйся, яко той же востаніемъ своимъ вся отъ вѣка уснувшая возбудилъ есть! Радуйся, яко въ тебѣ солнцу правды, Христу, зашедшу, сущимъ во адѣ и сѣни смертнѣи свѣтъ жизни возсія! Радуйся, яко изъ тебе произшедый, воскресеніе и животъ вѣчный всѣмъ дарова! Радуйся, яко Ангелу о тебѣ благовѣстующу, плачъ и рыданіе Адамово преста! Радуйся, яко каменю отъ тебе отпадшу, каменносердечніи языцы навыкнутъ вѣровати въ жизнь вѣчную! Радуйся, живоносный гробе, изъ него же Христосъ воскресе!

Кондакъ 10.

Земля убояся и умолче, тебе, Творца своего, зрящи во гробѣ малѣ положена: адъ вострепетавъ отъ неприступныя славы воскресенія твоего, издаше мертвыя, отъ вѣка содержимыя, небеса же восходъ ко Отцу готовяху, его николиже отлучался еси: тѣмже и мы, искупленніи крестомъ твоимъ, все тебѣ зовемъ: Аллилуia!

Ікосъ 10.

Марія Магдалина, яко теплѣйшая къ тебѣ, Христу Богу, вѣрою, зѣло рано пришедши на гробъ твой, сподобися узрѣти тя, Жизнодавца и желаще облобызати пречистыя нозѣ твои: но ты убо, яко Владыка всяческихъ, не прикасайся мнѣ, рекль еси: не убо взыдохъ ко Отцу моему, иди же къ братіи моей и руы имъ о востаніи моемъ: тѣмже яко благовѣстіе носящая, небо и землю оглашаše, вопіюще: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Христосъ пречистою плотю усну и почи яко левъ, никимже возбудимый! Радуйся, изъ него же яко Богъ, самовластнѣ воста, ничимже удержимый! Радуйся, яко о бывшемъ въ тебѣ адѣ неволею истинствуетъ глаголя: уне мнѣ бяше, аще бы отъ Маріи рождшагося не пріялъ! Радуйся, яко тобою посрамленъ, князь тьмы рыдаетъ! Радуйся, яко тобою обрадованъ, ликъ Ангельскій торжествуетъ! Радуйся, новыя благодати хранилище и непрестающихъ чудесъ источниче! Радуйся, живоносный гробе, изъ него же Христосъ воскресе!

Кондакъ 11.

Представъ по воскресені, ученикомъ твоимъ, Христе Боже, миръ твой подаль еси имъ и власть отпущати грѣхи, да проповѣдуютъ востаніе твое отъ гроба, крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа: они же изшедше, яко облеченные силою свыше, научиша языки воспѣвати тебѣ, яко Богу: Аллилуia!

Ікосъ 11.

По востаніи твоемъ изъ мертвыхъ, являя себѣ ученикомъ твоимъ, Христе, Симоне Іонинъ, любиши ли мя, рекль еси Петру, и по трикратномъ любве его къ тебѣ извѣщеніи, церкви твоей паки того Учителя и Апостола даровалъ еси: мы же, проповѣдію его наученіи, покланяющеся живоносному гробу твоему, тако глаголемъ: Радуйся, всесвятый гробе, въ немже, яко въ ковчезѣ Ноевѣ, отъ разліянія грѣховнаго и тли смертныя весь родъ человѣческій спасеся! Радуйся, изъ негоже, яко изъ святаго святыхъ миръ и благословеніе всѣмъ падшимъ сынамъ Адама изнесеся! Радуйся, любве Христовы къ намъ, во днехъ плоти его, послѣдній краю и предѣле! Радуйся, и насъ всѣхъ братию нашу по плоти до смерти и гроба любити научивый! Радуйся, мракъ и страхъ сѣни смертныя для вѣрюющихъ разгнавый! Радуйся, странникомъ земли путь жизни вѣчныя въ небесный Іерусалимъ указавый! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Кондакъ 12.

Божественное, еже о насъ, смотрѣніе твое славяще, страсти твоя почитаемъ, предивному воскресенію твоему покланяемся, и отъ земли къ небесному Родителю преславное вознесеніе воспѣваемъ и молимся: пресвятаго твоего Духа не отъими отъ нась, да вси зовемъ тебѣ во вѣку: Аллилуia!

Ікосъ 12.

На гору Елеонскую егда возшелъ еси, Отче сіяніе, тогда пресвѣтлый облакъ подъять тя, зрящимъ ученикомъ твоимъ, и Ангели Апостоломъ глаголаху: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо; се бо, егоже видите возносящаяся, той паки пріидетъ съ

плотю: они же съ радостю возвратившеся во Іерусалимъ, хвалиху тебе, истиннаго Бога, и живоносному гробу твоему, въ немже тридневно положенъ бысть еси, съ веселіемъ возглашаху: Радуйся, живоносный гробе, собывшимся въ тебѣ всѣхъ насъ въ вѣрѣ во Христа утвердивый! Радуйся, предъ мучители и враги истины, надеждою воскресенія непобѣдимы насъ сотворивый! Радуйся, въ немже священотайнѣ, въ купели крещенія, вси вѣрующіе Христу спогребаются! Радуйся, изъ негоже крещенніи, умерши грѣху, къ новой жизни со Христомъ совостаютъ! Радуйся, яко предъ тобою отъ благодати воскресенія, въ тебѣ почиющій, вся крѣпость ада исчезаетъ! Радуйся, яко изъ тебе, отъ полноты силы Божіей, на тебѣ явльшайся, заря жизни вѣчныя незаходимо сіяеть! Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе!

Кондакъ 13.

О пресвятый и живоносный гробе Христовъ, углѣшеніе рода человѣческаго и всея земли украшеніе, тебѣ, яко чертогу Царя славы, мысленнѣ съ вѣрою предстояще, молимся къ тридневно-воскресшему изъ тебе Христу Богу нашему, во еже избавитися намъ отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ бѣдъ временныхъ и вѣчныхъ, паче же отъ страстей и грѣховъ нашихъ, да, совоскресше ему покаяніемъ, въ обновленіи правыя жизни ходити начнемъ, благодарнѣ зовуще: Аллилуя!

Трижды.

Также Йкосъ 1, и Кондакъ 1.

Пѣснь 7. Ирмосъ.

Отроки отъ пещи избавивый, бывъ человѣкъ, страждеть яко смертенъ, и страстю смертное въ нетлѣнія облачитъ благолѣпіе, единъ благословенъ отцевъ Богъ и препрославленъ.

Жены съ муры богомудрыя въ слѣдъ тебе течаху: егоже яко мертвя со слезами искаху, поклониша радиющіеся живому Богу, и пасху тайную твоимъ, Христе, ученикомъ благовѣстиша.

Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало: и играющіе, поемъ виновнаго единаго благословенаго отцевъ Бога и препрославленаго. Слава:

Умертвивъ Сынъ твой смерть, Всенепорочная, днесъ всѣмъ смертнымъ пребывающій живогъ во вѣки вѣковъ дарова, единъ благословенный отцевъ Богъ и препрославленный. И нынѣ:

Всѣмъ царствуяй созданіемъ бысть человѣкъ, вселився въ

твою, Благодатная, утробу: и распятіе претерпѣвъ и смерть, воскресе боголѣпно, совоставивъ насъ яко всесиленъ.

Катавасіа: Не послужиша твари богоудрію.

Пѣснь 8. Ирмосъ.

Сей нареченный и святый день, единъ субботъ царь и Господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжество, въ онъже благословимъ Христа во вѣку.

Пріидите нового винограда рожденія, Божественного веселія, въ нарочитомъ дни воскресенія, царствія Христова пріобщимся, поюще его яко Бога во вѣку.

Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждъ, се бо пріодоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, и съвера, и моря, и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣку.

Слава:

Пріиде тобою въ міръ Господъ, Дѣво Богородице, и чрево адово расторгъ, смертнымъ намъ воскресеніе дарова, тѣмже благословимъ его во вѣку.

И нынѣ:

Всю низложивъ смерти державу Сынъ твой, Дѣво, своимъ воскресеніемъ, яко Богъ крѣпкій совознесе насъ и обожи: тѣмже воспѣваемъ его во вѣку.

Катавасіа: Отроки благочестивыя въ пещи.

Пѣснь 9. Ирмосъ.

Величитъ душа моя воскресшаго тридневно отъ гроба, Христа жизнодавца.

Свѣтися, свѣтися новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися Сіоне: ты же чистая красуйся Богородице, о востаніи рожdestва твоего.

О божественнаго! о любезнаго! о сладчайшаго твоего гласа! съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе, его же вѣрніи утвержденіе надежды имуще, радуемся.

О пасха велія и священнѣйшая, Христе! о мудрости и слове Божій, и силе! подавай намъ истѣе тебѣ причащатися въ невечернемъ дни царствія твоего!

Слава:

Согласно, Дѣво, тебе блажимъ вѣрніи: радуйся, двере Господня: радуйся, еяже ради намъ нынѣ возсія свѣтъ изъ тебе рожденаго изъ мертвыхъ воскресенія.

И нынѣ:

Веселися и радуйся, божественная двере свѣта: зашедый бо

Иисусъ во гробъ, возсія, просіявъ солнца свѣтлѣе, и вѣрныя вся озаривъ, богорадованная Владычице.

Катавасіа: Всякъ земнородный.

Ексапостилларій, самогласенъ:

Плотю уснувъ, яко мертвъ, Царю и Господи, тридневенъ воскресль еси, Адама воздвигъ отъ тли, и упразднивъ смерть: пасха нетлѣнія, міра спасеніе.

На хвалитехъ стихира воскресна, глаſъ 3.

Пріидите вси языцы, уразумѣйте страшныя тайны силу: Христосъ бо Спасъ нашъ, еже въ началѣ Слово, распятся насть ради, и волею погребеся и воскресе изъ мертвыхъ, во еже спасти всяческая: тому поклонимся.

И праздника стихиры, глаſъ 5.

Стихъ: Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его.

Пасха священная намъ днесъ показася: пасха нова святая: пасха таинственная: пасха всечестная, пасха Христосъ избавитель: пасха непорочная: пасха великая: пасха вѣрныхъ: пасха двери райскія намъ отверзающая: пасха всѣхъ освящающая вѣрныхъ.

Стихъ: Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ.

Пріидите отъ видѣнія, жены благовѣстницы, и Сиону рѣвите: пріими отъ насть радости благовѣщенія воскресенія Христова: красуйся, ликуй и радуйся, Іерусалиме, Царя Христа узрѣвъ изъ гроба, яко жениха происходяща.

Стихъ: Тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся.

Муроносицы жены, утру глубоку, представши гробу Жизнодавца, обрѣтоша Ангела на камени сѣдяща, и той провѣщавъ имъ, сице глаголаше: что ищете живаго съ мертвыми: что плачете нетлѣннаго во тли; ишедше проповѣдите ученикомъ его.

Стихъ: Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онъ.

Пасха красная, пасха Господня, пасха всечестная намъ возсія: пасха, радостю другъ друга обѣимемъ. О пасха, избавленіе скорби! ибо изъ гроба днесъ яко отъ чертога возсія Христосъ, жены радости исполни глаголя: проповѣдите Апостоломъ.

Слава, и нынѣ: гласъ 5.

Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обѣимемъ: рцемъ, братіе, и ненавидящимъ насть простимъ вся воскресеніемъ: и тако возопімъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертю смерть поправъ, и сущымъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

МОЛИТВА

ко

ГОСПОДУ ИИСУСУ ВОСКРЕСШЕМУ.

Слава тебѣ Господи, Иисусе Христе, Боже мой, яко паки сподобилъ мя еси недостойнаго, прешедши поприще святаго поста, поклонитися Божественнымъ страстемъ твоимъ и видѣти всерадостныи день преславнаго изъ гроба воскресенія твоего, въ онъ же свободилъ еси сущая во адѣ отъ вѣкъ связанныя души праведныхъ. Тоя Божественныя свободы духа и плоти, дражайшій Спасителю мой, и азъ желаю, да разрѣшиши мя, связана суща многими грѣхи, и да соствориши возсіяти живоносному свѣту воскресенія твоего въ мрачнѣй души моей: вижду бо безчисленныя щедроты и неизреченное человѣколюбіе твое, яко не точію отъ небытія въ бытіе мя привель еси, образа твоего подобіемъ украсивъ, всея дольней твари владыку поставилъ мя еси, но и по семъ падша съ высоты и врагу поработившаяся, не оставилъ еси, но искупивъ мя безцѣнною кровію твою, благодатию крещенія снабдилъ мя еси, да востеку на первое достояніе. Азъ же окаянный, запять бывъ умомъ плотскимъ, обратихся вспять и паки рабъ сотворихся грѣха и страстей, донелѣже единъ по единому погубихъ всѣ дары благодати твоей. И нынѣ убо, что сотворю, не вѣмъ: обаче помянувъ глаголы пречистыхъ устъ твоихъ, яко не пришелъ еси призвати праведники, но грѣшники въ покаяніе, и азъ яко единъ отъ сихъ, съ вѣрою и смиреніемъ прихожду къ живоносному гробу твоему, не ароматы и воню муга носяй (нагъ бо есмь и пустъ благихъ дѣлъ), но паче надежду имый обрѣсти въ немъ прощеніе грѣхамъ моимъ и обновленіе.

вленіе нечистому житію моему. Призри убо на мя кающася и служити тебѣ хотѧша, и не отрини отъ благодати воскресенія твоего! Живоносною смертю твою и погребеніемъ умертви моя лютая страсти, да яко мертвъ и погребенъ, живу въ мірѣ семъ. Преславнымъ востаніемъ твоимъ воздвигни мою душу, умерщвленную грѣхми, и оживи совѣсть, еяже ничто же въ мірѣ нужнѣши есть. Вознесеніемъ твоимъ отторгни мя отъ суетныхъ и душетлѣвыхъ благъ земныхъ, и сотвори мя горняя мудрствовать, яко да не ктому себѣ живя и угождая, но тебѣ, Господу и Богу моему, служа и работая, якоже сподобихся поклонитися воскресенію твоему на земли, тако сподобленъ буду видѣти тебе, дражайшаго Искупителя моего, и на небеси, за пріятіе смерти крестная славою и честію вѣнчанна, и ставъ одесную величествія твоего, со Архангелы и Ангелы, и со всѣми искупленными тобою братіями моими, во вѣки вѣковъ пою тебѣ: Аллилуia! Аминь.

Также обычный отпustъ.

АКАΘИСТЬ ПОКРОВУ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Иерей: Благословенъ Богъ нашъ:

Утецъ: Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ. Царю небесныи.
Трисвятое. По Отче нашъ:

Тропари сія, гласъ 6.

Помилуй нась, Господи, помилуй нась: всякаго бо отвѣта
недоумѣюще, сію ти молитву яко Владыцѣ грѣшніи приносимъ:
помилуй нась!

Слава:

Господи, помилуй нась, на тя бо уповахомъ: не прогнѣвайся
на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ: но призри и нынѣ
яко благоутробенъ, и избави ны отъ врагъ нашихъ: ты бо еси
Богъ нашъ, и мы людіе твои, вси дѣла руку твою, и имя твое
призываємъ.

И нынѣ:

Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородицѣ
надѣющіяся на тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ
бѣдъ: ты бо еси спасеніе рода христіанскаго.

Вѣрую во единаго Бора Отца, Вседержителя:

Стихиры, гласъ 1.

Подобенъ: О дивное чудо!

О великое заступленіе печальнымъ еси, Богородицѣ чистая,
скорая помощница, спасеніе міра и утвержденіе, милости пучина,

Божія мудрости источникъ, міру покровъ: сю воспоемъ вѣрніи, свѣтлый омофоръ ея хваляще неизреченно: обрадованная радуйся, съ тобою Господь, подай міру тобою велію милость!

Дважды.

О чудное украшеніе всѣмъ вѣрнымъ еси, пророческое истинное событие, апостоломъ слава, и мученикомъ удобреніе, дѣству похвала, и всему міру предивный покровъ: покрый, Владычице, омофоромъ милости твоєя, Императора, и вся люди, вопіющыя: обрадованная, радуйся, съ тобою Господь, подай міру тобою велію милость!

Дважды.

Градъ почитающій тя, и по долгу славящій, покрываєши, пречистая, твоимъ омофоромъ честнымъ, отъ нахожденія противныхъ, отъ глада же и труса и междоусобныя браны, Дѣво неискусбрачная Богоневѣсто, человѣковъ покровъ и заступленіе.

Освящается небо и земля, церковь же свѣтится, и людіе вси веселятся: се бо мати Божія, со ангельскими воинствами, съ Предтечею и Богословомъ, съ пророки же и апостолы, невидимо вшедши, за христіаны молится Христу, помиловать градъ и люди, славящыя тоя покрова праздникъ.

Слава и нынѣ, гласъ 8.

Срадуются съ нами умная вся чиноначалія, духовно совокупльше чувственный ликъ, видяще Царицу и Владычицу всѣхъ, многоименівѣ вѣрными славиму: радуются же и дуси праведныхъ сущіи зрителіе видѣнія, на воздухъ молебно простирающу всечестныя свои руцѣ, просящу умирения міру и Царемъ державы и утвержденія, и спасенія душъ нашихъ.

На стиховнѣ стихири, гласъ 3.

Наста днесъ пресвѣтлый праздникъ, пречистая Дѣво, честнаго твоего покрова, паче солнца освѣщаєши люди, вѣрою отъ чиста сердца тебѣ истинную матерь Божію исповѣдающыя, и Сыну твоему вопіющыя: Христе Боже, молитвами Приснодѣвы, чисто и безъ истилѣнія рождшія тя, не предаждь врагомъ ратующымъ твое достояніе: но яко милостивъ спаси въ мірѣ душы нашія.

Гласъ 5. Стихъ: Слыши дщи и виждъ, и приклони ухо твое.

Воспоимъ людіе свѣтло Давидскую пѣснь, отроковицѣ, невѣстѣ

Божію, матери царя всѣхъ Христа: предста царица одесную тебе, Владыко, рясны златыми одѣяніа, и преукрашена Божественными олѣптами: сію бо избранную въ женахъ паче всего міра удобривъ, благоизволи родитися отъ нея, великія ради милости: и сію помощницу людемъ своимъ дарова, строити и покрывати отъ всякия бѣды рабы своя, едину благословенную.

Гласъ 2. Стихъ: Лицу твоему помоляться богатіи людстїи.

Пренепорочную всѣхъ царицу, пречистую Дѣву, сошедшеся вѣрнici, ублажимъ днесъ матерь Христа Бога: присно бо къ Сыну руцѣ милостивно простираетъ, юже предивный Андрей видѣ на воздухѣ, честнымъ своимъ покровомъ люди покрывающую, и той умильно возопіумъ: радуйся покрове и заступленіе и спасеніе душамъ нашимъ!

Слава и нынѣ, гласъ 3.

Пріидите вси празднолюбцы, честный покровъ Божія матері ублажимъ: къ Сыну бо руцѣ милостивно простре, и святымъ покровомъ ея міръ огражденъ бысть: тѣмже усты и сердцемъ, и пѣснами и пѣніи духовными, со всѣми притекающими празднуетъ свѣтло.

Также. Господи помилуй, 12. *Слава и нынѣ:* Пріидите поклонимся, трижды. *Псаломъ 142.* Господи услыши молитву мою. *Слава и нынѣ:* аллилуia трижды. Богъ Господь, и явися намъ.

Тропарь, гласъ 4.

Днесъ благовѣрнію людію, свѣтло празднуемъ освѣняеми твоимъ, Богомати, пришествіемъ, и къ твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголемъ: покрый нась честнымъ твоимъ покровомъ, и избави нась отъ всякаго зла, молящи Сына твоего и Бога нашего, спасти душы наша!

Также псаломъ 50. Помилуй мя, Боже.

КАНОНЪ.

Гласъ 4. Пѣснь 1. Ирмосъ.

Отверзу уста моя, и наполнятся духа, и слово отрыгну царицѣ матери, и явлюся свѣтло торжествуя, и воспою радуясь тоя чудеса.

Съ чинами святыхъ Ангелъ, и съ соборы пророкъ и апостолъ,

во славѣ величїй, яко Мати Божія, днесъ въ церковь вшедши, за христіаны молишися, отъ напасти и печали избавляєши вся, покрывающи твою милостію.

Скинію тя Моисей, и жезлъ Аароновъ именова: ты бо животное древо Христа процвѣла еси: къ нему же дерзновеніе имущи, за ны чествующыя тя, Царице, помолися, избавити насъ отъ всякаго зла, да твоего покрова праздникъ славимъ. *Слава:*

Не яко предъ кивотомъ древле, собравъ Давидъ лики, играєшъ: но паче нынѣ съ чинми святыхъ предъ тобою текуще въ церковь, тебѣ кланяющиеся глаголемъ: моли за чествующыя тя люди, да твой славяще покровъ честно празднуемъ.

И нынѣ:

Поютъ тя, Богородице, ангельстіи чини, и славятъ патріарси со святителями, предъ лицемъ твоимъ текуще въ церковь, съ ними же тя тогда святый Андрей видѣ, за ны грѣшныя къ Богу молящуюся, помиловать люди, славящыя твоего покрова праздникъ.

Пѣснь 3. Ирмосъ.

Твоя пѣснословцы, Богородице, живыи и независтныи источникъ, ликъ себѣ совокупльшия духовно утверди, въ Божественныи твоей славѣ, вѣнцевъ славы сподоби.

Класъ прозябшая Божественный, яко нива неоранная явѣ, радуйся одушевленная трапезо, хлѣбъ животный вмѣщшая, радуйся животныя воды источникъ неистощимый, Владычице!

Твои раби, Владычице, въ церкви твоей вѣрою предстояще, твоєа ожидаемъ милости: посѣти наше смиреніе, и твоимъ святымъ покровомъ защити Императора и люди отъ всякаго зла.

Многоименитая Дѣво, пророки прообразенная честно, иже тебѣ нынѣ со Ангелы служать, съ ними же о насъ къ Богу молися, да твоего покрова святый день, радующеся, вси свѣтло празднуемъ. *Слава:*

Гедеонъ тя руномъ прообрази, на тя бо яко роса Христосъ Богъ снide: къ нему же Богородице молися, побѣду дати Императору нашему на враги, да яко Мадамы низложивъ, прославить святый твой праздникъ. *И нынѣ:*

Паче солнечныхъ лучъ, твоимъ блистающимъ омофоромъ, освѣщаeshи церковь и люди, и тму грѣховъ нашихъ отгониши постыденiemъ твоимъ, Богородице, къ Сыну твоему и Богу за ны молящися.

По 3 пѣсни Сѣдаленъ, гласъ 5.

Теплая предстательнице и непобѣдимая, упованіе извѣстное и непостыдное, стѣно и покрове и пристанище прибѣгающымъ къ тебѣ, Приснодѣво чистая, Сына твоего и Бога моли со Ангелы, умиреніе дати миру, и спасеніе и велію милость.

Пѣснь 4. Ирмосъ.

Сѣдай въ славѣ на престолѣ Божества, во облакѣ легкѣ пріиде Иисусъ преображенныи, нетлѣнною дланію, и спасе зовущыя: слава, Христе, силѣ твоей.

Во гласѣхъ пѣній Дѣво, тебѣ вопіемъ, всепѣтая: радуйся тучная горо и усыренная духомъ, радуйся свѣщниче, и стамно манну носящая, услаждающая всѣхъ благочестивыхъ чувства.

Паче Аарона кивота, всю тя Богъ освятиль есть Духомъ, Богородице, святымъ, и Ангеломъ служити тебѣ повелѣ, съ ними же за градъ и люди молися, твой славящая праздникъ.

Пріди нынѣ во славѣ въ твою, Богородице, церковь съ соборы всѣхъ святыхъ, якоже иногда тя святый Андрей видя на воздухѣ свѣталъ за христіаны молящуюся, и подаждь намъ твою милость.

Слава:

Укрѣпи, Владычице, славящаго тя Императора нашего на противныя враги, яко Давида на Голіафа, да тебѣ веселящеся вопіемъ: радуйся покрове святый, и заступнице града нашего!

И нынѣ:

Тебѣ припадаемъ, Госпоже, вѣрою, и поклоняющеся благодарно вопіемъ ти: радуйся Богоблагодатная Дѣво, покрове и огражденіе наше, и помощнице въ бѣдѣ сущимъ, спаси насъ къ тебѣ прибѣгающихъ, на тя бо надѣемся.

Пѣснь 5. Ирмосъ.

Ужасошася всяческая о Божественнѣй славѣ твоей: ты бо, неискусобрачная Дѣво, имѣла еси во утробѣ надѣть всѣми Бога, и родила еси безлѣтнаго Сына, всѣмъ воспѣвающимъ тя миръ подавающая.

Одръ тя древле Соломонъ пронаписа и ложнику небеснаго Царя, обступаему Серафимы: тѣмъ тя молимъ, Мати Божія всесвятая, покрый насть отъ всѣхъ бѣдъ.

Тебѣ Ангеловъ старѣйшины и честніи Пророцы со Апостолы,

яко Матери Божії честно служать, видяще тя за міръ молитву творящу: твоя же прошенія послушавъ Господь, спасеть градъ и люди, на тя надѣющыся.

Слава:

Великій тя во Пророцѣхъ Исаїа прорече, глаголя Бога родити неискусоблично: ты бо, чистая Маріе, святѣйши всѣхъ была еси, Бога бо во утробѣ и на руку носила еси, ему же за ны молися, твоимъ осѣняющи покровомъ вѣрою тя славящыя.

И нынѣ:

Духовными паряще крылы, Святыхъ соборы, тайно пріодоша тебѣ послужити, Богородице, видяще тя на легкѣ облацѣ славы, ко Спасу Христу молящуюся, подати побѣду Императору нашему, погубити воюющихъ нась.

Пѣснь 6. Ирмосъ.

Божественное сіе и всечестное совершающе празднество, бого мудріи, Богоматере, пріидите руками восплемімъ, отъ нея рождающаго Бога славимъ.

Іерее богомудріи въ церкви твоей съ людми благочестивыми предстояще, твоемъ ожидаютъ, Богородице, милости: премѣни на радость нашу печаль, радость бо родила еси, всѣхъ человѣковъ грѣхи отпустившаго.

Тебѣ вся земля дары приносить, яко царицѣ Матери Божії: царіе и князи кланяются, и людіе вси веселятся, покрываеми отъ всякаго зла твоими, Богородице, молитвами. *Слава:*

Гору тя велику Даніїлъ пронаписа: изъ тебе бо бѣзъ сѣмене родися Христось, и сокруши всю демонскую лесть, и всю своея вѣры исполніи землю: къ нему же за ны Богородице молися, славящыя твоего покрова праздникъ. *И нынѣ:*

Ангельскій гласъ вызываемъ ти, Пречистая: радуйся, престоле Божій, на немъ же Іезекіиль видѣ Господа, въ подобіи человѣка, носима Херувимы, съ ними же за ны, Богородице, молися, да спасетъ душы наша.

Кондакъ I.

Избранной предвѣчнымъ Царемъ, превышшей всякаго созданія, небесе и земли Царицѣ, пришедшей иногда во Влахернскую церковь на молитву, достойное поклоненіе съ благодареніемъ приносяще, яко во тмѣ сущіи, подъ твой свѣтящійся омофоръ съ вѣрою и умиленіемъ прибѣгаємъ: ты же, яко имущи державу непобѣдимую, отъ всякихъ нась бѣдъ спаси и держи, да зовемъ ти:

радуйся радосте наша, покрый насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Ікосъ 1.

Архангель и Ангель множество, съ Предтечею, Богословомъ, и всѣхъ Святыхъ ликомъ, сопредсташа тебѣ Царицѣ своей въ церкви Влахернскїй, и умиленныя моленія твоя о всемъ мірѣ слышавше, со удивленiemъ возопиша таковая: Радуйся, Бога Отца безначального предвѣчное благоволеніе! Радуйся, Бога Сына безлѣтнаго пречистое вмѣстилище! Радуйся, Бога Духа всесвятаго избранное жилище! Радуйся, горьнихъ чиновъ ангельскихъ не-престающе удивленіе! Радуйся, темныхъ силь адскихъ всерозное устрашеніе! Радуйся, юже на воздухѣ срѣтаютъ многоочитіи Херувими! Радуйся, ей же похвальная восписуютъ шестокрилатіи Серафими! Радуйся, ея же преблагому покрову и мы земнородніи благодарнѣ покланяемся! Радуйся, радосте наше, покрый насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 2.

Видѣвше тя святый Андрей съ Епифаніемъ въ церкви на воздухѣ за христіаны Богу молящуюся, познаша, яко Матерь еси вознесшагося на небо Христа Бога нашего, и припадше на землю, радостно поклоняхуся всеблагому покрову твоему, зовуще: Амилуїа!

Ікосъ 2.

Разумъ неуразумѣненъ еси, Богородице Дѣво, въ защищеніи людей православныхъ, сего ради врази наши и не познаютъ, коль сильна есть молитва Божія Матере: мы же о твоемъ все-мошномъ заступленіи добрѣ вѣдуше, сице къ тебѣ со умиленіемъ зовемъ: Радуйся, премилосердная Утѣшительница всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ! Радуйся, неусыпающая наставница всѣхъ заблуждшихъ и ослѣпленныхъ! Радуйся, праведнодвижимый гнѣвъ Божій на насть твоимъ моленіемъ скоро утоляющая! Радуйся, злые страсти наша всемошнымъ мановеніемъ укрощающая! Радуйся, крѣпкое возбужденіе спящихъ совѣстей! Радуйся, нетрудное преодолѣніе беззаконныхъ навыковъ! Радуйся, ея же ради адъ стenetъ и духи злобы трепещутъ! Радайся же, ея ради врата рая всѣмъ намъ отверзаются! Радуйся, радосте наша, покрый насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 3.

Сила Вышняго осѣняетъ съ вѣрою и благоговѣніемъ прибѣгающихъ къ твоему всечестному покрову: единѣй бо точію тебѣ, пресвятѣй и пречистѣй Матери Божіей да ляется, да всякое прошеніе твое исполнится: тѣмъ убо всякъ возрастъ вѣрныхъ славословить тя и Сына твоего, зовущъ: Алилуїа!

Ікосъ 3.

Имующи богатство милосердія неоскудное, всѣмъ концемъ земли простираеши руку помощи, Владычице: болящимъ исцѣленіе, страждущимъ ослабу, слѣпымъ прозрѣніе и всѣмъ вся, по кое-гождо потребѣ подаеши, благодарнѣ воніощымъ: Радуйся, царствъ православныхъ несокрушимая крѣпосте и оградо! Радуйся, святыхъ храмовъ и алтарей первѣйшее укашеніе! Радуйся, царскихъ престоловъ вѣрнѣйшее огражденіе! Радуйся, благосердыхъ градоправителей неусыпающая споспѣшница! Радуйся, непобѣдимая воеводо вождей и воинствъ христіанскихъ! Радуйся, святое зерцало правды судіямъ немздопріимнымъ! Радуйся, совершенный разуме наставниковъ и дѣтоловителей! Радуйся, благословеніе домовъ и семействъ благочестивыхъ! Радуйся, радосте наша, покрытъ насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 4.

Бурею многихъ бѣдъ одержимымъ намъ помогаеши, Владычице: стоши бо предъ лицемъ алтаря Господня, воздвигши руцѣ твои и молишися, яко да нашу недостойную молитву призрить Господь Царь славы, и послушаетъ прошенія призывающихъ имѧ твое святое, къ Сыну же твоему зовущихъ: Алилуїа!

Ікосъ 4.

Услыша Господь Богъ Іисуса Навина молящася, и повелѣвающа солнцу стати, дондеже отмстить врагомъ: снышитъ и твоя нынѣ моленія Господь Іисусъ, избранная палато Духа Святаго: тѣмже и мы грѣшнici, на твой надѣющеся покровъ, тебѣ, яко Божіей Матери, глаголати дерзаемъ: Радуйся, отъ солнца мысленного озаренная, и насть свѣтомъ незаходимымъ просвѣщающая! Радуйся, сіяніемъ пречистыя души твоєя, всю землю просвѣтившая! Радуйся, чистотою тѣлесе твоего всѣ небеса возвеселившая! Радуйся, святыхъ обителей Христовыхъ покровъ и снабдѣніе! Ра-

дуйся вѣрныхъ настыреи церкви бодрость и вразумленіе! Радуйся, богообоязненныхъ иноковъ и инокинь наставнице! Радуйся, невозмущаемое успокоеніе благоговѣйныхъ старцевъ! Радуйся, тайное веселіе чистыхъ дѣвъ и вдовицъ! Радуйся, радосте наша, покрытъ насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 5.

Боговидецъ Мовсей въ ополченіи иногда на Амалика, егда руцѣ воздвигаше, Ізраиль одолѣваше, егда же руцѣ низпушаше, тогда Амаликъ побѣждаше, поддерживающими же его укрѣпленъ, побѣди врага: ты же, о Богомати, воздѣвшіи руцѣ твои на умоленіе, аще и никимъ же поддержаніма, всегда побѣждаешьи враги христіанскія, и намъ щитъ еси непобѣдимъ, вопіющымъ: Аллилуіа!

Ікосъ 5.

Видѣвшіе тя Святыхъ собори на воздухѣ въ церкви Влахернскій молебніи руцѣ къ Сыну и Богу простирающію, радостно со Архангелы и Ангелы благодарную ти пѣснь воспѣша: мы же крѣпчайшимъ, паче Мовсеевыхъ рукъ, дланми твоими укрѣпляемъ, умилъно вопіемъ: Радуйся, ея же руцѣ поддержить за всѣхъ нашъ единая ея къ намъ любовь и милосердіе! Радуйся, предъ нею же враги наша, видимые и невидимые, стояти не могутъ! Радуйся, темное полчище страстей и похотей нашихъ прогоняющая! Радуйся, огнь Божественный Христа неопально на руку свою держащая, и насъ хладныхъ тѣмъ воспламеняющая! Радуйся, воинствующихъ на плоть цѣломудріемъ изрядное вѣнчаніе! Радуйся, подвизающихъ въ постѣ и безмолвіи присное собесѣданіе! Радуйся, изнемогающихъ отъ унынія и печали скопрая угѣшительнице! Радуйся, благодатію смиренія и терпѣнія снабдѣвающая! Радуйся, радосте наша, покрытъ насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 6.

Проповѣдникъ неоскудѣваемыя благодати и милостей твоихъ явился святой Романъ сладкопѣвецъ, егда отъ тебе во снѣ пріятъ свитокъ книжный на снѣденіе: тѣмъ убо умудренъ, нача разумно пѣти во славу твою, Святымъ же писати похвальная, вызывая съ вѣрою: Аллилуіа!

Ікосъ 6.

Возсіяла еси отъ истиннаго солнца правды заря, Дѣво Богоотроковицѣ, просвѣщающая всѣхъ премудростю Бога Сына твоего, и въ познаніе истины приводящая, зовущихъ ти таковая: Радуйся, Божію силу и Божію премудрость Христа плотю породившая! Радуйся, юродивую мудрость вѣка сего посрамившая и ослѣпленныхъ ею на путь правый наставляющая! Радуйся, святыхъ вѣры охраненіе и православныхъ догматовъ наставница! Радуйся, нечестивыхъ ересей и тлетворныхъ расколовъ искоренительница! Радуйся, тайная и неудобъ предвидѣнная вся добрѣ вѣдущая, и имъ же подобаетъ, сказующая! Радуйся, лживыхъ провидцевъ и суетная гаданія посрамляющая! Радуйся, въ часъ недоумѣній мысль благу на сердце полагающая! Радуйся, отъ патубныхъ начинаній и несмысленныхъ пожеланій воспіяшающая! Радуйся, радосте наша, покрытъ насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 7.

Хотяй долготерпѣливый всевидѣцъ Господь явити своего человѣколюбія неизслѣдимую щедротъ бездну, избра тебе едину въ матерь себѣ и сотвори тя людемъ непреодолѣнное защищеніе: да аще кто отъ нихъ и праведнымъ судомъ Божімъ осужденія достоинъ явится, твоимъ обаче державнымъ покровомъ сохраняется на покаяніе, зовый: Амилуя!

Ікосъ 7.

Дивная показалъ еси дѣла твоя въ пречистѣй матери твоей, Господи, егда пречудный омофоръ въ руцѣ ея свѣтящійся паче лучъ солнечныхъ явися, имъ же покрываше люди, сущыя въ церкви Влахернскѣй: о таковѣмъ убо знаменіи милосерднаго ея заступленія услышавше, ужасомъ и радостю одержими, вси глаголаху: Радуйся, нерукотворенный омофоръ аку облакъ надъ всѣмъ міромъ распростершая! Радуйся, пребѣднаго Архіереа, Сына своего, знаменіе на руцѣ своей держащая! Радуйся, новую милость и новую благодать симъ въ церкви православнѣй являющуюся! Радуйся, столпе облачный, отъ искушеній и соблазновъ міра всѣхъ настъ покрывающій! Радуйся, столпе огненный, среди мглы грѣха всѣмъ намъ путь спасенія показующій! Радуйся, яв-

ныхъ благочестія подвижниковъ явное укрѣпленіе! Радуйся, тайныхъ среди міра рабовъ Божіхъ тайное вразумленіе! Радуйся, и мене обнаженнаго добрыхъ дѣлъ не оставляющая своимъ покровомъ и благодатю! Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 8.

Дивно тя отъ небесъ во Влахернѣцѣ церкви явлющуюся Ангели воспѣша, Апостоли прославиша, ликъ Святителей и Преподобныхъ и женъ святыхъ сословіе восхвалиша, Предтеча съ Богословомъ поклонишася, людіе же сущіи въ церкви съ веселіемъ вопіяху: Аллилуїа!

Ікосъ 8.

Всѣми вышними и нижними владычествуя Господь, узрѣвъ тя въ церкви Матерь свою стоящу и со умиленіемъ къ нему молящуюся, рече: проси Мати моя, зане не отвращуся тебе, но исполню вся прошенія твоя, и благодарственная сице тебѣ всѣхъ пѣти научу: Радуйся, ковчеже завѣта, въ немъ же хранится освященіе всего рода человѣческаго! Радуйся, стамно пресвятая, въ ней же алчущымъ правды блoudется хлѣбъ жизни вѣчныя! Радуйся, сосудъ всездатый, въ немъ же уготовася насъ ради плоть и кровь Божественнаго Агнца! Радуйся, оставленныхъ врачами на свои всемощныя руцѣ пріемлющая! Радуйся, разслабленныхъ тѣломъ, но не духомъ и вѣрою, со одра болѣзни воздвигающая! Радуйся, погубляющимъ отъ недуга умъ новый и лучшій смыслъ подающая! Радуйся, на стропотномъ пути грѣха и страстей насъ премудрѣ запинающая! Радуйся, жестокость нераскаяннаго сердца нашего умиляющая! Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 9.

Все естество ангельское похвальна приносить тебѣ истиннѣй Божіей Матери и заступницѣ всѣхъ притекающихъ къ тебѣ, вѣдуще яко несокрушимымъ покровомъ твоимъ праведныхъ возвеселяши, грѣшныхъ заступаши, бѣдствуующихъ избавляши, и молишися о всѣхъ вѣрныхъ, зовущихъ: Аллилуїа!

Ікосъ 9.

Вѣтіи многовѣщанныя, яко рыбы безгласныя недоумѣютъ, како восхвалити по достоянію великой всечестного покрова твоего праздникъ: вся бо о тебѣ отъ нихъ глаголемая не суть довольна къ единому изчислению щедротъ твоихъ: мы же твоя неисчисляемая благодѣянія видяще, съ веселіемъ взываемъ: Радуйся, отъ язвы и всегубительства смертнаго насть соблюдающая! Радуйся, отъ внезапнаго колебанія земли грады и веси сохраняющая! Радуйся, отъ разліянія водъ и потопленія рукою крѣпкою возводящая! Радуйся, отъ запаленія огненнаго росою молитвъ твоихъ избавляющая! Радуйся, отъ глада душевнаго и тѣлеснаго хлѣбомъ жизни снабдѣвающая! Радуйся, удары молнии и грома отъ главы нашей отводящая! Радуйся, отъ нашествія иноплеменниковъ и тайныхъ убийцъ спасающая! Радуйся, отъ домашнія браны и вражды единокровныхъ миромъ и любовью ограждающая! Радуйся, радосте наша, покрый насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 10.

Спасти хотяй родъ человѣческій отъ прелести вражія человѣколюбецъ Господь, тебе, Матерь свою, дарова земнымъ намъ въ помощь, покровъ и защиту, да будешি печальнымъ утѣшеніе, скорбящымъ радованіе, обидимымъ заступница, и да всѣхъ изъ глубины грѣховныхъ воздвигнеши, поющихъ: Алилуia!

Ікосъ 10.

Царю небесный, глаголаше въ молитвѣ на воздухъ со Ангелы стоящая всенепорочная Царица, пріими всякаго человѣка молящася къ тебѣ и призывающаго имѧ мое на помощь, да не отъидетъ отъ лика моего тоцъ и неуслышанъ. Сию всеблагую молитву слышавше собори Святыхъ, благодарнѣ возопиша: Радуйся, чистыхъ руками и сердцемъ земледѣльцевъ благословенными плодами вѣнчающая! Радуйся, помошь и праведное мздовоздаяніе всѣмъ право куплю дѣющымъ! Радуйся, клятвопреступленій и неправедныхъ стяжаній всенародное обличеніе! Радуйся, бѣдствующымъ въ пути, на сушѣ и водахъ внезапное вспоможеніе! Радуйся, безчадныхъ родителей плодами вѣры духа веселящая! Радуйся, безматернихъ сиротъ незримая воспитательница! Радуйся, крѣпкая заступница сущихъ въ плѣну и изгнанію! Радуйся, неусыпающая попечительница во узахъ и темницѣ сѣдящихъ! Радуйся,

дуйся, радосте наша, покрый насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 11.

Пѣніе всеумиленное слышаще и теплой твоей молитвѣ о насть внемлюще, просимъ тебе, Дѣво Богородице, не презри гласа рабовъ твоихъ: къ тебѣ бо въ напастехъ и скорбехъ прибѣгаемъ, и предъ тобою въ бѣдахъ нашихъ слезы проливаемъ, зовуще: Амилуїа!

Ікосъ II.

Яко свѣтопріемную свѣщу въ молитвѣ горящую, видящи тя на воздухѣ Влахернская церковь, согласно съ множествомъ людей, въ ней бывшихъ, возглашаše: откуду мнѣ сие, да пріиде Мати Господа моего ко мнѣ; Святый же Андрей съ Епифаніемъ теплѣ моляхуся къ Тебѣ, зовуще: Радуйся, всѣхъ даровъ духовныхъ и тѣлесныхъ независтная подательница! Радуйся, полагающихъ начало покаянія грѣшниковъ вѣрная представельница! Радуйся, борющихся со страстями и прилагами вражіими всеглашняя споборница! Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ! Радуйся, тайный покой и отрадо рабовъ кроткихъ и страждущихъ! Радуйся, всежеланное совершение благихъ супружествъ! Радуйся, матерей дѣтовордящихъ скорое и безболѣзенное разрѣшеніе! Радуйся, въ часть кончины единая всѣмъ намъ помощница! Радуйся, радосте наша, покрый насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Кондакъ 12.

Благодать Божественную испроси намъ у Сына твоего и Бога, простри намъ руку помощи, отжени отъ насть всякаго врага и супостата, и умири нашу жизнь, да не погибнемъ лютѣ, безъ покаянія, но пріими насть въ вѣчныя кровы, Покровительница наша, да радующеся тебѣ зовемъ: Амилуїа!

Ікосъ 12.

Поюще твой державный покровъ, хвалимъ тя вси, яко твердую представельницу нашу, и поклоняемся тебѣ о насть молящейся: вѣруемъ бо и надѣемся, яко испросиши у Сына твоего и Бога благая вѣчная и временная, всѣмъ съ лю-

бовію воліющымъ тебѣ сице: Радуйся, всїй вселеннїй крѣпкое заступленіе! Радуйся, всѣхъ стихій земныхъ и небесныхъ освященіе! Радуйся, всѣхъ временъ года благословеніе! Радуйся, всѣхъ навѣтовъ и искушеній отъ міра, плоти и діавола находящихъ, попраніе! Радуйся, нечаемое примиреніе ожесточенно враждующихъ! Радуйся, недовѣдомое исправленіе нераскаянныхъ грѣшниковъ! Радуйся, не отвергающая всѣми презрѣнныхъ и отверженныхъ! Радуйся, самихъ отчаянныхъ отъ рова погибели исхищающая! Радуйся, радосте наша, покрытъ насть отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!

Конданъ 13.

О всепѣтая Мати, пречистая Госпоже, Дѣво Богородицѣ! къ тебѣ возвожду душевныя и тѣлесныя очи, къ тебѣ простираю разслабленныя руцѣ, и изъ глубины сердца волію: призри на вѣру и смиреніе души моей, покрый мя всемощнымъ омофоромъ твоимъ, да избавлюся отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, и въ чась кончины моей, о Всеблагая, предстани мнѣ, и уготованного ради грѣховъ моихъ избави мученія, да выну покланяясь зову: Алилуїа!

Трижды.

Пѣснь 7. Ирмосъ.

Не послужиша твари Богомудрію паче Создавшаго, но огненное прощеніе мужески поправше, радовахуся поюще: препѣтый отецъ Господь и Богъ благословенъ еси.

Неописанная многими Пророки, несвѣдома же была еси, Дѣво, небесnymъ служащымъ Богу Ангеломъ: нынѣ же вси вѣмы тя Богородицу, и твоєя требуемъ помощи и заступленія, благословенная.

Гора усыренная духомъ, юже Аввакумъ видѣвъ тощающу вѣрнымъ цѣлебную сладость, Богородицу Дѣво, исцѣли ны, Сыну твоему воліющыя: благословенъ Богъ отецъ нашихъ! Слава:

Преклонивый небеса въ тя, Дѣво, вселися, и нынѣ на молитву твою зритъ, Богородицу чистая, твое, Царице, исполняя прощеніе: ему же за ны усердно помолися, на тя бо надѣемся, благословенная.

И нынѣ:

Творче Спасе нашъ, Христе Боже, пріими молитву твоєя матерє, юже тебѣ за ны грѣшныя приносить, да тебѣ радующеся поемъ: препѣтый отецъ нашихъ Боже, благословенъ еси!

Пѣснь 8. Ирмосъ.

Отроки благочестивыя въ пещи рождество Богородично спасло есть, тогда убо образуемое, нынѣ же дѣйствуемое, вселенную всю воздвигаетъ пѣти тебѣ: Господа пойте дѣла и превозносите его во вся вѣки.

Съ чинми Ангелъ, Владычице, съ честными и славними Пророки, съ верховными Апостолы, и со Священномученики и со Архiereи за ны грѣшныя Богу помолися, твоего покрова праздникъ въ Россійстѣй земли прославльшия.

Гордыню и шатанія низложи, и совѣты неправедныхъ князей раззори, зачинающихъ рати погуби, о Божія Мати, Царице всечестная! и Благочестиваго Императора нашего рогъ возвыси, да твой праздникъ славимъ, пречистая Богородице Дѣво, зовуще: Господа воспѣвайте дѣла, и превозносите его во вся вѣки! *Слава:*

Усты приносяще тебѣ пѣніе, и душею вѣрно покланяемся: ибо внутрь сердца наша горятъ. Мати Божія пречистая, помилуй насть молящихъ тебѣ, и Господа воспѣвающихъ, и превозносящихъ его во вся вѣки.

И нынѣ:

Многими отягчився грѣхи, недоумѣю по достоянію написати твоего покрова, Богородице, похвалу: но, яко Мати Божія, украси твой праздникъ чудесы, да вси радующеся поемъ Господа, и превозносимъ его во вся вѣки.

Пѣснь 9. Ирмосъ.

Всякъ земнородный да взыграется⁷ духомъ просвѣщаємъ, да торжествуетъ же безплотныхъ умовъ естество, почитающее священное торжество Богоматере, и да вопіетъ: радуйся, всеблаженная Богородице, чистая Приснодѣво!

Высокій Царю, со Отцемъ сѣдай и отъ Серафимъ воспѣваемыи, призри на молитву матернию, юже тебѣ за ны грѣшныя приноситъ, и очисти грѣхи наша, спаси градъ, и люди умножи, даждь Императору здравіе и спасеніе, и на поганыя побѣду, молитвами рождшія тя.

Ангельскій гласъ вопіемъ тебѣ, Дѣво Богоизбранная: радуйся, яже Адама паки въ рай введшая! Радуйся, демоны прогоняющая твоимъ именемъ! Радуйся, надеждо христіанъ, радуйся, освященіе душъ, радуйся, хранительнице града нашего! *Слава:*

Помяни насть во твоихъ молитвахъ, Госпоже Дѣво Богородице, да не погибнемъ за умноженіе грѣховъ нашихъ, покрыт насть

отъ всякаго зла и лютыхъ напастей: на тя бо уповаємъ и твоего покрова празникъ чествующе, тя величаемъ. *И нынѣ:*

Дарь отъ Бога пріяла еси, яко Мати Божія, всѣхъ христіанъ недуги исцѣляти, и отъ бѣдъ избавляти, и грѣхи отпущати, и отъ плѣненія спасати и всякия нужды, но и насъ не презри, Госпоже: вѣси бо, ихже требуемъ, здравія тѣлесемъ, и душамъ спасенія.

Свѣтиленъ.

Подобенъ: Жены услышите:

О пресвятая Госпоже Дѣво Богородице! покрый насъ чуднымъ твоимъ омофоромъ, сохрания Императора и люди отъ всякаго зла, якоже тя пречудный Андрей видѣ во Влахернѣй церкви молящуюся: и нынѣ намъ, Госпоже, посли великую твою милость.

Трижды.

На хвалитѣхъ стихирь, на 4. Гласъ 8.

Подобенъ: О преславнаго чудесе:

Тебѣ припадаемъ, Госпоже, и умильно кланяющеся тебѣ вопиємъ: радуйся, Богоблаженная Владычице, многоименитая Дѣво, Пророки прообразенная честно: въ тя бо яко роса Христосъ Богъ снide, и родила еси браконеискусная чистая, и на руку носила еси всѣхъ Творца и Господа: ему же нынѣ о насъ молися славящихъ вѣрно твоего покрова празникъ. *Дважды:*

Поютъ тя, Дѣво Богородице, Ангельстіи чини, и славятъ Патріарси со Архіереи, и святіи Апостоли, яко Матери Божіи честно служать тебѣ, витяюще тя за міръ молитву творящую ко Спасу всѣхъ Христу Богу, ему же помолися избавити градъ и люди, славящая тя вѣрно, и твоего покрова празникъ чествующая.

Паче Аарона кивота, всю тя Богъ освяти Духомъ, Богородице, святымъ: и паче солнечныхъ лучъ твоимъ свѣтящимся омофоромъ освѣщаєши церковь и люди, и тму грѣховъ нашихъ отгоняєши, избавляєши же отъ бѣдъ и скорбей, вѣрою чествующая твоего честнаго покрова празникъ.

Слава, и нынѣ, гласъ 6.

Яко видѣ тя пречудный Андрей на воздухъ со Архангельскимъ множествомъ, со Апостолы и Пророки и множествомъ Мучени-

ковъ, Сыну твоему и Богу нашему о градѣ и людехъ молящуюся, Владычице, и честнымъ твоимъ покровомъ покрывающую, не оскудѣй и нынѣ, пречистая, спаси изрядное достояніе твоего Сына, пречестный праздникъ твой празднующе, многопѣтая.

МОЛИТВА

КО ПРЕСВЯТѢЙ БОГОРОДИЦѢ.

О пресвятая Дѣво, Мати Господа, вышнихъ Силь, небесе и земли Царице, града и страны нашея всемошная Заступнице! пріими хвалебно-благодарственное пѣніе сие отъ насъ недостойныхъ рабъ твоихъ, и вознеси молитвы наши къ престолу Бога Сына твоего, да милостивъ будеть неправдамъ нашымъ и пребавить благодать свою чтущымъ всечестное имѧ твое, и съ вѣрою и любовию покланяющимся чудотворному образу твоему. Нѣсмы бо достойни отъ него помилованы быти, аще не ты умилостиши его бъ насъ, Владычице, яко вся тебѣ отъ него возможна суть. Сего ради къ тебѣ прибѣгаемъ, яко къ несомнѣннѣй и скорой Заступницѣ нашей: услыши насъ молящихся тебѣ, осѣни насъ вседержавнымъ покровомъ твоимъ и испроси у Бога Сына твоего пастыремъ нашымъ ревность и бдѣніе о душахъ, градоправителемъ мудрость и силу, судіямъ правду и нелицепріятіе, наставникомъ разумъ и смиренномудріе, супругамъ любовь и согласіе, чадамъ послушаніе, обидимымъ терпѣніе, обиляющимъ страхъ Божій, скорбящимъ благодушіе, радующимся воздержаніе: всѣмъ же намъ духъ разума и благочестія, духъ милосердія и кротости, духъ чистоты и правды. Ей, Госпоже пресвятая, умилосердися на немощные люди твоя: разсѣянныя собери, заблуждшыя на путь правый настави, старость поддержи, юныя уцѣломудри, младенцы воспитай, и призри на всѣхъ насъ призерѣніемъ милостиваго твоего заступленія, воздвигни насть изъ глубины грѣховныя и просвѣти сердечныя очи наша къ землію спасенія, милостища намъ буди здѣ и тамо, въ странѣ земнаго пришельствія, и на страшномъ судѣ Сына твоего: преставльшияся же въ вѣрѣ и покаяніи отъ житія сего отцы и братію.

нашу въ вѣчной жизни со Ангелы и со всѣми Святыми жити сътвори. Ты бо еси, Госпоже, слава небесныхъ и упованіе земныхъ, ты по Бозѣ наша надежда и Заступница всѣхъ, притекающихъ къ тебѣ съ вѣрою. Къ Тебѣ убо молимся и Тебѣ, яко всемогущей помощницѣ, сами себе и другъ друга и весь животъ нашъ предаемъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

МОЛИТВА

КО ПРЕСВЯТѢЙ БОГОРОДИЦѢ

ЧЕЛОВѢКА, СУЩАГО ВЪ СКОРБИ И ОЗЛОБЛЕНИИ.

Царице моя преблагая, надеждо моя пресвятая, пріятелище сирымъ и страннымъ Заступнице, бѣдствующихъ помоюще и озлобляемыхъ покрове, зриши мою напасть, зриши мою скорбь: отвсюду искушеніемъ одержимъ есмъ, а заступающаго нѣсть. Ты убо сама помози ми, яко немощну, окорми мя, яко странна, настави яко заблуждша уврачуй и спаси яко безнадежна. Не имамъ бо иныхъ помощи, ни иного представительства, ни утѣшения, токмо тебе, о Мати всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ! Призри убо на мя грѣшнаго и во озлобленіи сущаго и покрый мя пресвятымъ омофоромъ твоимъ, да избавленъ буду отъ золъ, мя обышедшихъ, и восхвалю выну препѣтое имя твое. Аминь.

Также: Достойно есть, и обычный отпуть.

СЛУЖБА И АКАӨИСТЬ

СВЯТОМУ АРХАНГЕЛУ МИХАИЛУ.

НАЧАЛО ОБЫЧНОЕ.

На Господи воззвахъ, стихиры, гласъ 4.

Подобенъ: Яко добля:

Трисолнечного Божества предстоятель сый свѣтлѣйшій, Михаиле Архистратиже, съ горними силами зовеши, радуяся: святъ еси Отче, святъ еси собезначальное Слово, святъ еси и Святый Душа, едина слава, едино царство и естество, едино Божество и сила.

Дважды.

И видъ твой огненъ, и доброта чудна, Михаиле первоангеле: невещественнымъ бо естествомъ преходиши концы, исполняя повелѣнія всѣхъ Творца, силенъ въ крѣпости твоей познаваемъ.

Дважды.

Творяй Ангелы твоя, яко же писано есть, духи, и служащыя тебѣ пламень огненный, посредѣ чиновъ твоихъ Архангельскихъ первенствующа показалъ еси, Господи, Михаила Архистратига, твоимъ мановеніямъ повинующаяся, Слове, и пѣсни трисвятую со страхомъ возглашающа славѣ твоей.

Дважды.

Слава, гласъ 7. Византіево.

Срадуйтесь намъ вся Ангельская чиноначалія: предстоятель бо вашъ и нашъ предстатель, великий Архистратигъ, въ днешній день въ честнѣмъ его храмѣ соборомъ вѣрныхъ по долгу усердно

прославляется и въ молитвахъ призываются: покрый насть кровомъ крилу твою, великий Архистратиже Михаиле.

И нынѣ, Богородиченъ, гласъ тойже.

Срадуйтесь намъ вся дѣвственныхъ ликостоянія: представительница бо наша, и ходатаща, и покровъ, и великое прибѣжище, въ днешній день всечестнаго празднства, вся скорбящая утѣшаєтъ: тѣмже по долгу ублажающе сию, возопіумъ: покрый ны божественнымъ представительствомъ твоимъ, пречистая Богородице Владычице!

На стиховнѣ стихиры, гласъ 1.

Чиноначальникъ вышнихъ силъ Михаилъ, днесъ насть къ торжеству созва, сохраняя ны отъ всякаго діаволя обстоянія: пріидите убо празднолюбцы цвѣты добродѣтелей вземше, чистыми помыслы и совѣстю благостоянною, Архангеловъ представителя почтимъ: той бо непрестанно Богу предстоя, и трисвятую пѣснь воспѣвая, молитъ спастися душамъ нашымъ.

Стихъ: Творяй Ангелы своя духи, и слуги свои пламень огненный.

Небеснымъ первствуя въ дерзновеніш мнозѣмъ, и предстоя престолу страшному въ славѣ, самовидче неизреченныхъ таинъ, спаси ны, Михаиле Архистратиже, сущия въ нуждахъ бѣдъ и напастей, молитвами твоими.

Стихъ: Хвалите его вси Ангели его, хвалите его вся силы его.

Безплотныхъ Ангеловъ первый еси, и служитель божественного свѣта, самовидецъ же и таинникъ чудесъ, тѣмже отъ бѣдъ избави ны, Михаиле Архистратиже, чтущая имѧ твое благочестно, и поющя во славу Пресвятая Троицы.

Слава, и нынѣ, гласъ 8.

Небесныхъ чиновъ начальникъ, служитель же славы божественная достойно бывъ повелѣніемъ Виждителя твоего, христіанамъ еси ходатай вѣрный невещественною твою силуо вся земная охраняя: тѣмже по долгу восхваляемъ тя вси, преславное твое днесъ совершающе торжество, Михаиле Архистратиже: ты же моли Христа Бога, грѣховъ оставленіе даровати любовію тя прославляющимъ.

Тропарь, гласъ 4.

Небесныхъ воинствъ Архистратиже, молимъ тя присно, мы недостойніи, да твоими молитвами оградиши насть кровомъ криль невещественныя твоего славы, сохраняя насть припадающихъ преложно и волюющихъ: отъ бѣдъ избави насть, яко чиноначальникъ вышнихъ силъ.

*Господи помилуй, трижды. Слава и нынѣ. Также псаломъ 50
Помилуй мя, Боже.*

КАНОНЪ.

Гласъ 1. Пѣснь 1. Ирмосъ.

Отверзу уста моя, и наполнятся Духа, и слово отрыгну царицѣ Матери, и явлюся свѣтло торжествуя, и воспою радуяся тоя чудеса.

Пріпѣвъ: Святый Архистратиже Михаиле, моли Бога о насть.

Божественными свѣтлостью облистаємъ всегда, умъ мой озари, еже воспѣти тя, Архистратиже горнихъ воинствъ, всѣхъ утвержденіе притекающихъ къ тебѣ.

Умъ пребезначальный, премірного чина начальника показа тя, преславне Архистратиже, и свѣтъ сущихъ во тмѣ, и божественное укращеніе Церкви своея.

Слава:

Умовъ превышая небесныхъ въ силѣ и благолѣпіи, дольнымъ же всеизряднѣйшее, Михаиле, явился еси огражденіе и утвержденіе, и оружіе, враги потребляющее.

И нынѣ:

Дѣво всенепорочная, Ангеловъ радованіе, человѣковъ помоюще, ты мнѣ помози мореплавающему, и въ бури грѣха присно впадающу и бѣдствующу.

Пѣснь 3. Ирмосъ.

Твоя пѣснословцы, Богородице, живый и независтный источникъ, ликъ себѣ совокупльшия духовно утверди, въ божественнѣй твоей славѣ вѣнцевъ славы сподоби.

Крѣпостю божественною, воеводо Ангеловъ всехвальне, обходиши всю землю, отъ лютыхъ ны изимая, призывающыя твое преславное имя.

Яко богоизбѣнъ проповѣдникъ, яко представитель вѣрныхъ непостыденъ, заблуждшихъ путевождь и наказатель быль еси выну, Архистратиже богоизбѣшій.

Слава:

Божественаго сиянія чистѣйшее зерцало явился еси, озаряя лучами трисолнечнаго Божества вся долиняя, на небеси и на земли, Михаиле первоангеле досточудне.

И нынѣ:

Невещественныя умы составивый волею, въ вещественное твое чрево вселися хотѣніемъ, Всенепорочная, плотю зrimъ николиже зrѣнныій.

Съдаленъ, гласъ 1.

Ликъ Ангельскій, Архистратига имѣя божественаго Михаила, съ нимъ святѣй Троицѣ немолчное приноситъ пѣніе: изъ не сущихъ бо Создатель всяческихъ воинства огнезрачныхъ чиновъ словомъ приведе.

Слава, и нынѣ:

Упованіе христіанъ пресвятая Дѣво, егоже родила еси Бога, паче ума же и слова, непрестанно моли съ вышними силами, подати намъ оставленіе грѣховъ, и исправленіе житія вѣрою и любовью присно тя славящымъ.

Пѣснь 4. Ирмосъ.

Съдяй въ славѣ на престолѣ Божества, во облацѣ легкѣ пріиде Іисусъ преображеній нетлѣнною дланію, и спасе зовущія: слава, Христе, силѣ твоей.

Умъ сый безначальныій, Ангельскіе умы хотѣніемъ всемощнымъ создаль еси, начальника посредѣ ихъ Михаила содѣлавъ, всеблаженнымъ причастіемъ славы твоей просвѣщаема, и умными богоначалію облистаема.

Пѣніе трисвятое со престолы и началы, и силами, и властями, и священными господствы возглашаєши Троицѣ, преславне Михаиле.

Слава:

Величаемъ всѣхъ Творца же и Господа, за благоутробіе давшаго необориму стѣну и забрало Михаила намъ, свѣтозарнаго Архистратига.

И нынѣ:

Мысленно, Дѣво, твоего пречистаго рождества преславное въ

дусъ провидѣвъ событіе древле Пророкъ, гору тя пріосѣннюю нарече, изъ нея же святый пріиде Богъ воплощаемъ.

Пѣснь 5. Ирмосъ.

Ужасошася всяческая о божественнѣй славѣ твоей, ты бо, неискусобрачная Дѣво, имѣла еси во утробѣ надъ всѣми Бога, и родила еси безлѣтнаго Сына, всѣмъ воспѣвающыимъ тя миръ подавающая.

Явился еси предводящъ древняго Израиля столпомъ облачнымъ во дни, и столпомъ огненнымъ въ нощи, Михаиле безлѣсны й, Ангеловъ Архистратиже.

Невещественными озаряемъ сіяніи присно, причастіемъ же богоначальнымъ, и намъ свѣтодательное озареніе подаеши, первоангеле, призывающыимъ имя твое.

Слава:

Украсися благодатю пречестный твой храмъ: въ томъ бо незримо являся, яко врачевствъ источникъ неоскудны й, Михаиле первоангеле, всякия страсти потребляєши.

И нынѣ:

Умныхъ Ангеловъ тя показа Богъ вышшую, вселився въ твоя ложесна, Чистая всенепорочная, его же моли всегда, ущедрити поющыя тя.

Пѣснь 6. Ирмосъ.

Божественное сіе и всечестное совершающе празднество, бого-мудріи, Богоматере, пріидите руками восплемъ, отъ нея рождаю-ся Бога славимъ.

Радуется вѣрныхъ множество, благохвалящее тя, Михаиле, и славить всесвятаго Бога, дивнѣ совокупльшаго земнородныхъ со Ангелы, своею благостію.

Воинства Израилева многажды спасль еси являся, Михаиле, и божественная подая повелѣнія, и враги въ конецъ низлагая.

Слава:

Яко видѣ тя Іисусъ Навинъ, поклонися, вопросивъ честнаго твоего и святаго имене, благоговѣніемъ же и страхомъ одержимъ.

И нынѣ:

Блажени людіе присно блажающіи тя, яко Бога всеблаженнаго

рождшую, иже земная за милосердіе неизреченнымъ единенiemъ съ тобою обожилъ есть.

Конданъ 1.

Избранный небесныхъ силъ Воеводо и рода человѣческаго заступниче, сіе тебѣ, иже тобою отъ скорбныхъ избавляеми, благодарственное приносимъ пѣніе, ты же, яко предстояй престолу Царя славы, отъ всякихъ насть бѣдъ свободжай, да съ вѣрою и любовію въ похвалу тебѣ зовемъ: Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Ікосъ 1.

Яко Ангельскихъ огнезрачныхъ ликовъ предстоятеля, Ангельскими убо и языки подобаше восхвалити тя, Михаиле: но дондеже, вразумляеми тобою, навыкнемъ безплотныхъ глаголамъ, услышши, аще и отъ человѣческихъ, обаче благодарныхъ устенъ, сицевая: Радуйся, звѣздо міра первообразная! Радуйся, свѣще истины и правды златозарная! Радуйся, лучей свѣта несозданного первый во Ангельскихъ ликостояніихъ пріемниче! Радуйся, Ангеловъ и Архангеловъ начальниче! Радуйся, въ немъ же наивящше свѣтлѣется слава Творческія десницы! Радуйся, имъ же красуются соборы всѣхъ существъ безплотныхъ! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Конданъ 2.

Провидяще вѣры очесами величіе духовныя красоты и силу молніеносныя десницы твоєя, Архангеле Божій, мы, яко земніи и плотю обложеніи, удивленіемъ, радостю и благодареніемъ ко Творцу всяческихъ исполняемся, зовуще со всѣми небесными силами: Аллілуїа!

Ікосъ 2.

Разумъ чистъ и свободенъ отъ страстей испроси намъ, пречудный Михаиле, небесныхъ чиновъ начальниче, да, вознесшееся мыслю отъ земныхъ къ небеснымъ, хвалебную пѣнь воспоесть ти сице: Радуйся, Божія неизреченная красоты и доброты ближайшій зрителю! Радуйся, всеблагихъ совѣтовъ Пресвятыхъ Троицы пріискренній таинниче! Радуйся, предвѣчныхъ судебъ Трои-

ческихъ вѣрный исполнителю! Радуйся, ему же съ любовию удивляются небесная воинства! Радуйся, его же съ вѣрою прославляютъ земнородні! Радуйся, отъ него же трепещутъ адскія силы! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 3.

Силу необоримыя ревности по славѣ Божией въ себѣ являя, сталъ еси во главѣ ликовъ Ангельскихъ, Михаиле! противу дышащаго злою, прегордаго денница, ему же со темными клевреты его съвысоты небесной въ преисподнюю низвержену сущу, воинства небесная, тобою преславнѣ водимая, съ веселіемъ, яко единими усты, предъ престоломъ Божіумъ возгласиша: Аллилуia!

Ікосъ 3.

Имать тебе, Архангеле Михаиле, весь родъ христіанскій велика заступника и дивна во бранехъ съ противными помощника: сего ради пречудного покрова твоего сподобитися желающе, въ день торжества твоего взыываетъ ти сице: Радуйся, имъ же сатана, яко молнія, съ небесе низвержеся! Радуйся, имъ же хранимый родъ человѣческій, къ небеси восходитъ! Радуйся, всесвѣтлаго міра горняго предивное укращеніе! Радуйся, падшаго міра дольняго преславное заступленіе! Радуйся, николиже силами зла побѣжденныи! Радуйся, со всѣми Ангелы Божіими въ истинѣ и правдѣ на вѣки благодатію Божію утвержденныи! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 4.

Бури искушеній и бѣдъ избави насть, Ангеловъ первопрестольниче, съ любовию и радостю пресвѣтлое торжество твое совершающихъ: ты бо еси въ бѣдахъ великій помощникъ, и въ часъ смерти отъ злыхъ духовъ хранитель и заступникъ всѣхъ, вопіющихъ твоему и нашему Владыцѣ и Богу: Аллилуia!

Ікосъ 4.

Видяще твое противу полчищъ сатанинскихъ дерзновеніе, вси чинове Ангельстіи съ радостю подвигоша во слѣдъ тебѣ на брань за имя и славу своего Владыки, вопіюще: кто яко Богъ;

мы же вѣдуще сатану подъ ногама твоими повержена, тебѣ, яко побѣдителю зовемъ: Радуйся, имъ же миръ и тишина на небеси водворишася! Радуйся, отъ него же духове злобы даже до ада низложишася! Радуйся, Ангельская воинства и силы міра невидимаго ко истребленію зла направляяй! Радуйся, прю и возмущеніе стихій міра видимаго незримо укрощаю! Радуйся, подъемлющымъ брань къ духовомъ злобы поднебесныя дивный спборниче! Радуйся, изнемогающимъ во искушеніяхъ и напастехъ вѣка сего крѣпкій помощниче! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 5.

Боготочный источникъ превеликихъ чудесъ явился еси во храмѣ твоемъ, иже въ Хонѣхъ, не точю бо змій великий и страшный, на мѣстѣ томъ пребывавшій, силою твою потребися, но и струи водныя, всякий недугъ тѣлесный врачующая, открышася, да вси прославляющему тя Владыцу Ангеловъ, съ вѣрою зовутъ: Амилуїа.

Ікосъ 5.

Слышаще и вѣдуще тя яко свѣтило великое, посреди ликовъ Ангельскихъ блестающася, пречудный Михаиле, къ тебѣ, по Бозѣ и Пресвятѣй Матери Божіей, прибѣгаешьъ: озари лучами свѣта твоего всѣхъ насы, вопіющихъ ты сице: Радуйся, вождю и хранителю въ пустынѣ народа богоизбраннаго! Радуйся, высокій посредниче закона, рукою Моисея на Синаи даннаго! Радуйся, у него же судіи и вожди Израилевы силу и покровъ обрѣтаху! Радуйся, чрезъ него же пророцы и первосвященницы іудейстіи даръ вѣданія отъ всевѣдущаго Бога пріимаху! Радуйся, богобоязненнія законодавцы тайною премудростію снабдѣваяй! Радуйся, судъ и правду творящымъ благость на сердце полагаяй! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 6.

Провозвѣстника тя Божіихъ судебъ егда уэрѣ нѣкогда Маное, недоумѣнія и страха исполнися, мя не жити кому на земли: наученъ же отъ жены своея о благости явленія и кротости словесъ твоихъ, въ радости о имѣвшемъ родитися, по словеси твоему, сынѣ своемъ Сампсонѣ, благодарнѣ возопи Богу: Амилуїа!

Ікосъ 6.

Возсіялъ еси пречудно славою, Михаиле, егда во образѣ человѣчествѣ предъ Іусусомъ Навиномъ сталъ еси, глаголя: иззуй сапогъ съ ногу твою. Азъ есмь Архистратигъ силы Господни! таковому явленію твоему чудящеся, съ любовію вопіемъ ти: Радуйся, богоувѣнчанныхъ главъ неусыпный охранителю! Радуйся, противляющихся власти, яко Божію повелѣнію противящихся, скорый низложителю! Радуйся, усмирителю народныхъ треволненій! Радуйся, незримый упразднителю злочестивыхъ обычаевъ! Радуйся, яко ты просвѣщаешъ сомнящихся въ часть лютыхъ недовѣрій! Радуйся, яко ты изхищаешьъ искушаемыхъ отъ пагубоносныхъ наважденій! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 7.

Хотяй Владыка всяческихъ показати, яко жребіи сыновъ человѣческихъ не самослучайни суть, но въ десницахъ Его выну содержатся, даде тя царствамъ заступника и хранителя, да племена и народы къ вѣчному царствію Божію уготовляєши: сего ради вси, вѣдущі о великомъ служеніи твоемъ спасенію человѣческому, благодарнѣ зовутъ Богу: Аллилуіа!

Ікосъ 7.

Новая чудеса показа намъ, Архистратиже, тобою на земли всѣхъ чудесь Творецъ и Владыка, егда храмъ, во имя твое созданный, отъ потопленія водами рѣчными дивно спасль еси, струя потока въ нѣдра земная устремитися повелѣвый, еже видя блаженный Архиппъ съ духовными чады своими, благодарнѣ къ тебѣ возопи: Радуйся, святыхъ храмовъ Божіихъ несокрушимая оградо! Радуйся, врагомъ вѣры Христовы необоримая преграда! Радуйся, его же велѣнію стихіи покоряются! Радуйся, имъ же вси злобніи замыслы сокрушаются! Радуйся, вѣрнымъ радость отъ престола Вседержителя износящи! Радуйся, невѣрныхъ на стезю правды и истины приводящій! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 8.

Странное чудо силы твоей, Архистратиже Божий, увѣдѣ на себѣ Аввакумъ, егда по манио Божию восхитивъ, принесъ еси его скоротечнѣ отъ Иудеи въ Вавилонъ, дати пищу Даниилу, въ ровѣ со львы заключену: тѣмъ же удивлься превеликому дѣйствію силы твоей, возопи съ вѣрою: Аллилуia!

Ікосъ 8.

Весь еси въ вышнихъ, Михаиле, престолу Царя славы предстояй, не далекъ еси и отъ нижнихъ, ратуя выну со врагами спасенія человѣческаго: тѣмъ же вси вожделѣннаго отечества небеснаго достигнути хотящіи согласно тебѣ зовутъ: Радуйся, начальниче тресвятаго Ангельскаго пѣнія! Радуйся, земнородныхъ присно готовый предстателю и хранителю! Радуйся, прегордаго Фараона съ невѣрными Египтяны поразивый страннообразно! Радуйся, вѣрныя іудеи путеводивый въ пустыни преславно! Радуйся, имъ же угасиша пламень пещи Вавилонскія! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 9.

Вси иноцы святыя горы Аѳонскія въ радостный трепетъ пріодоша, видяще, како богообязненна отрока, неистовно отъ нечестивыхъ златолюбцевъ во глубину морскую съ камнемъ повержена, спасль еси: тѣмъ же пріявшая его обитель, именемъ твоимъ красуяся, благодарнѣ взываетъ къ Господу: Аллилуia!

Ікосъ 9.

Вѣтій глаголы и любомудровъ смыслы не довѣрють ко изглаголанію силы твоей, Михаиле, како во едину нощь сто осмьдесятъ и пять тысячи поразилъ еси отъ воевъ царя Ассирійска Сеннахирима, да накажется проче не хулити имя Господне: мы же, почитая святую ревность твою о славѣ Бога истиннаго, съ веселіемъ зовемъ ти сице: Радуйся, православныхъ воинствъ непобѣдимый воеводо! Радуйся, зловѣрныхъ ратей страхъ и низложеніе! Радуйся, правыя вѣры и богопочитанія насадителю! Радуйся, душевредныхъ ересей и расколовъ искоренителю! Радуйся, благочестивыя Маккавеи на полѣ браны многажды укрѣпивый! Радуйся,

нечестиваго вождя Антіохова Иліодора въ самомъ храмѣ порази-
вый! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небес-
ными силами!

Кондакъ 10.

Спастися хотящимъ намъ буди помощникъ твердъ, Архи-
стратиже Божій, избавляй и храняй насть отъ бѣдъ и напастей,
паче же отъ злыkhъ навыковъ и грѣховъ нашихъ, да преспѣвая
въ вѣрѣ, надеждѣ и любви Христовѣ, съ радостю о предивномъ
заступлениі твоемъ, ко Владыкѣ Ангеловъ и человѣковъ благо-
дарнѣ зовемъ: Амилуїа!

Ікосъ 10.

Стѣна еси вѣрующимъ человѣкомъ, Архистратиже Божій, и
столпъ крѣпокъ въ бранѣхъ со врагами видимыми и невидимы-
ми: сего ради отъ сѣтей бѣсовскихъ тобою избавляеми, благо-
дарнымъ сердцемъ и усты зовемъ сице: Радуйся, врагомъ вѣры
и сопротивникомъ святыхъ церкви непобѣдимый противоборниче!
Радуйся, смиреннымъ провозвѣстникомъ Евангелія неутомимый
споспѣшниче! Радуйся, во тмѣ зловѣрія сѣдящихъ свѣтомъ вѣры
Христовы просвѣщаяй! Радуйся, лжемудріемъ объюродѣвшихъ
на стезю истины и покаянія наставляй! Радуйся, грозный от-
мстителю кленуЩимся именемъ Божіумъ всуе! Радуйся, молніе-
носный карателю глумящихся безумнѣ о таинствѣхъ святыхъ вѣ-
ры! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небес-
ными силами!

Кондакъ 11.

Пѣніе всякое хвалебное побѣждается множествомъ чудесъ
твоихъ, Архистратиже Божій, яже совершена суть тобою не то-
чію на небеси и на земли, но и въ темныхъ сѣнехъ преисподней,
и дѣже глубинного змія связалъ еси узами силы Господней, да
избавляеміи отъ злобы его благословяты Владыку небеси и земли,
зовуще: Амилуїа!

Ікосъ 11.

Свѣтоносный служитель истины и чистоты богопочитанія
явился еси, Архистратиже, егда провидя козни тьмы, воспре-

тиль еси ему именемъ Божіумъ, да не дерзнетъ сокровенное тѣло почившаго вождя Ізраилева Моусея, явити ко обоженію чувственнымъ сыновомъ Ізраилевымъ: сего ради, чтуще нынѣ богосвѣтлый соборъ твой, благодарнѣ воніемъ ти: Радуйся, чистоту боговѣданія во дни ветхаго завѣта среди Іудеевъ сохранивый! Радуйся, плевелы заблужденій во дни новыя благодати многажды искоренивый! Радуйся, языческихъ прорицалищъ и кумировъ истребителю! Радуйся, христіанскихъ подвижниковъ и страстотерпцевъ укрѣпителю! Радуйся, немощныя духомъ силою благодати Божіей исполняй! Радуйся, изнемогающыя плотю всеоружиемъ вѣры облекаяй! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 12.

Благодать отъ Бога съ небесе испроси намъ, поющымъ во славу всечестнаго имене твоего, Михаиле, да, освѣняеми твоимъ заступленіемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ поживемъ, дондеже отрѣшеніи смертю отъ узъ плоти, сподобимся представати огнезрачному престолу Царя славы, и съ лики Ангельскими возвопити: Аллилуia!

Ікосъ 12.

Поюще многообразная твоя чудеса, Михаиле, во спасеніе наше содѣянная, молимъ Господа и Владыку всяческихъ, да духъ ревности по славѣ Божіей, иже въ тебѣ, николиже оскудѣеть и въ насть, зовущихъ ти сице: Радуйся, вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, во время благопотребно, на высоту власти предивнѣ поставляй! Радуйся, продерзыихъ и недостойныхъ съ высоты силы и славы незримо низлагаяй! Радуйся, въ день послѣдній избранныхъ отъ четырехъ концовъ земли имѣяй собрати! Радуйся, имъ же грѣшныя, яко плевелы, по гласу Божію, огню вѣчному преданы будуть! Радуйся, имъ же сатана со аггелы его во езеро огненное на вѣки повергнется! Радуйся, имъ же праведніи во обителехъ Отца небеснаго прославнѣ водворятся! Радуйся, Михаиле, великій Архистратиже, со всѣми небесными силами!

Кондакъ 13.

О пречудный Архангеловъ и Ангеловъ начальниче, за предивное служеніе твое спасенію рода человѣческаго, пріими отъ насть

возносимый къ тебѣ нынѣ гласъ хвалы и благодаренія, и, яко исполнъ силы Божія, покрый насъ невещественнымъ крилома твоима отъ всѣхъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, да прославившему тя Господа, выну зовемъ: Аллилуя!

Сей кондакъ глаголи трижды. И паки читется 1-й икосъ: Яко Ангельскихъ: И паки кондакъ: Избранный небесныхъ силъ.

Пѣснь 7. Ирмосъ.

Не послужиша твари богоудрію паче создавшаго: но огненное прещеніе мужески поправше, радовахуся поюще: препѣтый отцевъ Господь и Богъ благословенъ еси.

Начальникъ Ангеловъ бысть Михаилъ Архангель: славится же съ нимъ таинникъ благодати и Дѣвы обручитель всечестный, Гавріилъ, радость предвозвѣщая вопіющимъ: людіе превозносите Христа во вся вѣки.

Ангеловъ начальники боговидныя и свѣтоносныя, Михаила и Гавріила, наши благія утѣшители, и представители и хранители, восхвалимъ вѣрою велегласно.

Слава:

Красень и всеблаголѣпенъ и богоиденъ сый, вождь паче ума невещественныхъ духовъ быль еси, Михаиле свѣтозарнѣйшай: съ ними убо о всѣхъ насъ молися.

И нынѣ:

Ума превѣчнаго истинное Слово соприсносущное, Дѣво, въ тя неизглаголанно и страшно вселшееся видя, возопи Гавріиль Архангель: радуйся престоле Высочайшаго, преблагословенная!

Пѣснь 8. Ирмосъ.

Отроки благочестивыя въ пещи рождество Богородично спасло есть, тогда убо образуемое, нынѣ же дѣйствуемое, вселенную всю воздвигаетъ пѣти тебѣ: Господа пойте дѣла, и превозносите его во вся вѣки.

Мысленныхъ существъ безтѣлесныхъ чиноначальникъ, человѣковъ же представитель благоуспѣшенъ, Божій служитель, Михаиле, показался еси преславно, зовущий: вся дѣла Господа пойте и благословите!

Яко свѣтильника два пресвѣтлая, Михаиле и Гавріиле Архан-

тели, три свѣтлого Божества сіянми всю тварь просвѣщающіи, лютыхъ мглу отгоняете.

Слава:

Яко добріи кормчіи Архангели, ко пристанищу божественныя воли душевный корабль мой направите, отъ бури грѣховъ падшій и бѣдствующій.

И нынѣ:

Невѣстокраситель, божественный Архангель представъ, возглашаše тебѣ: радуйся, Невѣсто Божія безневѣстная, Ангеловъ славо и человѣковъ спасеніе и огражденіе.

Пѣснь 9. Ирмосъ.

Всякъ земнородный да взыграется духомъ просвѣщаемъ, да торжествуетъ же безплотныхъ умовъ естество, почитающее священное торжество Богоматере, и да вопіетъ: радуйся, всеблаженная Богородице, чистая Приснодѣво.

Благолѣніе всечестнаго храма твоего, Архангеле, священнотайна твоимъ присутствіемъ осіяваемое, чудесъ молни испушаеть и тьмы недуговъ отгоняетъ божественною благодатію.

Яко двоица прекрасная и свѣтолѣпная суще, Владычнимъ повелѣніемъ сущымъ на земли служите, Михаиле преславне и Гавріиле досточудне, отъ лютыхъ изъимающе, и всѣмъ просвѣщеніе посылающе спасительное, божественнымъ Духомъ.

Слава:

Днесъ радуются съ нами безтѣлесніи умы, воспѣваема видяще своего великаго и свѣтлого Архистратига, и любовнѣ съ нами сопразднують, Жизнодавца величающе.

И нынѣ:

Гласъ божественнаго Гавріила приносимъ тебѣ радостно, Всечестая, и взыываемъ: радуйся, раю, посреди древо жизни имѣй! радуйся Бога Слова жилище и чертоже! Радуйся, возваніе Адама и всего рода человѣча!

Свѣтиленъ.

Якоже древле укротилъ еси рѣки безчинная устремленія и шумѣнія, Архистратиже славы, тако и нынѣ языковъ гордыню

и демоновъ свирѣпства потреби, да по долгу тя чтемъ въ пѣснѣ достойно.

Богородиченъ.

Почитаютъ рождество твое безплотныхъ чини, радости бо вся земная ты наполнила еси едина: тѣмъ тя Всенепорочную вѣрнію славимъ, въ пѣніихъ славословяще.

На хвалитѣхъ стихиры, гласъ 1.

Небесныхъ чиновъ яко предначальника, и сущихъ на земли: человѣковъ крѣпкаго тя представеля, хранителя же и избавителя воспѣваемъ вѣрно, Михаиле Архистратиже, молящіяся всякия тлетворныя болѣзни насть избавити.

Чиноначальникъ сый горнихъ божественныхъ силъ, днесъ созываетъ человѣческія лики, единъ со Ангелы свѣтлый праздникъ составити, и купно пѣснъ Богу воспѣти трисвятую.

Огненныхъ слугъ Божіихъ предстоятельство отъ Отца свѣтловъ пріяль еси, Михаиле, тѣмъ и сіяніе того славы сіяюще на тебѣ имаши, окресть страшнаго престола предстоя, яко первостоятель Ангельскихъ невещественныхъ чиновъ.

Подъ кровъ невещественныхъ крылья прибѣгающыя ны вѣрою, Михаиле богоозаряемый уме, соблюдай и покрывай чрезъ все житіе, и въ часть смертный представи, яко помощникъ всѣмъ намъ благонадежнѣйшій.

Слава, гласъ 5.

Идѣже освѣняетъ благодать твоя, Архангеле, отдулу діаволя прогонится сила: не терпитъ бо свѣта твоего видѣти спадый съ небеси денница. Тѣмъ молимъ тя, огненосныя его стрѣлы, яже на ны движимыя, угаси твоимъ дуновеніемъ.

И нынѣ:

Блажимъ тя, Богородице Дѣво, и славимъ тя вѣрнію по долгу, яко градъ неколебимый, стѣну необоримую, твердую представительницу и прибѣжище душъ нашихъ.

МОЛИТВА

СВЯТОМУ АРХАНГЕЛУ МИХАИЛУ.

Святый и великий Архангеле Божий Михаиле, неисповѣдимыя и пресущественные Троицы первый во Ангелѣхъ предстоятелю, рода же человѣческаго приставниче и хранителю, сокрушивый съ воинствами своими главу прегордаго денница на небеси, и посрамляй выну злобу и коварства его на земли, къ тебѣ прибѣгаемъ съ вѣрою и тебѣ молимся съ любовию, буди щитъ несокрушимъ и забрало твердо святѣй Церкви и православному отечествію нашему, ограждая ихъ молніеноснымъ мечемъ твоимъ отъ всѣхъ врагъ, видимыхъ и невидимыхъ! Буди Ангель хранитель, премудръ совѣтодатель и споспѣшникъ Благочестивѣйшему Императору нашему, износя Ему отъ престола Царя царствующихъ просвѣщеніе и силу, радость, миръ и утѣшеніе! Буди вождь и соратай непобѣдимъ Христолюбивому воинству нашему, вѣнчая его славою и побѣдами надъ супостаты, да познаютъ все противляющіяся намъ, яко съ нами Богъ и святіи Ангели Его. Не остави же, о Архангеле Божій, помощію и заступленіемъ твоимъ и насть, прославляющихъ днесъ святое имя твое: се бо, аще и многогрѣши есмы, обаче не хощемъ въ беззаконіихъ нашихъ погибнуть, но еже обратитися ко Господу и оживленнымъ быти отъ Него на дѣла благая. Озари убо умъ нашъ свѣтомъ лица Божія, иже выну сіаетъ на молніевидномъ челѣ твоемъ, да возможемъ разумѣти, что есть воля Божія о насть благая и совершенная, и вѣдѣти вся, яже подобаетъ намъ творити, и яже презирати и оставляти. Укрѣпи благодатію Господнею слабую волю и немощное произволеніе наше, да утвердившееся въ законѣ Господнемъ, престанемъ прочее влятия земными помыслы и похотг҃ніями плоти, увлекаясь, по подобію несмысленныхъ дѣтей, скорогибнувшими красотами міра сего, яко ради тлѣннаго и земнаго безумнѣ забывати вѣчнай и небеснай. Надъ всѣми же сими испроси намъ свыше духъ истиннаго покаянія, нелицемѣрную печаль по Бозѣ и сокрушеніе о грѣсѣхъ нашихъ, да остающееся намъ число дней временнаго живота нашего, иждивемъ не во угожденіи чувствъ и работѣ страстемъ

нашимъ; но во изглажденіи злѣ содѣянныхъ нами слезами вѣры и сокрушенія сердечнаго, подвигами чистоты и святыми дѣлами милосердія. Егда же приблизится часть скончанія нашего и свободженія отъ узъ бренного сего тѣлесе, не остави насъ, Архангеле Божій, беззащитныхъ противу духовъ злобы поднебесныхъ, обыкшихъ преграждати душѣ человѣчествѣ восходь въ горняя, да охраняеми тобою, безпрѣкновеннѣ достигнемъ оныхъ преславныхъ селеній райскихъ, идѣже нѣсть печаль, ни вздоханіе, но жизнь безконечная, и сподобльшеся узрѣти пресвѣтлое лицѣ всеблагаго Господа и Владыки нашего, падше со слезами у ногу Его, въ радости и умиленіи восклікнемъ: слава Тебѣ, дражайшій Искупителю нашъ, иже за премногую любовь твою къ намъ недостойнымъ, благоволилъ еси послати Ангелы твоя въ служеніе спасенію нашему! Аминь.

По седьмъ: Достойно есть, и прече, и обычный отпустъ.

АКАӨИСТЬ

КЪ ПРИЧАЩЕНИЮ СВЯТЫХЪ ТАИНЪ.

Конданъ 1.

Избранный Женише душъ и сердецъ, вочеловѣченіемъ своимъ и смертю на крестѣ обручивый Себѣ на вѣки весь родъ человѣчъ, и давый намъ въ залогъ вѣчныя жизни самое пречистое Тѣло и Кровь свою, се по гласу твоему и азъ недостойный, дерзая прихожду къ Божественной трапезѣ твоей, и поражень величиемъ ея, вопію: Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Ікосъ 1.

Ангела твоего къ провидцу Исаіи со углемъ горящимъ отъ алтаря небеснаго послалъ еси, во еже очистити тѣмъ устнѣ его, егда видѣвъ Тя, сѣдѧща на престолѣ, о нечистотѣ своей сокрушающеся: азъ же оскверненный душею и тѣломъ, како дерзну приступити ко причащенію Божественныхъ твоихъ Таинъ, аще не Ты самъ очистиши мя свыше; тѣмъ же изъ глубины души вопію Ти: Іисусе всеблагій, коснися огнемъ благодати твоей и моихъ нечистыхъ устенъ! Іисусе, попали терніе моихъ многихъ прегрѣшений! Іисусе, созижди во мнѣ сердце чисто, и обнови во утробѣ моей духъ правый! Іисусе, изведи изъ темницы страстей бѣдную душу мою! Іисусе, потреби во мнѣ нечистые помыслы и злые похотѣнія! Іисусе, направи слабыя стопы моя на

путь заповѣдей твоихъ! Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 2.

Желаніемъ возжелавъй ясти со ученики послѣднюю предъ страданіемъ твоимъ пасху, да преподаси имъ среди нея послѣдній и наибольшій залогъ любви твоей, и прежде двою дніе предъ послалъ еси двоя отъ нихъ во Іерусалимъ, да шедше уготовають ю. Поучаяся отсюда, како и намъ подобаетъ благовременнѣ уготовляти себе къ снѣденію нашей Божественныя пасхи, си-рѣчъ, Тѣла и Крови твоей, благодарственно зову Ти: Аллилуіа!

Ікосъ 2.

Иззуй сапоги отъ ногу твою, земля бо, на ней же стоши, свята есть, рекль еси Мусею изъ купины, горѣвшай и несгоравшей, отъ невидимаго во оной присутствія твоего. Сосудъ съ божественнымъ Тѣломъ и Кровью твою во истину болѣе и святѣе неопалимыя купины есть: азъ же перстень, нечистъ, проданъ подъ грѣхъ: тѣмъ же со смиреніемъ и вѣрою воню Ти: Іисусе всемогущій, совлеки мя ветхаго человѣка съ дѣяньями его! Іисусе, умертви сѣмя тли во мнѣ гнѣздящееся! Іисусе, расторгни узы грѣха, илиже связа мя врагы! Іисусе, подаждь ми сердце смиленно и духъ сокрушенъ! Іисусе, отжени отъ мене искушеніе и соблазны! Іисусе, утверди мя въ вѣрѣ и любви къ Тебѣ! Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 3.

Отцы ваши ядоша манну въ пустыни и умроша: Азъ есмь хлѣбъ, сходяй съ небесе, да аще кто ясть отъ него, живъ будеть во вѣки; и хлѣбъ, его же Азъ дамъ; плоть моя есть, юже Азъ дамъ за животъ мїра,—рекль еси іудеомъ, искавшимъ видѣти отъ Тебе знаменіе съ небеси, подобное маннѣ Мусеевої: еже мы слышаще и событие предреченаго видяще, со страхомъ зовемъ: Аллилуіа!

Ікосъ 3.

Воставъ съ вечери, якоже повѣствуетъ св. Іоаннъ, и препояясався лентіемъ, умыль еси ноги ученикомъ, научая симъ, да

не приступаемъ къ Божественнѣй трапезѣ твоей неомытые слезами покаянія во грѣхахъ нашихъ. Ощущая презѣльную нужду сего таинственного омовенія, и скудость слезъ ожесточеннаго сердца моего, съ Петромъ вопію Ти: Іисусе преблагай, самъ ми омый не нозѣ токмо, но и руцѣ и главу! Іисусе, обнажи предо мною бездну душевнаго моего растлѣнія! Іисусе, разверзи во мнѣ источникъ сокрушенія сердечнаго! Іисусе, ороси мя каплями твоего милосердія! Іисусе, обвѣй мя страхомъ суда и мукою вѣчныхъ! Іисусе, возбуди совѣсть, спящую во мнѣ, и укрѣпи гласъ ея! Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 4.

Не сей ли есть Іисусъ, сынъ Іосифовъ, его же мы знаемъ отца и матерь; како убо глаголеть сей, яко съ небесе снidoхъ; И како можетъ дати намъ плоть свою ясти; — глаголаху между собою жидове, услышавъ о преславномъ обѣщаніи твоемъ дати-ся въ снѣдь вѣрнымъ, не вѣдуще по окамененію сердцеъ сво-ихъ, со смиренiemъ вѣровати и взывать къ Тебѣ: Аллилуia!

Ікосъ 4.

Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго и не пите крове Его, живота не имате въ себѣ, провѣщааль еси косымъ, во еже вѣрбовати іудеомъ, еже слово жестоко къ слышанію показася и нѣ-кіимъ отъ ученикъ твоихъ, невѣдущимъ еще тайнъ царствія Божія: мы же, озаренные свѣтомъ Евангелія и откровеннымъ ли-цемъ божественную славу твою зряще, съ вѣрою и любовию зовемъ Ти: Іисусе, вся могій величествомъ силы и державы твоей! Іисусе, творяй и совершаяй паче, неже можемъ разумѣти и помыслити! Іисусе, манну съ неба, нѣкогда въ знаменіе настоящаго таинства, одождивый! Іисусе, къ прообразованію то-гожде воду изъ камени источивый! Іисусе, облако крастелей въ напитаніе алчущимъ, въ пустыни, іудеомъ пославый! Іисусе, предъ очю самихъ сомнѧщихся іудеевъ, пятію хлѣбы пять тысячи народа насытивый! Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 5.

Ядущимъ на вечери ученымъ, пріемъ хлѣбъ, благословивъ и преломивъ, подалъ еси имъ, рекъ: пріимите, ядите, сіе есть

Тѣло мое, за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ; потомъ же чашу подавъ, рекль еси: пейте отъ нея вси: сія есть Кровь моя, за вы изливаемая, во оставленіе грѣховъ. Сему Божественному и пресладкому гласу внемлюще, со благодареніемъ зовемъ: Аллилуia!

Ікосъ 5.

Ядый мою Плоть и піай мою Кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ; той имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день, си есть въ воскресеніе живота и блаженства: сего убо вожделѣннаго воскресенія въ животъ ища сподобитися, изъ глубины вопію ти: Іисусе, приблизися къ ищущему соединенія съ Тобою! Іисусе, вниди во утробу, во вся составы и вся кости моя! Іисусе, наполни собою ненасытимую всѣмъ міромъ бездну моего сердца! Іисусе, вѣщай гласомъ моей совѣсти! Іисусе, движи и управляй моею волею! Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 6.

Аминь, аминь глаголю вамъ: единъ отъ васъ предасть Мя, рекль еси въ скорби духа ученикомъ твоимъ на вечери. Они же, аще и чисти отъ замысла преданія, еда азъ есмъ, вопрошаху Тя кійждо, показуя симъ глубину своего смиренномудрія. Азъ же что реку Ти, седмижды на день падай и измѣняй Тебѣ; обаче Ты самъ соблюди мя, да не отпаду въ конецъ, взывая Ти благодарнѣ: Аллилуia!

Ікосъ 6.

Яко же розга не можетъ плода творити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете: а иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворить плодъ многъ: си це тайнодѣйствующа, поучалъ еси возлюбленные ученики твоя на пути въ Геесиманію. Сему убо наставлению внемля и вѣдый не моющъ естества моего безъ благодати твоей, прилежно вопію Ти: Іисусе, пренебесный дѣлателю, самъ мя всади въ живоносный вертоградъ твой! Іисусе, лоза истинная, прикрѣпи мя къ Тебѣ, яко розгу дикую! Іисусе, кореню неизсыхающій исполни мя скомъ жизни вѣчныя! Іисусе, побѣдителю всякия мертвенностіи,

отреби еже изсохло есть во мнѣ отъ зноя страстей! Іисусе, красный добротою, украси мя цвѣтами благихъ чувствъ и помышленій! Іисусе, богатый въ милости, ущедри мя плодами истиннаго покаянія и правды! Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣку!

Кондакъ 7.

И, кто есть предай Тя, вопросившу ученику, иже возложе на вечери на персяхъ твоихъ,—той есть, отвѣщалъ еси, ему же Азъ, омочивъ въ солило хлѣбъ, подамъ; и омочь хлѣбъ подаль еси Іудѣ Симоновому Искарютскому, подвизая его на покаяніе: онъ же ожесточенъ сый духомъ злобы, не восхотѣ разумѣтигласа любви своего Учителя и Господа: какового жестокосердія да буду избавленъ благодатію твою, зовя Ти выну: Аллилуіа!

Ікосъ 7.

Щадя немощь естества нашего, отвращающагося вкушенія плоти человѣческой, не явѣ, но подъ видомъ хлѣба и вина благоволилъ еси преподати намъ пречистое Тѣло и Кровь твою. Чудяся о таковомъ снисхожденіи премудрости твоей къ немощи естества нашего, благодарнѣ словословию Тя сице: Іисусе, премудрѣ и человѣкомолюбнѣ строяй все дѣло спасенія нашего! Іисусе, самыя спасительныя таинства твои приспособляй къ немощи нашего разумѣнія и чувствъ! Іисусе, во увѣреніе сомнѣющихся, на святой трапезѣ многажды вмѣсто хлѣба и вина самое Тѣло и Кровь твою проявивый! Іисусе, достойнымъ служителямъ алтаря Духа Пресвятаго, на освященіе даровъ сходяща, показавый! Іисусе, вмѣсто недостойныхъ служителей алтаря ангеловъ твоихъ невидимо, для совершеннія божественнаго таинства, посыпаяй! Іисусе, явленіемъ чудесъ на св. трапезѣ, многія изъ самыхъ зловѣрныхъ къ вѣрѣ обративый! Іисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣку!

Кондакъ 8.

И по хлѣбѣ, сирѣчъ, по вкушенію отъ поданного Тобою хлѣба предателю, якоже повѣствуетъ св. Іоаннъ, видѣ въ онъ сатана, Оле страшныя казни за невѣріе! Оле злополучнаго жребія предателя! Еже во спасеніе долженствовало быти, въ смерть и поги-

бель ему обрѣтеся! Предъ таковыи убо судомъ правды твоей благоговѣя, со страхомъ и трепетомъ зову Ти: Амилуїа!

Ікосъ 8.

Сіе творите въ мое воспоминаніе, рекль еси ученикомъ на вечери, преподавъ имъ подъ видомъ хлѣба Тѣло, а подъ видомъ вина Кровь свою. Тѣмъ же убо, елижды отъ хлѣба ядимъ и отъ чаши піемъ, смерть твою возвѣщаємъ, по слову св. Павла. Воспоминая убо нынѣ страданія твоя со умиленіемъ, зову Ти: Іисусе, въ руцѣ враговъ твоихъ для спасенія міра Себе произвольнѣ предавый! Іисусе, легіономъ ангеловъ въ зашиту твою явитися не попустивый! Іисусе, невѣрного ученика воззрѣніемъ на него и гласомъ алектора къ покаянію обративый! Іисусе, Каіаѳѣ и Пилату, неразумнѣ вопросившимъ Тя, отвѣта не давый! Іисусе, со креста распеншимъ Тя у Отца отпущеніе грѣховъ просивый! Іисусе, Матери твоей возлюбленного ученика премилосерднѣ усыновивый! Іисусе, Боже сердаца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣку!

Конданъ 9.

Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши, воззвалъ еси горуцѣ къ ученику невѣрному, егда онъ пріиде со спирою въ вертоградъ Геѳсиманскій, ища предати Тя лобзаніемъ. Обаче и сей преострый глаголъ не порази раскаяніемъ души, во злѣ ожесточенныхъ. Вѣдый убо непостоянство и моей воли, страшуся, да не дамъ Ти когда и азъ неблагодарный лобзанія Іудина: Ты самъ убо укрѣпи мя благодатію твою, да съ благоразумнымъ разбойникомъ выну зову: Амилуїа!

Ікосъ 9.

Отче, да вси едино будуть, якоже Ты во мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и ти въ Насъ едино будуть, да и міръ вѣру иметъ, яко Азъ отъ Тебе изыдохъ, тако возгласиль еси въ послѣдней великой молитвѣ къ Отцу. Сему пресладкому гласу Твоему послѣдуя и о силѣ молитвы твоей дерзая, съ вѣрою возглашаю Ти: Іисусе, вся совокупляй во едино, воссоедини всѣхъ насть неразлучнѣ съ Тобою и Отцемъ твоимъ! Іисусе, вся примиряй, дааждь, да будемъ вси единомысленни въ вѣрѣ и любви къ Тебѣ! Іисусе, не терпяй вражды и раздѣленій, потреби злочестивыя ереси

и расколы! Иисусе, всѣхъ любяй и милуяй, собери во едино стадо вся заблудшія овцы! Иисусе, миръ всѣмъ подавай, утоли зависть и пререканіе между призывающими имя твое! Иисусе, причащай мя самаго Тѣла и Крови твоей, да буду воистину плоть отъ плоти и кость отъ костей твоихъ! Иисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 10.

На вечери, въ Канѣ Галилейскѣй, воду въ вино претворивъ, первое симъ знаменіе Божественныхъ силы твоей показалъ еси. Отходя же на крестъ, яко женихъ душъ, послѣднее чудо любви вѣрующимъ въ Тя явилъ еси, претворивъ хлѣбъ въ Тѣло Твое и вино въ Кровь Твою, имиже насыщаяся и азъ въ животъ вѣчный, благодарнѣ зову Ти: Амилуїа!

Ікосъ 10.

Въ день воскресенія твоего, двою отъ ученикъ твоихъ спутешествуя во образѣ странника въ Еммаусъ, поучалъ еси ихъ о тайнѣ страданій твоихъ: онѣма же держастася очи, да Тя не познаста, аще и сердце ихъ горя бѣ въ нихъ отъ сладости словесъ твоихъ. Егда же преклонъся на моленіе ихъ, вшелъ еси съ ними облещи, и благословивъ хлѣбъ, подалъ еси имъ: аbie отверзостася има очи, да Тя познаста. Подобясь симъ ученикамъ, дерзаю и азъ со смиреніемъ вознести къ Тебѣ сицевый гласъ: Иисусе долготерпѣливый, не остави и мене единаго на пути жизни за скудость вѣры моей! Иисусе, научи мя, якоже и онѣхъ, разумѣти пророчествія о Тебѣ и тайну благодатнаго соединенія съ Тобою! Иисусе, согрѣй и воспламени, якоже онѣхъ учениковъ, и мое хладное сердце! Иисусе преблагай, облязи и со мною, яко уже преклонился есть къ вечеру день моей жизни! Иисусе, даждь ми познати Тя воистину въ настоящемъ преломленіи таинственного хлѣба и въ питіи отъ чаши! Иисусе, сотвори, да и азъ, познавъ силу любви твоей, буду провозвѣстникомъ оныя для братій моихъ! Иисусе, Боже сердца моего, пріди и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 11.

Побѣждающему обѣщалъ еси дати ясти отъ древа животнаго, еже есть посреди рая Божія, и отъ манны сокровенныя. Къ сему

вкушенію на небеси, да будеть ми пріуготовленіемъ на земли причащеніе Тѣла и Крови твоєя, къ нему же азъ недостойный, нынѣ приступая, зову: Амилуїа!

Ікосъ 11.

Ядай и ріяй недостойнѣ, судъ себѣ ясть и піеть, не разсуждаяй Тѣла и Крови Господни, вразумляєть приступающихъ къ причащенію небошественный Павель: тѣмъ же и азъ страшусь и трепещу своего недостоинства, но да не надолзѣ удался твоего общенія, отъ мысленного волка звѣроуловленъ буду, приходжу къ Тебѣ со гласомъ таковимъ: Іисусе, пріими мя, якоже пріялъ еси мытаря, блудницу и разбойника! Іисусе, не возгнушайся внути подъ кровъ души моєя, аще и весь пустъ и пался есть! Іисусе, разверзи и моя душевныя очи, якоже разверзъ еси слѣпу отъ рожденія! Іисусе, прорцы и мнѣ, якоже оному разслабленному: востани и ходи! Іисусе, устави токъ нечистыхъ пожеланій души моєя, якоже уставилъ еси токи жены кровоточивыя! Іисусе, уврачуй проказу души и совѣсти моєя! Іисусе, Боже сердца моего, пріими и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 12.

Завистю діавола, усты змія глаголавшаго, весь родъ человѣческій вкушеніемъ отъ плода запрещенного рай погуби и смерти предадесь. Вкушеніемъ же отъ пречистаго Тѣла и Крови твоєя вси земнородніи паки вѣчныя сподобляются жизни и восходятъ на первое достояніе. Врачевство бо отъ яда зміна и сѣмля бессмертія есть причащеніе животворящихъ Таинъ твоихъ: тѣмъ же благодарнѣ зову Ти: Амилуїа!

Ікосъ 12.

Се, предъ сосудомъ съ Божественными Тайнами твоими предстою, злыхъ же помышленій моихъ не отступаю; едина все-могущая благодать твоя ободряетъ и привлекаетъ мя: тѣмъ же, повергая себя въ бездну милосердія твоего, вопію: Іисусе, призываї къ покою въ Тебѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, пріими и мене, утруженного суетою міра! Іисусе, пришедый призвати не праведныхъ, но грѣшныхъ на покаяніе, разрѣши и мя отъ грѣховъ и страстей моихъ! Іисусе, исцѣляй всякий недугъ и всякую язву, уврачуй раны и гноеніе души моєя! Іисусе, насы-

щаяй алчущія, насыти мя Тѣломъ и Кровію твою! Іисусе, воскрешаяй мертвых, оживи мя, умершаго грѣхами! Іисусе, побѣдителю ада, извлечи мя изъ челюстей духа злобы! Іисусе, Боже сердца моего, пріими и соедини мя съ Тобою на вѣки!

Кондакъ 13.

О пресладкій и всещедрый Іисусе, выну сходяй, яко манна съ небесе, для питанія душъ и сердецъ нашихъ въ таинствѣ пречистаго Тѣла и Крови твоєя, сподоби мя неосужденно причаститися Божественныхъ Таинъ твоихъ, да исцѣленъ, насыщенъ, освященъ и обоженъ Тобою на вѣки, благодарно зову Ти: Алилуя!

КОНЕЦЪ ОСЬМАГО ТОМА.